

Луиза Дорнеман



ЖЕННИ МАРКС



Luise Dornemann

Jenny Marx

Der Lebensweg einer Sozialistin



Dietz Verlag Berlin 1978

Луиза
Дорнеман

ЖЕННИ МАРКС

Москва
Издательство
политической литературы
1988

ББК 13.2

Д68

*В 1968 году эта книга
была отмечена литературной премией
Демократического союза женщин Германии*

Д $\frac{0103010000-195}{079(02)-88}$ 63—87

ISBN 5—250—00122—X

С Dietz Verlag Berlin 1968

Перевод
на русский язык,
примечания

© ПОЛИТИЗДАТ, 1988 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Время, в которое жила Женни Маркс, дало миру немало известных женских имен. Разбуженные и вдохновленные призывом революционно настроенной части буржуазии к свободе и равенству, наиболее передовые женщины подняли голос протеста против векового угнетения своих соотечественниц, начали активную борьбу за свое право на участие в общественной и политической жизни. Примеру таких великих женщин — знаменосцев французской революции, как Олимпия де Гуж и Теруань де Мерикур и тысячи безымянных женщин и девушек, участвовавших в те годы в революционных выступлениях своего народа и организовывавшихся в революционные женские клубы, последовали другие выдающиеся женщины. Это были инициаторы борьбы за освобождение негров, как, например, американки Гарриет Бичер-Стоу и Люси Стоун; сторонники преобразований, как, например, англичанки Флоренс Найтингейл, которая, кстати, была любимой героиней Женни Маркс, и Элизабет Фрей; борцы за социальную справедливость, как, например, француженка Флора Тристан, и не в последнюю очередь женщины-коммунарки и русские революционерки, активно участвовавшие в движении народников.

И в революции 1848 года в Германии некоторые женщины сыграли определенную роль. Никогда не будут забыты борцы за свободу Эмма Гервег и Амалия фон Струве, демократка и гуманистка Мальвида фон Майзенбург, а также Луиза Отто-Петерс, стоявшая у истоков немецкого буржуазного женского движения.

Женни Маркс не сражалась на баррикадах и не произносила речей с ораторской трибуны; не самостоятельно она пришла к участию в общественной жизни. Но она была первой в истории женщиной, понявшей законы общественного развития, убежденной в силе и историческом предназначении рабочего класса и сознательно связавшей свою жизнь с революционной борьбой за социализм. Она, как человек, глубоко усвоивший марксизм, была на высоте исторических задач своего времени. Поэтому ее имя принадлежит к плеяде славных женских имен в истории человечества, и среди женщин-героинь XIX века она нам ближе всех как человек, проложивший путь новому времени.

Будучи скромной и крепко связанной с простыми людьми, Женни Маркс никогда не кичилась тем, что было сделано ею как сподвижницей и соратницей ее мужа для социалистического движения. Доля же ее участия в борьбе за формирование и развитие марксистского движения была значительной. В «Истории немецкого рабочего движения» она справедливо названа в числе выдающихся женщин, стоявших у истоков революционного рабочего движения.

Буржуазные авторы, писавшие о женщинах XIX века, молчанием обходили имя коммунистки Женни Маркс. К сожалению, жизнь и деятельность этой славной женщины Германии, социалистки, пользовавшейся высоким авторитетом у соратников по борьбе, долгое время оставались не замеченными также в рабочем движении. И только Франц Меринг и Клара Цеткин воздвигли ей достойный памятник, показав ее жизнь и деятельность во многих своих произведениях. В 1933 году их примеру последовала советская писательница П. Виноградская. Развивавшийся в эпоху империализма ревизионизм, извращавший сущность учения Маркса и Энгельса и умалявший заслуги основоположников научного социализма, затушевывал также личность спутницы жизни Карла Маркса.

В наши дни, когда учение Карла Маркса претворяется в

жизнь на одной трети планеты, а имена Маркса, Энгельса и Ленина еще ярче освещают человечеству путь вперед, деятельность жены и соратницы Маркса получает полное и справедливое признание. Сотни тысяч женщин во всех странах с любовью и почтением относятся к Женни Маркс как борцу за наше новое, социалистическое общество, как великой гуманистке, как женщине благородной души, образцово сочетавшей в себе черты жены и матери, черты, воплощавшие социалистические идеалы.

Уже в 1953 году автор смогла подготовить небольшую книгу о жизни Женни Маркс, которая нашла своих читателей и далеко за пределами Германской Демократической Республики. Пусть же эта биография, написанная на основе обширных, частью новых материалов, поможет еще более широким массам познакомиться с жизнью этой великой женщины Германии.

Автор сердечно благодарит всех, кто в процессе работы над книгой своими советами и замечаниями оказывал товарищескую помощь и поддержку. Это относится в первую очередь к руководству, а также к сотрудникам Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ, и в частности товарищам Оскару Хофману и Рихарду Шперлю. Автор не менее благодарна сотрудникам Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и особенно сотрудникам Центрального партийного архива.

Берлин, сентябрь 1967 года.

Луиза Дорнеман

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

С момента выхода в 1967 году этой книги стали известны многие новые факты из жизни Женни Маркс и ее семьи. Автор имеет в виду прежде всего заслуживающие большого внимания исследования Ивонны Кэпп из Лондона, посвященные Элеоноре Маркс, и исследования д-ра Хайнца Монца из Трира о семье фон Вестфален и Елене Демут. Книга Конрада фон Крозигка, потомка той самой семьи фон Крозигков, чьей невесткой была сводная сестра Женни Лизетта, также содержит новый документальный материал о самой Женни. Исходя из этого, автор сочла необходимым переработать отдельные части своей книги. Одновременно учтены и высказанные в адрес предыдущих изданий различные критические замечания, которые с благодарностью приняты.

Кроме того, идя навстречу пожеланиям читателей, автор расширила повествование о дочерях Женни. Наряду с Ивонной Кэпп она обязана этим фактам прежде всего московским авторам Ольге Воробьевой и Ирме Синельниковой.

Фоторепродукция с приписываемого Вильгельму фон Кюгельгену портрета, на котором изображен, согласно достоверным фактам, Иоганн Людвиг фон Вестфален, была любезно предоставлена автору господином д-ром Адальбертом Брауэром из Франкфурта-на-Майне.

Сердечную благодарность за помощь в переработке книги автор приносит редактору Габриэле Штамбергер.

Берлин, октябрь 1974 года.

Луиза Дорнеман

ПРЕДИСЛОВИЕ К СЕДЬМОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

В Государственном архиве города Магдебурга в результате тщательных поисков были обнаружены недавно ценные материалы, имеющие большое значение для международного марксоведения, в том числе и восемь писем, написанные рукой Женни Маркс, которые существенно расширяют круг наших знаний о ней самой, о жизни ее семьи, и в частности о ее брате Эдгаре.

Предлагаемое вниманию читателей седьмое издание книги знакомит с этими новыми материалами.

Берлин, январь 1978 года.

Луиза Дорнеман

Карл и Женни Маркс



Мой милый сердцем овладел моим
И дал свое мне, рухнув на колени:
Я им любима, мною он любим,
Я счастье обрела в таком обмене.
 О, сердце друга, ты хранишь меня,
 Как если бы я родилась с тобою,
 Мое стучит в его груди, храня
 Любимого и став его судьбою.
В моих глазах он видит скорбь и горе,
Когда я вижу, что страдает друг;
Читаю муку я в любимом взоре,
Когда в моем он видит отблеск мук.
 Мы оба счастьем счастливы одним:
 Ведь мы сердцами обменялись с ним ¹.

Если человечество за всю свою историю когда-либо знало двух людей, к которым так непосредственно относились бы эти строки старинного английского сонета, то это были Карл и Женни Маркс.

Немного найдется человеческих судеб, способных так искренне трогать, так глубоко волновать и так увлекать, как судьба основоположника научного коммунизма Карла Маркса и спутницы его жизни Женни Маркс, прошагав-

ших рука об руку не одно десятилетие, непоколебимо веря в победу рабочего класса.

Карл Маркс был титаном мысли, несгибаемым борцом, непреклонным в идейной схватке с противником, человеком, как выразился Франц Меринг, великой мощи и сурового величия². Он предъявлял высокие и даже высочайшие требования как к самому себе, так и к женщине, которую любил. Вместе с тем он был надежным другом и товарищем, всегда готовым прийти на помощь, любящим мужем и отцом. Женни была достойна его. Она до преклонных лет не утратила своего женского обаяния, оставалась такой же энергичной, полной жизненных сил, жизнерадостной и оптимистически настроенной, настоящей революционеркой. Ее богато одаренная натура, смелый критический ум, величайшая преданность идеалам рабочего класса имели неоценимое значение для дела, которому ее муж посвятил всю свою жизнь.

Так Карл и Женни Маркс вместе постигали жизнь, вместе поднимались к ее духовным вершинам, вместе мужали и боролись, взаимно обогащали и дополняли друг друга. Их союз — это был союз двух людей, готовых на любые жертвы ради друг друга и умеющих ценить эти жертвы, людей, живущих постоянной заботой и участием в отношении друг друга, людей, чьи сердца были слиты воедино, а достижение великой цели — завоевание социализма — являлось их обоюдной внутренней потребностью и обоудным стремлением. «Не будет преувеличением, если я скажу, что без Женни фон Вестфален Карл Маркс никогда не мог бы стать тем, кем он был». Так писала одна из тех, кто был ближе всех к Женни и Карлу и кто знал их лучше всех, — младшая дочь Элеонора. «Никогда еще две жизни — и обе такие замечательные — не были так тесно связаны, дополняя одна другую.

Своей необычайной красотой — красотой, которой Маркс всегда восхищался и гордился до конца жизни и которая приводила в восторг таких людей, как Гейне, Гервег и Лассаль, своим умом и остроумием, столь же блестящими,

как и красота ее, Женни фон Вестфален выделялась из тысяч.

Маленькими детьми Карл и Женни играли вместе; юношей и девушкой — он семнадцати лет, она двадцати одного года — они были помолвлены, и как Иаков за Рахиль, так и Маркс «отрабатывал» семь лет, прежде чем они поженились. Затем во все последующие годы бури и натиска, изгнания, крайней бедности, клеветы, суровой и отважной борьбы эти два человека вместе с их верным и надежным другом, Еленой Демут, никогда не отступали, никогда не уклонялись, всегда выполняли свой долг, всегда на опасном посту. Поистине Маркс мог бы сказать о ней словами Браунинга:

Навек она стала невестой моей.
Ни случай не может любовь изменить,
Ни время — ослабить ее»³.



СЕМЬЯ ФОН ВЕСТФАЛЕН

Женни Маркс вышла из тех кругов общества, в которых считалось преступлением всякое выступление в защиту народа. Вот почему путь к рабочему классу стоил ей больших внутренних усилий и тяжелой борьбы с окружающим ее миром. Будучи урожденной баронессой фон Вестфален, Женни принадлежала к высшей прусской аристократии. Ее старший сводный брат Фердинанд фон Вестфален, человек предельно консервативных взглядов, пользовался репутацией типичного представителя прусского реакционного юнкерства. В мрачные годы реакции, наступившие после поражения революции 1848—1849 годов, он преуспел по службе, занял пост министра внутренних дел Пруссии и был одним из инициаторов жестоких мер, принятых правительством против сил демократии и причинивших столько тяжелых страданий также его сестре. Старшие сводные сестры Женни Лизетта и Франциска также были целиком на стороне реакции. Лизетта фон Вестфален, выйдя замуж за графа фон Крозигка, стала настоящей прусско-юнкерской помещицей и, следуя семейной традиции Крозигков, вела жизнь набожной до фанатизма женщины. Франциска, оставаясь незамужней, умерла в Берлине в глубокой старости.

Но в семье жили и прогрессивно-гуманистические традиции. Их носителем являлся отец Женни, оказавший большое влияние не только на своих младших детей, но и на самого Карла Маркса, который был многим обязан своему тестю.

Дед Женни по отцовской линии, чье имя произносилось в семье с большим уважением, был яркой личностью в среде бурно зарождавшегося немецкого бюргерства. Его звали просто Филипп Вестфален, и в немецкой истории он был первым гражданским военным стратегом, человеком большого ума, «Гнейзенау Семилетней войны», как назвал его Франц Меринг. Вместе с тем он был достойным представителем своего класса, человеком, по отзывам современников, презиравшим низкопоклонство перед князьями и дворянами, не терявшим чувства собственного достоинства и чести, простым в общении, сохранявшим бодрость духа в трудных ситуациях и неустанным в работе.

Его большие способности и свойства характера продолжали жить в Женни Маркс. Франц Меринг, по достоинству оценивший личность Филиппа Вестфалена в своих литературных трудах, подчеркивал, что Женни была внучкой этого великого человека не только по крови, но и по духу.

Филипп Вестфален был выходцем из городской семьи, не одно поколение которой состояло на службе у герцогов Брауншвейгских. Сам Филипп, совершивший после завершения учебы в университете длительное путешествие по Европе, был принят, как человек высокообразованный, на пост личного секретаря герцога Фердинанда Брауншвейг-Вольфенбюттеля. Его великий час настал, когда герцог, состоявший на военной службе у Фридриха II Прусского, принял в период Семилетней войны командование немецко-английскими войсками. Фердинанду было поручено выступить против французских армий, которые заняли западную часть Германии. Он разбил численно превосходящие силы врага, совершив пять боевых походов. Последняя битва

произошла под Минденом. Но Фердинанд — как это доказано в ходе исследований — не мог бы добиться такого успеха без своего личного секретаря. Если герцог был отменным солдатом и командиром, то Вестфален — блестящим стратегом, разрабатывавшим планы походов и битв, обеспечивавшим их осуществление и помогавшим в ходе операции в их корректировке. Одновременно он был генерал-провиантмейстером армии. Когда король Англии хотел назначить Филиппа Вестфалена генерал-адъютантом своих войск, его гражданская гордость не позволила ему принять этот высокий воинский титул, хотя служба среди офицеров-дворян была отнюдь не легким делом. Герцог, человек достаточно проницательный и лишенный всяких предрассудков, не мог не признать гений своего личного секретаря и не доверять ему полностью. До конца жизни между ними сохранялись дружеские отношения.

Открытый, выходящий за рамки немецкой педантичности характер Филиппа проявился и в его выборе спутницы жизни. Дженни Уишард оф Питтероу принадлежала к высшему дворянству Шотландии. По материнской линии она происходила из известной шотландской семьи Кемпбелл, о которой Вальтер Скотт упоминает в некоторых своих романах. Один из предков этой семьи, Арчибальд Аргайл, как заметил Карл Маркс в своей работе «Господин Фогт», был обезглавлен на рыночной площади в Эдинбурге как предводитель восстания против английского короля — реакционера Якова II.

Филипп Вестфален познакомился с Дженни в походном лагере герцога, где она навещала свою сестру, жену английского генерала Бэквита. Он страстно влюбился в молодую шотландку, столь же прелестную, сколь мужественную и благородную. На его любовь она ответила любовью. Они поженились в Везеле, когда война еще продолжалась. Ради Дженни он принял титул имперского дворянина, пожалованный ему герцогом. После завершения походов супруги приобрели себе скромное поместье в Борнуме под Кенигс-

люттером, откуда переселились позднее в большее поместье Блюхер под Боиценбургом в Мекленбурге.

Здесь в 1792 году Филипп фон Вестфален умер. Дженни, на много пережившая своего мужа, провела последние годы своей жизни у сына Людвиг фон Вестфалена в Зальцведеде. Женни так и не довелось увидеть бабушку, чьим именем она была названа. За три года до рождения внучки она почилла вечным сном. Но ее образ ощущался в семье гораздо сильнее, чем образ деда. И даже для детей Маркса ее имя было все еще окружено волшебным романтическим ореолом.

От Дженни Уишард перешли по наследству к семье Маркса ставшие исторической реликвией изделия из серебра и камчатной ткани. Правда, они довольно часто перекочевывали в ломбард, чтобы спасти семью от голода или чтобы семья Маркса могла иметь средства, которые требовались на политическую борьбу. На серебряных изделиях был изображен герб семьи Аргайла, и поэтому неудивительно, что однажды у одного англичанина, владельца ломбарда, появились даже подозрения относительно того, каким образом эти драгоценные вещи, принадлежавшие семье, приближенной к королевскому дому, могли попасть в руки бедных немецких эмигрантов, и он хотел даже задержать Маркса.

Людвиг фон Вестфален, отец Женни, был самым младшим из четырех сыновей Филиппа и Дженни. И хотя он не достиг тех высот, каких достиг его отец, он был близок ему по духу. Как и отец, Людвиг фон Вестфален являлся человеком прогрессивных взглядов, проявлял живой интерес к тем новым идеям, которые зарождались во Франции. Так, после поражения Пруссии в войне 1806—1807 годов он поступил на службу в королевстве Вестфалия, основанном Наполеоном. Занимал вначале пост начальника префектуры Хальберштадта, затем — в августе 1809 года — был назначен французским унтер-префектом в Зальцведеде.

В ДОМЕ ТАЙНОГО СОВЕТНИКА В ЗАЛЬЦВЕДЕЛЕ

Уже овдовевшим и с четырьмя детьми на руках тридцатидевятилетний Людвиг фон Вестфален въехал в красивый дом в стиле барокко, расположенный на нынешней Женни-Марксштрассе в Зальцведеле, чтобы приступить к своим служебным обязанностям. Самому младшему сыну, Вернеру, было шесть лет. Жена Людвига, Лизетта, урожденная фон Вельтгейм, умерла два года назад.

В Зальцведеле Вестфален женился второй раз. 30 апреля 1812 года обвенчался с Каролиной Гейбель. Она была родом из Тюрингии, из семьи, выходцы которой — чиновники и офицеры. Ее отец, Юлиус Гейбель, родился в Шварцбурге и в юности был конюхом при княжеском дворе в Шварцбург-Рудольштадте. Но вскоре переехал в Зальцведель. В церковном свидетельстве о браке он был указан как бывший конюх кирасирского полка, размещавшегося в Зальцведеле. Каролина, красивая и умная женщина, кстати сказать, двоюродная сестра готского книго-торговца Фридриха Пертеса, с которым супруги Вестфален находились позднее в близких отношениях, с любовью приняла оставшихся без матери детей Вестфалена и была, как потом однажды писала Женни, счастьем его жизни.

12 февраля 1814 года у супругов родилась дочь. Девочку окрестили, как гласит запись в регистрационной книге церкви святой Марии в Зальцведеле, Иоганной Бертой Юлией Женни. Присутствовавшие на крестинах друзья семьи могли желать своей крестнице только одного — чтобы на ее долю выпали более спокойные дни, чем те, которые они пережили сами, ибо маленькой Женни было суждено появиться на свет в тяжелое и бурное для отечества и ее родителей время. Не прошло еще и года с тех пор, как немецкий народ восстал против Наполеона, а со дня Лейпцигского сражения, в котором прусские, русские, английские и шведские войска нанесли смертельный удар

наполеоновской империи, не минуло еще и четырех месяцев. Война, которую обе стороны вели с ожесточением, стоила немецкому народу огромных жертв. Сильно пострадал и Зальцведель. Волны военного лихолетья не раз захлестывали город. В числе тех, кто пострадал особенно тяжело, была и семья Людвиг фон Вестфалена.

Подобно многим немцам, Людвиг фон Вестфален воспитал ненавистью к французскому императору, который требовал от немецкого народа все больших контрибуций для захватнических войн и заставлял его сыновей проливать кровь в рядах французских армий. Так, еще до начала освободительной борьбы его можно было увидеть — и в этом мы можем довериться зальцведельской хронике — среди участников кружков, готовивших восстание против Наполеона. В начале апреля 1813 года он, преисполненный чувства радости по поводу начавшегося освобождения родины от наполеоновского ига, приветствовал вместе с ликующими жителями Зальцведеля входивший в город отряд русских казаков. Но русским войскам вскоре пришлось отступить, и французы вновь появились у ворот города. Их главнокомандующий, небезызвестный маршал Даву, обложил Зальцведель тяжелым налогом, а свое недовольство он выместил сполна на Вестфалене, который в числе других почитаемых граждан Зальцведеля отправился ему навстречу, чтобы просить пощады для города. Вестфален был брошен в тюрьму в Гифхорне, где подвергся жестокому обращению. Вестфальские войска, вступившие в конце апреля в Зальцведель — с 1807 года город принадлежал королевству Вестфалии, — освободили пленного, и Вестфален мог вернуться к своим служебным обязанностям, столь тяжелым в условиях военного времени. В начале сентября он снова был арестован и вывезен в Шверин — на сей раз союзником пруссаков Ганзейским легионом. Для Каролины, всего лишь год назад вышедший замуж, ухаживавшей за четырьмя детьми и носившей под сердцем ребенка, это было трудное время. И только осенью 1813

года после тяжелых испытаний вся семья снова была вместе.

После рождения Женни Вестфалены еще два года оставались в Зальцведеде. Теперь уже Людвиг фон Вестфален состоял на службе у прусского правительства, занимая должность государственного советника и самоотверженно участвуя в ликвидации последствий войны. В этом ему помогала его жена. Она входила в руководство одного из двух организованных в Зальцведеде местных женских союзов, взявших на себя заботу о раненых и собиравших деньги и вещи для пострадавших во время войны.

Однако для Вестфаленов, как и для всех свободолюбиво настроенных немцев, послевоенные годы стали периодом горьких разочарований. Вспыхнувшие в годы освободительной войны надежды на обновление нации были безжалостно подавлены. Прусский король, обещавший конституцию своему народу, не сдержал слова. Над Пруссией, как и над всеми другими немецкими государствами и княжествами, вновь нависли мрачные тучи реакции. Такие деятели, как Штейн, Гарденберг, Гнейзенау, Арндт, Йан, а также и все другие, кто выступал за гражданские свободы и единство Германии, подвергались преследованию. Нелегко пришлось и Людвигу фон Вестфалену. Как однажды заметил зальцведельский летописец Йоганн Фридрих Даннеиль, у него было немало противников. Прусские помещики, вновь получившие в 1816 году право избирать в ландраты людей своего сословия, тут же поспешили избавиться от либерально настроенного Вестфалена, посадив на его место удобного им помещика Вильгельма фон Мединта, владевшего имением в Дойч-Хорсте.

Хотя эти неприятности доставляли семье немало горьких минут, маленькая Женни не страдала от этого. Живая светловолосая девочка с искрящимися глазами была не только радостью всей семьи, но и явной любимицей старших братьев и сестер, и прежде всего старшего брата, как это

следует из письма Фердинанда фон Вестфалена, написанного в последующие годы.

К большому счастью Людвиг фон Вестфалена, прусское правительство, столкнувшись с серьезными трудностями в прирейнских провинциях, отошедших к Пруссии по условиям Парижского договора, было вынуждено осторожно строить с ними свои отношения и старалось направлять туда чиновников-либералов. Вестфален был переведен в Трир в качестве первого советника правительства. Однако свидетельства на это звание он не получил. Последующие годы также не принесли ему никакого повышения по службе.

Вестфалены покинули Зальцведель в апреле 1816 года, когда Женни было чуть более двух лет. Итак, о старом ганзейском городе в Альтмарке она знала только по рассказам своих родителей, а также братьев и сестер. Сама же она выросла как дитя Рейнской провинции, которую всегда считала своей настоящей родиной.

ДЕТСТВО

Старинный немецкий город Трир раскинулся недалеко от французской границы в живописной долине реки Мозель, окруженной виноградниками и высокими лесистыми холмами. Основанный римлянами в 15 году до нашей эры и названный Аугуста Треверорум, город в первые сотни лет своего существования являлся важным центром западных областей Римской империи. Еще и сегодня посреди города стоят мощные, существующие почти 2000 лет Римские ворота — Порта Нигра. Построенные руками рабов, эти ворота, подобно старому мосту, перекинутому через Мозель, развалинам римского дворца, баням и большому амфитеатру, являются свидетелями культуры давно минувших лет. Позднее, в средние века, город, прозванный из-за его многочисленных церквей, часовен, монастырей, коллегий и общин немецким Римом, был местом пребывания

могущественного архиепископства, под чьим влиянием находились города Мец, Туль и Вердун и чьи духовные отцы пользовались в тогдашней Германской империи привилегиями курфюрстов. В 1794 году со вступлением в Трир французских революционных армий величие этого города стало меркнуть.

В 1815 году город вместе с Рейнской провинцией был присоединен к Пруссии. В 1816 году, когда туда прибыла семья Вестфалена, Трир являлся центром мозельского виноделия и административным центром провинции, не имевшим промышленности и к тому же сильно пострадавшим во время французского нашествия. Население города составляло в 1814 году лишь 8 тысяч жителей. Улицы Трира были грязными и неухоженными, а многие дома полуразвалившимися. Торговля пришла в упадок. Крайняя нищета, принесенная войной, обострялась еще и тем, что прусское правительство разместило в городе свои войска, из-за чего жители должны были платить высокие налоги. Городские власти были вынуждены каждый год принимать меры для спасения городской бедноты от голодной смерти. Приют для бедных был переполнен, нищенство стало обычным явлением. Еще более тяжелым было положение крестьян в деревнях Эйфеля и Хунсрюка, через которые Людвиг фон Вестфален, по свидетельству его дочери, часто проезжал. Таким образом, еще в юности Женни видела нищенское положение множества людей, и так как попечительство о бедных и надзор за тюрьмами входили в круг обязанностей ее отца, то в семье часто говорилось об этом.

При всем том в среде трирской буржуазии царил прогрессивный дух. Город, как и все рейнское левобережье, на протяжении двадцати лет находился под властью французов, а потому был свободен от оков феодализма и имел, в отличие от других областей Германии, прогрессивное буржуазное законодательство.

Вестфалены въехали в просторный дом в центре города, недалеко от Римских ворот. В Трир вместе с ними прибыли,

очевидно, старый Юлиус Гейбель и сестра Каролины, которая постоянно болела. Она многие годы жила в доме Вестфаленов. Из детей кроме маленькой Женни родители увезли с собой из Зальцведеля младшего сына Вестфалена от первого брака Карла Ганса Вернера, которому исполнилось к тому времени 13 лет. Старший сын Вестфаленов Фердинанд остался в Зальцведеле заканчивать гимназию, после чего поступил в университет. Позднее в должности регирунгсреферендария прибыл в Трир, а в октябре 1825 года занял пост ландрата в округе Битбург в Эйфеле. Затем в 1838 году в чине оберрегирунгсрата он приехал в Трир, где проявил себя — едва ли к удовольствию отца — ярким сторонником пруссачества, столь ненавистного жителям города. Его жена Луиза, урожденная баронесса фон Флоренкур, свысока смотрела не только на Каролину фон Вестфален, женщину простого происхождения, но и на Женни. Старшие сводные сестры Женни воспитывались у родственников матери и принадлежали к их кругам. Женни, видимо, знала их, так как в последующие годы, насколько нам это известно, она состояла в переписке по крайней мере с одной из них, Лизеттой.

Карл Ганс Вернер фон Вестфален учился в трирской гимназии, затем, получив юридическое образование, стал членом земельного суда в Трире. Тихий, приветливый человек, трезво мыслящий, он был единственным из старших детей Вестфалена, кто всей душой был привязан к отцу и мачехе. К великой горечи родных, он умер в неполные 37 лет.

В 1817 году у Вестфаленов родилась дочь Лаура, которая умерла в возрасте четырех лет. Ее именем Женни и Карл назвали свою вторую дочь. Через два года после рождения Лауры родился Эдгар, младший брат Женни, к которому она относилась с любовью и нежностью. В юношеские годы он стал ей верным другом и товарищем и, когда она была уже невестой и ей пришлось пережить немало горьких минут, всегда был готов прийти ей на помощь. Карл Маркс,

учившийся с Эдгаром фон Вестфаленом в одной школе, так же был дружен с ним.

В Трире Вестфалены чувствовали себя хорошо. Для Людвиг фон Вестфалена, человека, в сущности, не обладавшего бойцовским характером, была, пожалуй, настоящей удачей возможность покинуть Зальцведель, где вновь подняла голову юнкерская реакция, и оказаться в Трире, в кругу общительных и образованных людей, в которых еще жил дух французской революции. Вскоре Вестфалены стали одной из уважаемых и почитаемых семей города, а их дом — местом оживленных встреч и бесед. Хотя на духовную жизнь города Вестфален не оказывал решающего влияния, тем не менее он был человеком не только четких убеждений и достойным уважения, но и образованным, интересным и остроумным собеседником. Его жена Каролина, женщина живая и жизнерадостная, была, как позже и ее дочь, гостеприимной хозяйкой.

Семья фон Вестфалена не принадлежала к прослойке зажиточной аристократии. Тайный советник не обладал каким-либо значительным состоянием. Царившие в доме порядки были скорее бюргерскими, нежели аристократическими. Все же, поскольку годовое жалованье фон Вестфалена составляло 1800 талеров, юность Женни была весьма обеспеченной.

Нам пока неизвестно, посещала ли Женни школу в Трире, население которого было католическим, или вместе с другими девочками-протестантками получала частные уроки. В то время в Трире имелась приходская начальная школа евангелической общины. В ней единственный учитель обучал сто мальчиков и девочек. Семьи, подобные Вестфаленам, вряд ли посылали туда своих детей. Наряду с церковными католическими школами для девочек имелись еще две по тем временам довольно хорошие католические частные школы, которые, когда Женни было уже десять лет, слились в одну школу Шойера. Кроме арифметики, письма, немецкого и французского языков и частично литературы

там преподавали также основы истории и географии и конечно же «женское рукоделие». Ее воспитанники обучались также декламированию и сценическому искусству, в чем Женни проявила позднее большие способности. Не исключено, что Женни посещала эту школу и изучала, как тогда было принято, закон божий в евангелической общине. Но как бы там ни было, совершенно ясно одно: Женни, которая, по свидетельству ее близких, рано научилась читать, причем по собственному желанию, была обязана своими исключительными знаниями отнюдь не школьным занятиям, дававшим тогда девочкам в лучшем случае поверхностные, скудные знания. Истинным учителем был скорее ее отец. От него она унаследовала и гуманистические идеалы. Мать, целиком ушедшая в заботу о семье и умевшая создать в доме атмосферу уюта и веселого настроения, также оказывала на Женни большое влияние. Скорее у нее, нежели у отца, Женни научилась житейской мудрости и способности энергично действовать, что отличало ее от других женщин. У матери, которая была превосходной домашней хозяйкой, дочь научилась шить и штопать, чем позднее ей приходилось много заниматься.

О своих родителях Женни всегда вспоминала с глубокой благодарностью и уважением. Ее отец умер еще до ее замужества. К матери, на много лет пережившей отца, «самой преданной из всех матерей», Женни до конца была привязана всей душой. Эта привязанность стала более сильной после смерти отца, когда чванливые знатные родственники с пренебрежением отвернулись от этой скромной, простой женщины. Позже, даже в самые тяжелые и напряженные дни своей жизни, Женни находила время, чтобы поддержать свою «дорогую мамочку» письмами и порадовать ее маленькими подарками. «Мое время всегда расчетливо поделено между большими и малыми заботами и хлопотами повседневной жизни, участием в делах моего любимого мужа и перепиской с моей дорогой мамочкой». Так писала она перед рождеством 1847 года невесте брата Эдгара, своей подруге

Лине Шёлер в Кёльн, когда сама была уже матерью троих детей и вместе с мужем участвовала в Брюсселе в коммунистическом движении. В знак любви к матери она вложила в конверт небольшую сумму денег, скопленную ею с большим трудом. «Это маленькое денежное вложение, дорогая моя Лина,— писала она,— тебя удивит. Поэтому я должна тебе кое-что объяснить. Как раз теперь, в период рождественских праздников, я всегда с величайшей грустью думаю о моей мамочке, об ее одиночестве, об ее уходящей жизни. Никогда ее образ не встает передо мной с такой ясностью и любовью, как именно в эти дни, когда она с несравненной материнской нежностью доставляла нам, детям, так много радости и наши маленькие сердца и глаза наслаждались блеском сверкающей елки. Позднее, когда мы лелеяли в своем сердце уже более глубокие и серьезные желания и надежды, она всегда с одинаковой преданностью заботилась о нас, радовала и ободряла нас... Мне бы хотелось, чтобы ты купила мамочке совсем дешевое темное ситцевое домашнее платье... Сделай, как тебе будет удобнее, но только так, чтобы пакет был вручен нашей мамочке в сочельник или утром на рождество»¹.

Едва ли можно предположить, что госпоже фон Вестфален были понятны великие идеи и цели ее зятя, Карла Маркса, и вряд ли она одобряла борьбу, которую вела ее дочь. Но она всегда относилась с искренней преданностью к дочери и зятю и многим пожертвовала ради них.

Вращаясь в кругу своих трирских друзей-единомышленников, Людвиг фон Вестфален особенно сблизился с советником юстиции Генрихом Марксом. Обе семьи принадлежали к небольшой евангелической общине Трира, и их дома находились почти рядом. Так между семьями завязались близкие отношения. Дети вместе росли и вместе играли. Маленькая детская компания состояла из Женни, Эдгара фон Вестфалена и Карла Маркса, который был на четыре года моложе Женни, и его сестер, из которых старшая, Софи, была подругой Женни. Застрельщиком всех игр был

маленький Карл, обладавший большой силой воли и неистощимой фантазией. «Я часто слышала от своих теток,— пишет Элеонора Маркс-Эвелинг,— что в детстве Мавр был страшным тираном своих сестер; он гонял их в качестве лошадок галопом с Маркусберг в Трире и, еще хуже, настаивал на том, чтобы они ели «пирожки», которые он сам изготовлял из грязного теста грязнейшими руками. Но они безропотно позволяли погонять себя и съедали «пирожки» за те сказки, которые рассказывал им Карл в награду за хорошее поведение»².

В возрасте двенадцати лет Карл Маркс вместе с братом Женни Эдгаром начал посещать гимназию в Трире. Женни, которая достигла к этому времени шестнадцати лет и у которой два года назад была конфирмация, стала появляться в светском обществе, как это было принято у представителей имущих классов. Но друзья юности, и прежде всего Карл, Женни и Эдгар, по-прежнему оставались неразлучными.

ЦАРИЦА БАЛОВ

С беззаботностью цветущей юности Женни предавалась начавшейся для нее отныне новой жизни, полной беспечных удовольствий, с ее балами, концертами и спектаклями, вечеринками в казино, ездой на санях с фореиторами и звоном бубенцов, семейными прогулками в живописные окрестности Трира и летними катаниями на лодках по Мозелю при луне.

Полная прелести и очарования молодости, веселая, остроумная, она радовалась своей красоте, с удовольствием вертелась перед зеркалом и наряжалась, как сама однажды в этом призналась.

Будучи девушкой из знатной семьи, принадлежащей к тому же к прусской аристократии, Женни скоро оказалась в окружении многочисленных поклонников. В Трире она слыла «царицей балов». Мы узнаем об этом от самого

Маркса. Спустя уже многие годы он, находясь в Трире на похоронах своей матери в декабре 1863 года, писал жене: «Каждый день совершаю паломничество к старому дому Вестфаленов (на Нейштрассе), который интересует меня больше, чем все римские древности,— ведь он напоминает мне о счастливейшей поре юности, в нем же таилось мое самое драгоценное сокровище. Кроме того, со всех сторон меня то и дело спрашивают о quondam * «самой красивой девушке Трира» и «царице балов». Чертовски приятно мужу сознавать, что жена его в воображении целого города продолжает жить как «зачарованная принцесса»³.

Но, в отличие от большинства девушек ее круга, развлечения в обществе не стали для Женни основным и единственным занятием. В возрасте семнадцати лет она была помолвлена с молодым офицером, секунд-лейтенантом фон Паницем, будучи польщенной его преклонением перед ней. Однако спустя несколько месяцев Женни расторгла помолвку, так как увидела, что этот молодой человек — банальное и серое существо. Никто из чиновников и офицеров, с которыми она танцевала на балах, не был ей так близок, как друг детства, ставший уже гимназистом, который всегда был готов к веселым проделкам и которого опасались школьные товарищи из-за его острых эпиграмм. Однако в то же время он жадно стремился к знаниям, усердно занимался изучением латинского и греческого языков, математики, истории и литературы. Он, как и прежде, бывал в доме Вестфаленов, потому что был очень привязан к отцу Женни, который со своей стороны питал к высокоодаренному юноше искреннюю симпатию.

Людвиг фон Вестфален свободно говорил на греческом, латинском, английском, французском и испанском языках, любил художественную литературу. Из поэтов, чьи произведения вошли в сокровищницу мировой литературы, он отдавал предпочтение Гомеру и Шекспиру. Знал наизусть

* Некогда.— *Ред.*

целые песни из «Илиады» и «Одиссеи», а также большие отрывки из драм Шекспира; во время прогулок по живописным окрестностям города или же зимними вечерами при мерцании свеч охотно декламировал, а Карл и Женни его внимательно слушали. Он помог им проникнуть в глубины творчества выдающегося поэта Древней Греции Гомера. Но прежде всего Людвиг фон Вестфален научил их понимать и любить Шекспира. Даже и тогда, когда Карл и Женни глубоко усвоили произведения великого английского гуманиста и реалиста, открыв для себя все их живое богатство и поняв общественную значимость и силу поэтических образов этих произведений, они продолжали производить на них неизгладимое впечатление. Созданные Шекспиром женские образы, как, например, Джульетта, Дездемона, леди Макбет и милая, умная Порция, глубоко, должно быть, впечатляли молодую девушку и оказали влияние на формирование ее характера. Точно так же мы можем представить себе, какое удовольствие юным и жизнерадостным жителям Рейнской провинции доставляли комедии «Сон в летнюю ночь», «Укрощение строптивой» и «Виндзорские проказницы». Людвиг фон Вестфален познакомил юных друзей с поэзией романтиков, к которым он стал, видимо, относиться с большим уважением после того, как те перевели на немецкий язык Шекспира, что сделало доступным немецкому народу произведения великого англичанина.

Феодально-реакционные черты романтизма, и особенно немецкого, его уход от социальных проблем нарождавшейся эпохи капитализма в «лунную волшебную ночь» идеализированного им средневековья были чужды молодым, реалистически мыслящим людям, но разбуженная романтизмом в Германии любовь к фольклору оказывала на них длительное воздействие. Видимо, их привлекала также критика социальных условий, звучавшая в произведениях представителей раннего романтизма. До конца жизни Карл и Женни высоко ценили творчество Перси Биш Шелли, наиболее яркого представителя английского революционного романтизма.

ИДЕИ СВОБОДЫ

Помимо бесед о литературе были и серьезные, захватывающие дискуссии по важным жизненным вопросам.

Отец Карла Маркса был сторонником идей французских просветителей. Он преклонялся перед Монтенем, Дидро, Вольтером и Руссо, этими великими духовными предшественниками французской революции, которые подвергли беспощадной критике все понятия о феодальном государственном и общественном строе, морали и религии и провозгласили права человека, которые буржуазное общество, однако, не могло осуществить.

Идеи этих великих вольнодумцев, столь понятные и отцу Женни, глубоко трогали юного Карла Маркса и не могли не оказать влияния на Женни. Ее отец, близко воспринимавший социальные беды и проблемы, на счету которого было немало добрых дел, познакомил Карла Маркса и своих детей с идеями великого французского социалиста-утописта Сен-Симона, пользовавшегося в то время популярностью в Германии. Участники этого маленького кружка еще усерднее стали изучать эти идеи, когда в 1830 году, спустя несколько месяцев после шестнадцатилетия Женни, в Париже вспыхнула Июльская революция.

Это крупное выступление против реакции оказало огромное влияние на всю Европу. В ходе восстания французский народ изгнал навязанную ему ненавистную династию Бурбонов. Повсюду начали спланировать свои ряды борцы за свободу. Поляки подняли восстание против царской России, бельгийцы в упорной борьбе завоевали независимость своего государства и приняли конституцию. В раздробленной Германии, в частности в Саксонии, Брауншвейге, Гессене и Ганновере, произошли народные выступления против княжеской тирании. В некоторых местах Германии женщины, воодушевленные революцией в Париже, оделись даже в цвета французского флага, а девочки-школьницы носили в волосах сине-бело-красный бант. Снова развернулась

пропаганда за национальное единство и гражданские свободы. В то же время по стране прокатилась волна солидарности с поляками, восстание которых было жестоко подавлено царским правительством. Кульминационным пунктом движения за гражданские свободы в Германии стал знаменитый слет в Гамбахском замке в Пфальце 27 мая 1832 года, на который прибыло более 30 тысяч патриотов из всех областей Германии. Он вошел в историю под названием «Гамбахское празднество». Его участники — студенты, ремесленники, крестьяне и мелкие буржуа — выступили с требованием объединения Германии, суверенитета и братства народов. Рядом с черно-красно-золотым флагом немецкой республики они несли красно-белый флаг Польши. За Гамбахским празднеством последовал разгул реакции. Многие борцы за свободу были арестованы, другие были вынуждены покинуть Германию или ушли в изгнание добровольно.

Это бурное время не прошло бесследно и для Трира. Свободомыслящие граждане Трира с огромным вниманием следили за событиями на Гамбахском празднестве. В трирской гимназии, той самой, где учились Карл Маркс и Эдгар фон Вестфален, тайно распространялись тексты произнесенных в Гамбахе речей, содержащих призывы к свободе. Эти речи с восторгом были прочитаны частью преподавателей и учеников. Неизвестно, читала ли Женни эти бунтарские речи, но эти события не обошли молодую девушку стороной. В гимназии было проведено расследование, а ко всеми уважаемому директору Виттенбаху был приставлен надзиратель-пруссак. К этому надо добавить, что подобные меры коснулись и отца Маркса, поскольку в Трире он слыл предводителем умеренных либералов и выступил в казино с либеральной речью. Все это давало юным друзьям обильную пищу для жарких споров.

Осенью 1835 года Карл Маркс сдал экзамены на аттестат зрелости. Написанное им сочинение по немецкому языку свидетельствовало о благородном и в то же время смелом

образе мыслей, который Женни фон Вестфален уже тогда ценила в нем выше всего.

«История,— писал он,— признает тех людей великими, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее; опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей...

Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что оно — жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам, наши дела будут жить тогда тихой, но вечно действенной жизнью, а над нашим прахом прольются горячие слезы благородных людей» ⁴.

Невеста



ТАЙНАЯ ПОМОЛВКА

В возрасте семнадцати лет Карл Маркс поступил в Боннский университет для изучения юриспруденции. К этому времени между ним и Женни уже был заключен негласный дружеский союз. С отъездом Карла из Трира Женни по-настоящему поняла, как сильно она его любит. О нем она узнавала лишь от своей ближайшей подруги, его сестры Софи, или же из случайных замечаний, высказанных его родителями, которые были недовольны своим сыном. Карл влез в долги, а однажды за нарушение ночной тишины и дружескую пирушку угодил на один день в карцер, что, правда, нередко случалось у студентов в то время, особенно в Рейнской провинции. Женни смеялась, наверное, когда узнала об этих его проделках.

Через год Маркс приехал в Трир к родителям на летние каникулы. Перед отъездом в Берлин, где ему надлежало продолжить учебу, состоялась его помолвка с Женни. Очарованная его сильной, необыкновенной личностью и предчувствуя инстинктом любящей женщины, что этого молодого человека ждет большое будущее, она вверила восемнадцатилетнему юноше свою судьбу. Взаимоотношения, столь

необычные для того времени, и особенно в представлении имущих классов, вынудили их вначале скрывать свою по-молвку. Только отец Карла и его сестра Софи были посвящены в эту тайну. Влюбленным не суждено было долго наслаждаться своим счастьем, так как Карл должен был покинуть Трир. Его сердце разрывалось от боли разлуки, и в то же время оно было наполнено страстной любовью, которой способны воспылать только юные сердца.

«Когда я покинул вас,— писал он отцу год спустя,— для меня открылся новый мир, мир любви, к тому же вначале страстной, безнадежной любви. Даже путешествие в Берлин, которое при других обстоятельствах привело бы меня в величайший восторг, побудило бы к созерцанию природы, разожгло бы жажду жизни, оставило меня холодным. Оно даже сильно расстроило меня, ибо скалы, которые я увидел, были не более непреклонны и горды, чем мои чувства, обширные города не более оживленны, чем моя кровь, обеды в гостинице не более обильны и неудобоваримы, чем тот рой фантастических образов, который я носил в себе, и, наконец, искусство не так прекрасно, как Женни»¹.

В глубокой печали Женни осталась в доме своих родителей, и теперь, когда уехал ее Карл, к ней возвратились все прежние сомнения, к которым прибавились и новые. Родители Женни были людьми без всяких аристократических предрассудков. Но они — и Женни хорошо знала это — связывали ее будущее с более выгодной партией. Поэтому у нее были все основания опасаться, что союз с Карлом встретит упорное сопротивление с их стороны и доставит им немало огорчений. Она должна была считаться и с тем, что по-дворянски надменные сводные сестры и брат — этим особенно отличался Фердинанд — сделали бы все, чтобы расстроить их отношения. Тем не менее Женни была полна решимости бороться за свою любовь и сдержать слово, данное любимому. Но нравы дворянско-буржуазного общества, к которому она принадлежала, еще оказывали на нее сильное влияние, и она, таким образом, оказалась под

тяжким бременем внутренних и внешних конфликтов, которые ей постоянно приходилось преодолевать. Женни, возможно, не устояла бы, если бы в лице старого советника юстиции Генриха Маркса она не нашла преданного друга, по-отечески относившегося к ней. Его семья стала ей вторым отчим домом, где все напоминало о возлюбленном, который находился сейчас далеко, и где ей не надо было скрывать своих чувств. Она часто бывала в доме Маркса и всегда находила там сердечный прием, прежде всего со стороны отца Карла, которому она полностью доверяла и который «полюбил ее, как свое собственное дитя», о чем он писал сыну.

В первые месяцы после помолвки Карл и Женни не переписывались. Этого хотела Женни — из чувства долга перед своими родителями. Однако Карл прислал ей три тетради стихов под названием «Книга любви» (ч. I и II) и «Книга песен» (ч. I), которые он написал для нее в первые месяцы своего пребывания в Берлине. Вот отрывок из стихотворения «Превращение»:

И взор мой прояснился,
Открылось перед ним,
Что прежде было смутным
Стремлением моим.

И что искал напрасно,
Души моей порыв,—
Дает мне взор твой ясный,
Улыбкой озарив ².

В ответ на свои стихи Маркс получил от сестры Софи небольшое письмо (это была приписка к письму его отца), которое дает нам представление о душевном состоянии Женни в то время:

«Твое последнее письмо, милый Карл, вызвало у меня горькие слезы; как ты мог думать, что я пропущу случай сообщить тебе о твоей Женни!? Я только и живу мыслями и мечтами о вас. Женни любит тебя. Если ее беспокоит разница в летах, то это только из-за ее родителей. Она поста-

рается их постепенно подготовить. Затем напиши им сам. Они о тебе высокого мнения. *Женни* часто нас навещает. Не далее как вчера она была у нас и проливала слезы счастья и печали, получив твои стихи. Наши родители, братья и сестры очень ее любят, последние — прямо безгранично. Раньше десяти часов вечера ее *никогда* не отпускают, как тебе это нравится?

Adieu *, дорогой, милый Карл, от души желаю тебе исполнения твоего самого заветного желания»³.

Женни хранила эти стихи — свидетельство их юной любви — до конца своей жизни и, как рассказывал ее зять Поль Лафарг, никому их не показывала. Кроме этих стихотворений она хранила еще один подарок Карла: сборник, куда вошла 81 народная песня из сокровищницы песенного искусства немецкого народа. Карл Маркс собственноручно переписал их в роскошный альбом, чтобы посвятить их своей «дорогой сердцу *Женни*хен».

Но одни эти прекрасные дары любви не могли успокоить *Женни*, к тому же и Карл был неистовым влюбленным. Генрих Маркс не мог не заметить подавленное состояние *Женни*. Вот почему нежным строкам, написанным сестрой, предшествовали серьезные предостережения отца.

«...Ты возложил на себя большие обязанности... при свойственной поэтам склонности к преувеличениям и экзальтированности в любви, ты не в состоянии вернуть душевный покой существу, которому ты всецело предан. Наоборот, тебе грозит опасность погубить этот покой. Только самым образцовым поведением, мужественным и твердым стремлением, которое завоюет тебе расположение и доброжелательность людей, ты можешь добиться того, что обстоятельства примут счастливый оборот, и это успокоит ее и подымет в чужих и собственных глазах.

Я говорил с *Женни* — мне так хотелось ее совершенно успокоить. Я сделал все, что в моих силах, но ведь одними

* До свидания.— *Ред.*

рассуждениями этого не добьешься. Она еще не знает, как отнесутся ко всему этому ее родители. Мнение родственников и света — это тоже не пустяк. Я боюсь твоей не всегда оправданной обидчивости и поэтому предоставляю тебе самому оценить создавшееся положение...

Она приносит тебе неоценимую жертву — она проявляет самоотверженность, оценить которую может только бесстрастный разум. Горе тебе, если ты когда-нибудь об этом забудешь! Но теперь действительно вмешаться можешь только ты. Ты должен доказать, что, несмотря на свою молодость, ты зрелый человек, который заслуживает уважение света, завоевывает его семимильными шагами; человек, который гарантирует свое постоянство и свои серьезные намерения...»⁴

В марте 1837 года Маркс попросил у родителей Женни руки их дочери. В семье Вестфалена вспыхнул острый конфликт, и Женни тяжело заболела. Однако согласие все же было получено, потому что родители Женни понимали: дочь никогда не откажется от своего друга.

«Ты можешь быть уверен, — писал старик Маркс своему сыну, — я в этом убежден (а ты знаешь, что я не легковверен), что даже князь не в состоянии отнять ее у тебя. Она привязана к тебе всей душой и, — ты не должен забывать об этом, — в ее годы она приносит тебе жертву, на которую обыкновенные девушки, конечно, не были бы способны»⁵.

МОЛОДОЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

Тем временем в Берлине Карл Маркс с присущим ему упорством продолжал изучение юриспруденции. К тому же его окрылял предстоящий брачный союз с Женни, и это побуждало к быстрейшему получению профессии, которая позволила бы ускорить свадьбу. Однако изучение юриспруденции все больше и больше стало уступать место занятию философией. В то время она казалась ему тем оружием, с

помощью которого можно во все проникнуть, все познать и систематизировать. В философии он видел и главное поле битвы за идеалы свободы, против реакции. Он уединялся в свою рабочую комнату и прорабатывал все философские труды, которые мог достать и которые могли ему помочь в поисках правды. Уже тогда он обнаружил поразительную работоспособность и неукротимую жажду к исследованию. Он выстраивал для себя различные научные системы и сам опровергал их, движимый желанием целиком познать суть этих систем.

Наконец, его взгляды определились — правда, пока только в начальной форме. Он примкнул к младогегельянкам, революционной группе, образованной учениками Гегеля. В отличие от старогегельянцев, они считали главным в учении Гегеля не идеалистическую систему своего учителя, а примененный им диалектический метод. Они были буржуазными демократами, находились в оппозиции к отсталым феодально-абсолютистским отношениям в Германии и своей критикой религии, в частности, помогали опровергнуть догму об угодном богу государстве верноподданных.

Берлинские младогегельянцы были объединены в так называемый «Докторский клуб», который оказывал значительное влияние на духовную жизнь в Германии. Вскоре двадцатилетний юноша, самый молодой среди членов клуба и, в отличие от его других ведущих представителей, еще не известный в широких кругах общества, становится их духовным вождем, вокруг которого собираются старшие члены клуба. Но от них его отличало стремление применить философию к действительности, а значит — изменить мир. О своей первой большой битве за правду, об определении своих политических взглядов Маркс сообщил родителям в конце 1837 года в одном из писем, ставшим своего рода исповедью. Отец, обеспокоенный революционным пылом своего сына, ответил ему резкими упреками, поскольку это духовное развитие Карла усиливало в нем тревогу за судьбу сына и будущее Женни, тем более что к этому времени он был тяжело болен

и чувствовал приближение смерти. Генрих Маркс умер в мае 1838 года. Карл и Женни глубоко переживали смерть своего верного друга. До конца жизни они сохранили о нем добрую память. Карл Маркс всегда носил при себе портрет отца.

Но ни любовь к отцу, ни скорбь о нем не смогли заставить его свернуть с выбранного им пути. Женни не препятствовала ему в этом, хотя его революционный порыв еще больше удлинял ее путь к замужеству. Она любила его таким, каким он был, — неистовым в поисках правды и в стремлении к высшему идеалу.

Не могу я жить в покое,
Если вся душа в огне,
Не могу я жить без боя
И без бури в полусне...

Так давайте в многотрудный
И в далекий путь пойдем,
Чтоб не жить нам жизнью скудной
В прозябании пустом.

Под ярмом постыдной лени
Не влачить нам жалкий век,
В дерзновенье и стремленье
Полновластен человек⁶.

Это стихотворение он посвятил Женни, и таким она хотела видеть его всю жизнь.

ВРЕМЯ ОЖИДАНИЙ

В то время, пока Карл учился в Берлине, Женни вела уединенный образ жизни, как того требовало положение невесты ее круга. Но это отнюдь не означало для нее отрешенность от мира. Дом Вестфаленов по-прежнему был местом, где собирались люди, жизнерадостные и свободные в своих суждениях. Здесь читались газеты и новые книги, обсуждались политические вопросы. Как и прежде, устраивались прогулки, путешествия и праздники, а в доме часто

гостили интересные люди, прибывавшие из разных мест. Кроме того, Женни находила в родном городе различные возможности для удовлетворения своих духовных потребностей.

Прогрессивная часть трирской буржуазии проявляла живой интерес ко многим областям науки и искусства. Кроме Виттенбаха, в прошлом учителя Маркса, сторонника Канта и Руссо, который еще до начала французской революции занимался распространением в Трире идей эпохи Просвещения, а позднее находился на службе у французских властей и который дал мощный импульс изучению античной эпохи, в 30-е годы в Трире жили и творили романтики. К их числу принадлежали поэт из Силезии Фридрих фон Заллет и его друг Эдуард Дуллер. Последний бежал из Вены в период правления Меттерниха, когда особенно свирепствовала реакция. Он, как и Виттенбах, выступал с лекциями по истории, «классической и романтической мифологии», увязывая ее с древней и новой историей искусств. Эти лекции были задуманы «для образованной публики, и прежде всего для женщин, понимающих искусство». Следовательно, можно предположить, что эти лекции посещала и Женни фон Вестфален.

В Трире был неплохой театр, в репертуар которого наряду с бессодержательными пьесами современников входили драмы Лессинга, Гёте, Шиллера, Клейста. Среди опер, исполнявшихся на его сцене, были «Волшебная флейта», «Фиделио», «Царь и плотник», «Вольный стрелок». Женни, видимо, часто бывала там. Вероятно, в этот период у нее зародилась любовь к театру, которую она пронесла через всю жизнь.

Но гораздо важнее было то, что Трир, даже лишенный былого блеска и ставший захолустным городом прусской провинции, по-прежнему оставался плацдармом французской культуры. В тот период, уже после помолвки Женни, в трирском казино кроме скудных по своему содержанию немецких газет можно было увидеть и французские, а собы-

тия во Франции являлись главной темой разговоров в кругах образованной трирской буржуазии. К тому же многие путешественники проезжали через этот город, раскинувшийся в живописной долине реки Мозель.

Некоторое представление о духовных интересах Женни в те годы дает нам ее письмо к матери, написанное 2 июля 1838 года из Нидербронна, в Эльзасе, где она находилась на лечении. Оно свидетельствует не только о принадлежности Женни фон Вестфален к числу тех немногих образованных женщин Германии, которые проявляли самый живой интерес к насущным вопросам своего времени и стремились вырваться из узкого круга predetermined в то время женщине духовных интересов, но и о том, что уже в тот период своей жизни она весьма критически относилась к своему классу, к буржуазии вообще с ее вечной жаждой богатства.

Женни сначала описывает спокойную жизнь курортного городка, а затем продолжает:

«Однако вы не должны думать, что здесь нет вообще никакой духовной пищи, что жизнь проявляется здесь лишь чисто материально. У нас уйма книг; французские мы получаем от одного книготорговца из Кольмара, а немецкие нам присылает пастор из Страсбурга. И что самое ценное — мы встречаемся здесь ежедневно с интересными и милыми людьми». Среди них, как сообщала Женни своей матери, кроме профессора права из Страсбурга и нескольких образованных и наделенных живым умом женщин были два молодых евангелистских теолога, «которые учились в Геттингене и Берлине, где слушали Дальмана, Гриммов, Эвальда, Шлейермахера, Ганса, Гегеля, Штрауса, короче, всех этих господ».

Непосредственное общество Женни менее нравилось ей. «...За табльдотом тут собирается довольно странное, порой невообразимое общество — какие-то заплесневелые французы, фабриканты, дельцы. И разговоры их всегда вертятся вокруг денег, главного предмета их любви: о том, как их до-

бывают и вновь теряют, о железнодорожных акциях, торговле лесом, о делах промышленности, фабричном производстве, и самое возвышенное, что один из них может сказать другому,— это: «oh, il sait faire une belle fortune» *,— и в этом для них главный смысл всякого благополучия... О политике здесь почти не спорят, и только во время чтения газет иногда вдруг услышишь: «ah! ce Louis-Philipp, ah! ce Mo-lé!» ** — и говорится это без тени всякого одобрения» ⁷.

Дошедшие до нас воспоминания школьной подруги Женни Бетти Лукас свидетельствуют, что дом Вестфаленов посетила поэтесса Беттина фон Арним. Она была известна не только как выдающийся представитель раннего романтизма, но и как человек передовых взглядов на социальные проблемы, человек воинствующего гуманизма и глубокого национального сознания, основывавшегося на признании прав человека и его достоинства. В Трире жили ее бабушка и бабушка по материнской линии. Возможно, что Беттину с Женни познакомил сам Маркс, который, находясь в Берлине, время от времени посещал демократический салон фон Арнимов. Рассказы о его красивой и умной невесте могли вызвать у Беттины желание познакомиться с ней. В гостеприимном доме Вестфаленов поэтессе был оказан сердечный прием.

К сожалению, визит Беттины разочаровал Женни, так как Беттина показала свою эксцентричную натуру и упрямство. «Помню,— вспоминает Бетти Лукас,— как юная невеста жаловалась мне, что Беттина фон Арним надолго похищает у нее ее жениха, который с раннего утра до позднего вечера должен бродить с ней по окрестностям, тогда как погостить дома он может только восемь коротких дней, если даже разлука длилась полгода. Помнится, однажды вечером я поспешно и без стука вошла в комнату Женни и в полутьме увидела маленькую фигурку, сидевшую скорчив-

* — Да, он умеет сколотить хорошенькое состояние.— *Ред.*

** — Ах, этот Луи-Филипп, ах, этот Моле! — *Ред.*

шись на диване, обхватив руками поджатые ноги, напоминающая скорее комочек, нежели человека. И хотя прошло уже более десяти лет, я все еще помню свое разочарование, когда это существо соскользнуло с дивана, чтобы быть представленной мне как Беттина фон Арним. Как я мечтала когда-нибудь увидеть «подругу Гёте», «знаменитое дитя»!.. И вот она, «воспетая», стоит передо мной, и взор мой возвращался к тому поэтическому образу, который до сих пор существовал в моем воображении, а мой слух как будто не хотел воспринимать ее сетования на жару, эти единственные слова, произнесенные воспетыми устами. Но тотчас вошел Маркс, и она так настойчиво попросила его проводить ее к Рейнграфенштейну, что он, печально взглянув на свою невесту, последовал за «знаменитостью», хотя было уже девять часов вечера и путь к этому утесу занимал один час»⁸.

Решающее влияние на формирование мировоззрения Женни оказывал Карл Маркс. Он способствовал ее духовному развитию: рекомендовал книги для чтения, знакомил с проблемами духовной жизни прогрессивных людей Германии, рассказывал о борьбе, которую они вели. Каждое его письмо придавало ей новые импульсы. Редкие приезды Карла были для нее самым радостным событием. Она горячо стремилась глубже проникнуть в духовный мир своего друга, старалась не пропустить ни одной его мысли. Женни также занялась изучением трудов Гегеля и младогегельянцев. Чтобы не отстать от Карла, приступившего к изучению древнегреческой философии, она выучила греческий язык. Однако, как мы еще увидим, она разделяла в то время еще не все взгляды своего возлюбленного.

Ее духовная связь с Марксом крепла по мере того, как все ярче и богаче проявлялась его личность. Она все яснее сознавала его гениальность. Это и радовало ее, и вызывало чувство тревоги за свою любовь.

Способен ли этот реально мыслящий молодой человек со столь бурно развивающимся характером и умом, ставший признанным руководителем кружка, известного в столице

своими идеями, посещавший такие знаменитые берлинские салоны, как салон Беттины фон Арним и салон Фарнгагена, пронести через годы такие же чувства к ней, какие испытывала она к этому восемнадцатилетнему юноше? К ней, перешагнувшей уже тот возраст, когда девушки ее сословия обычно выходят замуж? Подобные сомнения в прочности любви ее друга, подогреваемые, вероятно, недоброжелательными знакомыми и родственниками, мучили Женни. Она, умевшая быть живой и веселой в общении с другими мужчинами, делалась угрюмой и замкнутой с Марксом, как однажды она сама призналась ему, внося порой напряженность в их взаимоотношения, хотя вся ее жизнь, все существование были пронизаны мыслью лишь о нем одном. «Что я не в силах удержать твою теперешнюю романтическую любовь,— пишет она Марксу, упрекнувшему ее в замкнутости и некой неприветливости,— это я знала с самого начала, чувствовала в глубине души еще до того, как это было разъяснено мне столь холодно, глубокомысленно и мудро. Ах, Карл, мое горе именно в том, что то, что наполнило бы несказанным восхищением всякую другую девушку,— твоя прекрасная, трогательная, страстная любовь, твои неописуемо прекрасные слова о ней, вдохновенные творения твоей фантазии,— все это лишь пугает меня, а зачастую и приводит в отчаяние. Чем полнее я предамся блаженству, тем ужаснее будет моя судьба, когда твоя пламенная любовь остынет и ты станешь холодным и сдержанным...

Поэтому-то, Карл, я не так благодарна тебе за твою любовь, не так воодушевлена ею, как она того заслуживает. Поэтому я часто напоминаю тебе о других вещах, о жизни и действительности, вместо того чтобы полностью уйти в мир любви, раствориться в ней, как это умеешь делать ты, слиться в высшем духовном единстве с тобой и забыть обо всем остальном, только в этом находя утешение и блаженство»⁹.

В этом же письме она рассказывает ему, что иногда она представляет себе, будто он потерял руку и она может быть ему полезной, стать для него незаменимой, записывая его

мысли и бережно храня их для других. Она даже не предполагала, сколько его мыслей ей предстояло еще записать, хотя у Маркса были, к счастью, обе руки.

Карл Маркс, который еще при жизни отца отошел от занятий юриспруденцией и посвятил себя изучению философии, завершил в 1841 году докторскую диссертацию, в которой исследовал натурфилософию греческих философов Демокрита и Эпикура. В процессе исследования связи человека с окружающим миром, правда пока еще с идеалистических позиций, он был уже близок к точке зрения, которую выразит четыре года спустя: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹⁰.

В предисловии к диссертации он восславил героя греческой мифологии Прометея, похитившего у богов огонь, чтобы отдать его людям, за что был прикован к скале. Вместе с тем Маркс в своей работе впервые открыто признает себя сторонником атеизма. Свою диссертацию он посвятил тестю, Людвигу фон Вестфалену. Посвящение было принято, что свидетельствовало о том, каким ясным умом обладал отец Женни. Женни, правда, несколько напугала эта работа, так как в то время она была еще весьма набожной девушкой. «...Как часто я молилась за тебя, благословляла тебя и призывала благословения на твою голову...»¹¹ — писала она ему некоторое время спустя.

И все же она была безмерно рада, так как защита диссертации в Иенском университете означала скорое возвращение Маркса в Рейнскую провинцию и, как они оба в душе надеялись, скорую свадьбу. Маркс полагал, что с помощью Бруно Бауэра, его соратника по «Докторскому клубу», преподававшего теперь в Боннском университете, он сможет получить там место на кафедре. Но надежде этой не суждено было осуществиться, так как с усилением реакции в Пруссии из университета были изгнаны прогрессивно настроенные доценты. Для Карла и Женни это был тяжелый удар. После четырех лет ожидания перед ними снова встал сложный

вопрос: что будет дальше? События, развивавшиеся в Германии, помогли им разрешить эту проблему. В 1840 году там вновь вспыхнуло прогрессивно-буржуазное движение. Карл Маркс, пришедший к выводу, что мир нельзя улучшить одной только философской борьбой, включился в демократическое движение и вскоре стал играть в нем ведущую роль. В то же время он прилагал все усилия к тому, чтобы посредством литературной деятельности получить необходимые средства, позволившие бы ему жениться на Женни.

«ПОЛИТИКА — ЭТО ОПАСНЕЕ ВСЕГО»

«Чернышок! Как я счастлива, что ты весел, что мое письмо воодушевляет тебя, что ты тоскуешь обо мне, что ты живешь в оклеенных обоями комнатах, что ты пил шампанское в Кёльне, что там существуют гегельянские клубы, что ты мечтал — короче, что ты мой любимый, мой чернышок. Одного мне все же не хватает: ты мог бы немного похвалить меня за мой греческий и посвятить моей учености небольшую, хвалебную статью. Но вы, господа гегелинги, не признаете ничего, даже самого превосходного, если оно не в вашем духе, и посему мне остается скромно почивать на *собственных* лаврах. Да, милый, к сожалению, я все еще вынуждена почивать и притом на перине и подушках и даже это небольшое послание написано в постели.

В воскресенье я осмелилась сделать отважную вылазку в передние комнаты, это, однако, пошло мне во вред, и теперь приходится искупать свое прегрешение. Шлейхер только что сказал мне, что он получил письмо от одного молодого революционера, который жестоко ошибся в оценке своих соотечественников. Он не рассчитывает, что ему удастся приобрести акции или что-либо иное. Ах, милый, милый! Ну, вот теперь ты впутываешься еще и в политику. Это опаснее всего. Карлхен, помни всегда об одном: дома у тебя есть люби-

мая, которая надеется и тоскует и полностью зависит от твоей судьбы...

Сегодня рано утром я уже проштудировала в аугсбургской газете * три статьи о Гегеле и сообщение о выходе в свет книги Бруно»¹².

Письмо, из которого заимствованы эти строки, написанные с юмором жительницей Рейнской провинции, направлялось в Бонн, где Карл Маркс временно пребывал, готовя со своим другом Бруно Бауэром ряд совместных работ. Оно показывает также, что разочарование, постигшее Женни незадолго до этого, ничуть не омрачило ее любовь к Карлу.

Для нее уже многое значило то, что ее возлюбленный снова был в Рейнской провинции и она могла играть в его жизни большую роль, чем до сих пор. Быстро рассеялись ее опасения, вызванные неуверенностью в прочности его чувства. Они сменились глубоким и искренним доверием, пламенной любовью и преданностью, определявшими всю ее человеческую натуру. Из Нейса, где она гостила у знакомых, Женни писала ему о чувствах, охвативших ее во время прогулки по Рейну. «Это был божественно чарующий вечер. Небо усыпали звезды, предвещая чудный день. Высоко в небе сияла ярко и чисто звезда влюбленных, и мне казалось, что она вспыхнула там только для меня, чтобы избавить меня от мук и терзаний и подарить моему сердцу радость и покой и возвысить своим сиянием мою любовь... Карл, Карл, как я люблю тебя! Я сегодня не способна высказать тебе все то, чем переполнено мое сердце. Все мое существо, мечты и помыслы, все, все: прошлое, настоящее и будущее — слилось в одном звуке, знаке, тоне, и если он звучит, то слышится только: я люблю тебя невыразимо, безгранично, бесконечно и безмерно...»¹³

Участие в зарождающемся политическом движении, направленном против прусской реакции, все чаще приводило Маркса из Бонна в Кёльн, где у него также были друзья из

* «Альгеймайне цайтунг». — *Ред.*

числа младогегельянцев. Между ними была достигнута договоренность об издании либеральной ежедневной газеты, которая вышла 1 января 1842 года под названием «Рейнише цайтунг» и которой было суждено закрепить за молодым революционером славу политического публициста и борца. Как следует из письма Женни, Карл Маркс не только принимал участие в подготовительной работе, но и хлопотал также о размещении акций.

Кредиторами этого предприятия наряду с младогегельянами, с которыми Маркс поддерживал дружеские отношения и которые были выходцами из семей богатых кёльнских бюргеров, были также крупные рейнские буржуа: Давид Ганземан, основатель аахенского страхового общества, Людольф Кампгаузен, президент кёльнской торговой палаты, и Густав Мевиссен, возглавивший в 1844 году рейнское железнодорожное общество. Прусское правительство, не подозревая того, какую ношу оно намерилось взять на себя, разрешило издание газеты, чтобы с ее помощью создать противовес ультрамонтанской * «Кёльнише цайтунг». В те годы оно вело борьбу с сильной и неугодной ему католической оппозицией в Рейнской провинции.

Немецкая буржуазия, до того времени стоявшая в стороне от политического движения, теперь в силу экономического развития весьма настойчиво рвалась к политическим действиям. Политическая раздробленность, все еще сохранявшиеся оковы феодализма, надзор со стороны невежественной и надменной бюрократии за всеми сторонами жизни в стране являлись препятствием на пути капиталистического развития Германии, и их существование стало более нетерпимо. В начале 30-х годов был основан — учитывая экономическую необходимость — немецкий Таможенный

* Ультрамонтанство — наиболее реакционное направление в католицизме, добывающее неограниченного права папы римского на вмешательство в религиозные и светские дела любого католического государства.— *Ред.*

союз, в котором ведущую роль играла Пруссия. В 1836 году в него кроме Австрии, в то время еще члена Германского союза, ганзейских городов и некоторых более мелких земель входили также все немецкие государства. И если Таможенному союзу не удалось устранить политическую раздробленность, он все же упразднил на обширной территории Германии существовавшие между немецкими государствами таможенные барьеры и тем самым облегчил экономическое развитие. Почти одновременно с этим по настоянию крупной немецкой буржуазии началось строительство железных дорог. Это способствовало освоению месторождений руды и угля. Оживилась торговля. Наряду с ремеслами и существовавшими на основе кустарного производства прядильным делом и ткачеством появилась текстильная промышленность, где уже применялся механизированный труд. Вместе с этим и прежде всего благодаря строительству железных дорог стало развиваться машиностроение. Начали действовать машиностроительные заводы с числом рабочих в тысячу и более человек, как, например, заводы Борзига в Берлине, Крамера-Клетта в Нюрнберге и вагоностроительный завод Кеслера в Карлсруэ. Наиболее развитой в промышленном отношении была Рейнская провинция с прилегавшими к ней угленосными районами, где наряду с ускоренным развитием текстильной промышленности начала развиваться также тяжелая промышленность. Кёльн, Бармен, Эльберфельд, Ремшайд, Аахен, Крефельд, бывший Мюнхен-Гладбах и Изерлон стали быстро растущими промышленными городами.

Эти перемены усиливали в немецкой буржуазии дух предпринимательства. Она с завистью смотрела на западные соседние государства — Францию и Англию, уже пережившие буржуазную революцию и свободно развивавшиеся по капиталистическому пути. Немецкая буржуазия также стремилась к участию в решении государственных дел, мечтала о конституции, жаждала свободы печати, а также учреждения суда присяжных, какие уже существовали в Рейнской

провинции, для того чтобы контролировать решения суда.

Если даже наметившиеся в Германии экономические перемены мало касались самого Трира, они тем не менее не могли не вызвать живой интерес у Женни фон Вестфален, поскольку сопровождались подъемом в развитии различных областей естественных наук. Важные открытия были сделаны в области медицины, а вместе с улучшавшимися условиями передвижения рос интерес к другим странам и континентам. Все эти проблемы, как и проблемы экономической жизни, оживленно обсуждались в семьях, подобных Вестфаленам. Поэтому не следует слишком серьезно воспринимать громкие слова Женни насчет «опасной политики». Более того, мы вправе здесь предполагать, что Маркс рассказал своей невесте о подготовке к изданию газеты, которая должна была выражать экономические интересы буржуазии и ее политические требования, и что Женни целиком одобрила его деятельность в этом направлении. Было бы необоснованным также утверждать, будто Женни ничего не знала о том, что за ее возлюбленным утвердилось слава неистового революционера.

Если это последнее обстоятельство тогда еще мало беспокоило рейнскую буржуазию, то сам Маркс видел в своем участии в издании новой газеты хорошую возможность для открытой политической борьбы против прусско-германской реакции. Вскоре он уже определял направление и характер газеты. Начиная с мая 1842 года он публиковал в ней свои политические статьи, а в октябре возглавил ее редакцию. Газета стала органом революционной демократии. На фоне передовых статей, написанных Марксом, меркло все, что писалось в те дни в рамках политической полемики. Никогда прежде отсталые прусские порядки не подвергались бичеванию с такой едкой иронией и меткостью выражений, с такой ясностью мысли и таким обилием неопровержимых фактов. Его первые статьи о свободе печати безжалостно разоблачали бесстыдное давление на печать со стороны

прусской цензуры. И другие его статьи, являвшие собой образец боевой журналистики, были написаны в таком же духе. Особенно глубоко трогают нас статьи, показывающие нищету мозельских крестьян и направленные против закона о краже леса, принятого Сословным собранием Рейнской провинции. Закон лишил бедных крестьян исконного права собирать в лесу валежник. Эти работы, отражающие взгляды двадцатичетырехлетнего Маркса на социальные вопросы, наполнены той искренней симпатией, которую он проявлял на протяжении всей своей жизни к эксплуатируемым и угнетенным, равно как тем негодованием, которое всегда воодушевляло его в борьбе против эксплуатации и угнетения человека человеком.

«Рейнише цайтунг» приобрела вскоре большое влияние, и число ее подписчиков достигло небывалой цифры. Фридрих Энгельс считал ее выход началом современной журналистики. Заслуга Маркса состоит прежде всего в том, что он выработал новые методы редакционного руководства, умело сочетал актуальность с научной точностью, утверждал в журналистике страстный политический стиль, которому присущи яркость, убедительность и сильная логика.

Прусское правительство стало опасаться газеты как серьезной политической силы и подвергло ее самой строжайшей цензуре. Но и в этой малой войне против прусской цензуры Маркс одержал победу. Его имя все прочнее занимало место в ряду имен лучших представителей революционной демократии.

Женни и Карл виделись теперь часто, ибо дела приводили его также в Трир. Женни все глубже проникала в мир идей Маркса. Она сама ненавидела реакцию и торгашеский дух, жила в поисках правды и человечности, была способна на борьбу, что и доказала в начавшийся после помолвки период длительных ожиданий. Едва ли Марксу стоило больших усилий убедить ее в том, что время требовало не только философской, но и политической борьбы, если на повестке

дня стояла задача изменить реакционные порядки в Германии. В ней, как и в немецком бюргерстве, зрело недовольство прусским режимом. К тому же она была преисполнена гордости за своего возлюбленного, слава о котором крепла с каждым днем и чьи статьи Женни читала с величайшим восторгом.

По свидетельству ее близких, в ней в те годы жил пламенный дух демократки, страстно и упорно отстаивавшей свою точку зрения и умевшей при этом так воспламеняться, что домашние предпочитали оградить ее от общения с людьми противоположных взглядов, и особенно со сводным братом Фердинандом и его сторонниками. Безоговорочная любовь к Карлу и чувство гордости, вызываемое его растущей славой, играли здесь не последнюю роль.

Не могло не оказать на Женни влияние и то, что кроме философа Бруно Бауэра и других участников «Докторского клуба», от которых Маркс к этому времени уже отошел, она познакомилась с его новыми друзьями — известными представителями политико-демократического лагеря: с одними — в результате личных встреч, с другими — по их работам или по рассказам Карла. В числе его новых друзей были младогегельянец Арнольд Руге, издававший в Лейпциге «Немецкий ежегодник», Мозес Гесс из Кёльна, один из основоположников мелкобуржуазного «истинного социализма», кстати сказать, горячий поклонник Женни, а также кёльнский ассессор Георг Юнг, который долгое время был сторонником Карла Маркса, преданным другом его и Женни.

Особое впечатление производил на нее идейный руководитель демократического движения поэт Георг Гервег. В 1841 году он опубликовал свои «Стихи живого человека», которые быстро завоевали сердца всех свободолюбивых немцев, так как выражали чувства демократических сил Германии. Гервег навещал Карла Маркса в Кёльне. В 1842 году он написал стихотворение о партии, не утратившее своей значимости и поныне.

О партия моя, ты гордая основа
И мать бесчисленных сверкающих побед!
Как может не понять священнейшее слово,
Как может не постичь великое поэт?
Скажи — как мужу муж, — с тобой нам по дороге?
Ты раб иль гражданин? Подумай и решишь.
С Олимпа снизойдя, под Илионом боги
За партии свои, как смертные, дрались¹⁴.

Женни прочитала это стихотворение в «Рейнише цайтунг». Мы можем предположить, сколь глубоко оно ее тронуло и какую заметную роль сыграло оно в формировании ее политических взглядов.

Обстановка, в которой находилась Женни, становилась все более тяжелой. 3 марта 1842 года умер Людвиг фон Вестфален. Его смерть была для Женни тяжелой утратой. Карл Маркс скорбел вместе с ней. Последние месяцы, пока еще был жив его тесть, он провел в Трире, окружив Женни нежной любовью и вниманием.

После смерти старика Вестфалена материальное положение семьи заметно ухудшилось. Его жене Каролине была назначена лишь небольшая вдовья пенсия. Особенно сложной стала обстановка для Карла и Женни, так как вновь вспыхнул давний семейный спор вокруг помолвки Женни. Фердинанд оказывал на сестру сильное давление. Антипатия, которую он издавна питал к Карлу Марксу, вылилась теперь, когда тот стал признанным вождем демократического движения, в открытую вражду. Далеко не сердечными были также отношения между молодыми и матерью Карла. Генриетта Маркс была простой женщиной, которой было не дано следовать революционным путем сына и понять всю глубину его мысли. К тому же после смерти мужа у нее значительно прибавилось забот в семье. Она не была богата и кроме Карла имела еще семерых детей, трое из которых постоянно болели. От Маркса она требовала, чтобы он «зарабатывал деньги», и лишила его отцовского наследства. Она осыпала упреками и Женни, полагая, что та была обязана наставить своего жениха на «путь истинный».

Поэтому Карл, приезжая в Трир, останавливался в гостинице.

В этих условиях духовная близость Карла и Женни все более крепла и становилась нерасторжимой. «Могу Вас уверить без тени романтики,— писал Маркс 13 марта 1843 года, незадолго до свадьбы, Арнольду Руге,— что я по уши влюблен, и притом — серьезнейшим образом. Я обручен уже более семи лет, и моя невеста выдержала из-за меня самую ожесточенную, почти подточившую ее здоровье борьбу, отчасти с ее пиетистски-аристократическими родственниками, для которых «владыка на небе» и «владыка в Берлине» в одинаковой степени являются предметами культа, отчасти с моей собственной семьей, где засело несколько попов и других моих врагов. Поэтому я и моя невеста выдержали в течение ряда лет больше ненужных и тяжелых столкновений, чем многие лица, которые втрое старше и постоянно говорят о своем «житейском опыте...»¹⁵.

Это письмо написано, когда уже было принято решение правительственного кабинета, заседавшего 19 января под председательством короля, о закрытии газеты «Рейнише цайтунг». Решение вступало в силу с 1 апреля. Ранее были запрещены «Лейпцигер альгемайне цайтунг» и «Немецкий ежегодник». Уже 17 марта Маркс вышел из состава редакции «Рейнише цайтунг» и принял решение после свадьбы выехать за границу, чтобы оттуда продолжить политическую борьбу. Женни была согласна. Если тайная помолвка с другом юности была ее сугубо личным делом, продиктованным любовью к нему, то это второе решение, которое она должна была принять, было решением политическим. Она открыто пошла на разрыв со своим классом, чтобы отныне вместе с мужем вести борьбу за интересы народа.

Молодая соратница



СВАДЬБА

Карл Маркс вместе с Арнольдом Руге намеревался издавать за границей журнал, что в то же время дало бы ему и Женни средства для того, чтобы вести скромный образ жизни. Пока Маркс и Руге сообщая с другими товарищами предпринимали шаги по осуществлению своего замысла, Женни спешно готовилась к свадьбе и к устройству своего будущего семейного очага. Но и Маркс, всю свою жизнь любивший делать подарки и доставлять радость другим, участвовал, когда ему позволяло время, в этой подготовке, правда не столь успешно, что следует из письма, написанного ему Женни в марте 1843 года.

Это письмо вскрывает прекрасную черту женской заботливости и практичности, которую Женни выказывала и позднее в будничных житейских делах в отношении великого теоретика-экономиста. «Сегодня утром,— пишет она,— я вышла в город и увидела у купца Вольфа много новых кружев. Если ты не сможешь купить их недорого или будешь просить кого-либо выбрать, то уж прошу тебя, мой дорогой, предоставь это мне самой. Вообще, дорогой, я считаю, что *теперь* было бы *действительно лучше*, если бы ты ничего не покупал, а сберег свои деньги на дорогу.

Знаешь, дорогой, когда я буду с тобой,— добавляет она дипломатично,— мы будем покупать вместе, а если нас обманут, так уж обоих, пожалуйста, дорогой, сейчас пока не покупай. То же самое и с цветами. Я боюсь, ты заплатишь за них слишком дорого, а выбрать вместе было бы очень приятно». Письмо наполнено искренней любовью и глубокой радостью по поводу предстоящей свадьбы. «Если бы я могла расчистить тебе дорогу и утрамбовать, убрать все препятствия, стоящие на твоем пути!» — пишет она Марксу, который ведет переговоры относительно их переезда за границу. Но будущему супругу приходится также терпеливо снести и ту небольшую головомойку, которую задает ему в этом же письме счастливая Женни: «Хорошо ли ты вел себя на пароходе, или снова на борту была некая мадам Герман? Ах ты негодник, я тебя отучу от этого. Все время на пароходах. На подобного рода поездки я сразу же наложу запрет в *contrat social* *, в нашем брачном контракте, и всякие отклонения от него будут строго наказываться. Каждый такой случай будет учитываться, и за каждый ты должен будешь покаяться. Я создам другое, в высшей степени мучительное брачное право, подобное земельному праву. Уж попадешься ты в мои руки!»¹ Здесь все еще негромко прорываются мучительный страх и ревность, не покидавшие Женни в последние годы их помолвки, тем более что, по обычаям того времени, всякая интимность между женихом и невестой строго осуждалась, и тем редким минутам, когда Женни могла побыть наедине с Карлом, она была обязана своему брату Эдгару, всегда готовому прийти ей на помощь.

Свадьба состоялась 19 июня 1843 года в Крейцнахе, куда госпожа фон Вестфален временно переселилась вместе с Женни и ее братом Эдгаром, чтобы избежать в Трире публичного скандала. Ранее Карл Маркс предпринял еще

* Общественном договоре.— *Ред.*

одну поездку в Дрезден с целью ускорить вместе с Руге и другими единомышленниками издание журнала.

В их свадьбе не было той пышности, какой обычно сопровождались свадьбы девушек из аристократических домов. Все было скромно, в соответствии со взглядами молодой четы. Кроме матери Женни и ее брата, никто из семей новобрачных на свадьбе не присутствовал. Свидетелями бракосочетания Карла и Женни были четверо крейцнахцев: молодой врач д-р Карл Энгельман, кандидат на пост нотариуса Генрих Клевенс, рантье Элиас Майер и владелец трактира Валентин Келлер.

Их свадьба означала коренной перелом в жизни обоих. Если для Карла Маркса возможность соединиться наконец с любимой женщиной составила наивысшее и самое светлое счастье, которое подарила ему жизнь, то для Женни исполнение их обоюдного заветного желания было, по существу, началом ее жизни вообще. Освободившись от опеки своей знатной родни, соединившись навеки с любимым, она могла отныне целиком посвятить себя делу его жизни, его деятельности. Начиная со дня свадьбы, писал Фридрих Энгельс, Женни «не только разделяла участь, труды и борьбу своего мужа, но и активно участвовала в них с величайшей сознательностью и с пламеннейшей страстью»².

Маршрут их свадебного путешествия проходил через Эбернбург, эту старую знаменитую крепость Зиккингов на реке Наэ, в Пфальце. Оттуда через Баден-Баден они возвратились в Крейцнах. Это были самые счастливые недели, которые навсегда останутся у них в памяти. Уже в пожилом возрасте, будучи больным, Карл Маркс во время своей утомительной поездки из Карлсбада в Лондон заехал с дочерью Элеонорой в Бинген, который, как вспоминает она позднее, «Мавр хотел мне показать, так как он был в нем во время своего свадебного путешествия с моей матерью»³.

С возвращением в Крейцнах для обоих настало время упорного труда. Карл Маркс наряду с подготовкой к изданию журнала активно занялся новой теоретической рабо-

той. Его внимание все более привлекал характер воздействия экономических и социальных сил на мировое развитие. Он приступил к изучению обширного исторического материала, желая понять роль и сущность государства. Женни тоже усердно занималась. Уже в начале их семейной жизни поразительно быстро раскрылись ее способности. Гениальный муж открывал ей новые пути вширь и вглубь, которые прежде она не могла освоить. Она проникла в революционную суть гегелевской диалектики и изучила труд Фейербаха «Сущность христианства». Эта книга своим материалистическим содержанием произвела на Маркса глубокое впечатление и в числе прочих определила его переход на позиции материализма. Женни, еще недавно весьма набожная женщина, также увлеклась этим произведением и восприняла учение Фейербаха как некое духовное освобождение. «Моя жена, которая с Вами не знакома, шлет Вам привет, — писал Маркс Людвигу Фейербаху 3 октября 1843 года. — Вы не представляете себе, сколько приверженцев у Вас среди прекрасного пола» ⁴. Так Женни постигала научные основы, позволившие ей позднее понять учение мужа и активно участвовать в его борьбе.

Затянувшиеся переговоры с Руге были завершены в августе 1843 года. Руге писал 2 сентября, что в Париже есть возможность издавать журнал, который по предложению Маркса должен был называться «Немецко-французский ежегодник». Он обещал Карлу Марксу жалованье в размере 500—600 талеров в год, заверив, что в Париже на эти деньги можно вести хотя и скромную, но вполне обеспеченную жизнь. «Однако, — добавляет он в своем письме, — надеюсь, Вы достаточно благоразумны, чтобы не принимать чересчур поспешно мои проекты и мои добрые намерения за реальную действительность». Это была не очень прочная материальная основа для существования семьи в чужой стране, тем более что Женни ждала первого ребенка. Однако молодая жена, полная надежд, мужественно согласилась последовать за своим мужем во Францию.

Кроме предложения Руге они получили еще одно. Вскоре после их свадьбы прусское правительство предприняло попытку — первую, но не последнюю — поставить себе на службу гений Маркса и тем самым устранить противника, которого боялось. Через регирунгсрата Эссера, который был старым другом Генриха Маркса, правительство предложило Карлу Марксу возможность блестящей карьеры на государственной службе в Пруссии. Но это предложение Карл и Женни с презрением отвергли. В конце октября 1843 года они отправились в Париж.

В ПАРИЖЕ «КОРОЛЯ-БУРЖУА»

Карл и Женни Маркс поселились в парижском предместье Сен-Жермен, раскинувшемся на левом берегу Сены и населенном мелкими буржуа. Там, в скромном доме на улице Ванно, Женни устроила семейный очаг. Арнольд Руге вместе с женой поселился в том же доме, где проживала еще одна немецкая семья — семья литератора д-ра Германа Мойрера. Шумная жизнь французской столицы быстро вовлекла молодую чету в свой водоворот.

Женни, привыкшая к ограниченности маленьких немецких городов, была словно опьянена атмосферой самого большого города Франции. В первые месяцы жизни в Париже, еще не обремененная материальными заботами, она бродила, сияющая от счастья, по его многолюдным улицам, восторгаясь всем увиденным на бульварах и в кафе, чудными скверами и парками, дивными зданиями, сокровищами искусства, которыми так богат Париж, рассматривала сверкающие витрины, наслаждаясь, как и всякая женщина, элегантными платьями, сшитыми по парижской моде, и той французской роскошью, в блеске которой даже продавщицы в магазинах, выходцы из бедных семей, казались очаровательными.

Париж 1843 года, город «короля-буржуа» Луи-Филиппа, посаженного на трон банкирами, владельцами шахт и метал-

лургических заводов Франции после Июльской революции, был с его блеском и роскошью «новой столицей мира».

«Обогащайтесь!» — таков был лозунг французской буржуазии, которая после Июльской революции 1830 года полностью сосредоточила государственную власть в своих руках. Погоня за прибылью, взяточничество, спекуляция и откровенный карьеризм овладели жизнью высших классов и широких кругов среднего сословия. Политические и светские скандалы и интриги, всевозможные преступления стали обычным явлением. Не только из Франции, но и со всего света в Париж съезжались богачи, чтобы развлечься, авантюристы — чтобы сделать карьеру. Это был тот Париж, который Женни, как она часто об этом говорила, ненавидела и презирала.

Ей нравился другой Париж, с его горячими идейными спорами, с искренностью его обитателей, с его стремлением к правде, свободе и уважению человеческого достоинства.

С окончательным утверждением в стране буржуазного общественного строя непреодолимое классовое противоречие между буржуазией и пролетариатом, до тех пор несколько еще скрытое остатками феодализма, стало проявляться во всем. Могучее освободительное движение 1830 года, в котором проливали свою кровь рабочие, принесло в конечном счете лишь одну свободу — буржуазную свободу беспрепятственной эксплуатации трудящихся масс. Буржуазия ввергла пролетариат в бесчеловечную нищету. Рабочие, их жены и даже дети, как и прежде, работали не разгибая спины по пятнадцать и более часов в день в затхлых помещениях с антисанитарными условиями. Они влачили жалкое существование, ютились в темных сырых подвалах или в крошечных мансардах, а то и просто в наспех сколоченных бараках, в необжитых районах, лишенных канализации, с грязными неосвещенными улицами. Буржуазия потопила в крови все попытки рабочих выступить против нечеловеческих условий жизни, в частности

попытку восстания в 1839 году. Были запрещены рабочие организации и собрания. Их вожди преследовались, многие томились в тюрьмах.

Но среди рабочих продолжали жить великие революционные традиции Франции, а их классовое сознание росло и крепло. Призыв буржуазной революции 1789 года к свободе, равенству и братству не был пустой фразой. Именно в рабочих предместьях Сент-Антуан и Сен-Марсо, где не раз воздвигались баррикады, жил и креп бунтарский дух. Среди рабочих распространялись новые, доступные по цене издания речей Робеспьера и народного вождя Марата, а также учения таких утопических коммунистов, как Бабёф и Кабе. На мануфактурах, называвшихся ателье, рабочие пели революционные песни. Они создавали тайные организации, члены которых собирались в рабочих кофейнях. На собраниях говорили о новых грядущих выступлениях и вели жаркие споры о коммунизме.

Вся Европа, жившая идеалами свободы, по праву ожидала от Франции сигнал к новым революционным битвам.

Влияние буржуазной революции и острой классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией ощущалось также в духовной и культурной жизни города. Париж был в те годы наиболее крупным и передовым духовным центром Европы. Здесь Оноре де Бальзак написал «Человеческую комедию», в которой показал подлинное лицо буржуазии, чьим кумиром были деньги. Здесь творил карикатурист Оноре Домье, создавали свои картины Эжен Делакруа и Жан Франсуа Милле, писала свои социальные романы Жорж Санд, боровшаяся за освобождение женщин, в театрах ставились пьесы Виктора Гюго и исполнялись оперы Джакомо Мейербера. В Париже сторонники Сен-Симона и Фурье провозглашали утопические социалистические идеи, писал свою историю французской революции Жюль Мишле, друг Домье. И хотя французская пресса тоже была продажной, она не подвергалась такой мелочной цензуре, как

пресса в Германии. Вопросы религии, философии и искусства обсуждались здесь более открыто, чем где-либо; столь же открытыми были и споры по таким вопросам, как буржуазная республика и монархия. Вот почему в Париже жили многие вольнодумцы из всех стран Европы. Здесь жили Адам Мицкевич и Фредерик Шопен, несколько прогрессивно настроенных выходцев из России, в том числе Михаил Бакунин, с которым Марксу пришлось позднее вести ожесточенную борьбу. Среди живших в Париже прогрессивно настроенных немцев были Генрих Гейне и Георг Гервег. Вскоре туда прибыл и Мозес Гесс, с которым у четы Марксов установились близкие отношения.

ГЕРВЕГ И ГЕЙНЕ

В Париже Карл и Женни Маркс были радушно встречены жившими там эмигрантами, которые с нетерпением ожидали их приезда. Слава о молодом редакторе «Рейнише цайтунг» докатилась и до них, да и романтическая история его любви к Женни была небезызвестна. Гервег с женой встретили их по прибытии и помогли сориентироваться на новом месте. Между Гервегами и Гейне поддерживались дружеские связи, что весьма радовало и Женни. Семья Гервегов жила в Париже на широкую ногу. Эмма Гервег, дочь берлинского банкира, была состоятельной женщиной. Именно в их доме, где в числе других бывали графиня Мария д'Агу, подруга Ференца Листа, и Жорж Санд, Женни познакомилась с некоторыми знаменитостями. Жительница маленького городка, каким в ту пору являлся Трир, не только прочно заняла свое место в этом кругу известных имен, но и привлекла к себе всеобщее внимание своей красотой, своим умом и тактом. К числу поклонников Женни принадлежал и сам Гервег. Она выглядела моложе своих лет, что побуждало Гервега к шуткам. Он, бывало, спрашивал, когда же была ее конфирмация.

Между Женни и Эммой Гервег установились добрососедские отношения. Эмма моложе Женни на три года. Она была высокообразованной и музыкально одаренной женщиной. Но прежде всего проявляла жгучий интерес к политике и была страстной демократкой. Еще в юности Эмма участвовала в движении солидарности с Польшей, которая вела борьбу за свое освобождение и независимость, говорила по-польски, поддерживала дружеские отношения с польскими революционерами, побывала в Польше.

Еще ближе, чем Гервеги, к молодым супругам был Генрих Гейне, с которым их вскоре связала искренняя дружба. Когда чета Марксов прибыла в Париж, он находился в Гамбурге, у своей матери. Карл и Женни с нетерпением ждали его возвращения. Произведения Гейне, написанные в 20-е годы, в том числе «Книга песен», «Путешествие по Гарцу» и «Северное море», получили высокую оценку поклонников литературы, собиравшихся в доме Вестфаленов. Карл и Женни Маркс были знакомы также с его сообщениями из Франции, печатавшимися в аугсбургской «Альгемайне цайтунг». Путешествуя по Германии, Гейне собрал обширный материал и вернулся с душевным настроем, вдохновившим его на создание поэмы «Германия. Зимняя сказка». Она была написана в период его дружбы с четой Марксов. При этом он всякий раз обращался за советом к Карлу и его жене. Однако их беседы не ограничивались только эстетическими вопросами; напротив, характер этих бесед определяли политические и социальные проблемы. Гейне, который с 1831 года жил — из-за преследования немецкой реакции — во Франции, ненавидел, как и молодая супружеская пара, те порядки, которые господствовали в отсталой Германии. К тому же, будучи по своей натуре внимательным и тонким наблюдателем, человеком трезвого ума, он достаточно хорошо изучил условия, царившие во французском буржуазном государстве, чтобы навсегда отказаться от надежды на торжество гуманистических идей в капиталистическом обществе. Он понимал, что только с рабочим

классом может быть связано будущее всего человечества. Уже в 1843 году в своих сообщениях для аугсбургской «Альгемайне цайтунг» он писал о коммунистах как о «единственной партии во Франции», которая заслуживает «всеобщего внимания». Подобные мысли Гейне не могли не вызвать величайший интерес у Маркса и Женни, поскольку именно в это время Маркс начал сознавать историческую роль пролетариата.

Карл и Женни Маркс оказали на творчество Гейне сильное влияние. И, конечно, не случайно период, проведенный в личном контакте с четой Марксов, был для поэта одним из самых плодотворных и прогрессивных периодов его творчества. В эти годы он писал политические и сатирические стихи, направленные против правительства Пруссии и Баварии, создал свое знаменитое стихотворение о силезских ткачах. В его гениальной поэме «Германия. Зимняя сказка», являющейся лучшим образцом политической сатиры, есть замечательные строки, в которых великий немецкий поэт говорит о своей вере в лучшее, счастливое будущее человечества:

Мы новую песнь, мы лучшую песнь
Теперь, друзья, начинаем;
Мы в небо землю превратим,
Земля нам будет раем.

При жизни счастье нам подавай!
Довольно слез и муки!
И пусть ленивое брюхо кормить
Не будут прилежные руки.

А хлеба хватит нам для всех —
Устроим пир на славу!
Есть розы и мирты, любовь, красота
И сладкий горошек в приправу⁵.

Гейне был по-настоящему близок с Карлом и Женни Маркс и искренне радовался счастью молодых супругов.

К Женни, чьей красоте он поклонялся, поэт питал глубокое уважение. Тонкое понимание литературы, любовь

к поэзии и женская теплота делали ее такой милой и внимательной слушательницей, о какой поэт может только мечтать. Основательные знания в области литературы, тонкий эстетический вкус и понимание философских и политических проблем позволяли ей своими критическими замечаниями оказывать поэту дружескую помощь.

Бывали такие недели, когда Гейне почти ежедневно бывал у Карла и Женни Маркс. Он имел обыкновение читать им свои стихи, а иной раз они просиживали вместе долгие часы, обсуждая и отшлифовывая строка за строкой какое-нибудь маленькое стихотворение.

Порой поэт, человек впечатлительный, приходил к ним буквально в слезах из-за того, что какой-то реакционный писака слишком резко обрушился на него. Тогда Маркс посылал его к Женни, которая своим доброжелательным юмором всегда умела ободрить поэта.

Оказавшись в Гамбурге осенью 1844 года, Гейне послал Карлу Марксу объявление о выходе своей «Зимней сказки», сопроводив его письмом. В нем он с большой теплотой вспоминает Женни: «Начало книги я привезу Вам в Париж. Оно состоит из одних только романсов и баллад, которые Вашей жене понравятся (моя искренняя просьба — передать ей сердечный привет; я рад, что скоро вновь увижу ее...)»⁶.

ПО НОВОМУ ПУТИ

В течение первых месяцев своего пребывания в Париже Карл Маркс занимался почти исключительно подготовкой издания «Немецко-французского ежегодника». Так как Руге был болен, то основная часть этой работы легла на его плечи. В это же время он начал тщательно изучать положение и борьбу рабочего класса. Он установил связь с французскими рабочими, их вождями, а также с жившими в Париже немецкими рабочими и подмастерьями. Эти последние были объединены в тайную организацию — Союз спра-

ведливых, который поддерживал тесную связь с французскими рабочими. К вождям союза принадлежали живший по соседству с Марксом д-р Герман Мойерер и его друг д-р Герман Эвербек. С организацией своих соотечественников Маркс поддерживал особенно тесные контакты. В этом союзе широкое распространение получили коммунистические идеи высокоодаренного портняжного подмастерья Вильгельма Вейтлинга, жившего до 1841 года в Париже, а затем переехавшего в Швейцарию. Вейтлинг рассматривал коммунизм как результат борьбы рабочего класса. Это был крупный теоретический шаг вперед по сравнению с социалистами-утопистами и мелкобуржуазными сторонниками реформ, видевшими в рабочих всего лишь объект своих реформ, но не класс, способный вести борьбу, победить, установить свою власть и построить новое общество. Однако Вейтлинг не имел четкого представления, каким путем рабочий класс может достичь своей цели.

Маркс, который в Париже впервые установил связь с революционными рабочими, с большим уважением относился к их мужеству, их самоотверженности и самосознанию. Он все яснее понимал, что за буржуазной революцией должна последовать революция социалистическая и что молодой рабочий класс является той силой, которая призвана ее осуществить. Понимание этого отражено и в приводимых ниже словах, в которых дается оценка деятельности Вейтлинга, а вместе с ней и значимости первого теоретического достижения немецких рабочих и его перспективы: «Где у буржуазии, вместе с ее философами и учеными, найдется такое произведение об эмансипации буржуазии — о *политической эмансипации*, — которое было бы подобно книге Вейтлинга *«Гарантии гармонии и свободы»*? Стоит сравнить банальную и трусливую посредственность немецкой политической литературы с этим *беспримерным* и блестящим литературным дебютом немецких рабочих, стоит сравнить эти гигантские *детские башмаки* пролетариата с карликовыми стоптанными политическими башмаками не-

мецкой буржуазии, чтобы предсказать *немецкой Золушке* в будущем *фигуру атлета*»⁷.

Так идеи немецкого подмастерья Вейтлинга стали для философа Маркса одним из оснований его вывода об исторической роли рабочего класса вообще.

Под влиянием занятий мужа Женни также начала критически изучать рабочий вопрос. Она не могла присутствовать вместе с ним на нелегально проводимых собраниях, ибо доступ в тайные организации был крайне затруднен, но она неоднократно соприкасалась с проблемами рабочего класса, равно как и с коммунистическими идеями. В доме Маркса об этом говорили не только с Гейне и Мойрером, но и с теми многими людьми, которые часто у них бывали. В числе же последних — и вожди французского рабочего движения, и мелкобуржуазные социалисты, как, например, Луи Блан и Пьер Леру, и священники, проявлявшие интерес к социальным проблемам, а также французские и немецкие рабочие и подмастерья. Между ними разгорались жаркие споры о путях к лучшему общественному строю, за которыми Женни следила с особым интересом. Она знала, в каких условиях жили рабочие. Все, что она слышала от других и видела своими глазами, вызывало, должно быть, у нее ужас и отвращение, усиливало внутренний протест против общества, в котором люди, рожденные, чтобы жить, учиться и рационально трудиться, подвергаются эксплуатации, унижению и издевательствам только для того, чтобы его высшие слои могли обогащаться и развлекаться. Вот почему ее взор был обращен на рабочий класс, а в ней самой крепло убеждение в необходимости не только демократической революции, но и социальной. Как и все ее парижские друзья, она также занималась различными теориями, получавшими развитие в коммунистической и социалистической литературе.

Проницательная и неподкупная по своей натуре, Женни слишком хорошо знала жизнь имущих классов, чтобы полагать, будто эксплуатацию можно устранить путем

перевоспитания господствующих классов или путем реформ, предлагаемых мелкобуржуазными социалистами.

В письмах мужу из Трира, которые были написаны осенью 1844 года и к которым мы еще вернемся, она подшучивает над мелкобуржуазным социализмом ее домашнего врача д-ра Шлейхера, друга супругов Маркс. Суровый приговор — революционные «бредни»! — вынесенный ею в адрес книги, которую прислала Эмма Гервег и название которой нам неизвестно, равным образом свидетельствует о ее отрицательном отношении к утопическому и мелкобуржуазному социализму. Живо и горячо она интересовалась идеями своего мужа.

Между Карлом и Женни часто велись продолжительные и оживленные беседы. Ее захватывала сила его идей. Своими вопросами и критическими замечаниями она помогала ему. Она настаивала на том, чтобы он не прерывал своих научных исследований. Хотя Маркс не нуждался при этом ни в каких внешних стимулах, все же растущая вера Женни в правильность избранного им пути укрепляла в нем собственную убежденность и активизировала его энергию. Карл был благодарен ей за это, ибо до того, как он сблизился с Энгельсом, Женни была единственным человеком, понимавшим и поддерживавшим его.

Свои новые научные выводы Маркс впервые опубликовал в первом номере «Немецко-французского ежегодника». В нем он обращался с призывом к рабочему классу как носителю грядущей социальной революции. Этот номер, вышедший в конце февраля 1844 года, стал, в сущности, и последним. Между Арнольдом Руге и Марксом возникли серьезные политические разногласия, так как Руге, оставаясь мелкобуржуазным демократом, не пожелал идти вместе с Марксом по пути, который вел к рабочему классу. К тому же прусский король поручил своим чиновникам всячески препятствовать нелегальному провозу в Германию этого опасного журнала. Большая часть его тиража попала в руки полиции. Одновременно был отдан приказ об аресте

Маркса, Руге, Гейне и других сотрудников журнала, как только те ступят на прусскую землю.

Закрытие журнала лишило семью Маркса основного источника существования, и к тому же Руге не постеснялся вместо денег выплатить Марксу его жалованье экзemplярами самого журнала. Эта выходка была тем более подлой, что Женни готовилась стать матерью.

ПЕРВЫЙ РЕБЕНОК

1 мая 1844 года Женни родила первого ребенка, девочку. Ее назвали Женни. Рождение дочери стало для Женни Маркс самым большим счастьем, которым жизнь наградила ее за все эти годы, вершиной любви. Но вскоре состояние малютки стало вызывать у родителей большую тревогу, так как ребенок ослаб настолько, что они начали было предполагать наихудшее.

В июне Женни с малышкой отправилась в Трир в надежде, что там в лучших условиях и с помощью своего старого домашнего врача ей удастся выходить девочку. Другой причиной ее поездки были начавшиеся в семье финансовые неурядицы. Позже она научилась спокойнее переносить подобные и еще более тяжелые удары, но этот, первый, сильно встревожил ее. Она еще не знала, что такое быть женой революционера, борца против эксплуататорского строя. По-настоящему она поняла это после поражения революции 1848 года, когда, находясь в Лондоне, испытала ни с чем не сравнимые удары судьбы. Но уже и после этой поездки в Трир новые жертвы стали для нее как бы естественны.

В Трире она противопоставляла местным сплетницам свою гордость. Имея в гардеробе несколько парижских платьев и французскую шляпку, она держалась так, словно была женой преуспевающего публициста.

«Впрочем, со всеми я держусь гордо, и моя внешность

и манеры полностью оправдывают это гордое поведение. Во-первых, я элегантнее всех, и, кроме того, никогда еще в своей жизни я не выглядела такой здоровой и цветущей, как теперь», — пишет она мужу. «Это лучший и убедительнейший аргумент, и если я за это буду бита, никто этого не увидит»⁸.

К великой радости матери, здоровье дочурки Женни быстро пошло на поправку. Ее домашний врач посоветовал взять кормилицу, так как искусственное кормление не способствовало тому, чтобы ребенок окреп, и Женни последовала его совету. Вскоре Карл уже мог успокоить ее относительно финансового положения в семье. Старые друзья из Кёльна прислали 1000 талеров, чтобы Маркс мог продолжать научную работу. Им удалось даже продать для него экземпляры «Ежегодника», которые Руге передал ему вместо жалованья.

«Ты не представляешь, мой любимый, как обрадовали меня твои письма и как твое последнее пастырское послание, о первосвященник и епископ моего сердца, успокоило твою бедную овечку. Конечно, неразумно и глупо терзать себя всевозможными тревогами и мыслями о неясной перспективе, я сама это очень хорошо понимаю в моменты самоистязания, но дух готов, а плоть слаба, и поэтому лишь с твоей помощью я в состоянии изгнать демонов. Последние твои сообщения принесли настолько действенное и ощутимое утешение, что было бы неправильно снова впадать в уныние... Во всяком случае, я вернусь до зимы, разве я могу устоять против той милой сердечности, которая сквозит в твоих строках...

Как я радуюсь тому, что после долгой разлуки я снова буду блаженно покоиться у твоего сердца, в твоих нежных объятиях. Сколько мне нужно будет тебе рассказать и сколько усилий понадобится с твоей стороны, чтобы снова поднять меня на высоту принципов, ибо в маленькой Германии нелегко быть в курсе дела. Как рад ты будешь нашей девчурке, — продолжает она, преисполненная счастья

молодой матери.— Я убеждена, что ты не узнаешь наше дитя, но глазки и черные волосики все же выдадут ее. Во всем остальном она совершенно изменилась, но все очевиднее становится, что она похожа на тебя. Вот уже несколько дней она ест супчик из привезенных мной овощей, который ей очень нравится. Во время купания она так шлепает своими маленькими ручонками, что заливает всю комнату, или сует свой пальчик в воду, а потом жадно сосет... Когда она плачет, мы ей сразу показываем цветы на ковре, и тогда она замирает, как мышка, и долго смотрит, пока у нее не появляются на глазах слезы... Впрочем, она — само веселье. Ее смешит каждая гримаса. Ты увидишь, какую чудесную девчурочку я тебе привезу... Карлхен, долго ли наша куколка будет исполнять соло? Боюсь, я боюсь, что, когда папа и мама снова окажутся вместе, будут жить по принципу имущественной общности, скоро появится дуэт»⁹.

Даже находясь в Трире, Женни внимательно следила за политической работой мужа. Она настаивала на том, чтобы он скорее представил общественности свои научные выводы. Ему следовало также скорее расквитаться со своим старым другом Бруно Бауэром, который по-прежнему находил удовлетворение в самоизоляции от действительности. «Ах, Карл, делай скорее то, что ты задумал,— пишет Женни и затем продолжает: — Только не пиши так желчно и раздраженно. Ты знаешь, насколько сильнее действовали твои другие статьи. Пиши по существу, но тонко, с юмором, легко. Пожалуйста, родной мой, дай перу свободно скользить по бумаге: не беда, если оно где-нибудь споткнется или даже целая фраза будет неуклюжей. Мысли твои все равно остаются в строю, как гренадеры старой гвардии, исполненные мужества и достоинства, и могут тоже сказать: она умирает, но не сдается. Какая важность, если мундир сидит свободно и не так туго затянут? Как красиво выглядит на французских солдатах их легкая, свободная форма. И вспомни наших неуклюжих пруссаков. Разве они не внушают тебе отвращения! Ослабь ремень, освободи ворот,

сдвинь шлем — дай свободу причастным оборотам, пусть слова ложатся так, как им удобней. Армия, идущая в бой, не обязательно должна маршировать по уставу. А разве твое войско не идет в бой? Желаю счастья полководцу, моему черному господину»¹⁰.

Она ясно понимала, что зреет революция. «Разве не чувствуются всюду,— пишет она после волнений в Бреслау летом 1844 года,— признаки подземных толчков и колебания почвы, на которой общество построило свои храмы и лавки? Я думаю, что время-крот скоро перестанет рыть под землей,— в Бреслау * ведь уже снова засверкали зарницы»¹¹.

Примечательно то, что эту оценку обстановки в Германии Женни дала совершенно независимо от своего мужа и располагая всего лишь скудной газетной информацией о происходящих событиях.

В другом письме, посланном ею после покушения на короля Пруссии, совершенного одним обреченным на голодную смерть, она с саркастическим юмором пишет о прусско-реакционной системе: «Получила твое письмо как раз в тот момент, когда все колокола звонили, пушки палили и благочестивая толпа шествовала во храм, чтобы воздать хвалу небесному богу за то, что он столь чудесно спас бога земного. Можешь себе представить, с каким странным ощущением я читала во время этого торжества песни Гейне и тоже присоединяла к ним и свою осанну... Когда я услышала, как маленький зеленый кузнечик, кавалерийский капитан Х., декламировал об утраченной девственности, я подумала, что он имеет в виду не иначе, как святую непорочную девственность святой Марии, ибо ведь это же безусловно единственная официально констатированная девственность,— но о девственности прусского государства! Нет, понятие о таковой я уже давно утратила. При всем ужасе непорочному прусскому народу все же остается одно утешение, и именно

* Современное название — Вроцлав.— *Ред.*

то, что побудительной причиной этого деяния был не политический фанатизм, а чисто личная жажда мести... но именно в этом опять-таки заключается еще одно доказательство того, что в Германии невозможна политическая революция, зато для социальной революции налицо все зачатки ее... Этот человек, подвергаясь постоянной опасности голодной смерти, три дня тщетно нищенствовал в Берлине — таким образом социальное покушение на убийство! Если когда-нибудь дело начнется, то оно начнется именно с этой стороны...»¹²

Это письмо Маркс опубликовал в немецкой газете «Форвертс», выходящей в Париже, сотрудником которой он являлся, под заголовком «Из письма одной немецкой дамы».

В сентябре 1844 года Женни возвратилась в Париж. Она увидела своего мужа в приподнятом настроении. Причиной тому явились два события. Одним из них было июньское восстание силезских ткачей, которое он справедливо назвал первым проявлением революционной силы немецкого пролетариата. Второе событие носило частный характер, но и ему суждено было войти в историю: Карл Маркс встретил соратника и друга, с которым он отныне и до конца своей жизни шел плечом к плечу дорогой совместной борьбы.

В августе Маркса посетил Фридрих Энгельс, прибывший из Англии. Молодой торговый служащий из Бармена в процессе своего бурного духовного развития был, как и Маркс, сначала младогегельянцем, затем революционным демократом, а позднее сторонником философского материализма. В Англии он стал коммунистом и пришел к тем же выводам, что и Маркс. Он уже опубликовал в «Немецко-французском ежегоднике» свои «Наброски к критике политической экономии», в которых заложил основы критики буржуазной политической экономии и, следовательно, критики капитализма с позиций пролетариата.

Во время десятидневного пребывания Энгельса в Париже между ним и Марксом выявилось полное согласие во всех

основных теоретических вопросах и стало уже очевидным, что в будущем свой путь они пройдут вместе. Эта встреча положила начало крепкой дружбе и в самом прямом смысле слова социалистической кооперации двух немецких титанов мысли.

Осенью и зимой Маркс продолжал работать над произведением, на быстрейшем завершении которого Женни столь упорно настаивала еще летом. Энгельс написал несколько глав. Книга вышла в свет в феврале 1845 года под названием «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании».

Женни была рада возвращению в Париж и надеялась на чудную зиму и весну во французской столице. Но этим надеждам не суждено было оправдаться. В январе 1845 года в доме номер 38 по улице Ванно появился комиссар полиции. Он передал Марксу приказ французского правительства о его высылке, изданный по настоянию прусского короля. Марксу надлежало покинуть Францию в течение 24 часов. Он выехал в Брюссель, чтобы оттуда продолжить свою борьбу. Женни было разрешено остаться в Париже еще на некоторое время. Ей досталась неприятная задача — решить все дела, связанные с их имуществом. Когда все было улажено, она еще несколько дней оставалась у Гервегов. Простившись затем с парижскими друзьями, она в один из студеных февральских дней с маленькой Женни на руках отправилась в Бельгию.

Вместе с рабочим классом



В БРЮССЕЛЕ

Молодая женщина с удивительным спокойствием приняла этот второй удар, нанесенный ей реакцией. В записной книжке Карла Маркса брюссельского периода имеются вписанные рукой Женни поручения, которые она дала ему в связи с переездом и поисками жилья в Бельгии. Это были непритязательные пожелания, изложенные с чувством юмора: «...ее (детскую.— Л. Д.) и твой рабочий кабинет обставить совсем просто... Была бы одна хорошая комната.

Кухню можно не оборудовать. О кухонной посуде я сама позабочусь. Постель и белье тоже можно не включать в обстановку. Каковы вообще цены на мебель, потому что все равно мебель придется покупать, в случае если я нашу даже привезу... Остальное я предоставляю на мудрое усмотрение моих высоких покровителей; еще я прошу обратить особое внимание, чтобы были какие-нибудь стенные шкафы, они имеют большое значение для домашней хозяйки, эти вещи достойны внимания, и пренебрегать ими не следует. Как бы еще разместить получше книги.

А засим аминь!»¹

Однако Маркс, беспомощный в мелочах будничной жизни и обремененный многочисленными проблемами как

личного, так и политического характера, не сумел найти подходящее жилье. Женни же пришлось продать мебель и даже часть белья, чтобы иметь деньги на переезд, так как раздобыть их иным путем, несмотря на все усилия, оказалось невозможным. Так, в силу обстоятельств им пришлось поселиться вначале в отеле «Буа Соваж».

Когда перед семьей Маркса встали тяжелые финансовые проблемы, вызванные переездом в Бельгию, Фридрих Энгельс впервые проявил себя как верный друг и помощник. Он писал Марксу из Бармена, где находился некоторое время у родителей: «Наконец, после длительной переписки, я только что получил из Кёльна твой адрес и сейчас же сажусь тебе писать. Как только пришло известие о твоей высылке, я счел необходимым тотчас же открыть подписку, чтобы по-коммунистически распределить между всеми нами твои непредвиденные расходы в связи с высылкой. Дело пошло хорошо, и недели три назад я послал свыше 50 талеров Юнгу; я написал также дюссельдорфцам, которые собрали столько же, а в Вестфалии поручил агитировать в этом направлении Гессу... Так как я не знаю, хватит ли этих денег, чтобы ты мог устроиться в Брюсселе, то, само собой разумеется, я с величайшим удовольствием предоставлю в твое распоряжение свой гонорар за первую английскую работу *, который я скоро получу хотя бы частично и без которого я в данный момент могу обойтись, так как займу у своего старика **. Эти собаки не должны, по крайней мере, радоваться, что причинили тебе своей подлостью денежные затруднения. Верх мерзости, что тебя заставили еще заплатить за квартиру вперед. Боюсь, впрочем, что тебя не оставят в покое и в Бельгии и что тебе придется, в конце концов, переехать в Англию» ².

Что касается этого последнего замечания, то здесь Энгельс частично оказался прав. Прусское правительство

* Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии.— *Ред.*

** Фридриха Энгельса-старшего, отца Энгельса.— *Ред.*

продолжало преследовать Маркса и в Бельгии, потребовав в конце концов от бельгийского правительства его высылки, что могло бы означать для Маркса длительное тюремное заключение в Пруссии. Чтобы избежать грозящей расправы, Марксу не оставалось ничего иного, как отказаться от прусского подданства. Он решился на этот шаг с тяжелым сердцем. После длительных переговоров с прусским посланником в Бельгии его просьба была удовлетворена. Однако Маркс не перешел и в другое подданство. В те периоды, когда прусское правительство следовало более либеральным курсом, он неоднократно ходатайствовал о восстановлении прусского подданства. Но всякий раз эти попытки оставались безуспешными.

Сразу после прибытия в Бельгию он должен был дать бельгийским властям обязательство не писать статей для бельгийской печати по текущим политическим вопросам. Это ограничило не только политическую деятельность, но и заработок Маркса, что очень тяжело отразилось на семье. Лишь после многочисленных переездов с одного места на другое они нашли квартиру, соответствовавшую их материальным возможностям. Это был маленький домик на улице Альянс в Сен-Лувен, рабочем предместье Брюсселя. Они, как, впрочем, и другие брюссельские эмигранты, жили очень бедно. «Ну и колония пауперов собирается в Брюсселе!»³ — писала как-то Женни в начале своего пребывания там. Но уже вскоре она чувствовала себя уютно в этой новой скромной жизни.

Помощь особого рода оказала Женни ее мать: госпожа фон Вестфален прислала дочери «как самое лучшее из всего, что могла ей дать», свою верную служанку Ленхен, Елену Демут, друга и помощницу семьи Маркс, чье имя стало бессмертно.

Елена Демут родилась в крестьянской семье в Санкт-Венделе в Сааре. Ее отец содержал пекарню. Восьми- или девятилетней девочкой Ленхен попала в дом Вестфаленов, где к ней относились с большим уважением и где она полу-

чила лучшее воспитание, чем большинство девочек ее происхождения, прислуживавших в богатых домах. С большой любовью она относилась к старикам Вестфаленам и, будучи уже в преклонном возрасте, рассказывала дочерям Женни об их дружеском и добром отношении к ней. Но больше всего она была привязана к Женни, с которой вместе росла.

Крепкая, умная и практичная, общительная и энергичная девушка охотно приехала в Брюссель. На фотографии тех лет мы видим милое лицо со строгими крестьянскими чертами, говорящее о доброте, искренности и скрытом юморе. У госпожи фон Вестфален она прошла прекрасную выучку в ведении всяких домашних дел, и прежде всего научилась хорошо готовить, печь и шить, умела вести домашнее хозяйство. Ленхен быстро освоилась на новом месте. Способствовало этому и то, что, будучи родом из Саара, она хорошо говорила по-французски. Вскоре ее присутствие в семье стало для всех ощутимой поддержкой. И хотя это не устраняло нужду, тем не менее повседневная жизнь стала легче и стабильнее, поскольку Женни сама часто оказывалась довольно беспомощной в своих повседневных заботах. Когда же материальное положение Марксов стало настолько бедственным, что они не в состоянии были платить Елене Демут жалованье, Женни решила отправить ее на родину. Но Ленхен наотрез отказалась и осталась у Марксов. В этой книге еще не раз будет упомянуто ее имя.

ПРИЕЗД ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА

Почти одновременно с Еленой Демут, в апреле 1845 года, в Брюссель прибыл Фридрих Энгельс. Он поселился там на длительный срок по соседству с Марксами. Женни с большим нетерпением ждала его приезда. Она искренне радовалась представившейся наконец возможности лично познакомиться с другом мужа, о котором он так часто

рассказывал и который в своих письмах Марксу высказывал в ее адрес много добрых слов. С еще большим нетерпением ждал приезда своего соратника Маркс, горящий желанием совместно с ним продолжить работу и борьбу.

С первой минуты знакомства друзья стали почти неразлучными. Они с головой погружались в дискуссии, работая, вынашивая планы. Богаче стала и жизнь Женни.

Фридриху Энгельсу, который был моложе Маркса на два года, было в ту пору около 25 лет. Он родился в богатой семье барменского фабриканта. Хотя его детство и юность прошли беззаботно, они были все же далеко не такими радостными, как детство и юность Карла и Женни Маркс. Его отец был пиетистом, то есть приверженцем одного из течений в протестантской церкви, отличавшегося особой нетерпимостью и религиозным фанатизмом. К тому же в семье он был настоящим тираном, которого боялись все, в том числе и жена. Мать Фридриха Энгельса, в противоположность отцу, была замечательной, доброй женщиной. Сын на протяжении всей своей жизни относился к ней с любовью и нежностью и охотно рассказывал о ней Карлу и Женни. Между сыном и отцом, напротив, отношения были весьма напряженными. Уже будучи подростком, он восставал против лицемерия, царившего в родительском доме. Отец, стремясь навязать сыну свои религиозные воззрения и сделать из него прежде всего рьяного коммерсанта, попытался суровостью сломить в нем этот бунтарский дух. Но эти попытки не принесли успеха. Обучаясь в конторе одной крупной фирмы в торговом городе Бремене, Энгельс поборо в себе вскоре воспитанные в нем религиозные представления и перешел в лагерь младогегельянцев, несмотря на то что отец преднамеренно поселил его в доме священника. Уже в девятнадцатилетнем возрасте отношение Энгельса к тому миру, в котором он вырос, было настолько критическим и отрицательным, что в своих «Письмах из Вупперталя» он вскрыл тяжелые условия на тамошних фабриках и, в частности, бессовестную эксплуатацию многих тысяч

детей. Вокруг статей, опубликованных им в «Телеграф фюр Дойчланд», органе литературной группы «Молодая Германия», было поднято много шума в его родном городе. Они были подписаны псевдонимом, ибо в противном случае разразился бы крупный семейный скандал.

Однако с возвращением Энгельса из Англии противоречия между сыном и отцом проявились еще сильнее. Фридрих Энгельс заявил родителям о своем отказе быть коммерсантом и, помимо всего прочего, стал выступать в прирейнских городах с речами о коммунизме. В письме Марксу, написанном незадолго до переезда в Брюссель, он повествует о той неблагоприятной обстановке, которая сложилась в доме отца.

«Я веду тут поистине собачью жизнь. История с собраниями и «беспутство» некоторых наших' здешних коммунистов, с которыми я, разумеется, встречаюсь, снова вызвали у моего старика * взрыв религиозного фанатизма. Мое заявление, что я окончательно отказываюсь заниматься торгашеством, еще более рассердило его, а мое открытое выступление в качестве коммуниста пробудило у него к тому же и настоящий буржуазный фанатизм... Когда я получаю письмо, то его обнюхивают со всех сторон, прежде чем передают мне. А так как они знают, что все эти письма от коммунистов, то строят при этом такую горестно благочестивую мину, что хоть с ума сходи. Выхожу я,— все та же мина. Сижу я у себя в комнате и работаю,— конечно, над коммунизмом, это известно,— все та же мина... Что бы я ни делал — уйду ли я или остаюсь дома, молчу или разговариваю, читаю или пишу, смеюсь или нет — мой старик строит все ту же отвратительную гримасу»¹.

Это письмо напомнило Женни, чья сводная сестра также была сторонницей пиетизма, о подобной обстановке.

Отец не смог все же помешать сыну стать революционером, как и не смог подавить в нем жизнерадостность.

* Фридриха Энгельса-старшего, отца Энгельса.— *Ред.*

Энгельс пришел к Карлу и Женни не только как соратник и один из основоположников научного социализма, но и как веселый, преисполненный оптимизма человек, наслаждавшийся жизнью всеми фибрами своего существа, хорошо знавший свет и умевший быть прекрасным собеседником. Типичный представитель Рейнской провинции, как и они сами, Фридрих Энгельс, или Фриц, как тогда называла его Женни, был полон юношеского задора и всегда готов к веселым шуткам. Он был истинным спортсменом, любил плавать, хорошо фехтовал и ездил верхом на лошади, что и позднее, в Англии, делал с удовольствием.

С четой Марксов он разделял любовь к литературе и искусству. Подобно им, он обладал тонким и оригинальным пониманием искусства и культурного наследия, и вскоре выяснилось, что и в этой области их мнения чаще всего совпадают. Так же как Маркс и Женни, Энгельс питал особую любовь к фольклору. Он увлекался главным образом старинными народными книгами, любил истории о детях Хеймона, о прекрасной Магелоне, о Тиле Уленшпигеле, о семерых швабах, о Шильдбюргерах, но особенно — легенду о Зигфриде. С Женни в особенности он разделял любовь к театру.

Он много путешествовал и помимо доброй части Германии и Англии объездил также Швейцарию и Верхнюю Италию. Уже тогда он слыл гением в области языков, писал не только по-немецки, английски и французски, но и по-голландски, испански, итальянски. С годами он выучил и другие европейские языки. Известный позднее также своими значительными работами в военно-политической области и прозванный в кругу друзей Генералом, Энгельс еще в Брюсселе с удовольствием занимался военными вопросами, что являлось, несомненно, весьма важным ввиду приближавшейся революции.

Но прежде всего он был для семьи Маркса надежным другом, всегда готовым прийти ей на помощь. Втроем они проводили приятно и интересно многие часы. Конечно же

их беседы касались первым делом философии и политики, главным образом борьбы рабочего класса.

Фридрих Энгельс только что завершил свой эпохальный труд, посвященный английскому рабочему классу, «Положение рабочего класса в Англии». Книга вышла в свет в мае 1845 года. Мы можем предположить, что это произведение Женни читала с таким же интересом и волнением, с каким и теперь мы его изучаем, и что она так же часто, как и ее муж, слушала рассказы Энгельса о жизни английских рабочих.

Англия располагала в то время самым многочисленным, политически и организационно самым передовым рабочим классом. Английские рабочие уже имели свои профсоюзы. В рабочей среде зародилось и получило дальнейшее развитие первое крупное массовое политическое движение — чартизм, названное так от слова «чарты» (хартия), в которой английские рабочие и буржуазные радикалы изложили свои требования к парламенту страны, касавшиеся, в частности, предоставления всеобщего избирательного права, правда — что было в духе того времени — только мужчинам. Под петицией было поставлено 1 280 000 подписей. Петиция была отклонена, а многие чартистские лидеры арестованы. Но в этих битвах зрело классовое сознание английских рабочих. За первой петицией последовала в 1842 году вторая, в которой рабочие выдвигали требования, затрагивающие интересы буржуазии: прежде всего сокращения рабочего дня, более высокой платы за свой труд, фабричного законодательства и отмены сурового закона о неимущих, введенного буржуазией на своих предприятиях. Число подписей, стоявших под этой петицией, составило 3 315 000. Когда же и она была отклонена, в стране вспыхнула стачечная борьба. Еще, видимо, в Брюсселе Маркс, Энгельс и Женни стали прямыми свидетелями успеха этого движения: в 1847 году английский парламент принял закон о десятичасовом рабочем дне для рабочих текстильной промышленности, главным образом для женщин и детей.

Правда, фабриканты часто нарушали этот закон, но все-таки он означал победу рабочего класса.

В конце 1842 года Фридрих Энгельс возвратился в Англию, где служил в конторе фирмы «Эрмен и Энгельс», совладельцем которой был его отец. В стране, и особенно в Манчестере, крупнейшем в то время индустриальном городе Англии, все еще ощущались отзвуки крупных чартистских битв. Докатились они и до рабочих и работников фирмы «Эрмен и Энгельс». Молодой служащий, сын фабриканта, сразу же оказался в гуще происходящих событий. Еще в Бармене Энгельс смог убедиться в том, что означала капиталистическая эксплуатация. В Манчестере он стал изучать жизнь английских рабочих, штудировать газетные сообщения и статистические данные, заниматься экономикой. Он обошел рабочие кварталы Манчестера, побывал в жилищах рабочих, присутствовал на их собраниях. Наконец, он установил связь с левыми вождями чартистов, и прежде всего с Джорджем Джулианом Гарни, и сотрудничал в его газете «Нозерн стар».

Фридрих Энгельс, так же как Маркс и Женни, восхищался боевым духом, самосознанием и глубоким гуманизмом революционных рабочих. Это восхищение стало еще большим после его встречи с ирландской девушкой, работавшей на прядильной фабрике фирмы «Эрмен и Энгельс», которую он полюбил искренне и горячо. Ее звали Мери Бёрнс. Она была не только юна и мила. Прежде всего Мери была человеком порядочным, не потерявшим чувство собственного достоинства, обладавшим классовым сознанием и зажигательным ирландским темпераментом. Вместе с Энгельсом она бывала в рабочих кварталах Манчестера, помогая ему лучше познакомиться с бедственным положением и борьбой пролетариата. Через Мери и ее друзей он впервые установил связь с английскими рабочими. Энгельс не разлучался с ней до конца ее жизни.

Женни Маркс, которая придерживалась привитых ей воспитанием нравственных понятий, не могла, к великому

огорчению Энгельса, признать его гражданский брак с девушкой из рабочей среды. Позднее она, видимо, сделала это, и все же между нею и Мери, обладавшей чувством гордости, независимой и самостоятельной девушкой-пролетаркой, так и не сложилось доверительных отношений. Однако — здесь мы должны сразу оговориться — сердечная дружба связывала ее со второй женой Энгельса, Лиззи, сестрой Мери, с которой Энгельс после смерти Мери также состоял в гражданском браке до последних дней ее жизни.

СОВМЕСТНАЯ БОРЬБА

Маркс горел желанием на месте познакомиться с условиями, царившими в Англии. Это было необходимо для продолжения его теоретической работы. Друзья смогли собрать деньги для почти полуторамесячного путешествия в страну, расположенную по другую сторону Канала. Во время поездки, продолжавшейся с середины июля до конца августа 1845 года, они побывали в Манчестере и Лондоне, где Маркс получил не только первое живое представление об экономических условиях Англии, но и возможность непосредственно соприкоснуться с английским рабочим движением и завязать отношения прежде всего с лондонской секцией Союза справедливых, которой было суждено сыграть важную роль в истории немецкого рабочего движения.

В это время Женни вместе с Еленой Демут и маленькой Женни находилась у матери в Трире. Она радовалась тому, что своим приездом вновь смогла доставить радость старой женщине. С тех пор как Женни вышла замуж, жизнь не баловала госпожу фон Вестфален. Она была одинока, и это одиночество было еще больше омрачено отъездом ее сына Эдгара из Германии. Вначале он некоторое время находился в Соединенных Штатах Америки, а теперь жил у Карла и Женни Маркс в Брюсселе. Ввиду таких обстоятельств Женни оставалась в Трире дольше предполагавшегося срока

и только в середине сентября возвратилась в Брюссель. 26 сентября она родила вторую доченьку, маленькую Лауру.

Письмо Женни, написанное ею в дни пребывания в Трире, свидетельствует о том, что к этому времени она чувствовала себя уже уверенно в той новой жизни, которая началась для нее вместе с борьбой на стороне мужа. Восторги и робость, еще чувствовавшаяся в письмах парижского периода, уступили место спокойному и решительному тону. Каждая строка ее письма наполнена твердой уверенностью и душевной нежностью матери и жены, испытывающей чувство глубокой любви к своему мужу.

«Хотя наши письма на этот раз разминулись, мой дорогой Карл,— пишет Женни в августе 1845 года,— я рассматриваю твое письмо уже как ответ на мои последние строки...

Ты, добрая душа, обдумываешь все обстоятельства с такой заботой и любовью, что мне сразу стало тепло и уютно, когда я прочитала твои милые строчки. Но я все еще колеблюсь, ехать или оставаться, и во всяком случае, не наметила твердо определенного срока отъезда... Знал бы ты, каким блаженством для моей матери является наше пребывание вместе, какой неисчерпаемый источник счастья и радости жизни представляет для нее созерцание любимой малютки, каким утешением для нее является мое присутствие. И все это я должна снова отнять у нее одним жестоким словом...»⁵

Находясь вдали от мужа, она энергично готовится к появлению на свет второго ребенка, обдумывая также вопрос о том, как произвести в доме необходимую перестановку, чтобы его рождение не помешало Марксу отдыхать после напряженной работы. «В доме,— пишет она,— места должно хватить. Зимой ведь его требуется меньше... После того как совершится главное дело на втором этаже, я переберусь вниз. Ты сможешь спать в своем теперешнем кабинете, а в большой гостиной обосноваться для работы. Это будет очень хорошо. Детская возня сосредоточится внизу,

и тебе наверху мешать не будет, а в свободные минуты я смогу к тебе подниматься и наводить в комнате некоторый порядок... На всякий случай, надо как можно скорее поставить в комнате хорошую печь со всем, что для нее полагается. Это дело Брейера, так как нельзя снимать неотапливаемую комнату. Надо бы заблаговременно связаться с г-ном хвастуном, а то получится так же, как с блаженной памяти кухонным столом. Все остальное я устрою сама... По мне, было бы совсем замечательно, если бы ты мог выехать мне навстречу. До Вербье слишком далеко и ни к чему. Может быть, до Льежа. Справься о какой-нибудь тамошней гостинице, в которой мы могли бы встретиться...

Женнихен,— продолжает она,— сидит рядом со мной и тоже пишет папе, о котором она постоянно говорит... Прощай, дорогой мой, передай привет Эдгару и другим и помни о любимой маме и ребенке»⁶.

Маркс и Энгельс по возвращении из Англии продолжили свою совместную работу. Шла подготовка «Немецкой идеологии», в которой они впервые подробно развивали тезисы диалектического и исторического материализма, формировали основу мировоззрения революционного пролетариата. Женни напряженно следила за ходом работы над этим произведением. «Лишь бы великая катастрофа (предстоящие роды Женни.— Л. Д.) не разразилась как раз во время твоей работы над книгой, появления которой я ожидаю с тревогой»,— писала она в вышеупомянутом письме. В другом письме из Трира она вновь возвращается, на сей раз уже требовательно, к работе над этой книгой. Письмо написано 24 марта 1846 года, когда Женни из-за тяжелой болезни матери снова находилась в родном городе.

«Прежде всего,— говорится в письме,— принимайся за свою книгу. Время совершенно не терпит с этим. Даже меня атакуют здесь по этому поводу. Шлейхер уже дважды меня об этом спрашивал и горько жаловался на те книги, которые попали ему в руки. Действительно, они плохи.

Они все должны довольствоваться Грюном и Руге и не

знают, как им с этим разобраться... Сам Шлейхер доступен всем. Но недостаток знаний слишком велик. Лжепророки так засорили это поле деятельности»⁷. Маркс и Энгельс завершили работу над книгой, но в сложившихся к тому времени условиях они не нашли никого, кто согласился бы ее издать. Это, видимо, огорчало и сердило Женни. Надо сказать, что Маркс и Энгельс почти всегда сталкивались с величайшими трудностями, когда дело касалось распространения их новых, миропреобразующих идей. В Брюсселе у них не было сначала ни газеты, ни организации, при помощи которых они могли бы пропагандировать свое учение. Поэтому борьба требовала от них не только большого напряжения сил, упорного повседневного труда, но и больших материальных жертв. При участии некоторых из их друзей они учредили в Брюсселе Коммунистический корреспондентский комитет, в задачу которого входило установление связей с революционными рабочими организациями, а также социалистами и демократами других стран с целью их привлечения к числу сторонников своего учения.

Учреждение комитета получило широкую поддержку, так как во всех революционных и прогрессивных кругах давно уже назрела потребность в политическом просвещении. В Лондоне, Париже и Копенгагене, а также в Кёльне, Бреслау, Эльберфельде и других городах Германии стали создаваться подобные комитеты. Разворачивались бурные дискуссии. Брюссель, а в нем прежде всего дом Маркса, быстро стал признанным и авторитетным центром революционного движения. Вокруг основоположников научного социализма начали группироваться выдающиеся борцы.

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ И СОРАТНИКИ

Из числа новых друзей, примкнувших в эти годы к Марксу и Энгельсу, Женни познакомилась вначале с Фердинандом Фрейлигратом. Он вместе со своей молодой женой Идой

уже находился в Брюсселе, когда Женни прибыла туда в феврале 1845 года. В отношениях между обеими супружескими парами, семьей Маркса и семьей Фрейлиграта, вначале присутствовала некоторая сдержанность. Фрейлиграт, который в свои 30 лет был уже известным поэтом, относительно поздно примкнул к лагерю революционеров. «Рейнише цайтунг» подвергла его в свое время резкой критике. Но уже в 1844 году он опубликовал сборник стихов «Символ веры», сделавший его политическим изгнанником. Сборник содержал, наряду с первыми призывами Фрейлиграта к свободе, стихотворение «В горах Силезии», посвященное силезским ткачам. Постепенно между семьями установились искренние отношения, а их встреча в Брюсселе явилась прологом крепкой дружбы, которая связывала их в революционные 1848—1849 годы. Фрейлиграты покинули Брюссель вскоре после приезда туда Женни. Они направились в Швейцарию, а позднее переехали в Англию, где Фрейлиграт, по профессии коммерсант, поступил на службу.

Дальнейшее творчество Фрейлиграта свидетельствовало о том, что встреча с Карлом и Женни Маркс оказала на него значительное влияние. Его поэзия набирала силу. Он написал прекрасный цикл стихов «Ça îga», ставший предвестником грядущей революции. В нем впервые прозвучал мотив силы человека труда, создающего все блага и способного остановить локомотив истории, стоит ему только захотеть это.

Ведь все зависит от меня: лишь поворот руки один —
И роскоши твоей конец, и в бездну ты падешь с вершин! ⁸

Так Фрейлиграт обращается к королю устами кочегара на королевском пароходе.

В Брюссель приехал также поэт Георг Веерт, друг Фридриха Энгельса. Он тоже примкнул к основоположникам научного социализма и был тесно связан с ними на протяжении всей своей короткой жизни.

Фридрих Энгельс назвал Георга Веерта первым поэтом пролетариата. Сын окружного церковного инспектора из Билефельда, он, как и его друг, являлся торговым служащим в Англии и, подобно ему, был знаком с бедственным положением и борьбой английского пролетариата. В 1845 году Веерт опубликовал свои знаменитые «Ланкаширские песни», среди которых есть одна, где поэт впервые воспевает международную солидарность, это самое ценное достояние рабочего класса.

Они собрались для пира,—
А лето кругом цветет! —
Из Йорка и Ланкашира
Веселый и буйный народ.

Смеялись и песни орали
До света вечерних огней.
А вечером парни узнали
О битве силезских ткачей.

Когда им все стало известно,
Вскочили здоровяки,
Вскочили в ярости с места,
Огромные сжав кулаки.

И шляпами махали
И слезы роняли из глаз.
Поля вокруг громыхали:
«Силезия, в добрый час!»⁹

В Брюсселе к Марксу и Энгельсу примкнул и Вильгельм Вольф. Самый известный из числа их соратников, он до последних дней своей жизни был тесно связан с Марксом и его семьей. Сын силезского крестьянина, он был умным, благородным, преданным и стойким человеком, испытанным революционером. О его приезде в Брюссель Фридрих Энгельс рассказывал: «Было это, если я не ошибаюсь, приблизительно в конце апреля 1846 года. Маркс и я жили в то время в одном из предместий Брюсселя; мы были как раз заняты вместе одной работой, когда нам сообщили, что с нами желает говорить какой-то господин из Германии.

Мы увидели человека небольшого роста, но очень крепкого сложения; выражение лица настолько же свидетельствовало о доброжелательности, как и о спокойной решительности; фигура восточногерманского крестьянина в одежде восточногерманского захоластного бюргера. Это был Вильгельм Вольф. Преследуемый за нарушение законов о печати, он счастливо избежал прусских тюрем. При первом взгляде на него мы не подозревали, какой редкостный человек скрывается под этой невзрачной внешностью. Не прошло и нескольких дней, как между нами и новым товарищем по изгнанию установились сердечные дружеские отношения, и мы могли убедиться, что имеем дело с отнюдь не заурядным человеком»¹⁰.

Юность Вильгельма Вольфа, прозванного в кругу друзей Маркса Лупусом, была такой же горькой и тяжелой, как и сотен тысяч детей потомственных землепашцев в прусских провинциях восточнее Эльбы. Уже в раннем детстве он должен был вместе с родителями отбывать барщину у «милостивых господ», голодный, босой, в жалком тряпье, не спасавшем от дождя и холода, подгоняемый кнутом безжалостного надсмотрщика. Часто, когда мальчик со слезами на глазах просил хлеба или картошки, отец и мать, плотно сжав губы, бросали взгляд на заработанные тяжелым трудом талеры и зильбергроши, которые они должны были откладывать, чтобы заплатить оброк своему господину. Семья жила в большой бедности.

Маркс, Энгельс, а также Женни были глубоко потрясены, слушая рассказы этого человека о страданиях и горькой нужде немецких крестьян, и особенно крестьян Силезии. Но говорил он не только о нищете и страданиях, но и о той силе и тех способностях, которые таились в угнетенном немецком крестьянстве и которые делали его естественным союзником рабочего класса.

Благодаря дружескому участию одного священника и учителя в судьбе способного мальчика, а также величайшим жертвам со стороны родителей Вильгельм Вольф смог

учиться. Правда, условия, в которых он жил, мог выдержать только человек, обладающий железной волей. В нищете и голоде прошли годы учебы в гимназии и университете, и только благодаря сильному характеру и успехам в учебе он завоевал уважение своих однокашников. Вольф был филологом, он являлся руководителем Бреславльской студенческой корпорации. Его политическое влияние распространилось далеко за пределы Бреслау. Прежде чем прибыть в Брюссель, он четыре года провел в прусских тюрьмах, и только быстрый отъезд из страны спас его от второго ареста.

Хорошая теоретическая подготовка, революционный опыт, связи, установленные им с рабочим классом еще в Бреслау, равно как и неиссякаемая энергия и поразительная работоспособность, вскоре сделали Вильгельма Вольфа одним из столпов брюссельского кружка.

Вильгельм Вольф прожил одинокую жизнь. Он не был женат. Между ним, Марксом и Энгельсом завязалась крепкая дружба. Вольф охотно бывал в доме Марксов и по-своему любил их детей. Рассказывая о своей юности, он с особой теплотой отзывался о матери. Она не умела ни писать, ни читать, ибо с малых лет гнула спину в одном из юнкерских поместий в Пруссии. Но она была женщиной чуткой и гордой. Именно мать заронила в его сердце «священный гнев угнетенной». Это она прятала его от преследования полиции. Когда Вильгельм начинал говорить о ней, Женни внимательно слушала. Она окружила его материнской заботой. «Он пришел к нам,— пишет Женни Маркс в своих воспоминаниях,— и здесь возник тот тесный дружеский союз, который прекратился лишь со смертью нашего дорогого Лупуса в мае 1864 г.»¹¹.

К коммунистическому кружку в Брюсселе принадлежал и брат Женни Эдгар, проявлявший живой интерес к учению Маркса. На одном из циркулярных писем Маркса и Энгельса, направленном против мелкобуржуазных социалистов, стоит и его подпись. Женни очень радовалась тому, что здесь, в Брюсселе, Эдгар жил у них.

Но, несмотря на горячую любовь Женни к своему брату, в их отношениях существовала некоторая напряженность. Эдгар был человеком добрым, но в то же время беззаботным, непостоянным и слабохарактерным. Еще находясь у матери в Трире в 1844 году, Женни в письме мужу высказывала свое недовольство братом. «У бедной мамы,— писала она,— теперь слишком много расходов, а она ведь совсем без средств. Эдгар обирает ее, а потом пишет одно за другим нелепые письма, в которых радуется приближающейся революции и изменению всех обстоятельств, вместо того чтобы приступить к изменению своих собственных обстоятельств...»¹² Однако в 1847 году он снова отправился в Америку, намереваясь найти там средства к существованию. Женни и Карл с нежностью относились к его невесте Лине Шёлер, которая осталась одна в Германии. В письме от 17 декабря 1847 года Женни писала ей: «Общественные условия с каждым днем становятся ужаснее, и стало не просто трудно, а почти невозможно для молодых людей обеспечить себе беззаботное, самостоятельное существование. Тысячи таких, как Эдгар, нашли свое счастье на чужбине, сотни тысяч устремляются ежедневно вслед за ними, а те, которые остаются, вынуждены в большинстве случаев находить себе прибежище в случайных, им самим неприятных занятиях. Все мы идем уверенным шагом навстречу переменам, социальным преобразованиям, и, возможно, уже не так далеко то время, когда потребуются люди, обладающие таким же талантом, как Эдгар, такой же личной отвагой и таким же рыцарским характером. И тогда он непременно поспешит домой и станет тебе и моей мамочке защитой и опорой»¹³.

Что касается заключительной фразы письма, то здесь Женни явно ошиблась. После революции 1848 года Эдгар на некоторое время возвратился в Германию, но вскоре снова уехал в Америку, в Техас, где стал фермером. Он и Лина так и не смогли пожениться. Во время революции Женни встретила его еще раз, и после этого они не виделись

многие годы. Но ни она, ни Маркс не забывали его, так как помимо матери он был единственным из семьи, кто поддерживал с ними дружеские отношения. Лина вскоре после поражения революции уехала в Англию, где устроилась гувернанткой. В доме Маркса она всегда находила приют и в светлые и в мрачные дни.

Кроме немецких товарищей чету Марксов окружали также представители других наций. Особенно близок был к ним один из руководителей бельгийского рабочего движения Филипп Шарль Жиго. Позднее он стал членом Союза коммунистов и верным другом семьи Маркса. К числу близких знакомых Марксов принадлежали и некоторые польские эмигранты. Особое впечатление на Женни Маркс произвел седой историк Лелевель, который в 1830 году входил в состав польского революционного правительства. Женни познакомилась с ним в одном из брюссельских рабочих кафе, которые она часто посещала вместе с мужем.

Кроме того, к Марксу приходили выходцы из самых разных стран, желавшие обменяться с ним своими мыслями. В их числе были старые кёльнские друзья, а также домашний врач Шлейхер из Трира. Особое значение имели визиты Иосифа Вейдемейера из Вестфалии, пользовавшегося большим авторитетом. В прошлом лейтенант артиллерии, он уволился из армии в силу своих революционных воззрений. Вейдемейер принадлежал к числу наиболее последовательных, а в теоретическом отношении самых убежденных сторонников Маркса и Энгельса. Позже он и его жена Луиза стали также преданными и искренними друзьями семьи Маркса. После революции 1848 года они эмигрировали в Америку, где Вейдемейер вел большую работу по пропаганде марксизма.

В дом Маркса приходили многие рабочие. Нам известны имена некоторых из них, чей приход радовал Маркса особенно. Среди тех, кто побывал у Маркса в январе 1847 года, был немецкий часовщик Иосиф Молль из Лондона, о котором еще будет сказано ниже.

Маркс считал очень важным привлечь к своим идеям, развившимся в обширное и законченное учение, внимание Вильгельма Вейтлинга, о котором уже упоминалось. Вейтлинг, подвергавшийся в Швейцарии преследованию и жестокому обращению, переселился в Лондон и оттуда в начале 1846 года приехал к Марксу в Брюссель. Карл и Женни встретили его радушно и приложили много усилий к тому, чтобы заинтересовать этого человека, которого высоко ценили, научными выводами Маркса. Но Вейтлинг был уже не тот гениальный портняжный подмастерье, стремившийся к новым знаниям. Он отошел от рабочего движения и считал себя пророком, полагая, будто рецепт построения будущего общества лежит у него в кармане. Эта уверенность достигла фанатизма. Вместо участия в чартистском движении он, находясь в Лондоне, работал над логикой и грамматикой, имея целью создание международного языка. Несмотря на величайшее терпение, которое проявляли к нему Маркс и, по свидетельству Энгельса, Женни, между ними произошел разрыв. Последнее серьезное столкновение случилось, когда Женни находилась в Трире. Она, как это явствует из ее письма Марксу, одобрила этот разрыв, более того, даже настаивала на нем. Стало ясно, что идейное согласие с Вейтлингом уже невозможно. Во время последнего столкновения Вейтлинг жестоко оскорбил Маркса, видя в нем своего конкурента. И хотя Женни знала об этом, она тем не менее была достаточно объективной в оценке причин такого его поведения. «...У Вейтлинга шумный взрыв фантастических планов также весьма объясним», — пишет она своему мужу из Трира в марте 1846 года. Женни Маркс видит ограниченность Вейтлинга в том, что при всей широте своего кругозора Вейтлинг все же не сумел перешагнуть грань мировоззрения немецкого ремесленника-подмастерья и потому оказался неспособным предложить ничего более возвышенного, «чем неудавшиеся предприятия, которые выглядят безумно смелыми...»¹⁴.

Вейтлинг вскоре уехал в Америку, где окончательно ото-

шел от политической деятельности. Это была трагическая судьба человека, переносившего на протяжении всей своей жизни нужду и страдания ради того, чтобы помочь делу рабочего класса.

Угнетало Карла и Женни также то, что подобные столкновения стали случаться и в отношениях с их старым другом Мозесом Гессом, который прибыл в Брюссель из Парижа вместе с женой Сибиллой, желая быть поближе к супругам Маркс. Будучи мелкобуржуазным социалистом, он, как и Вейтлинг, не смог понять суть учения Маркса. В письме, упомянутом выше, Женни весьма интересно высказывается о нем: «...тогда такие люди, как Гесс, которые действительно являются чистыми идеологами, не людьми из плоти и крови, а только какой-то абстракцией, вдруг объявляют вопросы ножа и вилки своим призванием и не могут не погрузиться в нелепое фантазирование. Гесс вечно будет себя убаюкивать фальшивыми планами и всегда будет оказывать на людей слабых таинственное и необъяснимое, магическое личное воздействие. Это его призвание — выступать чем-то вроде пророка и верховного жреца...» Далее в письме говорится: «Я бесконечно рада, мой дорогой Карл, что ты высоко держишь голову и можешь совладать со своим нетерпением и тоской. Как я люблю тебя за твое мужество. Ты мой муж!»¹⁵

Женни постоянно стремилась расширять свой политический кругозор и принимать участие в беседах Маркса и Энгельса, чтобы уяснить и глубоко понять идеи основоположников научного социализма. В то же время она внимательно следила за развитием политической обстановки и проходила идейную закалку в дискуссиях с противником. Она была счастлива тем, что могла на равных участвовать в борьбе, которую вел ее муж вместе с друзьями. Маркс видел в ней не только свою возлюбленную и мать своих детей, но и соратника по борьбе, которому он беспредельно доверял, чью критику и аргументы признавал и чье сотрудничество высоко ценил. За все это Женни была безмерно

ему благодарна. То, насколько глубоко это ее вдохновляло, видно из письма, отрывки из которого уже приводились и которое датировано 1845 годом. «...Для женщины,— пишет она иронически,— призванной растить детей, шить, стряпать, штопать, для нее и жалкая Германия хороша. Здесь иметь ребенка — дело чести, а поварешка и иголка даже красят, и, кроме того, успокоительное чувство исполненного долга вознаграждает за дни, отданные стирке, шитью, детям. Но с тех пор как старые понятия о долге и чести и тому подобном обесценены, как мы настолько продвинулись вперед, что подобные старые понятия считаем пережитками... и не испытываем никакого стремления к выполнению мелких житейских обязанностей. Хочется самой тоже понаслаждаться, действовать и испытать счастье мужской половины человечества»¹⁶.

Женни охотно отдавала свои силы организационной и разнообразной повседневной работе. Она писала под диктовку, переписывала рукописи, вела переговоры, читала корректуры, отвечала на письма, встречалась с друзьями и договаривалась обо всем необходимом — одним словом, целиком была поглощена делами мужа. Между супругами никогда не случалось размолвок, если даже расходы на политическую работу приходилось оплачивать из собственного, отнюдь не широкого кармана. Да к тому же дом всегда был полон посетителей! Друзья, в частности Вейдемейер и некоторые другие, жили у них многие недели. Брюссельские соратники также были частыми гостями в этом доме. Проводились заседания и дискуссии, один за другим приходили те, кто искал помощи и совета, и обращались, если Карла Маркса не оказывалось дома, непосредственно к Женни.

Строгая логика мышления, глубина и смелость научного поиска, боевой дух и целеустремленность как оратора и литературного деятеля снискали Карлу Марксу в революционных кругах авторитет сильной руководящей личности. В Брюсселе и в других местах рядом с его именем часто

называлось с уважением имя его жены. Всех, кто был лично знаком с четой Марксов, поражала их человечность, сила духа, высокое благородство, равно как и тот живой интерес, который они проявляли к рабочему движению.

Среди имеющихся у нас воспоминаний о Женни Маркс из брюссельского периода ее жизни есть также воспоминания наборщика Стефана Борна, работавшего в Брюсселе печатником и поддерживавшего связи с Марксом. Он рассказывает: «Я застал его (Карла Маркса.— Л. Д.) в весьма скромной, можно даже сказать, бедно обставленной маленькой квартирке в предместье Брюсселя. Он принял меня приветливо, спросил об успехе моей пропагандистской поездки, сделал комплимент по поводу моей брошюры против Гейнцена, к которому присоединилась и его жена. То, как она меня любезно встретила и как на протяжении всей своей жизни самым непосредственным образом участвовала во всем, что интересовало и занимало ее мужа, не могло не вызвать во мне глубокие симпатии к ней...» На Борна произвела огромное впечатление взаимная привязанность супругов: «Маркс любил свою жену, и она разделяла его пылкую любовь. Мне редко приходилось видеть столь счастливый брак, в котором радость и печаль, а последнее больше всего, и любое горе переживались бы с сознанием самой полной причастности каждого. Мне также редко приходилось встречать женщину с такой гармонией внешних черт и душевных качеств, которая при первой же встрече так располагала бы к себе, как госпожа Маркс»¹⁷.

Женни сблизилась, вероятно, и с бельгийскими рабочими. В Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Москве хранится письмо, написанное в 1850 году одним рабочим-бельгийцем, отцом многодетной семьи, Женни Маркс в Лондон. В нем он сообщает ей о себе и о жизни своей семьи после ее отъезда из Брюсселя. В его простых словах звучит безграничное доверие к этой женщине.

Сам Маркс был бесконечно рад тому, что его жена шла в одном ряду с ним и что в трудной и острой борьбе она твердо стояла на его и Энгельса стороне.

В те дни он ощущал всю глубину счастья, которое подарила ему жизнь, соединив его одной судьбой с этой женщиной. Счастье это было велико и потому, что уже тогда он предвидел то время, которое еще больше потребует от них обоих мужества, сил и самоотверженности.

ПЕРВАЯ ПАРТИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА

В последние дни 1846 года Женни Маркс дала жизнь третьему ребенку. Это был мальчик, которого называли Эдгаром в честь брата Женни. Родители были счастливы, так как теперь, имея уже двух девочек, у них появился сын. Однако своей внешностью малыш, видимо, не производил на окружающих особого впечатления. Спустя год после его рождения Женни пишет Лине Шёлер: «...малютка Эдгар также несколько похорошел. Аполлоном мальчуган никогда не станет, лишь бы он, несмотря на свою бледность, не выглядел слишком сердитым». Но Карл и Женни не меньше любили его из-за этого. Вскоре он превратился в резвого, забавного мальчугана.

Девочки также требовали от матери все большего внимания. Маленькая Женни достигла уже того возраста, когда дети беспрерывно с утра до вечера обращаются к взрослым с «почему?». Вместе с ней по дому бегала и двухлетняя Лаура, за которой приходилось следить, чтобы она не поранила себя. Не только Маркс, но и друзья семьи, особенно Фридрих Энгельс, испытывали величайшую радость, играя с ними. Дети были очень привязаны к матери, и ей с большой неохотой приходилось порой оставлять их одних. Письмо Лине Шёлер от 17 декабря 1847 года заканчивается такими словами: «Мои маленькие, прелестные мучители не дают мне ни минуты покоя; вот и теперь я вынуждена подчиниться им и на этом закончить свое

письмо». Ей довольно часто приходилось откладывать в сторону книгу или какую-нибудь срочную работу для мужа, чтобы заниматься детьми.

Политическая обстановка накалялась. В 1845—1846 годах Европу постиг сильный неурожай. К тому же в 1847 году разразившийся в Англии экономический кризис перебрался и на Европейский континент. В ряде европейских стран произошли новые революционные выступления. Обострялась обстановка и в Германии. В условиях кризиса конкуренция со стороны более сильных капиталистических стран, как никогда прежде, затронула еще слабую промышленность Германии. Ремесла и торговля пришли в упадок. В деревне крестьяне все чаще попадали в невыносимую долговую зависимость от помещика. Нужда, нищета и голод распространялись по всей Германии. Усиливалось недовольство крупной и мелкой буржуазии отсталыми общественными отношениями. Началось брожение среди крестьян и батраков. В рабочем классе росло возмущение, уже проявившееся в восстании силезских ткачей. Ненависть рабочих была направлена не только против феодальной тирании, но и против буржуазии. Коммунистические идеи обретали среди рабочих прочную основу.

Уже в апреле — мае 1847 года в отдельных местах произошли волнения. Гонимые голодом, разгневанные женщины Берлина стали опрокидывать на рынке картофельные яри. Это вылилось в бунт, во время которого голодные рабочие начали громить хлебные и мясные лавки. В Кёльне, Штутгарте и других городах тоже имели место беспорядки. В Германии гигантскими шагами надвигалась революция. В этих условиях создание партии рабочего класса стало крайней необходимостью.

Основой для создания первой революционной рабочей партии явился для Маркса и Энгельса лондонский Союз справедливых. Уже упоминавшийся здесь часовщик Иосиф Молль, навещавший Маркса в Брюсселе, передал пожелание союза, чтобы во главе его стали основоположники научного

социализма. В июне 1847 года на конгрессе в Лондоне, на котором присутствовали Фридрих Энгельс и Вильгельм Вольф, было принято решение переименовать Союз справедливых в Союз коммунистов, обсужден проект нового Устава и объявлено об издании его программы.

Маркс посвятил много сил упрочению союза, которому в надвигавшейся революции отводилась важная роль. Он являлся председателем брюссельской общины Союза коммунистов, сотрудничал в местном окружном комитете, а также в брюссельском Немецком рабочем обществе, с помощью которого союз нес свои идеи в широкие массы рабочих. Маркс стал также вице-председателем брюссельской Демократической ассоциации, в рамках которой брюссельские коммунисты успешно сотрудничали с представителями других демократических сил. Почетным председателем ассоциации являлся бельгийский генерал Меллин, имевший большие заслуги в развитии демократического движения в Бельгии, вице-председателем наряду с Марксом — француз Имбер, участник Июльской революции в Париже. Брюссельские коммунисты вошли также в редакцию демократической «Дойче-брюсселер-цайтунг» и вскоре определяли уже ее политическое направление.

Особое внимание Маркса и Энгельса было сосредоточено на дискуссии вокруг программы, развернувшейся в Союзе коммунистов. Необходимо было также определить задачи рабочих в грядущей революции. Именно эти задачи вызвали самые жаркие споры. Немецкая буржуазия, понимавшая, что канун революции наступил, прилагала большие усилия, чтобы использовать рабочих и крестьян для достижения своих целей. Она, естественно, не собиралась делить с рабочими плоды общей победы. В противоположность либеральным буржуазным политикам, представители аристократии прославляли феодализм. Они призывали рабочих вместе с ними бороться против буржуев-эксплуататоров и восстановить старые, якобы идиллические патриархальные отношения. В этот период свою бурную

деятельность развернули мелкобуржуазные социалисты. В этой обстановке усилилось влияние прежде всего французского мелкобуржуазного социалиста Прудона. Широкое распространение получили и идеи утопического коммунизма. Маркс и Энгельс видели свою задачу в том, чтобы дать отпор этим мешавшим работе идеям и аргументам и сориентировать рабочих в приближавшейся революции на борьбу с остатками феодального строя, ни на миг не упуская при этом из виду свои классовые интересы, выходящие за рамки этой борьбы.

Во втором конгрессе Союза коммунистов принимал участие и Маркс. Деньги на эту поездку были собраны с большим трудом, и вряд ли здесь обошлось без значительных жертв со стороны Женни. Он и Энгельс изложили участникам конгресса свою теорию и идеи, касавшиеся задач рабочих в грядущей революции. Эти идеи получили полное признание, а им самим было поручено разработать программу Союза коммунистов.

Женни, несмотря на чрезмерную загруженность домашними делами, взяла на себя соответствующую долю изнурительного труда ее мужа. Надвигавшиеся политические события не только волновали ее, но и удваивали силы. Она продолжала читать, переписывать материалы, отвечать на письма, приходившие в адрес Маркса, вести переговоры от его имени, тем более что теперь, как никогда ранее, было о чем читать, писать, беседовать. К тому же Энгельс выехал из Брюсселя в Париж, чтобы там развивать деятельность среди немецких рабочих. Мы вправе предположить, что написанное на французском языке произведение «Нищета философии», направленное против идей Прудона, также прошло через руки Женни. Произведение вышло в свет в июле 1847 года в Париже и Брюсселе. Расходы на его печатание взяли на себя Карл и Женни Маркс.

Для Женни было естественным активное участие в легально действовавшем в Брюсселе Немецком рабочем обществе. Ее всегда можно было встретить на вечерах,

устраиваемых там по субботам, которые могли посещать также и женщины. Свой литературный талант она поставила на службу революционному делу, так как вопросы движения за рабочую культуру и вопросы культуры вообще всегда вызывали у нее особый интерес. Ее деятельность на этом поприще получила всеобщее признание, тогда как ее политическая работа, о которой она говорила всегда с необычайной скромностью, в то время, как и значительно позже, едва ли стала достоянием общественности. В одной из заметок в «Дойче-брюсселер-цайтунг» о новогоднем празднике в Немецком рабочем обществе в канун 1848 года говорится о том, что «госпожа д-р Маркс» проявила «свой гениальный декламаторский талант» в одном «драматическом представлении». Автор заметки добавляет по этому поводу: «Приятно видеть, как милые женщины участвуют в обучении пролетариата, подавая тем самым пример, достойный подражания»¹⁸.

«ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»

В этот период Маркс работал над произведением, которому было суждено войти в историю как «Манифест Коммунистической партии» и которое В. И. Ленин рассматривал как свидетельство о рождении научного социализма. Женни очень внимательно следила за ходом работы над этим произведением. Часть чернового наброска писала она под диктовку мужа. Едва ли могла она тогда предположить, что это произведение будет иметь всемирно-историческое значение и что через 100 и более лет его переведут на все языки мира, будут изучать люди всех национальностей и оно окажет им действенную помощь в их борьбе за лучшую, мирную жизнь. Еще меньше могла она предположить, что одна из страниц чернового наброска Маркса, на котором ее рукой вписано две строки, сохранится на многие десятилетия и станет важным историческим документом.

«Коммунистический манифест» дал ответ на вопрос, который задавали себе люди на протяжении многих столетий, — как устранить на земле эксплуатацию и угнетение, обеспечить мир и счастье всему человечеству. С тех пор как мир разделился на господ и рабов, богатых и бедных, стали находиться также люди, которые поднимались на борьбу за свободу и справедливость. В этой борьбе сложили головы десятки тысяч — на поле битвы, в тюрьмах, от пыток, на кострах и виселицах, — и даже в предсмертный час в их сердцах жила мечта о коммунизме.

Почему же никто из них не смог достичь этой цели — ни Спартак с его единомышленниками, ни женщины и мужчины периода раннего христианства, ни революционное крестьянство средневековья, ни «Друзья народа» в период Французской революции, ни социалисты-утописты Сен-Симон, Фурье, Оуэн, так страстно желавшие установления нового строя и столь многим пожертвовавшие во имя этого? Почему были обречены на неудачу планы и идеи революционного рабочего и коммуниста Вейтлинга? Почему пропаганда так хорошо придуманных систем не привела к построению нового общества? Почему было также недостаточным, как этого хотели мелкобуржуазные социалисты, улучшить положение рабочих путем социальных реформ, а в остальном проповедовать в интересах буржуазии христианскую любовь к ближнему? Эти вопросы вставали не только перед рабочим классом, но и перед всем человечеством. Карл Маркс и Фридрих Энгельс дали на них ответ на основе своих научных выводов.

«Манифест Коммунистической партии» вскрывает правду о всемирно-исторической миссии рабочего класса как строителя социалистического общества и указывает рабочим на их главную ответственность за судьбу своей нации и, более того, за судьбу всего человечества. Он подчеркивает закономерность поражения буржуазии и победы рабочего класса.

«Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все

силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака...

Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии»¹⁹.

Так начинается произведение, в котором учение Маркса и Энгельса впервые обрело четкое выражение.

Маркс и Энгельс исходят из той основной мысли, что вся история эксплуататорского общества есть история классовой борьбы и что классовая борьба — это историческая движущая сила в каждом классовом обществе.

«Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»²⁰.

Капиталистическое общество развилось в процессе длительной борьбы с феодальным строем. Но и его сотрясает классовая борьба, которая должна привести и приведет к его ниспровержению рабочим классом. Именно буржуазия поставила себе на службу гигантские природные силы человечества и создала невиданные доньше средства производства; именно она должна постоянно наращивать и совершенствовать производство, развивать науку и технику. Но, несмотря на быстрый рост производительных сил, капитализм оказался неспособным покончить с нищетой миллионов людей. Между общественным характером производства и частным характером присвоения его результатов существует неразрешимое противоречие, которое ведет к экономическим кризисам, бессмысленному уничтожению произведенной продукции и даже к опустошительным войнам.

Только обобществление производительных сил может

спасти человечество от непрерывно грозящих катастроф. Это обобществление является и необходимым, и возможным, о чем свидетельствует уже сегодня концентрация производства на крупных промышленных предприятиях. Таким образом, в недрах самого капиталистического строя зреют, как это доказали Маркс и Энгельс, условия для создания социалистического общества.

Но буржуазия, говорится в «Коммунистическом манифесте», не только выковала оружие, несущее ей смерть, но и породила класс, который направит против нее это оружие,— современный рабочий класс.

Рабочие при капитализме не владеют средствами производства, живут только за счет продажи своей рабочей силы и потому обречены на нищету, если капиталист не нуждается в ней, подвергаются самой жестокой эксплуатации. Но они вместе с тем и самый сильный класс. Непосредственно связанные с современным крупным производством, основанным на их труде, они в состоянии остановить его, если захотят. В то же время, в силу своей высокой концентрации на крупных предприятиях, рабочие могут легко организоваться, приучить себя к дисциплине, научиться солидарности и накопить опыт борьбы. Все это делает рабочий класс подлинно революционным классом, способным к преобразованию общества.

Рабочие, однако, не могут освободить себя, не покончив с эксплуатацией человека человеком вообще, то есть не освободив все другие эксплуатируемые классы и слои, например крестьян и средние слои общества, не устранив также угнетение женщины мужчиной, эксплуатацию детей и молодежи. Все предыдущие движения, записано в «Манифесте Коммунистической партии», были движениями меньшинства или в интересах меньшинства. «Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства»²¹.

При социализме, который построит рабочий класс, труд будет служить, как говорится в «Манифесте», уже не

обогащению немногих, а повышению благосостояния всех: труд станет тогда не горьким принуждением, а радостью и сознательной потребностью жизни. Наряду с мужчиной раскроет свои дарования и женщина, свободная и равноправная. Ей будет возвращено достоинство, которого лишило ее эксплуататорское общество. В семье, когда брак уже не будет денежной сделкой, утвердятся новые отношения. Дети будут расти счастливыми и обеспеченными. Ответственность за их воспитание и их будущее возьмет на себя все общество. Социалистическое отечество откроет всем доступ к своим природным богатствам и сокровищам культуры. В новом обществе, свободном от эксплуатации и угнетения, как учит «Манифест Коммунистической партии», война навсегда исчезнет из жизни людей. Придет время, о котором мечтали лучшие представители человечества.

Маркс и Энгельс не скрывают того, что путь к свержению буржуазии, к ее экспроприации и завоеванию власти будет долгим, трудным и не без поражений, что борьба потребует больших жертв. Они указывают рабочему классу, какую мощную силу он представляет, если выступает под руководством своей революционной партии сплоченно, в союзе с крестьянством и другими трудящимися слоями общества. «Манифест» заканчивается призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Сбылось гениальное предсказание Маркса и Энгельса. Рабочий класс уже на значительной части планеты, ведомый революционными марксистскими партиями, взял власть в свои руки и в союзе с крестьянством и другими трудящимися слоями строит социалистическое общество. Мир социализма победоносно шествует по планете.

В конце января 1848 года Маркс и Энгельс завершили работу над «Манифестом». Женни Маркс была первой, кто прочел произведение в окончательном варианте и ощутил всю его силу и магическое воздействие. Не исключено, что она участвовала в окончательном редактировании

«Манифеста», а возможно, и переписывала рукопись начисто для печатания. Но несомненно одно: она, как это часто бывало в то время и позже, будет настойчиво торопить Маркса, особенно после того, как 24 января Центральный комитет Союза коммунистов в Лондоне направил весьма строгое предупреждение в адрес окружного комитета в Брюсселе. Оно призывало «гражданина Маркса» принять к сведению, что против него будут приняты другие меры в случае, если рукопись не будет представлена в Лондон до 1 февраля.

«Манифест Коммунистической партии» был напечатан в небольшой лондонской типографии тиражом 1000 экземпляров, которых было достаточно, чтобы его могли иметь члены Союза коммунистов. Он вышел в свет как раз к началу февральской революции во Франции. Однако его содержание было понято тогда только передовыми людьми. В их числе была и Женни Маркс.

В революции 1848 года



НАБАТНЫЙ КОЛОКОЛ СВОБОДЫ

И вот настало время, которого так ждали Женни Маркс и ее друзья.

Вечером 25 февраля 1848 года на брюссельском вокзале, куда должен был прибыть поезд из Парижа, собралась огромная толпа. Был лютый холод, но от возбуждения, охватившего людей, его никто не ощущал. По городу носились слухи о волнениях во Франции. Однако никто точно не знал, что происходило там на самом деле. С утра не прибыл ни один поезд из Франции. В стороне от толпы парижский поезд ожидали также господин с дамой. Вид у них был подавленный. За все время они не обменялись ни единым словом. Наконец в половине первого ночи протяжный свисток известил о прибытии поезда. Не успел он остановиться, как машинист паровоза выпрыгнул из кабины и закричал: «На башне Валансьен развевается красное знамя, провозглашена республика!» Толпа ответила восторженными возгласами: «Да здравствует республика!» Господин и дама незаметно удалились. Это были французский посол в Бельгии маркиз Рюминьи и его супруга.

Луи-Филипп бежал. В состав нового французского правительства помимо либералов вошли также несколько

демократов, друзей Маркса: Луи Блан и Фердинан Флокон — лидеры газеты «Реформ», для которой писал Энгельс, и впервые в истории — рабочий А. Альбер. Но временное правительство в действительности было буржуазным правительством, обрядившимся на короткое время в демократическую тогу.

Революционный пожар быстро распространился и на Брюссель. В субботу 26 февраля на улицах было еще относительно спокойно, так как рабочие находились на фабриках. Однако в воскресенье толпы людей заполнили улицы города. Произносились революционные речи, во многих кафе происходили бурные дискуссии, громко раздавались призывы к провозглашению республики, находившие повсюду живые отклики. Демократическая ассоциация, вице-председателем которой являлся Маркс, возглавила это движение. Она обратилась с воззванием к городскому совету Брюсселя, чтобы тот соблюдал законы и вооружал всех граждан в своих округах. Немецкие рабочие, проживавшие в Брюсселе, ничуть не колебались, готовые поддержать борьбу бельгийских братьев. Женни, воодушевленная происходящими событиями, одобрила решение Маркса, получившего к тому времени причитающуюся ему долю отцовского наследства, предоставить несколько тысяч талеров на закупку оружия.

В их доме развернулась поистине лихорадочная деятельность. От лондонских товарищей поступило сообщение о том, что ими распущен прежний Центральный комитет и что Марксу и Энгельсу поручается создать в Брюсселе новый. Энгельс снова жил в Брюсселе после высылки из Парижа 29 января. Но он, так же как и Маркс, рвался в Париж, чтобы быть в гуще революционных событий. Началась подготовка к отъезду, и Женни радовалась предстоявшему свиданию с городом, зажегшим пламя революции. К сожалению, бельгийские власти опередили их.

Леопольд Бельгийский, по происхождению немец из династии Кобургов, зять Луи-Филиппа, был тертым калачом

в политике и знал лучше тестя, как защитить свой трон. Он лицемерно заявил о своем отречении от престола, ибо этого требует его народ, и вступил в переговоры с либерально настроенной буржуазией. Тем временем были стянуты войска, с помощью которых он стал разгонять демонстрации рабочих и демократов. Было введено осадное положение, вслед за чем правительство с величайшей жестокостью обрушилось на эмигрантов, в том числе и немецких.

Уже вечером 27 февраля был арестован Вильгельм Вольф вместе с другими товарищами. Арестованные подвергались жестокому обращению. Шесть дней Вольф находился в заключении, а затем его насильно перевезли через французскую границу. 3 марта во второй половине дня приказ о высылке получил и Маркс. Еще поздно вечером было решено образовать Центральный комитет Союза коммунистов не в Брюсселе, а в Париже и для этого предоставить Марксу все полномочия. Заседание руководителей немецких коммунистов едва успело завершиться, как в квартиру Маркса нагрянула бельгийская полиция и арестовала его. В ту же ночь была арестована и Женни. Вот как она сама рассказывает об этом:

«Мрачно было и на бельгийском горизонте. Опасались прежде всего рабочих, социального элемента народных масс. Полиция, войска, гражданская гвардия — все было призвано на защиту; все находились в боевой готовности. Тогда немецкие рабочие решили, что настало время и им позаботиться об оружии. Были приобретены кинжалы, револьверы и т. д. Карл охотно предоставил для этого средства: ведь он только что вступил во владение небольшим имуществом. Во всем этом правительство видело заговор, преступный замысел: Маркс получает деньги, покупает оружие — значит, его нужно удалить. Поздно ночью в наш дом врываются два человека. Они требуют Карла. Когда он вышел, они представились как сержанты полиции, имеющие предписание арестовать Карла и привести его на допрос. Ночью они его забирают. В ужасе я бегу вслед за ним, разыс-

киваю влиятельных лиц, чтобы узнать, в чем дело. Бегаю темной ночью из дома в дом. Вдруг меня хватает стража, арестовывает и бросает в мрачную тюрьму. Это было место, куда помещали бездомных нищих, безродных бродяг, несчастных падших женщин. Меня вталкивают в темную камеру. Рыдая, я вхожу, и тут одна из этих несчастных предлагает мне свое ложе. Это были жесткие деревянные нары. Я опускаюсь на них. Когда забрезжил рассвет, я увидела у противоположного окна за железной решеткой мертвенно-бледное, печальное лицо. Подхожу к окну и узнаю нашего доброго старого друга Жигу. Увидев меня, он делает мне знаки и указывает на помещение внизу. Я смотрю туда и вижу Карла, которого как раз в это время вели под конвоем. Час спустя меня ведут к судебному следователю. После двухчасового допроса, во время которого у меня мало что вывели, жандарм проводил меня к карете, и таким образом под вечер я приехала к моим трем бедным малюткам. Этот случай произвел большую сенсацию. Все газеты писали о нем. Сам Карл вернулся из-под ареста несколько позже, с предписанием тотчас же покинуть Брюссель.

Карл уже раньше намеревался возвратиться в Париж и с этой целью обратился к временному правительству Франции, чтобы отменили изданный Луи-Филиппом приказ о его высылке. Он тотчас же получил подписанное Флокеном письмо, в котором временное правительство в самых лестных выражениях сообщало об отмене приказа. Таким образом, Париж снова был открыт для нас; где могли бы мы чувствовать себя тогда лучше, как не под только что засиявшим солнцем новой революции! Туда, твердили мы, туда! Я поспешно уложила свои пожитки, продала то, что можно было продать, но чемоданы со всем моим серебром и лучшим бельем оставила в Брюсселе на попечении книготорговца Фоглера, который при моем отъезде проявил особую услужливость и готовность помочь.

Так мы уехали из Брюсселя после трехлетнего пребывания там. Был очень мрачный, холодный день... и нам стоило

многих усилий согреть маленьких детей, младшему из которых едва исполнился год...»¹

Арест Женни, о котором Маркс сообщил в газете «Репорм», а Энгельс — в «Нозерн стар», вызвал бурю негодования не только в самой Бельгии, но и за ее пределами. Бельгийское правительство было вынуждено отстранить от должности полицейского чиновника, ответственного за этот акт.

ПОД ТРЕХЦВЕТНЫМ ФЛАГОМ

Семья Маркса со скромным багажом, но полная надежд прибыла в Париж. Город хранил еще следы боев: на улицах можно было увидеть остатки баррикад, повсюду заметны разрушения, на углах улиц стояли разбитые омнибусы и хлебозовки, кругом разбросаны булыжники, стены королевского дворца зияли пустотой оконных проемов, а находившаяся напротив караульная будка сожжена дотла. Но над бывшим королевским дворцом и над Тюильри развевался трехцветный флаг. На улицах бурлил людской поток. Было много национальных гвардейцев и вооруженных рабочих. То здесь, то там начинала звучать «Марсельеза», и ее тут же подхватывали толпы людей. Правительство, главной заботой которого было сдерживать активность рабочих, приняло некоторые меры социального характера. Открылись национальные мастерские, где могли получить работу многие безработные, — правда, ненадолго, как рассчитывала буржуазия. В Люксембургском дворце заседал так называемый рабочий парламент, возглавлявшийся Луи Бланом. Шло обсуждение рабочих вопросов. К большому огорчению Карла и Женни, многие рабочие полагали, что теперь наконец для них начнется новая, лучшая жизнь.

Семья Маркса нашла временный приют в гостинице и сразу же оказалась в гуще событий. Как в Брюсселе, так и в Париже немецкие рабочие переживали величайший душевный подъем. Тысячи их готовились к возвращению в Гер-

манию, чтобы участвовать в революции у себя на родине.

Радовалась ли Женни новой встрече со своими друзьями прошлых лет? Этого мы не знаем. За три года она прошла долгий путь, стала совсем другой. Но мы можем предположить, что эта встреча принесла ей много разочарований. Гейне пришлось пережить ссору со своей семьей, жившей в Гамбурге, относительно наследства. На это было затрачено много сил. Он уже находился на грани тяжелого паралича, который на восемь лет прикует его к постели, и почти не выходил из дому. Супруги Маркс глубоко и искренне сочувствовали своему другу, но прежних бесед о политике между ними теперь уже не было.

С Гервегами дело дошло у них до глубоких разногласий. Георг Гервег, готовый в силу искренней революционной убежденности с оружием в руках сражаться за свободу, согласился возглавить специально созданный вооруженный немецкий легион, который путем вторжения в Германию должен был вызвать там революцию. На собрании, в котором участвовали многие немцы, жившие в Париже, Маркс выступил против этой авантюристической затеи, однако несколько тысяч рабочих и ремесленников поддались иллюзиям и пылкому красноречию Гервега. Между друзьями произошел полный разрыв. Эмма Гервег и в последующие годы питала злобу к Марксу и ложно обвиняла его в том, что он-де действовал только из честолюбивых побуждений. С этого времени ее отношения и с Женни почти прекратились.

Следует, однако, заметить, что в 60-е годы Георг Гервег снова стал активным участником рабочего движения. В 1863 году он написал прекрасную песню. В ней есть такие строки:

Труженик, творец, воспрянь!
На свою на силу глянь:
Лишь захочешь — в миг один
Остановишь ход машин².

В Париж из Лондона прибыли также руководители Союза коммунистов. Одним из них был Карл Шаппер.

В прошлом студент из Южной Германии, он играл весьма заметную роль в период волнений 1832—1833 годов. По этой причине он был исключен из университета. Шаппер бежал в Швейцарию и участвовал в походе Мадзини на Савойю, затем, в 1839 году, в выступлении парижских рабочих. Тогда же он был арестован, многие месяцы провел в заключении и после высылки из Франции отправился в Лондон. Богатырского роста, решительный и смелый, Шаппер всегда был готов пожертвовать своей жизнью во имя революции. Вторым был сапожник Генрих Бауэр из Франконии, маленького роста, остроумный, живой и полный решимости бороться. Третьим — Иосиф Молль, часовщик из Кёльна, с которым Женни была уже знакома. Он не уступал обоим ни в смелости, ни в решительности, а в теоретических вопросах даже превосходил их.

Под руководством Маркса и Энгельса, прибывшего в Париж вскоре после приезда туда Маркса, был сформирован новый Центральный комитет. Он выдвинул 17 «Требований Коммунистической партии в Германии» в революции 1848 года. Главными были требования о создании единой, неделимой республики и полном упразднении феодального строя. Только при условии ликвидации раздробленности, княжеского господства и других остатков феодализма немецкий рабочий класс мог развиваться и организовать свои силы на борьбу за социализм. Выдвигались также требования о национализации шахт, рудников, транспортных средств и частных банков, о предоставлении права на труд и материальное обеспечение нетрудоспособного населения, а также на всеобщее бесплатное образование. Эти требования были распространены во многих местах Германии. Коммунисты решительно размежевались со сторонниками расплывчатой платформы мелкобуржуазных демократов, объединившихся вокруг Георга Гервега, и, в частности, высказались против формирования специального вооруженного немецкого легиона.

В письме Иосифу Вейдемейеру Женни так описывает

сложившуюся обстановку: «Мой муж опять так занят в этом гигантском городе множеством дел и беготней, что поручил мне обратиться к Вам с просьбой поместить в «Westfälisches Dampfboot» следующее сообщение: здесь,— о чем подробно осведомлен г-н Люнинг,— образовалось несколько немецких обществ, но *Немецкий* рабочий клуб, во главе которого стоят немцы из Лондона — Шаппер, Бауэр, Молль — и немцы из Брюсселя — Маркс, Вольф, Энгельс, Валлау, Борн (непосредственно связанные через Гарни и Джонса также с английскими чартистами),— не имеет ничего общего с Немецким демократическим обществом во главе с Бёрнштейном, Борнштедтом, Гервегом, Фольком, Деккером и др.,— с обществом, которое подняло черно-красно-золотое знамя (в этом его, впрочем, уже опередил Союзный сейм), заводит речь об отце Блюхере и проводит под командой прусских отставных офицеров военную муштровку по секциям. Перед лицом *Франции* и Германии совершенно необходимо решительно отмежеваться от этого общества, потому что оно опозорит немцев. Если «Dampfboot» выйдет еще не скоро, то составьте на основании этих данных небольшую статью для каких-нибудь немецких газет, с которыми Вы теперь на юге больше связаны. Постарайтесь распространить это возможно шире в немецких газетах.

Мне хотелось бы еще многое написать Вам о происходящем здесь интересном движении, которое нарастает с минуты на минуту (сегодня вечером перед городской ратушей прошло 400 000 рабочих). Массы демонстрантов все растут и растут. Но я так перегружена домашним хозяйством и заботами о трех моих крошках *, что у меня остается время только на то, чтобы послать издали сержденный привет Вам и Вашей милой жене.

Привет и братство.

Ваша скитающаяся гражданка *Женни Маркс*» ³

* Женни, Лауре и Эдгаре Маркс.— *Ред.*

Когда это письмо было уже в пути, волны революции прокатились также по многим городам Германии. В начале марта в Карлсруэ, Мангейме, Штутгарте, Касселе, Ханау, Майнце, Мюнхене, Франкфурте-на-Майне, Ганновере, в Саксонии и Тюрингии прошли народные собрания и демонстрации, участники которых настойчиво требовали предоставления демократических свобод. Особенно в тех местах, где рабочие были основным элементом, движение принимало весьма радикальный характер. В Бадене, Гессене и Вюртемберге, а затем в Тюрингии, то есть там, где более 300 лет тому назад кипели жаркие бои Крестьянской войны, на борьбу поднялись крестьяне. Они нападали на дворянские поместья, сжигали налоговые книги и долговые записи. В Юго-Западной Германии помещики были вынуждены отказаться от своих привилегий. В средних и маленьких немецких городках рушилась власть богачей. Князьям удалось спастись лишь тем, что они стали учреждать так называемые «мартовские министерства».

В Пруссии, наиболее агрессивном и реакционном немецком государстве, в борьбу вступили самые передовые рабочие Рейнской провинции. В Кёльне 3 марта около 5 тысяч рабочих и ремесленников собрались перед ратушей, чтобы вручить городскому совету требования народа, главным образом рабочих. Это выступление возглавили члены Союза коммунистов. Оно было подавлено, но винтовки не могли уже остановить движение также и в Пруссии.

В это же время массовые выступления охватили империю габсбургских монархов. 13 марта восстала Вена. Канцлер, князь Меттерних, ненавистный поборник европейской реакции, был свергнут.

18 марта вышли на баррикады берлинцы и одержали в упорной, кровопролитной борьбе победу над войсками, посланными королем для расправы над восставшими. Реакции пришлось отступить перед могучим натиском рабочих, ремесленников, мелких буржуа и студентов. В ночь с 18 на 19 марта старая Пруссия, к которой Женни Маркс питала

жгучую ненависть, была повергнута восставшим народом. Среди 138 человек убитых, которых оплакивал народ, большинство были рабочие и ремесленники. Король был вынужден почтить память павших в революции.

Для немецких революционеров, находившихся за границей, пришло время возвратиться на родину.

Немецкий легион с развевающимися знаменами направился через Рейн в Баден. Впереди верхом на коне ехали Гервег и его жена. Только 650 человек достигли границ Германии. Под Нидердоссенбахом в Бадене они были атакованы вюртембергскими солдатами и почти полностью разгромлены. Гервегу и его жене, переодетым в батраков, удалось бежать в Швейцарию. Революция потеряла много стойких, преданных ей людей.

Сторонники Маркса и Энгельса — около 500 человек — поодиночке отправлялись в Германию и, достигнув назначенных мест, устанавливали связь с революционными рабочими.

Маркс и Энгельс же решили отправиться в Кёльн, так как они считали, что там имеется наилучшая возможность для их деятельности. Они намеревались издавать крупную газету, способную указать революции ее пути и цели. А Женни Маркс вместе с Еленой Демут и детьми уехала сначала в Трир, поскольку еще нельзя было точно предугадать условия жизни и борьбы, которые ожидали Маркса и Энгельса на новом месте.

СНОВА НА РОДИНЕ

Хотя Трир находился в стороне от крупных революционных центров, тем не менее в результате глубоких социальных и политических противоречий волны революционного подъема захлестнули также родной город Женни. Это особенно выражалось в бурном проявлении жителями Рейнской провинции ненависти к прусскому милитаризму, которая

уже многие десятилетия жила в их сердцах. Повсюду развешались черно-красно-золотые знамена, мужчины прикрепили к своим шляпам черно-красно-золотые кокарды, а девочки-школьницы вплели в волосы длинные черно-красно-золотые ленты. По улицам проходили группы вооруженных молодых мужчин в форме только что созданного гражданского ополчения. Друзья Женни из числа мелкобуржуазных демократов не скрывали своей радости по поводу победы. К самой Женни, чей приезд, кстати, вызвал в городе много разных толков, несомненно стали проявлять живой интерес, и ее постоянно окружали те, кто стремился получить необходимую информацию.

В городе произошли ожесточенные столкновения между населением и войсками, имели место волнения и массовые манифестации. Однажды даже под звон набатного колокола жители начали возводить баррикады, а во многих трирских домах были заготовлены горячая смесь, кипятки и корзины с камнями для борьбы с прусскими солдатами.

Однако Женни, как бы ни была солидарна с гражданами Трира и как бы ни была сейчас нужна матери, меньше всего хотелось пережить революцию в Трире. И поэтому с огромным нетерпением она ждала весточку от мужа, чтобы отправиться к нему вместе с детьми.

Маркс и Энгельс направились сначала в Майнц, где действовал кружок активных и боеспособных коммунистов. Там они находились несколько дней. На Рейне и на Майне, как и повсюду в Германии, восторг и возбуждение, охватившие людей, не знали границ. В Майнце и во многих других городах народ брался за оружие. На улицах можно было встретить рабочих и мелких буржуа. Они были полны решимости бороться. В их числе было много восторженной молодежи. Наряду с серой формой гражданской гвардии то здесь, то там появлялись люди в пестрых кителях, широкополых, украшенных перьями шляпах членов Гимнастического союза. Движение гимнастов снова возродилось. Были здесь и молодые девушки и женщины. Их лица несли на

себе печать горечи и тяжелой нужды и в то же время светились радужными надеждами, что для их детей будет завоевана лучшая жизнь.

В переполненных ресторанчиках велись бурные дискуссии, выступали ораторы. В витринах книжных лавок, у которых всегда собиралось много народа, были выставлены портреты вождей французской революции, членов парижского временного правительства, а также известных немецких демократов. Стены домов были увешаны всевозможными плакатами. Можно было часто встретить лозунги «Да здравствует республика!». По вечерам многие спешили в театр, где после длительного перерыва снова играли драмы Шиллера. Особым успехом пользовалась драма «Дон Карлос».

Немецкий народ завоевал свободу печати, мнений и собраний и широко пользовался ею. Впервые в истории страны он завоевал также избирательное право. Началась подготовка к выборам в Национальное собрание.

Все это были крупные успехи революционной борьбы. Но рабочие и левые демократы ясно осознавали, что борьба еще не закончена. Уже сейчас радость побед омрачалась предчувствием надвигающихся событий. Не только крупная буржуазия, пришедшая к власти на плечах народа, была противником революции, но и позиция либеральной буржуазии, а также слабость радикальных республиканцев уже сейчас наносили вред революционному движению. Незадолго до прибытия Маркса и Энгельса в Кёльн Предпарламент соседнего Франкфурта, рожденный революцией первый орган управления, вместо того чтобы провозгласить себя руководящим революционным органом власти, самораспустился после серьезных столкновений между либералами и радикальными республиканцами.

Единственной революционной силой движения были рабочие. В баррикадных сражениях в Берлине они составляли основную массу борцов и понесли самые большие жертвы. Даже их жены и дети оказывали помощь тем, кто

боролся на баррикадах. Они доставляли им еду и отливали пули. В Саксонии, Рейнской провинции, Южной Германии и в других местах рабочие были наиболее активной революционной силой. Наряду с общими требованиями демократических прав они выдвигали также свои собственные социальные требования. Уже в середине марта в Золингене, Эльберфельде, Касселе, вблизи Майнца, в Везеле и Мюльгейме в Рурской области тысячи рабочих восстали против ненавистных фабрикантов. В конце марта началось организованное стачечное движение, участники которого выдвигали такие требования, как повышение заработной платы и сокращение рабочего времени. Оно охватило Берлин, Франкфурт-на-Майне, Кёльн, Гамбург, Бреслау и другие города Германии. В Восточной Пруссии, Силезии и других частях прусского государства к движению примкнули батраки. С политической точки зрения рабочие боролись пока еще в рамках общего, возглавляемого мелкой буржуазией народного движения. Но их политическая зрелость и сила быстро росли и крепили по мере участия в революционном движении. Наряду с союзами ремесленников повсюду формировались всеобщие рабочие союзы.

Члены Союза коммунистов развернули революционную деятельность среди рабочих и демократов во всех частях Германии. Маркс и Энгельс отправились, как было задумано, в Кёльн, чтобы основать там революционную газету. Они обратились за финансовой поддержкой к бывшим акционерам «Рейнише цайтунг». Но большинство из них отказали Марксу в какой бы то ни было помощи. Рейнский крупный капиталист Давид Ганземан, наиболее влиятельный из тех, кто активно финансировал предприятие в 1842 году, стал после революции прусским министром финансов, а его друг Кампгаузен — премьер-министром. Они и их друзья-буржуа, которые в 1842 году менее всего симпатизировали идеям младогегельянцев, предпочли бы теперь видеть своего бывшего главного редактора где-нибудь подальше от германских границ. Однако на просьбу Маркса и Энгельса

откликнулись некоторые из старых кредиторов. С их помощью и прежде всего при поддержке новых друзей замыслу Маркса все-таки было суждено воплотиться в реальность.

Первый номер «Новой Рейнской газеты» вышел 1 июня 1848 года. Газета произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Крупные капиталисты неистовствовали, рабочие в Рейнской провинции и особенно в Кёльне внимательно следили за ней, друзья и соратники торжествовали. Вскоре эта газета приковала к себе внимание также многих честных демократов из числа мелкой буржуазии и интеллигенции.

Маркс сразу же после прибытия в Кёльн в ответ на свою просьбу получил разрешение городских властей на пребывание в этом городе и начал ходатайствовать о восстановлении прусского подданства, с тем чтобы его семья могла по возможности скорее приехать к нему. Женни прибыла в Кёльн, видимо, вскоре после выхода газеты и смогла еще разделить все хлопоты по формированию издательства и редакции. Четко осознавая политическую значимость организованного предприятия, Женни очень радовалась тому, что планы друзей стали реальностью. Позднее она с удовлетворением и справедливой гордостью говорила об этом революционном деле своего мужа.

«НОВАЯ РЕЙНСКАЯ ГАЗЕТА»

«Новая Рейнская газета» решительно включилась в политическую борьбу. Ее деятельность имеет непреходящее значение как составная часть истории немецкого народа. Она именовалась органом демократии. И ни у кого не возникало сомнения в том, что здесь имелась в виду не буржуазно-парламентская, а революционная демократия, когда все совершается вместе с народом и для народа.

Уже в первом номере Фридрих Энгельс беспощадно бичует колебания и нерешительность общегерманского Национального собрания во Франкфурте-на-Майне. Этот

орган власти, сформированный в мае, был, как и прусское Национальное собрание в Берлине, плодом революционного движения. Но такая нерешительность, вызывавшая протесты рабочих и мелкобуржуазных демократов, была следствием установленного буржуазией недемократического избирательного права. Умеренные либералы имели во франкфуртском Национальном собрании наибольшее влияние. Демократы оказались в меньшинстве, и к тому же у них отсутствовало четкое представление относительно тех задач, которые они должны были решать. В этих двух парламентах не имелось ни одного представителя от рабочих. Вместо того чтобы отстаивать права народа, вооружать его для борьбы за полное уничтожение феодальных отношений, Национальное собрание во Франкфурте-на-Майне занималось процедурными вопросами и не проявило ни малейшего беспокойства даже в тот момент, когда у него на глазах реакционная солдатня потопила в крови выступление жителей Майнца, развязав там кровавый террор.

«Новая Рейнская газета» стремилась сплотить вокруг себя все демократические силы — рабочий класс, крестьянство, мелкую буржуазию и интеллигенцию — и развернуть широкое демократическое движение, способное перерасти в борьбу за единую демократическую немецкую республику. Газета открыто заявляла, что в революционном рабочем классе она видит наиболее активную силу буржуазной революции, силу, всегда готовую на любые жертвы. «Новая Рейнская газета» с момента своего выхода боролась за самостоятельное сплочение пролетариата на революционной основе. Она направляла его борьбу против тогдашнего главного врага — класса феодалов, и прежде всего против прусских юнкеров и их государства. Она способствовала развитию классового сознания у немецких рабочих и указывала им на необходимость классовой борьбы против буржуазии. Она защищала крестьян, выступала за аграрную реформу и стремилась установить прочный боевой союз между рабочими и крестьянами.

Газета представляла революционные интересы не только немецкого народа, но и революционной Европы. Она выступала за интернациональную солидарность рабочего класса со всеми борцами за свободу и поддерживала братские отношения с французскими, бельгийскими и австрийскими рабочими, английскими чартистами. Она выступала в поддержку борющихся за свою свободу венгерских, польских и итальянских патриотов и подвергла беспощадной критике франкфуртское Национальное собрание, предавшее интересы польских борцов за свободу. Газета была поборником мира и дружбы между народами. Но, призывая народы, и прежде всего рабочий класс, к защите свободы с оружием в руках там, где это было нужно, она показывала, что борьбу за мир она не отождествляла с пацифизмом.

«Новая Рейнская газета» была подлинно национальной немецкой газетой, но она по праву называла себя также газетой всего европейского освободительного движения.

Спустя три месяца после выхода ее первого номера, 23 июня 1848 года, в Париже вспыхнуло восстание. Французская буржуазия начала закрывать национальные мастерские, намереваясь призвать безработных в армию или выслать в деревню и распустить рабочий парламент. Рабочие, голодавшие еще больше, чем прежде, и видевшие, что плоды революции оказались недоступными для них, восстали, чтобы дать буржуазии свой первый крупный открытый бой. Они боролись под старым лозунгом лионских ткачей «Жить, работая, или умереть, сражаясь!».

Борьба длилась четыре дня. В доме Маркса с величайшим нетерпением ждали сообщений из французской столицы. События в Париже самым ужасным образом показали Женни непреодолимый антагонизм между рабочим классом и буржуазией и убедительнее всего продемонстрировали героизм рабочего класса и жестокость буржуазии.

«Новая Рейнская газета», как и прежде, открыто выступала на стороне революционного рабочего класса. Маркс и Энгельс писали о героизме парижского пролетариата,

который мужественно и самоотверженно сражался против регулярных войск, насчитывавших более 180 тысяч солдат, и вооруженного отряда мелких буржуа, имевших четырехкратный перевес в силах. Он нанес им ощутимые удары. Было убито шесть генералов. Генерал Кавеньяк, руководивший операцией по подавлению восстания, усвоил методы военного руководства, будучи губернатором Алжира. За разгромом рабочих последовали массовые расстрелы. Буржуазия купалась в крови. «Новая Рейнская газета» навсегда пригвоздила к позорному столбу палачей рабочего класса.

Последняя статья об Июньской революции была написана Карлом Марксом. Она заканчивалась следующими словами: «Нас спросят, неужели у нас не найдется ни одной слезы, ни одного вздоха, ни одного слова для жертв народного гнева, для национальной гвардии, для мобильной гвардии, для республиканской гвардии, для линейных войск?»

Государство позаботится об их вдовах и сиротах, декреты будут прославлять их, торжественные погребальные процессии предадут земле их останки, официальная пресса объявит их бессмертными, европейская реакция будет превозносить их от востока до запада.

Но плебеи истерзаны голодом, оплеваны прессой, покинуты врачами, по милости «порядочных» ославлены ворами, поджигателями и каторжниками; их жены и дети ввергнуты в еще более безграничную нищету; их лучшие представители из оставшихся в живых сосланы за море. Обвить лавровым венком их грозно-мрачное чело — это *привилегия*, это *право демократической печати*»⁴.

Уже после опубликования статей Энгельса о Национальном собрании, заседавшем во франкфуртском соборе святого Павла, часть буржуазных акционеров перестала поддерживать газету. Ее выступление в защиту июньских повстанцев в Париже заставило отшатнуться и остальных. Газета продолжала существовать только благодаря огром-

нейшим усилиям по преодолению финансовых трудностей, в первую очередь Карла и Женни Маркс. События июньских дней навсегда запечатлелись в памяти Женни. Возбуждение, царившее в те дни, ощущалось и в письме, написанном незадолго до поражения Парижской коммуны доктору Кугельману в Ганновер.

В РЕВОЛЮЦИОННОМ КЁЛЬНЕ

В сумятице тех дней переезд с тремя детьми в Кёльн был для Женни нелегким делом. По прибытии была найдена квартира, которую она тотчас же оборудовала. Квартира находилась на Цецилиенштрассе, узкой улочке в старой части Кёльна, в нескольких шагах от здания, где размещалась редакция «Новой Рейнской газеты», и совсем рядом с помещениями, где кёльнские рабочие проводили свои собрания. Из Брюсселя были доставлены вещи: столовое белье, серебро и прежде всего богатая библиотека Карла Маркса. Особое участие в устройстве на новом месте проявила Лина Шёлер, с которой у четы Маркс завязалась в те дни искренняя и крепкая дружба.

Помощь и дружескую поддержку оказали Женни также старые кёльнские друзья, и в первую очередь доктор Роланд Даниельс и его молодая жена Амалия. Даниельс, высокоодаренный, очень преданный и благородной души человек, давно уже входил, как сказал Маркс после его трагической гибели в борьбе за дело партии, в число самых близких друзей Маркса. Выходец из буржуазной семьи, коренной житель Кёльна, имевший солидные связи в научных и медицинских кругах, Даниельс мог бы легко найти себе выгодную практику. Но он лечил бедных в одном из кварталов города, пользовавшихся тогда дурной славой. В то же время он занимался научной деятельностью в области антропологии. Маркс называл его надеждой науки. Гуманизм и тесная связь с борьбой рабочего класса привели

Даниельса в ряды ближайших соратников Маркса и Энгельса.

Даниельс часто бывал у Марксов еще в Париже, когда учился там, и уже тогда Женни смогла оценить его человеческие качества, о чем она писала в одном из своих писем из Брюсселя. К моменту ее прибытия в Кёльн он как раз женился. Еще во время революции жена родила ему первого ребенка. Амалия Даниельс происходила, как и он сам, из буржуазной семьи, проживавшей в Кёльне. Она всегда держалась в стороне от политической деятельности. Как и ее муж, Амалия была человеком благородным и мужественным, искренне любила Роланда. Вот почему она не препятствовала ему следовать по пути, избранному им самим. Крепкая дружба связывала ее и Женни.

В Кёльне собрались также самые близкие брюссельские и лондонские друзья. В редакцию «Новой Рейнской газеты» кроме Карла Маркса и Фридриха Энгельса входили Вильгельм Вольф и Георг Веерт, а также три других надежных члена Союза коммунистов — Эрнст Дронке, Фердинанд Вольф и Генрих Бюргерс, один из старых знакомых Женни. Осенью 1848 года в Кёльн прибыл и Фердинанд Фрейлиграт, чтобы войти в состав редакции. В Дюссельдорфе, куда его забросила революция, против него был возбужден процесс из-за стихотворения «Мертвые — живым». Возмущение народа было столь велико, что его противники были вынуждены выпустить Фрейлиграта на свободу. Из Лондона в Кёльн прибыли Иосиф Молль, который был родом из этого города, и Карл Шаппер. Оба сотрудничали в Кёльнском рабочем союзе, председателем которого вскоре стал Иосиф Молль. Шаппер работал корректором в «Новой Рейнской газете».

По своему составу редакция газеты не имела себе равных среди других немецких газет того времени. Вместе с титанами мысли Марксом и Энгельсом значительный вклад в ее издание вносили прежде всего Фрейлиграт, Веерт и Вильгельм Вольф. Вильгельм Вольф блестяще осветил на страни-

цах газеты крестьянскую проблему, опубликовав серию статей под названием «Силезский миллиард». В «Новой Рейнской газете» увидела свет пламенная революционная лирика Фрейлиграта, а руководивший отделом фельетонов Георг Веерт с едкой иронией высмеивал в своих стихах, как и в прозаических произведениях, образы рыцаря Шнапханского и торговца Прейса, олицетворявших юнкеров и крупную буржуазию.

Для сотрудников газеты, особенно передовых коммунистов, дом Маркса стал родным домом. Его двери всегда были для них открыты. Они шли туда со своими светлыми мечтами и смелыми планами, движимые горячим революционным пылом, заботами и тревогами. Там они говорили о своей ненависти к реакции и своих симпатиях к трудящемуся люду, вели жаркие дискуссии, шутили, смеялись. Когда же Маркс бывал в отъездах и Женни часто не знала даже, жив он и на свободе ли, она находила у них помощь и поддержку. С товарищами ее связывало не только совместное участие в революционном движении, но и упорная борьба за сохранение и развитие газеты. В этой борьбе Женни принимала самое живое участие, о чем свидетельствуют приводимые ниже документы. В огне революции выковалась крепкая дружба с великим соратником ее мужа Фридрихом Энгельсом. Революционные события прочно, как никогда прежде, связали Женни и Маркса с Георгом Веертом и Вильгельмом Вольфом; дружеские сердечные отношения установились между семьями Маркса и Фрейлиграта, чьи песни были настолько популярны в доме Маркса, что даже маленькие дети знали наизусть большие отрывки из них. Иосиф Молль и его семья, а также Карл Шаппер с женой входили в круг друзей семьи Маркса. Женни, видимо, очень высоко ценила Молля. В одном из своих писем, написанных уже после его смерти, она называет Молля как близкого друга Юппом.

Ее заботу ощущали и супруги Шаппер. Когда Карла Шаппера арестовали, Женни вместе с родственницей Иоси-

фа Молля взяла на себя заботу о его смертельно больной жене. Шаппер не забывал этого даже тогда, когда его отношения с Марксом были временно разорваны.

Таким образом, революционные годы сыграли решающую роль в жизни Женни, ибо в этот период окончательно сформировалась ее личность как политического борца. И в эти же годы она впервые ощутила всю глубину той преданности и дружбы, которые вырастают из совместной, ведущейся до последней капли крови борьбы за высокие идеалы.

ПРОТИВ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

С первых дней революции немецкая буржуазия, испытывавшая страх перед революционным рабочим классом, содействовала усилиям феодальной реакции восстановить свое господство. Правительство Кампгаузена — Ганземана в милитаристской Пруссии не приняло никаких мер ни в отношении армии, ни в отношении реакционной иерархии, царившей в государственном аппарате. Она взяла под защиту ненавистную династию Гогенцоллернов и даже призвала вернуться принца Вильгельма Прусского, ярого поборника реакции при прусском дворе. Опасаясь народного гнева, он бежал в Англию. В его лице контрреволюция имела хитрого и жестокого предводителя. Принц, подобно кайзеру Вильгельму I, подписавшему бисмарковский исключительный закон против социалистов, стал кровавым душителем революции не только в Пруссии, но и в Саксонии и Южной Германии. Буржуазия с самого начала парализовала деятельность прусского Национального собрания, позаботившись о том, чтобы принятые им решения проводились в жизнь лишь с согласия короля. В то же время она всячески старалась помешать дальнейшим революционным акциям народа, а где ей это не удавалось, помогала жестоко подавлять их.

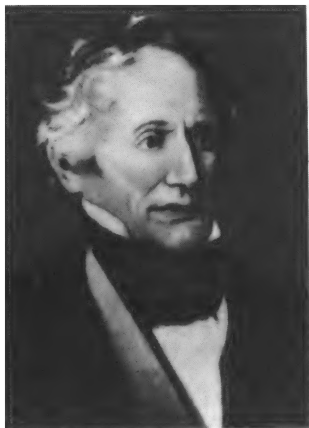
Немецкая буржуазия, предавшая рабочий класс и все демократические силы в городах и принимавшая в отношении их насильственные меры, бросила на произвол судьбы и крестьян. Если французская буржуазия в ходе буржуазной революции экспроприировала помещиков без всякой компенсации и тем самым сделала крестьянство своим союзником в борьбе против феодалов, то прусская буржуазия провела закон, согласно которому крестьяне должны были платить выкуп за свое освобождение. Тем самым она взвалила на плечи крестьян тяжелое бремя, нести которое предстояло им еще многие десятилетия.

Такое же предательство немецкая буржуазия совершила и в отношении освободительного движения народов соседних стран, которые в равной мере были естественными союзниками германской буржуазной революции. Она предоставила свободу действий прусской и австрийской реакции, которая путем вооруженного вмешательства подавила революцию в Польше, Чехии и Италии и своим отказом от поддержки польского освободительного движения непосредственно оказала услугу реакционному союзу Пруссии, Австрии и царской России — злейшего врага европейской революции.

Иную позицию занимала мелкая буржуазия — ремесленники, кустари, часть интеллигенции, особенно студенческая молодежь. Вместе с рабочими эти слои населения всеми силами старались еще больше разжечь пламя революции. Тысячи людей боролись с оружием в руках и в этой борьбе отдавали жизнь за дело революции. Но если в 1793—1794 годах во Франции мелкая буржуазия активно способствовала подъему буржуазной революции и выдвинула на арену борьбы такие личности, как Робеспьер и Сен-Жюст, Олимпия де Гуж и Теруань де Мерикур, встала на защиту французской революции от посягательств европейской контрреволюции, то в 1848—1849 годах в Германии мелкая буржуазия уже не могла играть столь важную и главенствующую роль. Она так же, как и крестьян-



Дом в Зальцведеде, где родилась
Женни фон Вестфален



Иоганн Людвиг
фон Вестфален



Каролина
фон Вестфален



Женни фон Вестфален



Карл Маркс —
студент



Женни фон Вестфален
(после помолвки)



Фридрих Энгельс. 40-е годы



Елена Демут (в молодости)



Женни Маркс,
жена Маркса.
Начало 50-х годов

Handwritten note at the top left of the manuscript page.

Handwritten text in German, likely a draft of the Communist Manifesto, written in cursive script.



Единственная
сохранившаяся страница
чернового наброска
К. Маркса «Манифест
Коммунистической партии».
Первые две строки
написаны рукой Женни Маркс

Первый номер
«Новой Рейнской
газеты»



Эдгар Маркс, которого
в семье называли Муш



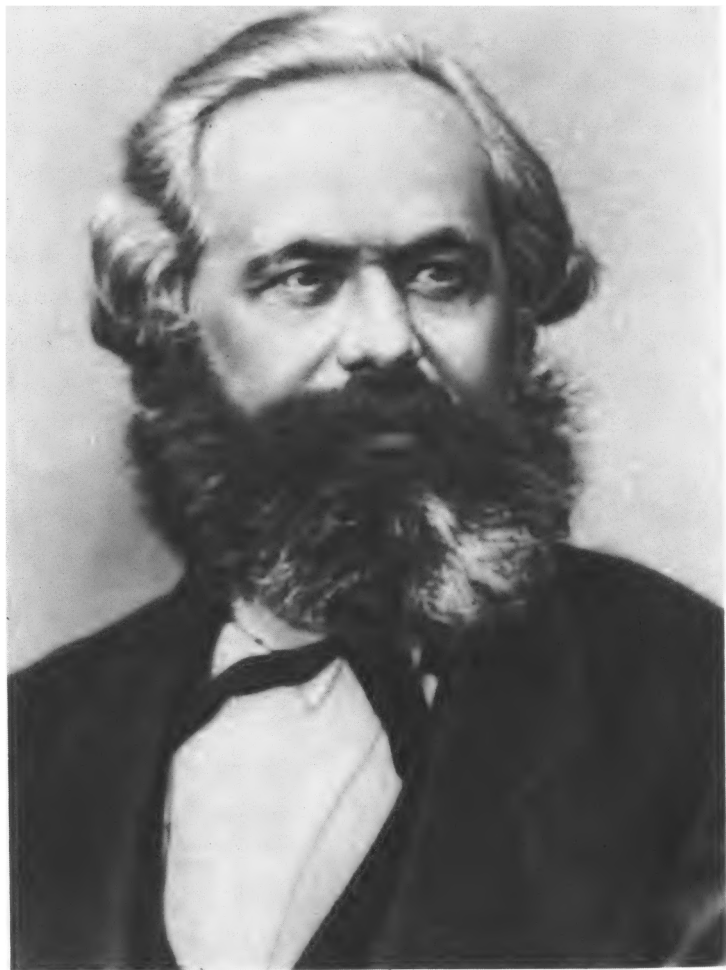
Женни Маркс со старшей дочерью Женни



Дом № 28 на Дин-стрит
в Сохо, в котором
семья Маркса жила
с декабря 1850 по 1856 годы



Эдгар фон Вестфален



Карл Маркс в 1867 году



Процесс по делу о «государственной измене»
против Августа Бебеля (первый справа),
Вильгельма Либкнехта (стоит)
и Адольфа Гепнера (второй справа)
на суде присяжных в Лейпциге
в 1872 году



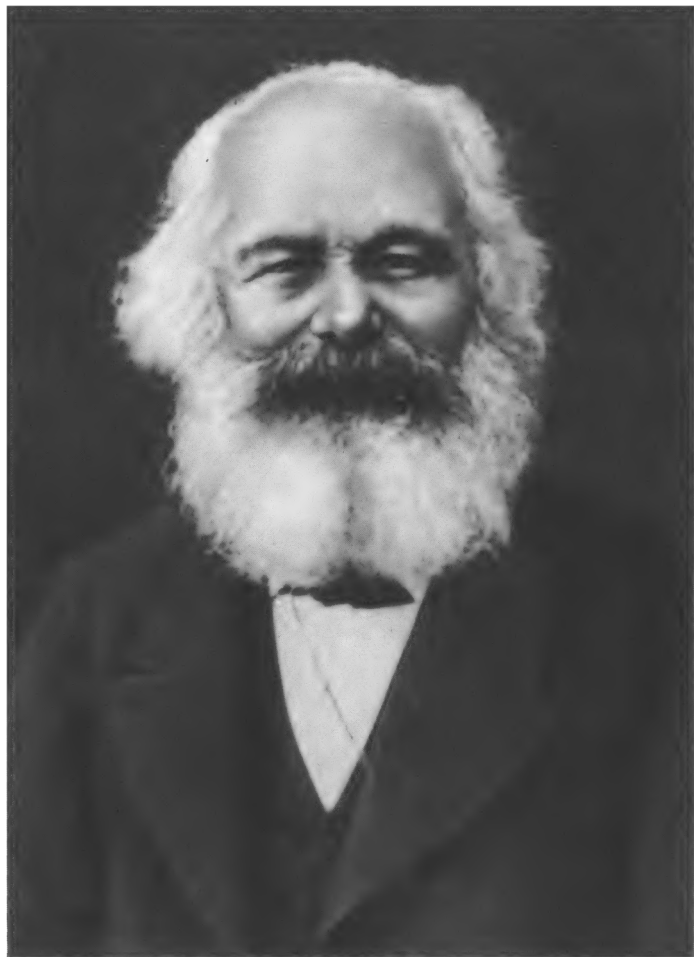
Карл Маркс с дочерью Женни. 1869 год



Дочь Маркса Лаура.
1864 год



Элеонора Маркс



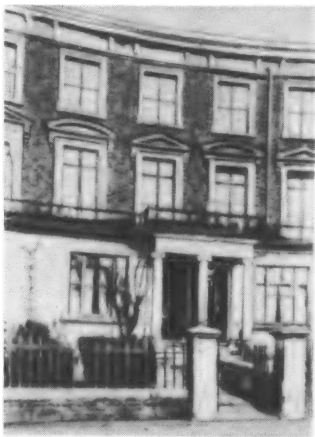
Последняя фотография Карла Маркса



Елена Демут
в старости



Женни Маркс
в последние годы
своей жизни



Дом № 41 на Мэйтленд
Парк-род в Лондоне,
в котором Маркс жил
с марта 1875 года
до конца жизни



Могила семьи К. Маркса на Хайгетском кладбище в Лондоне
в ее первоначальном виде

ство, могла стать действенным революционным элементом только под руководством рабочего класса. Немецкий рабочий класс, впервые доказавший в революционные дни 1848 года свое историческое призвание как ведущей силы общества, а самоотверженной борьбой — свою роль в жизни нации, был, однако, еще слабым и численно, и политически, и организационно, для того чтобы возглавить революцию. К тому же следует учесть и раздробленность Германии, мешавшую единству действий революционных сил.

С поражением Июньской революции в Париже контр-революция в Германии действовала все более открыто. Участились провокационные акции с ее стороны. Сплочение всех революционных сил для отпора реакции и защиты завоеваний революции стало насущной задачей. Маркс и Энгельс кроме работы над газетой уделяли много внимания организации демократических сил в Кёльне и Рейнской провинции и руководству ими. Маркс стоял во главе образованного в Кёльне окружного комитета рейнских демократических союзов, развернувшего кипучую деятельность, особенно среди рабочих и крестьян Рейнской провинции. Благодаря Марксу и Энгельсу стало возможным проведение в августе 1848 года в Кёльне конгресса рейнских демократов.

Но прежде всего свои силы Маркс и Энгельс направляли на формирование сознания и повышение политической организованности рабочего класса, так как от его действий зависело в первую очередь последовательное развитие революции. Для этого они поддерживали постоянную связь с рабочими во всех частях Германии и особенно много времени уделяли сильному и влиятельному Кёльнскому рабочему союзу. Они присутствовали на его собраниях, оказывали влияние на принимаемые им решения, активно участвовали в его дискуссиях и проводимых им мероприятиях. В октябре 1848 года Карл Маркс стал председателем этого союза.

В доме Марксов царил такое же возбуждение и беспор-

койство, как и повсюду в городе. До глубокой ночи не прекращалась лихорадочная работа: писали и переписывали статьи, читали и обрабатывали газеты и сообщения со всего мира. Приходили революционеры — рабочие и представители интеллигенции из Кёльна и других мест Рейнской провинции и даже со всей Германии и из-за границы. По разным вопросам шли к Марксу товарищи из Союза коммунистов, мелкобуржуазные демократы, соратники и просто поклонники, настоящие революционеры и демагоги, светлые умы и путаники.

О деятельности Женни в период революции известно немного. Письмами в те дни обменивались редко, а если они все же приходили, то тут же уничтожались их получателем. Воспоминания близких друзей тех лет небогаты. Ее личные воспоминания также имеют заметные пробелы. Возможно, часть записей была уничтожена из-за опасения, что нагрянет полиция, от которой и в Лондоне семье Маркса не было покоя. Известно только, что Женни вместе с мужем навестила в Дюссельдорфе Фердинанда Лассалья. Видимо, она хорошо знала Чарлза Дану, редактора «Нью-Йорк дейли трибюн», в которой позднее, уже будучи в Лондоне, сотрудничал Маркс. Чарлз Дана находился в то время в Кёльне.

Если дошедшие до нас материалы так бедны фактами, то мы сами попытаемся представить себе хотя бы приблизительно, в чем состояла повседневная работа коммунистки Женни Маркс в годы революции. Конечно же она не жалела своих сил. А работы для нее было действительно предостаточно. Сколько статей и черновых набросков Маркс должен был продиктовать и переписать, и кому, как не ей, он мог доверить это лучше всего?! Сколько связей нужно было обеспечить для партии, сколько нелегальных встреч требовалось организовать, и как часто она, называвшая себя позднее старым посыльным партии и усвоившая все правила конспирации, отправлялась в путь. А кому, если не Женни, приходилось принимать многочисленных посе-

тителей, когда Маркс бывал в отъездах или же когда нужно было оградить его от слишком назойливых визитеров? Обыски в доме и аресты могли случиться в любую минуту. Поэтому кто, если не она, домашняя хозяйка, должна была позаботиться о том, чтобы ничего компрометирующего в доме не оказалось!

Часто, по-видимому, она вместе с Марксом участвовала в важных беседах, ибо ее ум, доброжелательность и откровенность всегда были для него большой помощью в разъяснительных беседах с рабочими, мелкобуржуазными демократами и представителями интеллигенции. Он ценил и ее деловитость, проявляемую ею в бесчисленных беседах по поводу газеты, которые ей часто приходилось вести самостоятельно.

Чтобы усилить влияние коммунистов на демократическое движение за пределами Рейнской провинции, Маркс предпринял в конце августа — вскоре после кёльнского конгресса демократов — поездку в Гамбург, Берлин и Вену, где имел беседы с коммунистами, лидерами рабочих и демократов, выступал в рабочих и демократических организациях. В ходе предыдущих битв окрепло классовое сознание рабочих; они все больше размежевывались с мелкой буржуазией и создавали собственные организации. Тем самым рабочий класс становился все более важным фактором в революционном движении.

Во время поездки Маркс также изыскивал возможность добыть деньги для своей газеты. Ярким свидетельством ее международного авторитета служит тот факт, что польские борцы за свободу предоставили Марксу, ее главному редактору, крупную денежную сумму. Обострившаяся политическая обстановка заставила его прервать поездку. Примерно 11 сентября он возвратился в Кёльн. В начале сентября произошел первый открытый конфликт между прусским Учредительным собранием и королем Пруссии, отказавшимся выполнить требование Учредительного собрания об увольнении из армии реакционно настроенных офицеров. В

то же время во франкфуртском Национальном собрании произошли серьезные столкновения между составлявшими меньшинство левыми силами и его большинством. В обоих случаях победу одержала реакция. Возмущенные народные массы вышли на улицы.

В Кёльне 13 сентября на Франкенплац состоялся массовый митинг, на котором присутствовало почти 6 тысяч человек. Он был созван по инициативе Демократического общества и «Новой Рейнской газеты». На нем был избран Комитет безопасности, в который вошли Маркс и Энгельс. В задачу комитета входили организация и руководство борьбой с контрреволюцией, за демократическую республику. 17 сентября на берегу Рейна в Воррингене, расположенном между Кёльном и Дюссельдорфом, состоялось народное собрание. Присутствовало около 10 тысяч человек, преимущественно рабочие из разных мест Рейнской провинции. Они пришли пешком или приплыли пароходами, украшенными красными флагами. Собрание избрало Энгельса своим секретарем. Его участники высказались за «красную республику» и одобрили текст адреса к франкфуртскому Национальному собранию, в котором от имени присутствующих выражалась готовность защитить дело Германии от прусской реакции, не желавшей ничего так страстно, как уничтожить именно рейнскую демократию. 25 сентября власти издали приказ об аресте Фридриха Энгельса, Вильгельма Вольфа, Иосифа Молля, Карла Шаппера и Эрнста Дронке. Одновременно было дано распоряжение возбудить судебное дело против членов Комитета безопасности. Карл Шаппер был арестован. Попытка арестовать Иосифа Молля была сорвана рабочими.

Рабочие, ожидая вооруженного наступления реакции, стали возводить баррикады на старой рыночной площади Кёльна. Но реакция пока не решалась начать вооруженную борьбу. Маркс и его друзья повсюду на улицах, на народных собраниях и на баррикадах призывали рабочих не поддаваться на провокации. Так удалось избежать

вооруженного столкновения. Однако правительство объявило Кёльн на осадном положении. «Новая Рейнская газета» и другие прогрессивные газеты были запрещены. Энгельсу и Моллю пришлось покинуть Кёльн в связи с угрозой ареста.

Фридрих Энгельс направился через Бельгию и Францию в Швейцарию и только в середине января 1849 года вернулся в Кёльн. Иосиф Молль уехал в Англию, но и там не нашел покоя. Под вымышленным именем он возвратился в Германию, вел агитационную работу в самых разных уголках страны и выполнял поручения, порой настолько опасные, что другие категорически отказывались от них. Летом 1849 года Молль участвовал в вооруженной борьбе в Южной Германии. Оттуда он выезжал с заданиями в Пруссию, и, если бы полиция напала на его след, ему немедленно грозил бы расстрел. Затем он вел агитацию среди артиллеристов прусской армии, располагавшихся в Рейнской провинции, призывая их присоединиться к артиллерии пфальцских повстанцев. Возвращаясь с этого задания, он благополучно пробрался через вражеские позиции до Раштатта, где вступил в Безансонскую рабочую роту, входившую в корпус Виллиха. Молль погиб спустя несколько дней в бою на Мурге. Женни, Карл Маркс и Фридрих Энгельс всегда хранили о нем светлую и добрую память.

Маркс прилагал нечеловеческие усилия, чтобы возобновить издание газеты. Она вышла снова 12 октября 1848 года. Однако финансовое положение газеты оставалось критическим, и выправить его Марксу удалось лишь после того, как он пожертвовал на это большую часть состояния своего и Женни. Семья была вынуждена вновь жить впроголодь. Неопределенность стала еще больше, когда в сентябре Маркс получил окончательный ответ, где ему отказывалось в восстановлении прусского подданства. Таким образом, он и его семья в любое время могли быть высланы из Кёльна.

Тяжело сказывалось на деятельности редакции и отсутствие Энгельса. После его отъезда редакционная работа

почти целиком легла на плечи Маркса. Видимо, и Женни пришлось теперь взять на себя дополнительно немалую часть этой работы.

Тем временем между революцией и контрреволюцией развернулись новые тяжелые бои. 6 октября венский пролетариат вышел на улицы, чтобы помешать отправке австрийских полков для подавления освободительного движения в Венгрии. В течение недели венские рабочие, студенты и часть мелкой буржуазии защищали город от осаждавшей его императорской армии. Маркс придавал событиям в Вене большое значение. Женни также напряженно следила за венскими событиями, испытывая чувство глубокой симпатии к сражающемуся пролетариату. Все же 31 октября город был взят. Как ранее в Париже, так теперь в Вене свирепствовал белый террор. Революционный Кёльн бурлил от горечи и гнева. Возмущение стало еще сильнее, когда Маркс обнародовал телеграфное сообщение о расстреле Роберта Блюма, находившегося в Вене по поручению франкфуртского Национального собрания.

С подавлением народных выступлений в Вене прусский король решил, что настало и его время действовать. Он приказал перенести избранное народом Национальное собрание в Бранденбург, что означало лишение собрания всяких полномочий. 5 декабря оно было окончательно распущено. Народ был полон решимости защитить собрание с оружием в руках, но оно отказалось от его защиты, предпочтя позор борьбе. Еще в середине ноября оно приняло решение отказаться платить налоги, но не приняло никаких мер для его осуществления.

Во многих местах Германии прокатилась новая волна народных выступлений за осуществление этого решения и в защиту прусского Учредительного собрания. В авангарде этой борьбы — а иначе не могло и быть — шла Рейнская провинция. Маркс опубликовал серию статей под заголовком «Контрреволюция в Берлине». Он призвал через «Новую Рейнскую газету» отказаться платить налоги новому

неконституционному правительству. 13 ноября в Кёльне состоялось заседание Народного собрания. Оно избрало новый Народный комитет, поручив ему организацию в Рейнской провинции кампании за отказ от уплаты налогов и подготовку рейнских революционеров к вооруженному сопротивлению. В состав Народного комитета вошел также Маркс.

Маркс и его соратники целеустремленно вели борьбу. Чем больше трусости проявляла мелкая буржуазия, пятившаяся назад, тем решительней борющийся рабочий класс уходил из-под ее влияния и тем прочнее Маркс мог на него опереться.

В ходе революции выросло классовое сознание немецких рабочих. Не в последнюю очередь его рост был результатом деятельности коммунистов. Маркс делал все, чтобы еще больше укрепить это сознание, и вместе с тем активизировал свои усилия, направленные на установление союза между рабочими и крестьянами. В апреле 1849 года он напечатал в «Новой Рейнской газете» серию статей «Наемный труд и капитал». Незадолго до этого он начал публикацию уже упоминавшихся статей Вильгельма Вольфа по крестьянскому вопросу, озаглавленных «Силезский миллиард». Целью Маркса являлось в это время создание единой немецкой революционной рабочей организации, предпосылки для которой, как он считал, уже имелись. Ей должно было предшествовать достижение единства рейнского рабочего движения. В этой связи в мае 1849 года предполагалось провести в Кёльне рабочий конгресс.

Между тем реакция предпринимала новые попытки разделаться с Марксом. Еще до начала октября он несколько раз был вызван в суд для допроса. Теперь эти вызовы градом посыпались в дом, а с ними и письма с угрозами и оскорблениями в его адрес. На эти письма Маркс не обращал никакого внимания, однако в Женни они порождали, видимо, чувство сильной тревоги. Против Маркса было возбуждено два крупных процесса. Первый раз он предстал

7 и 8 февраля перед присяжными заседателями, обвиняемый в оскорблении старшего прокуратора Цвейфеля и в клевете на жандармов. Второй раз — из-за развернутой «Новой Рейнской газетой» кампании за отказ платить налоги, которая рассматривалась как «подстрекательство к бунту». Он защищался столь блестяще и обвинял реакцию столь сурово, что оба эти процесса стали для него подлинным триумфом. Суд присяжных, этот буржуазный институт Рейнской провинции, не решился вынести ему обвинительный приговор. К тому же рабочие недвусмысленно заявили, что будут защищать своего вождя. Женни, несмотря на владевшее ею беспокойство, испытывала, вероятно, больший восторг, находясь среди тех, кто также восторгался ее мужем, слушая его речи в суде.

Тем не менее контрреволюция все шире наступала и на Рейнскую провинцию. И уже только время решало вопрос о том, когда последует удар против Маркса и «Новой Рейнской газеты».

ЗНАМЕНИТЫЙ ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР

В апреле 1849 года финансовое положение «Новой Рейнской газеты» стало настолько угрожающим, что Маркс был вынужден заняться добыванием новых средств. Он с неохотой покинул Кёльн, ставший революционным центром, а также семью, ибо в то время никто не мог предсказать, что принесет грядущий день. Во время поездки, продолжавшейся с 14 апреля по 9 мая, он побывал в Северо-Западной Германии и Вестфалии. Для Женни это были трудные и мучительные недели, к тому же возложившие на нее особую ответственность за дело. Во время отсутствия своего друга Энгельс руководил газетой. Как и позднее, когда Маркс бывал в отъездах, он не принимал никаких важных решений, не выслушав прежде мнение кого-то из его семьи, так и теперь он обсуждал все вопросы с Женни, тем более что

газета с момента ее возобновления в октябре 1848 года была собственностью Маркса.

Пробил час последних вооруженных революционных битв, посредством которых демократическая Германия стремилась добиться признания правительством одобренной франкфуртским Национальным собранием либеральной конституции. 3 мая 1849 года началось восстание в Дрездене. В ходе восстания было создано временное правительство во главе с демократом Чирнером, адвокатом по профессии. Но оно оказалось слишком слабым, чтобы руководить восстанием, и из-за нерешительности мелкой буржуазии не смогло утвердиться. Дрезденские рабочие на протяжении шести дней героически сражались с саксонскими и прусскими войсками. Вместе с ними с оружием в руках мужественно боролись многие демократы, среди которых были молодой композитор Рихард Вагнер, архитектор Готфрид Земпер, дирижер Рёккель, а также русский эмигрант Михаил Бакунин. Революционеры несли тяжелые потери, женщины и девушки укрывали раненых и ухаживали за ними. На помощь восставшим прибыли несколько сот шахтеров Фрейберга и рабочих Хемница и Лейпцига. В то же время мелкая буржуазия не только не торопилась оказывать какую-либо поддержку восставшим, но и препятствовала ей. Город был окружен прусскими войсками. 9 мая повстанцы были вынуждены отступить под натиском превосходящих сил противника. В Кёльн стали поступать сообщения о новых зверствах, чинимых солдатней.

В это же самое время борьба вспыхнула в Бадене и Пфальце. Рейнская провинция также готовилась к вооруженному выступлению. Фридрих Энгельс выехал 10 мая из Кёльна. Он отправился в Эльберфельд, где, как и в Изерлоне, Золингене и других городах, велись уличные бои.

Теперь прусская реакция получила возможность расправиться с Марксом и нанести смертельный удар «Новой Рейнской газете». 11 мая был издан приказ о высылке

Маркса, который он получил 16 мая. За день до этого Энгельс возвратился из Эльберфельда. Под нажимом буржуазии он был вынужден прервать свою работу по подготовке к обороне города в связи с наступлением прусских войск. Он ничуть не сомневался в том, что будет издан приказ и о его розыске и аресте. В этих условиях дальнейшее издание «Новой Рейнской газеты» стало невозможным. Ее последний, «красный номер» вышел 19 мая. На первой странице было опубликовано написанное Фрейлигратом гордое «Прощальное слово «Новой Рейнской газеты»:

Не удар открытый в открытом бою,
А лукавые козни, коварство,—
Сломило, подкравшись, силу мою...

В усмешке презренье к врагам затая
И крепко сжимая шпагу,
«Восстанье!» — кричала пред смертью я,
Не сломили мою отвагу...

Так прощай же, прощай, грохочущий бой!
Так прощайте, ряды боевые,
И поле в копоти пороховой,
И мечи, и копыта стальные!
Так прощайте! Но только не навсегда!
Не убьют они дух наш, о братья!
И час пробьет, и, воскреснув, тогда
Вернусь к вам живая опять я!

И когда последний трон упадет
И когда беспощадное слово
На суде — «виновные» — скажет народ,—
Тогда я вернусь к вам снова...⁵

В своих воспоминаниях Женни называет этот последний номер «пылающим факелом по форме и содержанию»⁶.

Редакция призвала население Кёльна воздержаться от необдуманных боевых действий.

Для семьи Маркса и для Энгельса все это значило, что

они должны как можно скорее покинуть город. Промедление или задержка могли окончиться для обоих арестом и военно-полевым судом, что грозило длительным заключением в одной из прусских тюрем, в которых погибли многие участники революции 1848 года. Необходимо было поспешно ликвидировать дела газеты. Чтобы заплатить редакторам, персоналу газеты и печатникам, а также поставщикам бумаги и другим кредиторам, Маркс отдал последние деньги, и свои, и Женни. Он продал печатную машину, а Женни была вынуждена продать свою мебель. Потребовалось еще взять займы 300 талеров, чтобы покрыть все обязательства. В общем и целом Карл и Женни вложили в «Новую Рейнскую газету» 7 тысяч талеров, то есть 21 тысячу марок. Спасти удалось лишь библиотеку Маркса и кое-что из мелочей. Все это было на время оставлено у Даниельсов, книги же Маркса хранились у них несколько лет.

Супруги Даниельсы всеми силами помогали друзьям во всем, что было связано с их переездом.

Маркс и Энгельс отправились в Южную Германию, где еще не угасло повстанческое движение. Вначале они побывали во Франкфурте-на-Майне, а потом направились в Баден. Колебания и нерешительность мелкой буржуазии имели роковые последствия и для южногерманского движения. Даже левое крыло франкфуртского Национального собрания не решилось выступить в поддержку народа в Бадене и Пфальце. Да и к тому же мелкобуржуазные вожди этих земель оказались не только неспособными, но и неготовыми к решительным действиям. Когда Маркс и Энгельс прибыли туда, финал движения был уже предопределен. Их усилия с целью принять необходимые военные меры были встречены надменным отказом. Поэтому Маркс с мандатом Центрального комитета демократов отправился в начале июня в Париж, чтобы в интересах борьбы установить связь с французскими революционными организациями. Энгельс поступил адъютантом полковника Августа Виллиха в его добровольческий отряд, состоявший главным образом из

рабочих Рейнской провинции. Несмотря на слабое политическое руководство, баденско-пфальцская народная армия, к которой примкнула также регулярная баденская армия, проявляла чудеса храбрости в боях со значительно превосходящими по силе войсками реакции, которыми командовал принц Вильгельм Прусский. Повстанческую армию поддерживали добровольцы, главным образом из числа рабочих, приехавших из разных частей Германии, и даже участники освободительной борьбы из Польши, Франции, Швейцарии и Венгрии. Особенно отличились отряды Виллиха и народного ополчения. Последнее было организовано и возглавлено швабским щеточником Иоганном Филиппом Беккером, которого Энгельс назвал единственным немецким революционным генералом. О нем речь пойдет ниже.

С поражением баденско-пфальцкого восстания революция была полностью подавлена. Но, как писал в свое время Фрейлиграт в «Новой Рейнской газете», реакции не удалось сломить дух народа. Молодой пролетариат, чье классовое сознание окрепло в битвах революции, сохранил верность героическим традициям тех дней. Вскоре он выступил во главе национальной борьбы за лучшую, миролюбивую Германию.

«МНЕ ЗДЕСЬ ЖИВЕТСЯ НЕЛЕГКО»

Женни Маркс с детьми и Еленой Демут отправилась из Кёльна в Бинген. В этом маленьком городке она провела у друзей восемь дней. За это время она съездила ненадолго во Франкфурт-на-Майне, чтобы навестить Иосифа и Луизу Вейдемейер, которые переехали туда из Вестфалии. С их помощью она заложила в ломбард свое фамильное серебро. Теперь у семьи были деньги, чтобы питаться. Затем она с детьми направилась к матери в Трир.

Когда в июне Женни прибыла в родной город, там почти уже год господствовала реакция. Летом 1848 года прусские

войска потопили в крови выступление гражданского ополчения Трира и восстановили в городе, как говорилось в сообщениях контрреволюции, «спокойствие и порядок». Городская полиция и суд не решились принять какие-либо меры в отношении Женни, которая была выходцем из семьи, пользовавшейся в Трире большим уважением. Где-нибудь в Пруссии дело могло обстоять иначе. Но и в родном городе ее пребывание не было легким. Злобные взгляды, язвительные замечания, лицемерные вопросы, касавшиеся ее мужа, всевозможные колкости, разговоры, тут же переходившие в шепот, стоило ей только оказаться рядом, намеки об арестах, пытках и расстрелах революционеров, высказываемые почти с нескрываемым злорадством,— все это Женни была вынуждена терпеть каждый день. Приходилось также вести неприятные разговоры с родными по поводу состояния, принесенного в жертву революции. По ночам ее терзало беспокойство за судьбу мужа и друзей, горечь поражения была для нее словно кошмарный сон. Даже мать была на сей раз холодна с ней. Правда, любящая дочь объясняет непривычное, не вызывавшее радости настроение старой женщины возрастом и болезнью. Но вряд ли можно полагать, что изменение характера госпожи фон Вестфален было вызвано поражением революции. Хотя, конечно, в душе она все же надеялась, что благодаря революции ее зять сможет занять важный пост.

В письме Лине Шёлер от 29 июня Женни сообщает о своих душевных переживаниях. «Мне здесь живется нелегко, и тебе, дорогая Лина, я могу сказать об этом. Я знаю, ты посочувствуешь мне во всем, о чем я тебе расскажу и о чем не могу рассказать. Мамочка так резко переменилась, и знаешь, как больно и обидно воспринимать это любящим сердцем. Скудные условия жизни, возраст и замкнутость породили в прежде столь доброй, нежной душе суровость и себялюбие — качества, которые ранят близких в самое сердце. Ты можешь себе представить, сколько раз в повседневной жизни приходится по мелочам сталкиваться с их

проявлением, и могу сказать, что ни разу еще мне не дышалось здесь свободно. К тому же Трир, как и прежде, самое маленькое и жалкое гнездо, полное сплетен и смешного почитания местных божков. Всего этого было бы достаточно, чтобы наполнить мое сердце печалью и болью. И все-таки меня часто одолевали еще более тяжелые заботы. Тоска и страх за моего любимого мужа. Можешь себе представить, какая тревога охватила меня, когда я узнала о парижском восстании, и как свирепствовавшая там холера держала меня в постоянном страхе. И ко всему этому общие тяжелые страдания и поражение, которое испытывает наша партия, трудное положение, в какое попали теперь почти все, кто борется за принципы нового мира. Меня страшит сама мысль о том, что моему дорогому Карлу до сих пор удавалось относительно удачно уйти от всяких опасностей. Мне все время кажется, что ему уготованы более тяжкие, более страшные мучения, и я вообще ничего еще определенно не решила насчет наших новых условий жизни. Мой дорогой Карл остается всегда бодрым и в хорошем настроении, во всех ударах, которые сыплются теперь на нас, он видит лишь прелюдию близкой и окончательной победы наших взглядов. До сих пор он был в Париже в безопасности, и его желанием было бы остаться там и забрать нас к себе... Куда бы ни забросила нас теперь судьба, я всегда буду помнить о тебе, дорогая Лина. Знаю, что и ты, милая Лина, будешь делать это же. Ты ведь не забудешь меня и при всех обстоятельствах своей жизни будешь искать во мне — и найдешь! — верную, искреннюю подругу?.. Дети, которых мы несказанно любим и которые с каждым днем становятся все милее, думают и говорят постоянно о любимой тете Лине. Даже наш маленький будущий медведь, наш Атта Тролль, который хоть и плохо танцует, зато уже со своими мыслями... лопочет о тете «Лиле» и будет совершенно чудным и крепким парнем со своими влюбленными глазами...»⁷

Вскоре после того как Женни отправила подруге это

письмо, поступила наконец весточка от Маркса. Он сообщал о том, что Женни может следовать к нему в Париж. Женни поспешно собралась и отправилась в путь вместе с тремя детьми и Еленой Демут.

НОВОЕ ИЗГНАНИЕ

Была середина июля 1849 года, когда Женни прибыла в Париж. Однако радость встречи с мужем была сильно омрачена. В Бадене и Пфальце как раз в это время героически сражавшиеся революционеры уступили превосходящей силе прусских войск, посланных на подавление восстания. О судьбе друзей, участвовавших в этом восстании, ничего не было известно. Карл и Женни не располагали никакими сведениями относительно того, в живых ли остался Фридрих Энгельс после такого военного поражения в Южной Германии. Только в конце июля на имя Женни пришло от него письмо из Швейцарии, в котором он сообщал, что с остатками отряда Виллиха перешел швейцарскую границу, и спрашивал, правда ли, что Маркс арестован.

В других европейских странах контрреволюция также перешла в наступление. Уже в начале июля основанная под руководством Гарибальди Римская республика после упорного сопротивления пала под ударами объединенных войск Франции, Австрии, Испании и Неаполя. Держалась еще только Венеция — последний бастион итальянской революции. Венгерская революция, руководимая Кошутом, была вынуждена защищаться от войск русского царя, призванных на помощь австрийцами. В августе революция была подавлена. Повсюду, где верх брала контрреволюция, царил белый террор.

Во Франции, где президентом стал племянник Наполеона I Луи Бонапарт, в 1852 году объявивший себя в результате государственного переворота французским императором Наполеоном III, реакция вновь занимала прочные

позиции. Предпринятая демократами попытка еще раз мобилизовать народ потерпела неудачу. Организованная 13 июня демонстрация была разогнана войсками.

«Париж в ту минуту в высшей степени ослепителен и роскошен,— с горечью писала Женни Лине Шёлер.— Аристократия и буржуазия, видно, очень возомнили после несчастного 13 июня о новой победе их партии. Все попрятавшиеся знатные особы вместе с колесницами и слугами с галунами уже 14-го выползли из своих нор, и вот сияющие улицы наполнились всевозможным великолепием и роскошью»⁸. Тем не менее Карл и Женни желали остаться в Париже. Женни просила свою подругу узнать, сколько будет стоить доставка в Париж оставшихся у нее вещей.

На этом письме проставлена дата — 14 июля. Уже 19 июля в их квартиру явилась знакомая Женни фигура полицейского, который спросил «Маркса и его жену». Он передал им приказ покинуть Париж и поселиться в департаменте Морбиан. Это был предательский приказ, «подлейшая из подлостей», как писал Фердинанд Фрейлиграт, которому Маркс сообщил об этом. Департамент Морбиан был болотистой местностью в Бретани, в которой гнездилась лихорадка. Высылка туда семьи Маркса справедливо рассматривалась как замаскированный смертный приговор. Марксу удалось посредством поданной правительству жалобы отсрочить выезд, однако высылка не была отменена.

В Париже Маркс сразу же установил связь с рабочими организациями, которые снова действовали нелегально. Он все еще верил в оживление европейской революции и ее окончательную победу. Семья Марксов почти месяц жила спокойно. Затем Марксу было окончательно заявлено о его высылке. 24 августа он выехал в Лондон. Женни оставалась пока в Париже. На этот раз Карл Маркс расставался с женой особенно тяжело, ибо оставлял ее в самой горькой нужде и беззащитной во враждебном ей городе. К тому же она ждала ребенка. После отъезда Маркса полиция тут же нагрянула к ней. Для них Женни была настолько опасной

особой, что и ей было предписано покинуть страну в кратчайший срок. Маркс писал Фрейлиграту, что его жена должна 15 сентября последовать за ним и что он не знает, где ему достать деньги для ее устройства в Лондоне. Однако с помощью друзей ему все же удалось организовать переезд семьи. Так в один из сентябрьских дней 1849 года Женни оказалась на борту парохода, который доставил ее к берегам Англии.

С тяжелым сердцем она смотрела, как за линию горизонта уходил континент, на котором более года полыхало пламя революции. Она думала о родине, которая вновь была скована в цепи реакции и нищеты, о Франции, Италии, Венгрии, о погибших и убитых, о реакционерах и милитаристах, действовавших с небывалой жестокостью. Но в ней жила надежда. Она верила, что это была лишь временная неудача.

Впереди показался английский берег страны, где ее ждал тот, за которым она была готова идти хоть на край света. Вместе с ним будет и новая борьба, и новые задания, и новые надежды. Пароход пристал к берегу. Женни решительно поборолла свое разочарование, когда вместо Карла она увидела Георга Веерта, которому тот поручил встретить ее.

«Я не ... теряла мужество»



НАПЕРЕКОР ВСЕМУ

Лондон гораздо ужаснее, но вместе с тем великолепнее Парижа, подлинный центр мировой торговли, отличающийся большим разнообразием, писал Фридрих Энгельс на склоне лет одной своей знакомой.

Женни оценила позднее преимущества английской столицы, ставшей ее второй родиной.

Но вначале она с трудом привыкала к новой обстановке. Ей, как и большинству эмигрантов, этот гигантский город казался сплошным морем серых домов с бесконечно сменяющимися друг друга улицами и площадями, площадями и улицами, как бы не желавшими нарушить это чередование. Ее угнетал и воздух, тяжелый от сырости и тумана, и небо, большей частью свинцово-серое и однообразное.

Люди, с которыми с самого начала и непосредственно столкнулась Женни, — квартирная хозяйка, мясник, булочник, мелкий лавочник — принадлежали к английской мелкой буржуазии и были людьми черствыми, замкнутыми и крайне религиозными. Они с недоверием и недоброжелательным любопытством относились к эмигрантам, и многие из них обнаружили свою алчность, готовность воспользоваться ради своих корыстных целей их бедственным по-

ложением, в чем Женни сама смогла вскоре убедиться. Более того, английская реакция всеми средствами пыталась добиться высылки революционеров, сплотившихся вокруг Карла Маркса. В печати была развернута гнусная кампания, направленная прежде всего против самого Маркса. Это вызывало в нем большую тревогу по поводу дальнейшего их пребывания в Англии.

С помощью друзей семья Маркса нашла квартиру на Андерсон-стрит в районе Челси, вблизи Вестминстера.

5 ноября 1849 года у Женни родился сын. Его назвали Генрихом в честь отца Карла Маркса. В семье же его звали Фоксиком, что означало «маленький Фокс», так как ребенок родился в день Гая Фокса. Это лондонский народный праздник, во время которого на улицах сжигали на кострах соломенные чучела, а в ноябрьское небо с шипением взлетали пиротехнические ракеты как напоминание о сожжении Гая Фокса, который в 1605 году попытался взорвать английский парламент.

Несмотря на плохое состояние здоровья, Женни сразу же после прибытия в английскую столицу включилась в политическую работу. Через день после ее приезда Просветительное общество немецких рабочих в Лондоне учредило Комитет помощи немецким эмигрантам, председателем которого был избран Карл Маркс. На протяжении многих месяцев он отдавал ему много сил. Энгельс, прибывший в Лондон спустя несколько дней после рождения Фоксика, также активно участвовал в деятельности этого комитета.

В Англию большими группами прибывали эмигранты из Италии, Польши, Венгрии, Франции и Германии. Соотечественники Женни, которым комитет должен был предоставлять помощь, испытывали острейшую нужду. Тех, кто оставался в Англии, необходимо было обеспечить работой. Пока же они не имели таковой, им нужно было оказывать поддержку. Тем, кто уезжал в Америку, нужны были деньги на дорогу. Комитет организовал сбор денег в Германии и Англии, изыскивал возможности расселения прибывав-

ших товарищей, открыл для них общежитие и столовую. Многие эмигранты шли к Марксу. Некоторые оставались в его доме по несколько дней, другие получали горячую пищу, но все находили там совет и помощь в устройстве новой жизни, доброе слово, ободрение и шутку. Их политическое убеждение крепло, росла их вера в конечную победу рабочего класса. Это было крайне необходимо, ибо после своего поражения товарищи, как никогда прежде, нуждались в политическом руководстве и теоретической подготовке.

В начале 1850 года Маркс устраивал у себя на квартире дискуссии для соратников, проживавших в Лондоне, выступал с лекциями и проводил семинары в Просветительном обществе немецких рабочих. Особой заботой Маркса и Энгельса было продолжение политической работы на родине. Коммунисты Лондона направили к товарищам в Германию одного из своих лучших представителей — Генриха Бауэра с «Обращением Центрального комитета к Союзу коммунистов», написанным Марксом и Энгельсом в марте 1850 года, в котором они предостерегали немецких рабочих, чтобы те не оказались на поводу у буржуазных демократов, пытавшихся подчинить своему влиянию созданные союзом общины, увести рабочих с четкого, самостоятельного революционного пути и внести путаницу в их ряды. Друзья в Германии вновь объединили свои силы, и их влияние среди рабочих стало расти. В Кёльне был образован Центральный комитет Союза коммунистов.

Маркс вместе с Энгельсом по-прежнему прилагали усилия, с тем чтобы основать новый печатный орган. Местом издания был определен наконец Гамбург, где условия были менее суровые, чем в Пруссии. Журнал получил название «Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение». Он издавался как теоретический и политический орган Союза коммунистов. Но его распространение в Германии было чрезвычайно затруднено из-за постоянно усиливавшихся преследований реакции. К тому же гамбургский кни-

готорговец и другие лица, которым было доверено продавать журнал, вели дело очень вяло. Женни в своих воспоминаниях пишет, что книготорговец был подкуплен германским правительством¹. В силу этих причин материальное положение семьи Маркса еще больше ухудшилось. Маркс вложил в предприятие, выполнявшее важную политическую задачу, все имевшиеся у него деньги. Но из Германии деньги поступали отдельными мелкими суммами. Это было особенно неудобно, когда в конце апреля 1850 года из-за подлости квартирной хозяйки семья оказалась на улице и вдобавок ко всему лишилась своего последнего имущества.

Женни в одном из писем Иосифу Вейдемейеру, старому другу семьи Маркса, которого она с понятным волнением просила срочно получить и переслать деньги за «Ревю», описывает то ужасное положение, в котором пребывала ее семья:

*«...Прошу Вас, пришлите нам как можно скорее деньги, которые поступили или поступят за «Revue». Мы в них очень, очень нуждаемся. Никто, конечно, не может упрекнуть нас в том, что мы когда-либо подчеркивали, сколько жертв нам пришлось принести и что мы пережили за эти годы. Публика мало, вернее почти совсем не осведомлена о наших личных делах — мой муж очень щепетилен в этом отношении и скорее пожертвует последним, чем согласится на демократическое попрошайничество, которым занимаются «великие мужи». Но чего он мог бы, казалось, ожидать от своих друзей, в особенности от кёльнцев, так это деятельной, энергичной поддержки его «Revue». На эту поддержку он прежде всего мог рассчитывать там, где было известно, какие жертвы он принес для «Neue Rheinische Zeitung» *. Вместо этого дело было совершенно загублено из-за небрежного и беспорядочного его ведения; трудно сказать, что причинило больше вреда — то ли затяжка по вине издателя*

* Подразумевается основанный Карлом Марксом журнал «Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение». — *Ред.*

или по вине тех, кто стоит во главе дела, а также кёльнских знакомых, то ли вообще все поведение демократов.

Моего мужа здесь совсем замучили самые мелочные житейские заботы. И все это принимало такую возмутительную форму, что потребовалась вся его энергия, все его спокойное, твердое, молчаливое сознание собственного достоинства, чтобы выстоять в этой ежедневной, ежечасной борьбе...

Надо знать Лондон и здешние условия жизни, чтобы понять, что значит трое детей и рождение четвертого. За одну только квартиру мы должны были платить 42 талера в месяц. Все это нам удавалось оплачивать из собственных денег, которыми мы располагали. Но наши небольшие средства иссякли с выходом «Revue». Несмотря на соглашение, деньги не поступали, а если и поступали, то лишь отдельными мелкими суммами, поэтому мы очутились здесь в самом ужасном положении».

Далее Женни описывает обстоятельства их принудительного выселения. Они заплатили хозяйке дома 250 талеров и заключили с ней контракт, по которому остальную сумму должны были уплатить не ей, а ее лендлорду, то есть владельцу дома. Вдруг хозяйка врывается в комнату, в которой Женни как раз кормила малютку Фоксика, и заявляет, что отказывается от контракта и требует 5 фунтов стерлингов. Так как Женни не может сразу отдать ей эти деньги, являются два судебных пристава и описывают кровати, белье, платья, даже игрушки девочек и грозят через два часа забрать все имущество. Конрад Шрамм, молодой соратник ее мужа, спешит в город за помощью. Но едва он сел в кабриолет, как лошади понесли, он на ходу выскакивает из экипажа, и его, окровавленного, приносят к ним в дом.

На следующий день они должны были оставить квартиру. Маркс ищет помещение, «но с четырьмя детьми никто не хочет нас пускать», — продолжает Женни. В конце концов один друг помог найти временное жилье в дешевой

немецкой гостинице недалеко от Лейстер-сквер. Тем временем Женни продала свои последние вещи, чтобы заплатить аптекарю, булочнику, мяснику и молочнику, напуганным скандалом с описью имущества. Но хозяин дома, который появляется в сопровождении двух полицейских, препятствует вывозу вещей, утверждая, что среди их вещей могут быть и его вещи и что семья хочет сбежать за границу. Вокруг испуганной Женни собирается толпа зевак. Они смогли уехать только на следующий день.

«Простите, дорогой друг,— пишет далее Женни,— что я так подробно и обстоятельно описала один лишь день нашей здешней жизни. Я знаю, это нескромно, но сегодня вечером сердце мое переполнено, руки мои дрожат и мне захотелось хоть раз излить душу одному из наших старейших, лучших и вернейших друзей. Не думайте, что эти страдания из-за мелочей меня сломили. Я слишком хорошо знаю, что мы далеко не одиноки в нашей борьбе и что ко мне судьба еще милостива,— я принадлежу к немногим счастливицам, потому что рядом со мной мой дорогой муж, опора моей жизни. Что меня действительно мучает до глубины души, из-за чего мое сердце обливается кровью, так это то, что мой муж должен претерпевать столько мелочных невзгод, в то время как ему можно было бы помочь столь малым, и что он, с такой охотой и радостью помогавший многим людям, оказался здесь без всякой помощи...

Он не знает, что я так обстоятельно написала Вам о нашем положении, дорогой г-н Вейдемейер, поэтому не ссылайтесь на эти строки. Он знает только, что я Вас просила от его имени по возможности ускорить получение и пересылку денег. Я уверена, что Вы используете эти строки только как наш *чуткий и внимательный* друг.

До свидания, дорогой друг! Передайте самый сердечный привет Вашей милой жене и поцелуйте Вашего крошку от имени матери, уронившей не одну слезу на своего младенца... Наши трое старших детей прекрасно себя чувствуют, вопреки всему. Девочки красивые, цветущие, веселые, жиз-

нерадостные, а наш толстый мальчуган полон юмора и самых забавных затей. Этот бесенок целые дни самым громким голосом распевает с необычайным пафосом забавные песни. Весь дом дрожит, когда он во весь голос поет слова из фрейлигратовской марсельезы:

Приди ж, июнь, пора свершений!
Мы жаждем подвигов и дел.

Быть может, всемирно-историческое призвание этого месяца, как и двух его несчастливых предшественников *, состоит в том, чтобы начать гигантскую борьбу, в которой мы все снова будем сражаться рука об руку.

Будьте здоровы!»²

ГЕРОИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ

После выхода шести номеров «Ревю» издание журнала пришлось прекратить из-за нехватки средств. Гостиницу, о которой упоминает в своем письме Женни, семья Маркса вскоре покинула. Они поселились в двух тесных комнатках у одного торговца кружевами. Все лето и осень 1850 года семья жила на те скудные деньги, которые могла прислать мать Женни.

Потеряв всякую надежду раздобыть больше денег, Женни отправилась в утомительную поездку в Голландию, к дяде Карла, состоятельному торговцу. Однако он, с кем позже семья поддерживала близкие отношения, во время революции боялся, как и всякий буржуа, лишиться своей собственности, и к тому же его дела складывались не совсем благоприятно. Он был глух ко всем просьбам и считал, что следует не обстоятельства менять, а самим приспособливаться к данным обстоятельствам. В письме

* Имеется в виду июнь 1848 года — поражение парижского пролетариата и июнь 1849 года — неудачный исход кампании за имперскую конституцию в Юго-Западной Германии.— *Ред.*

мужу, где сообщается о постигшей ее неудаче, Женни в довольно резкой форме пишет о тех чувствах, которые вызвала у нее голландская буржуазия. Голландская идиллия, пишет она, покоится на мешках кофе, ящиках чая, тоннах селедки и бутылках масла. Видя эту идиллию, ей хочется стать поджигательницей и с горящим факелом пройти по стране³.

Плохо обстояли дела и у Фридриха Энгельса. Чтобы оставаться рядом с Марксом, он пытался найти для себя литературную работу в Лондоне, но его поиски оказались безуспешными.

Тем временем завершался экономический кризис, следствием которого была революция. Ожилась торговля, начали возводиться новые фабрики, рабочие снова получили работу. Революционная волна стала ослабевать. Но Маркс и Энгельс знали, что это состояние не будет продолжаться вечно. Противоречия капиталистического строя не только сохранялись, но и углублялись. Необходимо было решить, как наилучшим образом использовать для движения наступившее относительное затишье.

Неотложной задачей было развитие и теоретическое обоснование учения Маркса. Требовалось обстоятельно исследовать структуру капиталистического общества, открыть объективные законы его движения и развития. Этим рабочие получили бы в свои руки теоретическое оружие, которое было так необходимо для их борьбы. Высокоиндустриальная Англия являлась единственной страной, где можно было проводить эти исследования. К тому же в Британском музее в Лондоне имелась библиотека, в то время самая крупная в мире.

В Англии с полного и безоговорочного согласия Женни Маркс после 1850 года, насколько позволяла ему политическая борьба, целиком отдался теоретической работе. Женни, видимо, нелегко было согласиться с этим решением мужа, ведь она была матерью. Но за время революции она идейно созрела, стала тверже и сильнее духом.

Окрепли ее коммунистическое убеждение и вера в рабочий класс, непоколебимым стало сознание своей ответственности перед революционным движением. Женни хорошо понимала, что эта работа необходима и что Маркс единственный, кто мог ее осуществить. Она всем сердцем сознавала также, что нельзя заточить в оковы неукротимый боевой дух ее мужа и его фаустовскую жажду исследования. Без лишних слов она одобрила его намерение.

Фридрих Энгельс, чтобы иметь возможность материально поддерживать Карла Маркса в его теоретической работе, вернулся к «проклятой коммерции». В 1850 году он поступил конторским служащим в фирму «Энгельс и Эрмен» в Манчестере, отказавшись на несколько лет от своей собственной научной работы.

Карл Маркс приступил к работе над своим главным произведением — «Капиталом», в котором до мельчайших подробностей исследовал капиталистическое общество, законы его развития и неопровержимо доказал неизбежность его гибели. Он проделал гигантскую подготовительную работу. Со слов его друзей и учеников, а также из его собственных записей нам известно, что для своего произведения Маркс самым тщательным образом проработал множество книг и сделал к ним критические замечания. Он изучал каждую новую работу, имевшую отношение к любому из многочисленных вопросов, рассматриваемых в «Капитале», и часто отказывался от своих ранее сделанных выводов, если это было необходимо в связи с каким-нибудь новым открытием. Он читал все произведения по возможности на языке оригинала. Карл Маркс бегло говорил по-французски и по-английски, понимал многие европейские языки и в пятидесятилетнем возрасте начал изучать русский язык, чтобы читать в оригинале произведения русской революционной литературы.

Работа над «Капиталом» продолжалась многие годы, и этот метод работы был характерным на протяжении всего периода написания произведения. Женни изо дня в

день по утрам провожала Карла в Британский музей, если срочные политические дела не отвлекали его, где он проводил за работой многие часы. Довольно часто он работал дома, даже по ночам. Только глубочайшее понимание важности этого труда и величайшее благоговение перед могучим научным талантом мужа позволяли Женни мужественно оказывать ему поддержку в требовавшей от него отдачи всех сил научной и исследовательской работе, которая вместо средств на жизнь приносила бесконечные заботы. Даже в те периоды, когда крайне бедственное положение семьи подчас приводило ее в отчаяние, она ни разу не пыталась заставить мужа отказаться от своей теоретической работы. Когда в 70-е годы Женни написала своему другу Вильгельму Либкнехту: «...и могу сказать, что не так-то легко теряла мужество»⁴, она имела полное право утверждать это. Без самоотверженности и преданности Женни, без постоянной и бескорыстной помощи Фридриха Энгельса Маркс никогда не смог бы написать свой гениальный теоретический труд.

НОВОЕ ПРИБЕЖИЩЕ

Необходимо было срочно найти для семьи постоянную квартиру. Она была найдена в декабре 1850 года на Дин-стрит, 28, в районе Сохо, на той же улице, где семья Маркса временно проживала у торговца кружевами. Незадолго до их переезда Женни постиг тяжелый удар.

«Сегодня в 10 часов утра умер наш маленький заговорщик Фоксик — внезапно, во время одного из тех припадков конвульсий, которые у него часто бывали, — писал Маркс 19 ноября 1850 года Энгельсу. — Еще за несколько минут до этого он смеялся и шалил. Все это случилось совершенно неожиданно. Можешь себе представить, что здесь творится. Из-за твоего отсутствия как раз в данный момент мы чувствуем себя очень одинокими...

Если у тебя будет настроение, напиши несколько строк моей жене. Она совершенно вне себя»⁵.

Спустя четыре дня он писал: «Она сама кормила ребенка и в самых тяжелых условиях спасала его жизнь ценой величайших жертв. К тому же ее мучит мысль, что несчастное дитя пало жертвой материальной нужды, хотя именно у него и не было недостатка в уходе»⁶.

Маркс с поразительным тактом помогал Женни перебороть это горе. И сама она держалась мужественно, ибо была нужна семье и движению. Она должна была думать и о той новой маленькой жизни, которая теплилась у нее под сердцем. Участие, проявленное Энгельсом, принесло ей облегчение. В письме от 2 декабря она сердечно благодарила его: «Ваше дружеское участие в связи с постигшим нас тяжелым ударом — потерей нашего маленького любимца, моей бедной, стоившей мне стольких страданий крошки *, — принесло мне большое облегчение... Моему мужу и всем нам сильно недоставало Вас, — с грустью продолжает она, — и мы часто тосковали без Вас. Все же я рада, что Вы уехали отсюда и находитесь на верном пути к тому, чтобы стать крупным хлопчатобумажным лордом... Но самое лучшее при этом все же то, что Вы, несмотря на торговлю хлопком и прочее, останетесь прежним Фрицем и, говоря языком трех архидемократов, Фридриха-Вильгельма (первого), Кинкеля и Мадзини, «не отойдете от священного дела свободы»... Дети много говорят о дяде Ангельсе, а маленький Тилль **, следуя Вашим уважаемым инструкциям, дорогой г-н Энгельс, великолепно поет песню о «старой шубе и лихом венике».

На рождество, надеюсь, мы увидимся»

Фридрих Энгельс последовал ее приглашению и на праздники был гостем ее семьи.

Новая квартира состояла из двух комнат, бедно обстав-

* Генриха Гвидо Маркса. *Ред.*

** Эдгар Маркс. — *Ред.*

ленных мебелью. Теснота была не менее гнетущей, чем в той временной квартире, где они жили до этого. Даже спокойная и осмотрительная Ленхен лишь с большим трудом могла поддерживать в ней порядок. Меньшая комната была отведена Марксу, и вскоре здесь на столе, стульях, подоконнике и даже на полу лежало множество книг, газет, записных книжек, тетрадей, брошюр. Маркс уединялся там, когда работал дома, но часто ему не удавалось находиться в комнате одному, так как к нему приходили дети. Вторая комната была в распоряжении всей семьи и Ленхен, в ней принимали также близких друзей. Правда, для «официальных визитов» квартирная хозяйка добродушно предоставляла им свою «гостиную». Зимой в квартире было сыро и затхло, а летом — душно и очень жарко. Когда 28 марта 1851 года родилась Франциска, то ее пришлось отдать кормилице, поскольку родители не могли допустить, чтобы малютка оставалась вместе со всеми в тесных комнатах.

Для семьи было некоторым облегчением то, что в последующие годы она могла, как нам теперь известно, провести несколько летних месяцев в деревне. Однако это не устраняло ни бедственного положения семьи, ни вредного воздействия условий квартиры на здоровье ее членов.

Но даже при всех недостатках это маленькое жилище было для Женни надежным приютом. Наконец-то впервые после отъезда из Германии у нее был домашний очаг. И в остальном пребывание в Сохо имело свои положительные стороны. Население этого района Лондона состояло из простых людей. Здесь наряду с немецкими эмигрантами было много французов и итальянцев, равно как и евреев, спасавшихся в Англии от погромов, которые учинялись в отношении их в европейских странах. Они жили скромно, несколько уединенно и преимущественно бедно. Здесь меньше сплетничали, чем в кварталах, населенных мелкой буржуазией, а бедность не считалась позором. Приветливым было отношение и к политическим эмигрантам. Квар-

тирная хозяйка, мясник, зеленщик требовали свои деньги, как и в любом другом месте, но они все же были по-своему гуманны. Все это позволяло Женни легче переносить тяготы эмигрантской жизни.

Ей особенно нравилось то, что квартира располагалась в центре города. Требовалось всего несколько минут, чтобы с Дин-стрит попасть на крупные лондонские торговые улицы — Оксфорд-стрит, Пикадилли, а также на пляж, Трафальгарскую площадь, Пел-Мел и в Вестминстер. Женни любила городской шум и уличную сутолоку разноязычной толпы пешеходов, любила смотреть на omnibuses и легкие двухколесные английские кабриолеты. Часто она одна, а позже вместе с детьми вливалась в эту пеструю толпу. Столь же охотно она посещала парки, раскинувшиеся в лондонском Вест-Энде, — Гайд-парк и Грин-парк. Эти прогулки особенно любили дети, которым в любую погоду хотелось играть на улице. В таких прогулках, совершаемых Женни в основном в послеобеденное время, когда Маркс был занят или его не было дома, часто принимали участие их друзья — Вильгельм Вольф, Вильгельм Либкнехт и другие. Это случалось и во время воскресных прогулок всей семьи.

Квартал, в котором было сосредоточено большинство театров, находился также недалеко. Женни даже в это трудное время не могла отказать себе в удовольствии побывать при случае в театре, если ей удавалось сэкономить несколько пенни. Позже она вспоминала, как вместе с Линой Шёлер взбиралась по лестнице на самый верхний, самый дешевый ярус зрительного зала.

СРЕДИ АНГЛИЙСКИХ РАБОЧИХ

В Лондоне еще резче, чем в Париже, Женни бросилась в глаза та глубокая и непрерывно возрастающая пропасть, которая в капиталистическую эпоху пролегла между незна-

чительным меньшинством обладателей сказочного богатства и значительным большинством людей труда. Она могла легко попасть из своей квартиры в рабочие кварталы, имевшиеся в Лондоне так же, как и в любом другом английском городе. Сент-Джайлз и Сент-Панкрас, например, находились почти рядом. Сент-Джайлз был самым бедным кварталом Лондона, и из-за густоты построек, чьи контуры были едва различимы, назывался «вороньим гнездом». В этих кварталах Женни собственными глазами увидела все те ужасы, о которых им так часто и так проникновенно рассказывал Энгельс.

Лондонские рабочие и их семьи жили или в двух-трехэтажных бедняцких домах, или, как и в других местах Англии, в низких, закопченных кирпичных лачугах, прилегавших вплотную друг к другу. Во многих из этих лачуг не было ни воды, ни канализации. Часто целые семьи — мужчины, женщины, старики, дети, здоровые и больные — ютились в одной-единственной комнате. Улочки, узкие, с немощеными и грязными мостовыми, были завалены мусором, и повсюду стояли лужи, издававшие зловоние. В сухую погоду от дома к дому натягивались веревки, на которых сушились белье и одежда. И летняя и зимняя одежда, сшитая из самого дешевого сатина, пестрела заплатами или была рваной. Вдоль кварталов тянулись торговые улицы, оживлявшиеся, как и те улицы, где жили богачи, особенно в субботние вечера. Рабочие и работницы могли ходить за покупками только вечером, так как и по субботам они работали весь день. Здесь при слабом свете открытых газовых фонарей они покупали продукты для скудного воскресного обеда: низкосортное мясо, дешевый сыр, кусочек прогорклого сала, протухшую рыбу, вялые овощи.

Рядом с ткачихами, прядильщицами и другими фабричными работницами с суровыми, изможденными и озабоченными лицами Женни встречала в этих кварталах также портних и шляпниц, которые среди эксплуатируемых

капиталистами женщин подвергались наиболее жестокой эксплуатации в мастерских и ателье в условиях пресловутой потогонной системы. Они погибали часто от переутомления и голода уже в том возрасте, в котором Женни была еще невестой.

Она столкнулась здесь и с самым страшным преступлением капиталистического общества — эксплуатацией детей. Десятилетние, шестилетние и даже четырехлетние мальчики и девочки подвергались на фабриках, главным образом прядильных и ткацких, жесточайшей эксплуатации. Уже в возрасте десяти лет эти дети были маленькими стариками с морщинистыми, угрюмыми лицами, узкогрудыми, сгорбленными, отмеченными печатью болезни. На заработанные ими несколько пенни приходилось «жить» всей семье, так как многие родители не имели работы, потому что фабриканты использовали детский труд как наиболее дешевый. Детей из сиротских и работных домов также принуждали работать на фабриках. В Лондоне насчитывались десятки тысяч этих несчастных созданий, а во всей Англии — сотни тысяч. В рабочем квартале Бетнал-Грин, о чем Маркс упоминает в «Капитале», каждый понедельник и вторник по утрам устраивались публичные торги, где мальчики и девочки в возрасте от девяти лет и старше сами продавали свою рабочую силу владельцам лондонских шелковых мануфактур. Условия найма были таковы: 1 шиллинг и 8 пенсов в неделю — родителям, 2 пенса и чай — ребенку. По закону фабрикант, который был обязан предоставлять фабричным детям два часа в день для занятий, имел право удержать за это один пенс.

Карл Маркс, который очень любил детей и никогда не мог спокойно смотреть на плачущего ребенка, посвятил детской эксплуатации многие страницы «Капитала»; они полны страшного гнева. Его жена чувствовала то же самое. Бывая в рабочих кварталах, она всякий раз испытывала еще более жгучую ненависть к капиталистическому об-

шеству, ее сердце наполнялось той большой любовью, которая уже не ограничивалась четырьмя стенами собственного дома, а охватывала все страждущее человечество. В ее сознании крепло чувство большой ответственности в борьбе против эксплуатации и угнетения.

Однако в лондонских рабочих кварталах не только страдали, но и боролись. Здесь Женни тысячи раз встречала тех безымянных героев, которые хорошо знали, что такое голод, которые на себе испытали месть капиталистов и которые, несмотря ни на что, многие месяцы вели вместе с женами забастовки, не желая покориться господству капитала. В Сент-Панкрасе и особенно в Сент-Джайлзе жили многие чартисты, с чьим движением Женни была связана с самого начала своего пребывания в Англии. Его руководители Эрнест Джонс и Джулиан Гарни принадлежали к кругу друзей семьи Маркса.

Когда Женни прибыла в Англию, чартистское движение уже шло на убыль. Многие его лучшие представители томились в тюрьмах. Это же грозило и Гарни. И все же рабочие не переставали сопротивляться жесточайшей эксплуатации, которой подвергали их капиталисты. Из Сент-Панкраса и Сент-Джайлза, так же как из других пролетарских районов английской столицы, не раз начинались демонстрации. Это особенно случалось зимой, когда многие рабочие оказывались выброшенными на улицу. Демонстранты пели песню безработных, которая заканчивалась словами «Никакой работы!». Это нагоняло страх на сытых буржуа и обывателей, и полиция часто жестоко расправлялась с участниками демонстраций. На улицах и площадях происходили митинги, на которых выступали с речами главным образом Джонс и другие руководители чартистов. Рабочие шли к городским ратушам, чтобы изложить там свои требования. Особенно настойчиво они требовали ликвидировать работные дома, которые буржуазия построила для безработных и которые управлялись ее чиновниками. Семьи, оказавшиеся там не по своей вине,

а ради работы и куска хлеба, разъединялись: мужчины дробили камни, женщины теребили коноплю, дети направлялись в распоряжение фабрикантов. Как и другие женщины-эмигрантки, Женни тоже участвовала в таких митингах, и эта полная темперамента женщина, должно быть, сжимала при этом кулаки, испытывая справедливое чувство гнева.

Чартисты вели обширную идеологическую работу среди рабочего класса. Рабочие собирались в своих клубах, где они бурно обсуждали политические вопросы и, несмотря на тяжелую жизнь, занимались философией, естествознанием, читали художественную литературу. В Англии с эпохальными произведениями новой философской и политической литературы были знакомы лишь передовые рабочие. Социалисты распространяли среди них произведения французских материалистов, таких, как Гельвеций, Гольбах, Дидро. Но читали они и книгу «Жизнь Иисуса» Давида Фридриха Штрауса. Даже среди читателей Шелли и Байрона большую часть составляли английские рабочие. В рабочих кафе велись оживленные дискуссии. Особенно популярными были кофейни в Клеркенвел-Грин, в доме, где сегодня располагается Мемориальная библиотека Маркса. Женни, наверное, довольно хорошо знала эти кофейни.

Стремление английских рабочих к повышению своего культурного и идейного уровня, а также их политическая борьба всегда привлекали внимание Женни. Она охотно посещала их клубы и проводимые там мероприятия, слушала лекции Эрнеста Джонса по истории папства. Лекции были интересными, но, как она считала, они не давали ей ничего нового. «Лекция была очень хороша,— писала Женни Энгельсу после посещения первой лекции,— для англичанина просто выдающаяся; для нас, немцев, прошедших муштру Гегеля, Фейербаха и т. д., она была не вполне на высоте»⁸.

Когда через несколько лет семья Маркса переселилась

в Хэмпстед, Женни часто вспоминала о той непринужденной обстановке, в которой протекала их жизнь на Дин-стрит, о волнующих встречах с рабочими.

ГОРЬКАЯ НУЖДА И ЛАЮЩАЯ СВОРА

Маркс полагал, что своей публицистической деятельностью он сможет обеспечить семье хотя бы самый скромный прожиточный минимум. Но его надежды не оправдались. Прусские милитаристы, а с ними вся европейская реакция преследовали Маркса и в Англии, не скрывая своей ненависти и не брезгуя никакими средствами. Они не простили человеку, столь решительно и целенаправленно боровшемуся за единую демократическую немецкую республику. Буржуазия также не забывала того, что он был вождем пролетариата. Ни одна газета не только в Германии, но и за ее пределами, кроме небольших рабочих газет, которые, разумеется, не могли платить гонорар, не соглашалась печатать его статьи. Ни одно издательство не хотело публиковать его книгу. Так, блестящему историческому труду «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», который Маркс завершил вскоре после восхождения на императорский трон Луи Бонапарта, не было суждено увидеть свет в Европе. Все это еще больше обостряло нужду семьи.

Вместе с этим буржуазно-демократическая эмиграция на протяжении уже многих лет вела кампанию клеветы против Маркса. Ее возглавляли бывший его друг Арнольд Руге и Готфрид Кинкель, обосновавшиеся в Англии. Особенно недостойно вел себя последний, которого Мальвида фон Мейзенбуг, близкий друг семьи Кинкеля, изображает без всяких на то оснований как благородного человека и революционера, готового на жертвы даже в эмиграции. В Англии и Америке Кинкеля величали президентом будущей германской республики, и он умел весьма ловко извле-

кать выгоду из своего участия в революции. О Марксе же его противники распространяли слухи, будто он вместе со своими сподвижниками растрчивает деньги, собранные для оказания помощи эмигрантам, и что вообще он использует революцию в своих корыстных целях.

Женни глубоко презирала Кинкеля и его сообщников, как она всегда презирала тех, кто только на словах революционер, а на деле был далек от того, чтобы целиком отдавать себя революции.

Особенно сильно потрясло ее то, что в самом Союзе коммунистов возникла фракция, действия которой были направлены против Маркса. Во главе ее стоял полковник Виллих, героически сражавшийся во время баденского восстания и имевший также большие заслуги, участвуя в последующие годы в гражданской войне в Америке. Однако после революции Виллих, не обладавший даже элементарными теоретическими знаниями, предался путчистским идеям и создал фракцию в Союзе коммунистов. Это наносило большой вред коммунистическому движению. К сожалению, к Виллиху примкнул и Карл Шаппер. Маркс и Энгельс были особенно огорчены этим: ведь Карл Шаппер принадлежал к старой гвардии их соратников, активно работал еще в Союзе справедливых, а позднее в Союзе коммунистов, во время революции 1848—1849 годов сотрудничал с ними в Кёльне и перед судом реакции держался как настоящий коммунист, превратив зал суда в трибуну для защиты дела революции. Вскоре, однако, он опять был среди друзей и соратников Маркса.

Виллих и его сторонники были исключены из Союза коммунистов и теперь включились в кампанию травли Маркса. Виллих попытался даже, как пишет Женни в своих воспоминаниях, поссорить ее с Марксом. Но у него ничего не вышло, ибо Женни мыслила весьма реально и видела авантюренность этих затей.

Революционно настроенные рабочие встали на защиту Маркса против травли, организованной Кинкелем, Руге и их

сообщниками. Так, например, один немецкий портной, проживавший в Америке, пожертвовал все свои сбережения для того, чтобы Иосиф Вейдемейер мог напечатать в Америке работу Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Мальвида фон Мейзенбург, которая попыталась основать в Лондоне рабочий союз, направленный против Маркса, смогла убедиться в том, что сознательные рабочие не допустят, чтобы буржуазные демократы увели их с пути классовой борьбы.

В августе 1851 года Маркс нашел наконец в Америке газету, предоставившую свои страницы для его статей. Это была «Нью-Йорк дейли трибюн». В числе ее редакторов был знакомый Маркса Чарлз Дана. Сотрудничество в одной из крупнейших и влиятельнейших демократических газет Америки приносило семье Маркса весьма скромный доход. Издатели были бездушными американскими дельцами, эксплуататорами, которые благодаря статьям Маркса и Энгельса с большой для себя выгодой распространяли газету, но при этом не стеснялись выплачивать своему сотруднику в Англии весьма скудный гонорар и довольно часто даже обманывали его в расчетах, несмотря на все усилия Маркса и Женни, которая вела с Даной часть переговоров.

Многие годы в доме Маркса царила острая нужда, и только необычайная стойкость Карла и Женни помогала им бороться с ней.

С горьким чувством читаем мы строки из писем Маркса Энгельсу, где всякий раз говорится о тех мизерных суммах, которые были необходимы для того, чтобы спасти величайшего ученого своего времени и его семью от острейшей нужды.

О том, какая обстановка складывалась порой в доме, видно из письма, которое Маркс написал Энгельсу 8 сентября 1852 года:

«Моя жена больна, Женничка больна, у Ленхен что-то вроде нервной лихорадки. Врача я не мог и не могу позвать,

так как у меня нет денег на лекарства. В течение 8—10 дней моя семья питалась хлебом и картофелем, а сегодня еще сомнительно, смогу ли я достать и это. Разумеется, при теперешних климатических условиях эта диета не была полезна.

Статью для Дана я не написал, так как не имел ни одного пенни на чтение газет...

Когда я был у тебя и ты сказал мне, что сможешь до конца августа достать мне несколько бóльшую сумму, я написал об этом жене, чтобы успокоить ее... Поэтому я отсрочил на начало сентября уплату всем кредиторам, которым, как ты знаешь, все время выплачивались лишь небольшие части долга. Теперь меня атакуют со всех сторон...

Самое лучшее и желательное, что могло бы случиться, это — если бы хозяйка дома вышвырнула меня из квартиры. Тогда я расквитался бы, по крайней мере, с суммой в 22 фунта стерлингов. Но такого большого одолжения от нее вряд ли можно ожидать. К тому же еще булочник, торговец молоком, чае-торговец, зеленщик, старый долг мяснику. Как я могу разделаться со всей этой дрянью?»⁹

Женни приходилось вести при поддержке Елены Демут постоянную унижительную войну с кредиторами. Всякий раз она была вынуждена просить булочника, мясника и бакалейщика отпускать ей продукты в кредит, постоянно упрашивать их о его продлении и непрерывно изворачиваться, когда истекал срок выплаты. Дело доходило до неприятных объяснений и оскорбительных сцен. Лавочники приходили требовать свои деньги. С домовладельцем тоже приходилось объясняться. Над семьей, как дамоклов меч, часто висела опасность остаться без крова. Последним средством поправить дело по-прежнему оставался ломбард.

Мужественно, как подобает революционеру, боролась Женни с нуждой. Чтобы дать своему мужу возможность заниматься научной работой, она по мере сил брала на себя все повседневные хлопоты. Женни охотно позволяла

ему вызванные необходимостью поездки к Энгельсу в Манчестер, где он, вдали от домашних забот, мог провести у друга пару дней за обсуждением политических и теоретических проблем, а то и просто пару радостных часов. В такие моменты она старалась не беспокоить мужа повседневными делами, и если ей все же приходилось писать об этом, то делала это с большой неохотой.

«Родная моя!

Твое письмо меня очень обрадовало,— отвечал он ей на одно из таких писем 11 июня 1852 года, когда Женни, не получив денег, осталась без единого пфеннига, осаждаемая кредиторами.— И ты вовсе не должна стесняться всегда сообщать мне обо всем. Если тебе, бедняжке, пришлось пережить эту горькую действительность, то справедливость требует, чтобы я по крайней мере в мыслях пережил вместе с тобой все мучения. Я, впрочем, знаю всю беспредельную гибкость твоей натуры, знаю, как оживляюще действуют на тебя малейшие надежды на лучшее»¹⁰.

Гибкость, о которой Маркс пишет в этом письме, действительно была одним из самых прекрасных качеств Женни. И хотя горькая нужда порой заставляла ее плакать — а какая женщина и мать не проливала бы слез, оказавшись в таком безвыходном положении,— но едва самое страшное оставалось позади, она тотчас же опять активно включалась в борьбу, готовая на новые жертвы.

«КАК ВЕЛИКА БЫЛА МОЯ СКОРЬБЬ!»

В эти трудные годы личные переживания Женни и Карла были больше связаны с детьми, на чью долю выпало много лишений и чье состояние вызывало у родителей большую тревогу. Как и всякая мать в таких случаях, Женни окружила их особой заботой и любовью. Но все заботы родителей не смогли защитить детей от последствий нищеты.

Маленькой Франциске, с первых дней своей жизни доставлявшей матери столько же беспокойства, как прежде Фоксик, было, как и ему, всего лишь год, когда она умерла. Это случилось на пасху в 1852 году. По поводу смерти маленького Фоксика Женни писала: «Как велика была моя скорбы! Это был первый ребенок, которого я потеряла». О смерти Франциски она рассказывает:

«На пасху... наша бедная маленькая Франциска заболела бронхитом в тяжелой форме. Три дня боролось бедное дитя со смертью, она так сильно страдала. Ее крохотное бездыханное тельце покоилось в маленькой задней комнатке. Мы все перешли в переднюю комнату и, когда наступила ночь, легли на полу — трое живых детей лежали вместе с нами. Мы все оплакивали маленького ангела, который, холодный и бледный, покоился возле нас. Смерть дорогой девочки совпала с периодом самой горькой нужды в нашей жизни. Наши немецкие друзья именно в этот момент не были в состоянии нам помочь. Эрнест Джонс, который тогда часто и подолгу бывал у нас, обещал нам помощь. Но и он не смог этого сделать... Тогда я в смятении отправилась к одному французскому эмигранту, который жил неподалеку и посещал нас. Я просила его помочь нам в ужасной нужде. Он тотчас же дал мне с самым дружеским участием два фунта стерлингов. Из этих денег было уплачено за маленький гроб, в котором, наконец, теперь покоилось с миром мое бедное дитя. Когда девочка появилась на свет, у нее не было колыбели, ей было долго отказано даже в последней маленькой обители. Каково же было нам, когда мы несли нашу девочку к ее последнему пристанищу!»¹¹

В 1853 году, когда связи с «Нью-Йорк дейли трибюн» стали более прочными, положение семьи Маркса немного улучшилось. Женни была вне себя от радости прежде всего из-за детей. В своих воспоминаниях она пишет:

«Рождество этого года было первым веселым праздником, который мы провели в Лондоне. Тяжелые, каждодневно терзавшие нас заботы прекратились благодаря

сотрудничеству Карла в «Tribune». Дети летом почти все время проводили на свежем воздухе, резвясь в парках; в этом году были вишни, клубника и даже виноград, и наши друзья приносили нашей милой троице всякие прелестные подарки. Там были и куклы, и ружья, и кухонная посуда, и барабаны, и трубы. А тут еще поздно вечером пришел Дронке, чтобы украсить рождественскую елку. Какой это был счастливый вечер!»¹²

Однако радость была недолгой. Как раз в это время родителей ожидал самый тяжелый удар. У маленького Эдгара обнаружили первые признаки ужасной болезни, которая через год свела его в могилу.

В начале марта 1855 года Муш, как называли в семье Эдгара, который, как и его сестры, уже ходил в школу, заболел тяжелой гастрической лихорадкой. Мальчик мужественно боролся с болезнью, и уже казалось, что он выздоравливает. Еще 27 марта Маркс писал Энгельсу, полный надежды:

«Вот уже несколько дней, как Муш заметно поправляется, и доктор подает самые радужные надежды. Если все обойдется хорошо, необходимо будет сейчас же отправить Муша в деревню. Разумеется, он страшно слаб и очень истощен»¹³.

Но уже 30 марта надежды на выздоровление мальчика улетучились.

«Со дня на день откладывал посылку тебе бюллетеня о состоянии здоровья, так как в течении болезни наблюдались то резкие улучшения, то резкие ухудшения, и мое собственное мнение менялось тоже чуть не ежечасно. Но в конце концов болезнь приняла наследственный в нашей семье характер изнурения желудка и кишечника, и, по-видимому, даже врач потерял всякую надежду. Моя жена вот уже с неделю сильнее, чем когда-либо раньше, больна от душевного потрясения. У меня самого сердце обливается кровью и голова как в огне, хотя, конечно, я должен крепиться. Ребенку в течение всей болезни ни на минуту не

изменяет его оригинальный, приветливый и в то же время независимый характер.

Не знаю, как благодарить тебя за дружескую помощь, которую ты мне оказываешь, работая вместо меня, и за твое участие к ребенку»¹⁴.

Затем через семь дней он писал:

«Бедного Муша нет больше на свете. Он уснул (в буквальном смысле слова) у меня на руках сегодня между 5 и 6 часами. Я никогда не забуду, как твоя дружба облегчила нам это ужасное время. Как велика моя скорбь о ребенке, ты понимаешь. Жена посылает тебе самый дружеский привет»¹⁵.

И потом 12 апреля 1855 года:

«Дом, разумеется, совершенно опустел и осиротел со смертью дорогого мальчика, который оживлял его, был его душой. Невозможно выразить, как нам не хватает этого ребенка. Я перенес уже много несчастий, но только теперь я знаю, что такое настоящее горе. Чувствую себя совершенно разбитым...

При всех ужасных муках, пережитых за эти дни, меня всегда поддерживала мысль о тебе и твоей дружбе и надежда, что нам вдвоем предстоит сделать еще на свете кое-что разумное...

Жена моя только что написала пару строк для тебя, которые и прилагаю»¹⁶.

Как Женни пережила это тяжелое время, следует из ее письма, написанного 10 августа 1855 года зятю ее сводного брата Фердинанда Вильгельму Флоренкуру, с которым она вела переписку по поводу наследства. В письме говорится: «...если все горе, все страдания, которые я перенесла в своей жизни, соединить воедино, то и их не хватит для того, чтобы выразить боль, охватившую меня, как только я осознала, *какая страшная болезнь* поразила мое любимое дитя. Это было милое, доброе, ангельское создание, всем сердцем любимое мною, как и каждым, кто однажды видел его прекрасное, сияющее личико. Он был единственной

радостью, единственной гордостью и единственной надеждой моего дорогого Карла, к которому ребенок относился по-особому нежно, так что, будучи уже больным, постоянно просил, чтобы его Чарли, как в шутку он называл всегда Карла, все время был возле него, носил его и клал свою руку ему на голову. У Карла действительно хватило сил для того, чтобы на протяжении шести ужасных недель не покидать его и находиться рядом с ним день и *ночь*. Ленхен была надежной помощницей. Я сама была слишком измучена, чтобы взять на себя более тяжелую часть забот и к тому же часто не совсем справлялась со своей болью, так что даже не всегда могла подавить в себе слезы. На это он говорил Женнихен, своему близкому маленькому другу: «Когда мамочка подойдет к кровати, накрой мне руки, чтобы она не видела, какие они худые...» Как мы все любили его, как любили! После смерти братика наши малышки казались такими бледными, жалкими и измученными, что на них нельзя было смотреть без сострадания. Прекратились все их совместные игры, умолкли их песни. Их союзу не хватало третьего, не хватало верного, неразлучного с ними товарища, не хватало его веселья, его шуток и забав, не хватало его красивого, звонкого голоса, которым он пел шотландские и ирландские народные песни. Песни Бёрнса они пели вместе. Он подслушал их у бедных нищенствующих детей, которым отдал все свои деньги, выданные ему на целую неделю, и которые поют здесь прямо на улицах».

Муш был похоронен на кладбище Уайтфилд на Тоттенхем-Кортроуд. Затем Карл и Женни уехали к Энгельсу в Манчестер с надеждой немного рассеяться и отвлечься от пережитого. Их утешением в эти дни была появившаяся на свет несколькими месяцами раньше еще одна дочурка. Это была маленькая Элеонора, подраставшая вместе с двумя старшими дочерьми и доставлявшая радость родителям.

Однако со смертью своих детей, и особенно сына Эдгара, они так и не могли примириться никогда.

«...ОТ СЕКРЕТАРЯ, СУПРУГИ МАРКСА»

Вскоре после переезда на Дин-стрит Маркс возложил на Женни обязанности своего секретаря. Хотя она всегда помогала ему в работе, все же этот «секретарский ранг» она считала самым большим счастьем для себя и всегда гордилась этим. В одном из писем Фридриху Энгельсу она делает приписку: «Сердечный привет от секретаря, супруги Маркса»¹⁷.

Женни вспоминает: «...те дни, когда я сидела в маленькой комнатке Карла и переписывала неразборчиво написанные им статьи, остались у меня в памяти как самые счастливые дни в моей жизни»¹⁸.

Быть секретарем Карла Маркса — это непростое дело. Он требовал, и должен был требовать, от своих сотрудников добросовестности, громадного терпения, постоянной готовности к действию, точности и при всем том больших политических способностей и основательного знания всех политических вопросов.

Женни обладала такими качествами, и Маркс, который был весьма скуп на похвалу, признавал это. Он и Энгельс неоднократно говорили о ее политическом такте, деловитости, необычайной энергии. В своих письмах они часто с большой признательностью отзываются о той помощи, которую оказывала Женни. Если она была больна или по другим причинам не могла помогать Марксу, он себя чувствовал просто несчастным.

Круг обязанностей, которые надлежало исполнять Женни, был довольно обширным. Важную часть составляла переписка рукописей работ Маркса. Такие его работы, как «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «К критике политической экономии», «Господин Фогт» и, вероятно, «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», были переписаны и подготовлены ею для печати. Переписка таких рукописей требовала основательных политических знаний, тем более что почерк Маркса был весьма нераз-

борчив. Особенно это относится к «К критике политической экономии» с ее многочисленными выкладками. К тому же в большинстве случаев работа была срочной, и, когда Карл заканчивал рукопись, Женни, часто ценой огромных усилий, переписывала ее днем и ночью, чтобы в нужный срок сдать в типографию. Она переписывала также большую часть статей Маркса для «Нью-Йорк дейли трибюн», временами писала даже под диктовку.

Кроме того, в обязанности ответственного секретаря, или, говоря современным языком, личного референта, входили тысячи других задач. Она хорошо разбиралась в бумагах своего мужа, вела от его имени деловые переговоры, собирала материалы и информацию. В уже упомянутом письме Маркса из Манчестера речь идет как раз о таком сотрудничестве:

«Конечно, «Schnellpost» я взял с собой...

Из пакета Освальда многого не сделаешь, но все же кое-что. Наш дорогой А. Р [уге] не может написать трех строк, не скомпрометировав себя. Если я не ошибаюсь, «Moute» уже исправлен мною.

Типограф в Сити, очевидно, не очень расторопный малый, — ему наверняка нужно бесконечно много времени для одного листа, так как у него не хватает подручных рабочих. Его бумага гораздо хуже американской, а также и шрифт, который, очевидно, совершенно истерся. Но свое дело ты выполнила прекрасно.

Брошюра Харро * по своей наивности и глупости прямо трогательна. Будь так добра, вырежь статью *Энгельса* о Гейнцене из «Brüsseler-Zeitung» и пришли ее нам, и поскорее. Если «Kosmos» и не придет, то не беда. Главное у нас здесь есть, в одном из моих писем.

Поцелуй и привет от меня моим карапузикам»¹⁹.

Как следует из этого письма, а также из других писем, Женни от имени своего мужа часто вела в Лондоне деловые

* Харинга. — *Ред.*

переговоры с типографами, издателями и журналистами, стоившие ей многих переживаний и отнимавшие у нее уйму времени. Она, человек щедрый в отношении бедствующих товарищей, вела эти дела более умело, проявляя больше энергии и практичности, чем Маркс, и поэтому тотчас приходила ему на помощь.

В круг ее обязанностей входило, наконец, ведение части переписки Маркса, а также переговоров с его сторонниками и другими лицами, посещение важных собраний и интернациональных митингов, в которых он лично не мог или не хотел участвовать, но о которых должен был проинформировать товарищей.

Интересными являются письма Женни, написанные в период, предшествующий основанию I Интернационала, и прежде всего адресованные Энгельсу, а также соратникам мужа в Америке. Они дают нам четкое представление о стиле работы Маркса и Энгельса. Все письма Женни, полные очарования и остроумия, являются мастерскими произведениями оригинального, живого ума, произведениями человека, целиком посвятившего себя коммунистическому движению, преданного товарища и умелого организатора, следовавшего четко определенной цели. Франц Меринг, опубликовавший большую часть писем Женни Маркс, назвал их, с полным на то основанием, важными политическими и литературными документами.

Женни составляла для Маркса письменные отчеты о проведенных ею переговорах, а также о митингах, в которых она принимала участие. Маркс настолько ценил умение жены правильно разбираться в политических вопросах, что даже отсылал Энгельсу в качестве документов ее политические отчеты.

Отчет Женни о митинге в честь памяти Роберта Блюма, организованном буржуазными демократами, Маркс послал в Америку. Он был опубликован в газете «Филадельфия демократ». Во время таких митингов дело доходило порой до скандалов и драк, но это не пугало Женни. Сохра-

нился также ее отчет о беседе с французом Турутом, который передал Марксу письмо от друзей-коммунистов из Дюссельдорфа. К этому отчету мы еще вернемся, так как он позволяет нам лучше понять те оценки, которые Женни дает Фердинанду Лассалю. Маркс переслал его Энгельсу.

Женни с инициативой относилась к любому порученному ей заданию, каким бы сложным оно ни оказывалось. При этом она проявляла большое личное мужество. В 1862 году в зимнюю стужу она отправилась в Париж, чтобы, во-первых, раздобыть денег для семьи и, во-вторых, подготовить выход во Франции книги Маркса «Критика политической экономии». Во время этой поездки французская полиция зарегистрировала ее как особу, некогда высланную из этой страны, и ее пребывание в Париже было сочтено нежелательным. Об этой поездке Маркс писал Энгельсу:

«В среду моя жена уехала в Париж. Вчера вечером она вернулась обратно. Все было бы хорошо, если бы Аббарбанеля как раз перед ее приездом не хватил удар, так что он лежал беспомощно в кровати, хотя и с ясной головой. Вообще ей пришлось пережить целый ряд трагикомических злоключений. Сначала — сильная буря на море; их корабль проскочил, другой, находившийся неподалеку (он следовал через Булонь), пошел ко дну. Аббарбанель живет в окрестностях Парижа. Жена отправилась к нему по железной дороге. Испортился локомотив, и ей пришлось два часа прождать в пути. Затем опрокинулся омнибус, в котором она ехала»²⁰.

Несмотря на все эти происшествия, Женни все же смогла пробудить в Париже интерес к вышеназванному произведению Маркса. Помимо этого она привезла важную информацию о настроениях среди французских рабочих. Но денег для семьи добыть не удалось.

Женни постоянно совершенствовала уровень своих теоретических знаний. В этом ей помогала работа над

произведениями Маркса. Она их переписывала не механически, а подходила ко всему, что проходило через ее старательные руки, с политической и теоретической точек зрения. О многом она дискутировала со своим мужем:

«В вопросе о заглавии я тебе уступил и (вчера) поставил «Господин Фогт». Моя жена была решительно против этого и настаивала на «Да-Да Фогт», сделав весьма ученое замечание, что даже в греческих трагедиях часто на первый взгляд нет никакой связи между заглавием и содержанием»²¹.

Но не всегда дискуссия завершалась подобным образом. Маркс, как вспоминает его зять Поль Лафарг, чрезвычайно ценил суждения своей жены и давал ей на прочтение все рукописи, прежде чем они шли в печать²².

Женни всегда старалась быть в курсе политических событий и особенно радовалась проявлению в рабочем классе всякого стремления к свободе. Энгельс писал в письме к своему другу 17 марта 1858 года:

«...Дай своей жене прочесть парижскую корреспонденцию. Переживаешь все же совершенно удивительное чувство, читая рассказ бонапартиста и чиновника о том, как 100 000 рабочих Сент-Антуанского предместья ответили на казнь Орсини: «Да здравствует республика»²³.

В одном из писем Женни обращалась к Энгельсу по поводу стачек в Ланкашире:

«Мне было бы очень интересно узнать у Вас что-либо о стачках в Ланкашире, так как из газет нельзя об этом составить себе ясного представления. Во всяком случае, эта, описанная там так неправильно, английская рабочая оппозиция, какой бы неприятной ни была она по своим результатам, все же была более положительным явлением по сравнению с прусским рабочим движением и социальным вопросом в той форме, в какой он там существует — в Шульце-Деличевской форме, с дружественными по

отношению к капиталу штраубингерами * и их сберегательными горе-кассами!»²⁴

Это письмо датировано апрелем 1861 года. Критическое замечание Женни в адрес английского рабочего движения основывалось на том факте, что в нем все более широкое распространение получал реформизм. Английские капиталисты раньше, чем капиталисты других стран, с помощью своих прибылей, извлекаемых из колониальных стран, создавали рабочую аристократию. Упоминание же в письме о прусском рабочем движении, основанном либералами, связано с борьбой за учреждение сберегательных касс. Цель этого движения состояла в том, чтобы отвлечь рабочих от борьбы за свои права.

Женни, несмотря на все заботы о семье и всякую политическую работу, даже в лондонских условиях находила время для занятий, способствовавших расширению ее кругозора. Она по-прежнему интересовалась философией, литературой и искусством. Еще в 50-е годы она продолжила занятие греческой материалистической философией. Как следует из ее письма Лассалю, написанного в 1858 году, она в то время изучала Гераклита. Несколько позже она, как и все члены семьи Маркса, обратилась к учению Дарвина, который в 1859 году опубликовал свой эпохальный труд «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». Когда в начале 60-х годов ученик Дарвина Томас Гексли и другие ученые стали выступать с популярными лекциями, Женни и ее старшие дочери были в числе их восторженных слушателей.

В письме Иогану Филиппу Беккеру Женни пишет по этому поводу:

«В отношении к религии в затхлой Англии развивается в настоящее время весьма важное движение. Виднейшие

* Штраубингеры — странствующие подмастерья-ремесленники в Германии.— *Ред.*

ученые во главе с Гексли (школа Дарвина) — Чарлз Лайель, Боуринг, Карпентер и др. читают в Сент-Мартинс-холле просветительные, поистине смелые, исполненные свободомыслия лекции для народа, и притом это происходит по воскресным вечерам, как раз в тот час, когда обычно божьи овечки совершали паломничество на пастбище господне. Зал бывал битком набитым и энтузиазм народа столь большим, что в первый воскресный вечер, когда я присутствовала там с членами моей семьи, свыше 2000 человек не смогли уже попасть в переполненное до отказа душное помещение. Три раза попы допустили, чтоб нечто столь ужасное совершилось. Однако же, вчера вечером собранию было возвещено, что больше не должно быть никаких лекций, пока не закончится судебный процесс, возбужденный духовными отцами против Sunday evenings for the people (воскресных лекций для народа). Собрание решительно выразило свое возмущение, и тотчас же было собрано больше 100 фунтов стерлингов для ведения процесса. До чего же глупо со стороны попов вмешиваться в это дело! К великой досаде этой банды святош вечера заканчивались к тому же еще музыкой. Исполнялись хоры Генделя, Моцарта, Бетховена, Мендельсона и Гуно, и это пение воспринималось с энтузиазмом англичанами...»²⁵

Этот строгий тон письма женщины, обычно очень сдержанной в отношении религии, можно объяснить ее гневом, вызванным нападками фанатичных реакционеров на науку.

Как и прежде, Женни больше всего любила литературу. Она не только охотно посещала театр, но и читала романы. К старым авторам прибавились в Англии новые: великие реалисты, представители английского буржуазного романа, Смоллет и Филдинг, а также современники Теккерея, Диккенс и сестры Бронте, остро критиковавшие английское буржуазное общество. Особое внимание она уделяла, главным образом в последующие годы, новой русской демократической литературе. Но ближе всего была ей, конечно, немецкая литература. Хотя Женни и разделяла

страстное увлечение мужа и дочерей произведениями Шекспира, все же из всех поэтов отдавала предпочтение Гёте. Она также высоко ценила человека, чей перевод Библии способствовал созданию на основе различных диалектов единого немецкого литературного языка. Это — Мартин Лютер. Разумеется, что при этом она имела в виду не «архипопа Лютера, злобно травившего наших славных крестьян, наших передовых борцов», а «отца немецкой прозы, придавшего ей выразительность и простоту, лаконичность и меткость». Высокая оценка, данная Женни Лютеру, свидетельствовала о ее глубокой связи с простыми людьми и культурой немецкого народа, ибо язык Лютера — это исконно народный, образный, живой язык.

Разносторонние духовные интересы Женни, ее непрерывный политический рост были результатом совместной работы с Карлом Марксом, преданности общему делу. Секретарями у Маркса были многие высокообразованные молодые люди, но ни один из них не мог превзойти Женни в работе.

«...ПЕРЕПИСЫВАЛА СТОЛЬКО, ЧТО ПАЛЬЦЫ ОНЕМЕЛИ»

Политическая деятельность Женни приобрела самый широкий размах в 1852 году, когда Маркс вступил в открытую борьбу с прусской реакцией, вызванную кёльнским процессом коммунистов.

В мае 1851 года прусская полиция арестовала членов кёльнского Центрального комитета Союза коммунистов. Эта весть горечью отозвалась не только во всем политическом движении, но и в душе Карла и Женни Маркс. Среди арестованных были их близкие друзья — д-р Роланд Даниельс, Генрих Бюргерс, д-р Герман Беккер, а также несколько политически активных и мужествен-

ных немецких рабочих. Только Фрейлиграту удалось избежать ареста. Незадолго до случившегося он эмигрировал в Англию и прибыл в Лондон. Там он категорически заявил буржуазным демократам, сразу же попытавшимся использовать его для достижения своих политических целей, что принадлежит к «Новой Рейнской газете» и поддерживает отношения только с Марксом и его ближайшими друзьями. Маркс и Энгельс с удовлетворением восприняли это заявление Фрейлиграта. Еще больше, чем Маркс, радовалась этому, должно быть, Женни. Она, как и ее муж, хорошо понимала значение того, что этот известный поэт, в то время как все буржуазные и мелкобуржуазные демократы ополчились против Маркса, остался верным соратником Маркса.

На последовавшее вскоре после этого предложение Маркса о том, чтобы с помощью Фрейлиграта раздобыть в Америке деньги для партийной работы, Энгельс ответил ему: «Идея относительно Фрейлиграта великолепна; это, наверное, твоя жена придумала»²⁶.

Во время кёльнского процесса коммунистов, проходившего осенью 1852 года, Фрейлиграт энергично включился в общее дело. Активным было его участие в организованной Марксом кампании солидарности с осужденными на процессе. Он был казначеем созданного в Лондоне комитета солидарности с обвиняемыми кёльнцами и вместе с Марксом, Энгельсом, Вильгельмом Вольфом, Вильгельмом Либкнехтом и другими товарищами поставил свою подпись под воззванием в защиту обвиняемых.

Однако со временем его активность стала ослабевать. В конце 50-х годов он сблизился с буржуазными демократами, а в 1860 году в его отношениях с Марксом наступил окончательный политический разрыв, после чего их отношения оставались чисто формальными. Взгляды Фердинанда Фрейлиграта не имели под собой прочной теоретической основы, и принадлежность к числу сторон-

ников Маркса была продиктована его эмоциональным характером.

Прусская реакция — во главе с королем — стремилась придать судебному процессу над кёльнскими коммунистами широкую огласку. Этим она намеревалась не только покончить с «партией Маркса», но и начать «крестовый поход» против всех демократических сил в Германии. Обвиняемые более года содержались в следственной тюрьме, «где с ними обращались ужаснейшим образом»²⁷, — пишет в своих воспоминаниях Женни Маркс.

Особую тревогу у Карла и Женни вызывала судьба их друга Роланда Даниельса и его семьи. Даниельс, один из влиятельнейших представителей кёльнского Центрального комитета Союза коммунистов, в течение полугода содержался в камере, стены которой были покрыты плесенью. Ему было запрещено чтение газет и даже книг. Его жена на протяжении четырех месяцев не имела возможности повидаться с ним. Когда же в конце концов ей было разрешено свидание с мужем, то и оно было ограничено до десяти минут и проходило в присутствии двух жандармов. Несмотря на все жестокости, полиции ничего не удалось добиться от д-ра Даниельса. Еще до первого обыска в их доме он успел уничтожить все материалы, относящиеся к его деятельности, даже библиотеку Маркса перенес в безопасное место. К убитой горем Амалии Даниельс, оставшейся с двумя маленькими детьми на руках, Маркс направил одного из своих друзей, который по возвращении рассказал ему все подробности случившегося.

Женни воспользовалась представившейся возможностью, чтобы передать своей подруге письмо, состоявшее из нескольких сердечных строк:

«Моя дорогая госпожа Даниельс!

Посылаю Вам с одним хорошим другом моего мужа эти строки, с которыми мы шлем Вам наш самый сердечный привет и заверения в нашем искреннем участии в

Вашей судьбе. Вы даже не поверите, как тягостно моему мужу из-за продолжающегося заключения кёльнских товарищей, и с какой огромной симпатией он говорит особенно о Вашем дорогом муже. Мы так долго не получали от Вас никаких известий и теперь с нетерпением ждем их. На днях Вы прочтете в «Kölnische Zeitung» заявление Карла. Болтовня здешней эмиграции все более ширится, и молчание по этому поводу когда-нибудь непременно должно быть нарушено. Я не стану далее писать обо всем этом, ибо можно позабыть всякую осторожность. Человек, который передаст Вам этот листочек, на словах заполнит пробелы в этих строчках.

Надеюсь вскоре услышать от Вас более приятные вести и желаю Вам доброго здоровья.

С сердечным приветом

Ваша *Женни Маркс*».

Реакции не удалось собрать против арестованных такой материал, который помог бы ей представить коммунистов как преступников и заговорщиков, достойных того, чтобы их ненавидели. Поэтому она занялась самой гнусной фальсификацией. Была поставлена на ноги целая армия полицейских шпионов и инсценирована кража со взломом. В Лондоне с помощью прусского посольства был сфабрикован протокол заседаний Центрального комитета, состоявшихся якобы там.

Наконец 4 октября 1852 года начался процесс. Он проходил как раз в то время, когда в доме Маркса царила самая горькая нужда. Прошло лишь немного месяцев после смерти маленькой Франциски, и Женни была очень больна.

Маркс тотчас же начал контрнаступление. Он провел его блестяще и нанес реакции сокрушительный удар. Позже, действуя в том же духе, применив эту тактику и используя такое же оружие, коммунист Георгий Димитров одержал победу над фашистским главарем Герингом на процессе о поджоге рейхстага. Маркс парировал один удар за дру-

гим, вскрывал фальсификации, беспощадно разоблачал шпионов и провокаторов, показав всему миру преступные махинации прусского правительства. Женни, подобно другим помощникам ее мужа, все время была на ногах и без усталости работала. В ее письме Адольфу Клуссу в Америку от 28 октября, в котором по поручению Маркса она описывает обстановку и пересылает материал, в живой манере рассказывает об ответных действиях «партии Маркса». Она пишет:

«Дорогой г-н Клусс!

Вы, наверное, следите по «*Kölnische Zeitung*» за ходом процесса-монстр против коммунистов. Заседание 23 октября дало всему делу такой великолепный, интересный и благоприятный для обвиняемых оборот, что все мы снова как-то ожили. Вы, конечно, понимаете, что «партия Маркса» работает днем и ночью, работает головой, руками и ногами... Все утверждения полиции — чистейшая ложь. Она крадет, подделывает, взламывает письменные столы, приносит лжеприсяги, лжесвидетельствует и, вдобавок ко всему, считает, что ей все дозволено по отношению к коммунистам, которые стоят вне общества! Буквально волосы дыбом становятся от всего этого и от той манеры, с какой самая подлая из полиций присваивает себе все функции прокуратуры, отодвигает Зедта на задний план, выдает незасвидетельствованные записки, простые слухи, донесения, сплетни за действительно установленные судебным путем факты, за доказательства. Все доказательства того, что это фальсификация, надо было доставлять отсюда. Моему мужу приходилось, таким образом, работать днем и ночью. Чтобы разоблачить совершенный полицией подлог, надо было представить официально заверенные свидетельские показания трактирщиков, а также официально удостоверенные образцы почерков мнимых составителей протоколов — Либкнехта и Рингса. А затем все документы, переписанные в шести-восьми экземплярах, надо было отправлять в Кёльн самыми различными путями: через Франкфурт, Париж и

т. д., так как все письма на имя моего мужа, так же как и письма отсюда в Кёльн, вскрывают и перехватываются. Все это, вместе взятое, составляет ту борьбу, которая ведется сейчас между полицией, с одной стороны, и моим мужем, с другой; ему приписывают решительно все, всю революцию и даже руководство процессом... Короче говоря, выявляются такие вещи, в которые невозможно было бы поверить, если бы они не происходили у тебя на глазах. Все эти полицейские истории отвлекают публику, а вместе с тем и присяжных, от существа самого обвинения против коммунистов, и ненависть буржуа к этим ужасным поджигателям и убийцам парализуется отвращением к подлости полиции, так что мы можем теперь надеяться даже на оправдание наших друзей. Борьба с этой официальной властью, вооруженной золотом и всеми боевыми средствами, безусловно, представляет большой интерес; если она закончится нашей победой, то это будет тем более почетно, что на их стороне деньги, власть и все остальное, в то время как мы часто не знали, как раздобыть бумагу, чтобы написать письма, и т. д. и т. д.

Прилагаю заявление, опубликованное сегодня за подписью Фр[ейлиграта], Маркса, Энгельса и Вольфа *. Мы посылаем его сегодня в «Tribune». Вы также можете его опубликовать.

Простите меня за это сумбурное письмо, но я тоже принимала участие во всей этой истории и переписывала столько, что пальцы онемели...

Только что прибыли от Веерта и Энгельса целые кипы коммерческих адресов и мнимо-коммерческих писем, чтобы пересылать документы, письма и пр. ...

Получили сейчас «Kölnische», полную новых невероятно скандальных историй. И снова два послания немедленно отправляются по коммерческим адресам. У нас теперь тут целая канцелярия. Двое-трое пишут, другие бегают по поручениям, третьи раздобывают пенсы, чтобы те, которые пи-

* Маркс К., Энгельс Ф. Заявление в редакции английских газет.—
Ред.

шут, могли существовать и бросать в лицо старому официальному миру доказательств неслыханнейшего скандала. А вдобавок ко всему раздаётся пение и свист трех моих неугомонных ребят *, которые то и дело получают нагоняй от своего строгого папы. Вот суматоха-то!

Всего хорошего, дорогой г-н Клусс, и напишите поскорее опять Вашим друзьям.

С высочайшего соизволения

*Женни Маркс»*²⁸.

Свою собственную роль Женни показывает в этом письме, конечно, весьма туманно, ибо именно она организовала пересылку нелегальных материалов в Германию.

К сожалению, надеждам Женни на то, что друзьям будет вынесен оправдательный приговор, не суждено было осуществиться. Хотя все обвинения были опровергнуты как ложные, все же прусское правительство оказало на суд и присяжных такое сильное давление, что в результате семь обвиняемых были приговорены к заключению в крепость. В числе тех, кого суд был вынужден оправдать, находился Роланд Даниельс. Находясь в предварительном заключении, он заболел туберкулезом и после процесса умер, к великой скорби Карла и Женни Маркс.

Жена Даниельса Амалия тяжело переносила эту потерю, к тому же родственники покойного вели себя по отношению к ней весьма недостойно. Но эта благородной души женщина не смирилась перед ними и мужественно хранила верность идеям, ради которых ее муж жил и за которые умер.

В письме к Женни, в котором Амалия Даниельс сообщает также о своих попытках переправить в Лондон библиотеку Маркса, она пишет:

«Родственники моего мужа ведут себя не лучшим образом по отношению ко мне; причина же якобы в том, что я не переубедила Роланда, потому-то он и умер, и я являюсь убийцей. Я горда этим обвинением. Мое счастье в том, что

* Женни, Лауры и Эдгара Маркс.— *Ред.*

я никогда даже самую малость не упрекнула Роланда. Поверьте, все хорошее, что было сделано, полностью забывается у могилы покойного, а малейшая ошибка превращается в огромную вину, и я была бы сумасшедшей, сказав себе, что это я убила Роланда. В том, что он умер таким, каким он шел навстречу смерти, мое единственное утешение».

Борьба против прусского правительства не прекращалась и после вынесения приговора.

Маркс сразу же после завершения процесса написал памфлет «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». Работа над ним была закончена в начале декабря. Памфлет, полный энергии, уничтожающей критики и иронии, что присуще всем полемическим работам Маркса, морально уничтожал систему, которая оказалась способной на этот постыдный фарс. Один швейцарский издатель согласился напечатать его и обязался доставить издание нелегально в Германию. Маркс и Энгельс с большим нетерпением ожидали, какое же воздействие окажет эта работа у них на родине. Ожидание длилось долго. В марте 1853 года поступило наконец — после многочисленных претензий — сообщение от издателя, где говорилось, что весь тираж конфискован на германской границе. Не поступили также экземпляры, выделенные для Лондона, в том числе и авторский экземпляр. Есть основания полагать, что издатель был подкуплен прусским правительством.

Маркс только что перенес тяжелую болезнь печени, которая вызвала у Женни большую тревогу, так как ее свекор умер от такой болезни и в семье Маркса она считалась наследственной. Она вместо мужа продолжила борьбу за распространение брошюры и обратилась с просьбой к Адольфу Клуссу, жившему в Америке, помочь опубликовать ее.

Письмо, написанное ею по этому поводу, свидетельствует о глубокой преданности Женни делу партии и ее политической прозорливости. Поведав историю, происшедшую в Швейцарии, она пишет далее:

«Вот и все. Что Вы скажете на это!.. Кёльнский процесс окончательно проигран, партия все еще целиком не очистилась от всяческой клеветы и правительство торжествует! Воздействие брошюры в этот момент было бы огромным. Она как гром среди ясного неба поразила бы дрожащие и трепещущие души немецких полицейских. Если бы у нас были средства, мы бы моментально ее снова напечатали в Альтоне, чтобы привести правительство в ярость, но это невозможно. Ничего не остается, как только напечатать ее у Вас в какой-нибудь газете в разделе фельетона. Нельзя ли было бы тогда использовать набор для брошюры, которую Вы бы затем переслали сюда? Ввиду того, что напечатать ее в Европе почти невозможно, а сделать это теперь для партии стало вопросом чести, Вы должны во что бы то ни стало напечатать ее, по крайней мере, в разделе фельетона. Выпустить брошюру теперь необходимо назло *всем* врагам; в интересах кёльнцев и в их пользу она окажет на общественное мнение большее влияние, чем все остальное»²⁹.

Работа была опубликована сначала отдельными разделами в демократической «Ной-энгланд-цайтунг» в Бостоне, а затем издательством газеты напечатана в виде брошюры, и ее отдельные экземпляры попали также в Германию.

ДОМАШНИЙ ОЧАГ

В начале 1855 года умерла одна старая родственница Вестфаленов, жившая в Шотландии. У Женни появилась надежда получить небольшое наследство. В семье было решено оставить квартиру на Дин-стрит, как только появятся деньги. Но прежде Женни получила приглашение от матери вместе с внуками приехать к ней в Трир. Восьмидесятилетняя госпожа фон Вестфален была больна и очень слаба. К тому же с некоторых пор у нее была парализована правая рука, и она не могла писать письма, что раньше делала с большим удовольствием. Требовалось также уладить неко-

торые семейные дела, о чем Женни намеревалась как раз посоветоваться с матерью. В марте — в возрасте девяти лет — скончался дядя Женни Генрих Георг фон Вестфален, самый старший из четырех сыновей Филиппа фон Вестфалена. После его смерти к Женни перешли важные государственные документы, относящиеся к военным походам деда в период Семилетней войны, за которые прусское государство уже предлагало крупную сумму. Женни, как и ее мать, опасалась, что Фердинанд фон Вестфален из чистого подхалимства может подарить эти документы прусскому королю. Она решительно высказалась против подобных намерений, что привело к новым серьезным разногласиям между братом и сестрой. Все же документы не были подарены.

Тем не менее Фердинанд проявил подлость, и об этом Женни узнала лишь спустя несколько лет. В 1859 году он опубликовал книгу под названием «История военных походов герцога Фердинанда Брауншвейг-Люнебургского», за которой последовали позднее другие публикации, содержавшие эти документы. Книга, открывавшаяся краткой семейной хроникой, была своего рода литературным памятником, воздвигнутым деду Женни ее автором. Но Женни воспринимала книгу как оскорбление в адрес своих родителей. Этот поступок брата очень ее разгневал. Она послала книгу Фридриху Энгельсу, сопроводив ее следующими строками: «Посылаю Вам при сем через Чаплина книгу моего брата. Может быть, она заинтересует Вас и даст Вам материал для критики. Собственно говоря, мой дорогой брат прямо обокрал нас в отношении наследства, и с его стороны было положительно ложью, когда он писал мне несколько лет тому назад, что были обнаружены-де лишь совершенно не связанные друг с другом, разрозненные бумаги, которые никогда не годились и на основании которых нельзя добиться даже самого малого, и что эти бумаги, собственно, не обладают «меновою стоимостью». Я могла бы устроить ему довольно порядочный скандал, и при его теперешнем скользком политическом положении не было бы ничего легче,

как порядком скомпрометировать его... Даже сумасшедшего, эгоистичного брата *, который отравил жизнь моему отцу, а у моей матери до последнего года ее жизни вымогал ежегодную ренту из ее маленькой вдовьей пенсии, он изображает лучше, с бóльшим уважением и с бóльшим количеством подробностей, чем нашего гуманного, поистине благородного и великодушного отца. Правда, последний был только «тверд в Шекспире, но не в библии» — преступление, которого пиетист-сын не может простить ему даже в могиле. Также было в высшей степени странно с его стороны, поскольку он вообще касался семейных отношений, совершенно не упомянуть о втором браке моего отца и не назвать своей второй матери, которая была счастьем жизни моего отца и холила и лелеяла своих неродных детей с такой верностью, любовью и самоотверженностью, какие едва ли часто выпадают на долю собственных детей. Он так ловко не упомянул о мешавшем ему существовании моего брата Эдгара и меня. Однако последнее обстоятельство мне весьма безразлично и вовсе не задело бы меня, если бы только он не посмел так обращаться с отцом и матерью и так обходить их молчанием, — за это он должен поплатиться. Мне очень хочется знать, что Вы скажете о военной стороне его книги»³⁰.

Тем временем события, происшедшие в семье Маркса, заставили на некоторое время отказаться как от предполагавшейся поездки в Трир, так и от ставшей необходимой перемены жилья. В частности, затянувшееся оформление бумаг, что очень угнетало Женни, препятствовало переходу наследства в ее распоряжение. К тому же болезнь и смерть маленького Муша отодвинули подобные проблемы семьи далеко на задний план. Но наконец в мае 1856 года Женни могла со своими детьми отправиться в Трир к матери.

В свой родной город Женни ехала со смешанным чув-

* Генриха Георга фон Вестфалена. — *Ред.*

ством. Двумя годами ранее она была в Трире одна, и обстановка в городе, где снова царил дух прусского милитаризма, сильно угнетала ее. Но ей очень хотелось еще раз обнять свою мать, жизнь которой явно уже клонилась к закату, и показать ей внушек. Старшей дочери Женни было уже двенадцать лет, а Лауре — одиннадцать. Это были резвые, смышленные и развитые девочки. Маленькую Элеонору, которой был всего один годик, бабушка еще не видела. Госпожу фон Вестфален очень обрадовал приезд дочери и внушек. Они вместе отпраздновали восемьдесят первый год ее рождения. Через день госпожа фон Вестфален слегла в постель и спустя одиннадцать дней скончалась, горько оплакиваемая дочерью.

Женни и ее друзья похоронили г-жу фон Вестфален, и, приведя в порядок небольшое наследство матери, Женни возвратилась в Лондон. На обратном пути она сделала остановку в Париже, хотя въезд в этот город был ей запрещен. Там она также встретилась с одним из друзей Генриха Гейне, умершего несколько месяцев назад. От него она узнала подробности трагической смерти Гейне.

Небольшое наследство, полученное Женни, несколько облегчило материальное положение семьи. Они покинули Дин-стрит и переехали в небольшой домик, расположенный на Мейтленд-парк-род, неподалеку от Хэмпстед-хис. Здесь семья прожила семь лет. Дом обставили мебелью, которую они приобрели еще летом у одного друга, эмигранта, переселившегося из Лондона в Шотландию. Это был расшатанный чайный стол и такие же расшатанные старые стулья с обивкой из кожи. Окна верхнего этажа были завешены шторами пурпурового цвета, на карнизах камина стояли вазы, которые они выменяли на старые юбки и обувь. И все же Женни очень радовалась собственному домашнему очагу, где она после долгих лет зависимости как квартиросъемщика могла наконец чувствовать себя полной хозяйкой.

В письме своей подруге Луизе Вейдемейер, переехавшей в начале 50-х годов с мужем и детьми в Америку, Женни

делится своими первыми радостными впечатлениями о новой квартире:

«С несколькими сотнями талеров, которые мамочка, принеся нам столько жертв, оставила в наследство, мы сняли маленький домик неподалеку от великолепного Хэмпстед-хис... где и живем по сей день. Это поистине княжеская квартира по сравнению с прежними дырами, в которых нам приходилось жить, и, хотя все ее устройство обошлось немногим больше 40 фунтов стерлингов (немалую роль сыграли при этом купленные из вторых рук старые вещи), вначале я казалась себе прямо-таки величественной в нашей уютной гостиной. Все белье и другие остатки прежнего величия были выкуплены нами из ломбарда, и я с удовольствием вновь пересчитала камчатные салфетки еще старинного шотландского происхождения. Впрочем, великолепие длилось недолго: вскоре пришлось снова нести одну вещь за другой в «поп-хаус» (так дети называют таинственный дом с тремя шарами *); все же мы успели порадоваться окружавшему нас житейскому уюту»³¹.

Они жили почти в деревне. Холмистая местность, раскинувшаяся сразу же за домом, простиралась до лесистых вершин Хэмпстеда и Хайгейта, еще располагавшихся в то время за чертой города. На лугах вблизи дома паслись коровы и козы, повсюду бегали куры. Все это доставляло радость Женни. С тех пор как она оставила свою любимую долину Мозеля, ей почти все время приходилось жить в городе.

С приходом зимы одиночество стало все же сильно угнетать Женни. Местность, где они жили, только застраивалась и, в сущности, была еще пустынной. В своих воспоминаниях она пишет:

«Зиму мы прожили в полнейшем уединении. Почти все наши друзья покинули Лондон; те немногие, которые оста-

* Ломбард (у входа в английский ломбард висят три позолоченных шара). — *Ред.*

лись, жили от нас слишком далеко, и, кроме того, наш маленький милый домик — несмотря на его миниатюрные размеры, он казался нам дворцом по сравнению с прежними квартирами — был почти недоступен. К нам не было настоящей дороги, все вокруг находилось в процессе зарождения и стройки; нужно было пробираться через кучи мусора, и тяжелая глинистая почва красноватого цвета в дождливую погоду крепко прилипала к подошвам, так что часто после утомительной ходьбы мы приходили домой с центнером грязи на ногах. К тому же в этих варварских кварталах царил мрак, и вместо того, чтобы по вечерам отваживаться на единоборство с темнотой, мусором, глиной и кучами камней, люди предпочитали сидеть у теплого камина. Я всю зиму очень болела, и меня постоянно окружала целая батарея лекарств. Прошло много времени, пока я смогла привыкнуть к этому полному одиночеству. Я часто тосковала по своим продолжительным прогулкам на оживленных улицах Вест-Энда, по моим встречам, по нашим клубам и излюбленной таверне, где велись задушевные беседы, за которыми я так часто забывала на некоторое время житейские невзгоды. К счастью, я продолжала два раза в неделю переписывать статьи для «Tribune», благодаря чему всегда была в курсе мировых событий»³².

Как видно из письма Женни Луизе Вейдемейер, относительное материальное благополучие семьи продолжалось недолго. В 1857 году в Америке разразился экономический кризис. Гонорары, получаемые Марксом за статьи в «Трибюн», уменьшились наполовину. Но это не очень беспокоило семью. Последующие годы дали, что касается работы, богатые плоды. В 1858 году Маркс написал книгу «К критике политической экономии», которую Женни переписала, а один немецкий издатель согласился напечатать ее. Книга увидела свет в 1859 году.

В июле 1857 года Женни в тяжелых муках родила ребенка, который умер спустя несколько недель. Несмотря на это, она чувствовала себя в целом хорошо. Работа для мужа не

мешала ей радоваться тому, как подрастают ее девочки, которые в сельских условиях заметно набрались сил. Особенно радовала Женни маленькая, с каштановыми локонами Элеонора, которой она могла, но, к сожалению, ненадолго, обеспечить более счастливое детство, чем своим умершим детям.

Женни старалась разнообразить свою жизнь. Она познакомилась и подружилась с некоторыми из тех мужественных и образованных английских женщин, которые первыми среди своих соотечественниц выступили за предоставление женщинам доступа к высшему образованию и более значимой профессиональной деятельности, а также за равноправное участие женщин в общественной жизни. В их числе была и английская писательница Анна Белла Карлейль, выпустившая незадолго до знакомства с Женни два романа, привлечшие к себе широкое внимание английских читателей.

Об этом нельзя не упомянуть, поскольку самой Женни, как явствует из ее воспоминаний³³, эти знакомства приносили большое удовлетворение. Не будучи связанной с буржуазным женским движением, она любила все же — и это подтверждает одно замечание в письме Карла Маркса Фридриху Энгельсу — общение с образованными женщинами. Отсутствие такового в первые годы их пребывания в Англии воспринималось ею болезненно.

Но обрушившиеся на семью в начале 60-х годов заботы, тревоги и нужда тотчас затмили собой все эти маленькие радости.

«ГОСПОЖА МАРКС... У ВАС ОСПА»

В 1860 году Карл и Женни Маркс были вынуждены вновь выступить против клеветнической кампании. Она была развязана мелкобуржуазным демократом Карлом Фогтом, агентом Наполеона III. Своей антикоммунистической клеветой Фогт пытался очернить не только Маркса, но и Союз

коммунистов и тем самым изолировать их от оживившегося в то время движения народных масс за единство Германии. Его клеветнический памфлет был перепечатан берлинской «Националь-цайтунг» и даже подброшен в дом Маркса. Женни кипела от возмущения. Рана от стрелы, выпущенной противником, стала еще глубже, когда Фрейлиграт, на чью помощь в разоблачении Фогта рассчитывал Маркс, отвернулся от него в угоду своим работодателям.

Карл Маркс тщетно требовал установления истины через немецкие судебные инстанции. Все немецкие газеты, как это случалось уже не раз, отказались печатать его статьи. Чтобы выступить публично, ему пришлось написать брошюру «Господин Фогт» — выдающееся полемическое произведение, большое значение которого для исторического оправдания партии и ее последующего положения в Германии подчеркивал сам Маркс. Женни переписывала рукопись в отчаянной спешке. Но ее ослабевший организм на этот раз не выдержал. Она почувствовала себя плохо уже тогда, когда переписывала рукопись, а когда была написана последняя страница и рукопись отослана типографу, пришлось вызвать врача. Он долго и основательно осматривал Женни и наконец сказал: «Дорогая госпожа Маркс, с огорчением должен сказать Вам, что у Вас оспа; дети должны немедленно покинуть дом»³⁴.

«Что делать? — пишет Женни Луизе Вейдемейер. — Либкнехты бесстрашно предложили детям приют, и уже среди дня девочки, нагруженные своими маленькими пожитками, отправились в изгнание.

Мне с каждым часом становилось хуже, появились ужасные признаки оспы. Я очень, очень много выстрадала. Сильные жгучие боли лица, абсолютная бессонница, смертельный страх за Карла, который с величайшей нежностью ухаживал за мной, наконец, потеря всех внешних чувств, тогда как внутреннее чувство, сознание, оставалось все время ясным. Я лежала у открытого окна, чтобы меня все время обвевал холодный ноябрьский ветер. При этом жарко на-

топленная печь, лед на пылающих губах и от времени до времени несколько капель вина. Я уже едва могла глотать, слух все слабел, наконец, закрылись глаза — и я не знала, не настала ли для меня вечная ночь!

Однако мой организм победил, нежнейший и преданнейший уход сделал свое дело, и вот я теперь снова сижу совершенно здоровая, но с обезображенным лицом, со шрамами темно-красного цвета вроде теперешнего модного цвета мадженты. Только в сочельник бедные дети смогли вернуться в родительский дом, по которому они страшно тосковали. Первое свидание было неописуемо трогательно. Девочки были глубоко потрясены и с трудом сдерживали слезы, увидев меня. Пять недель назад я еще вполне прилично выглядела рядом с моими цветущими девочками. У меня, как это неудивительно, не было седых волос и зубы и фигура тоже еще остались хорошими, так что меня считали хорошо сохранившейся — и вот теперь всему этому пришел конец! Я сама себе казалась диковинным зверем, которому место скорее в зоологическом саду, чем среди представителей кавказской расы. Однако, не пугайтесь: теперь вид мой не столь ужасен и шрамы начинают заживать»³⁵.

Женни очень страдала от того, что эта страшная болезнь исказила ее лицо, и это беспокойство она выражала и в других письмах. Но шрамы действительно заживали относительно быстро, не оставляя следа, и ее лицо вновь было таким же привлекательным, как и до болезни.

В этот период, когда самое страшное было уже позади, в свет вышла книга «Господин Фогт». Болезнь несколько не ослабила жгучий интерес Женни к революционному движению.

В своих воспоминаниях Женни пишет: «...я настолько оправилась от ужасной болезни, что смогла, еще полуслепыми глазами, залпом проглотить книгу «Господин Фогт»³⁶.

«Меня бесконечно радует,— пишет она своей подруге Луизе Вейдемейер,— что книга Вам понравилась. Ваше суждение о ней почти буквально совпадает с мнением всех

наших друзей. Преднамеренное молчание печати препятствует, конечно, такому блестящему сбыту книги, какого мы вправе были ожидать. Ну, что же, пока для нас достаточно того, что книга получила полное одобрение всех значительных людей. Даже противники и враги признают, что книга представляет весьма значительный интерес. Бухер назвал ее кратким руководством по современной истории, а Лассаль пишет, что чтение этого произведения искусства доставило неопишемое наслаждение ему и его друзьям, которые не перестают восхищаться остроумием книги. Энгельс считает, что эта лучшая книга Карла, такого же мнения и Лупус. Со всех сторон сыплются поздравления, даже старинный враг Руге назвал ее «забавной штукой»³⁷.

Судебный иск против «Националь-цайтунг», равно как и печатание книги, потребовал от супругов Маркс больших расходов, но еще больших — болезнь Женни. Весной 1861 года — в это время в Германии была объявлена амнистия — Карл Маркс отправился в Берлин, чтобы «прошупать почву» относительно издания собственной газеты. Эта его «маленькая вылазка» получила полное одобрение со стороны Женни.

В уже цитировавшемся письме она пишет: «Опыт последнего времени достаточно убедил нас в том, что без своего органа обойтись невозможно»³⁸.

Этот вывод Женни сделала из аферы Фогта, даже несмотря на то, что все предыдущие попытки Маркса основать газету заканчивались неудачей в силу политических условий и из-за отсутствия необходимых средств.

СМЕРТЬ ЛУПУСА

Все попытки основать газету оказались тщетными. Марксу было категорически отказано в праве гражданства в Пруссии. Правительство дало ему также понять, что в Германии его не ожидает ничего хорошего. К тому же и без того скудный гонорар, получаемый Марксом от «Нью-Йорк дейли

трибюн», в 1861 году, когда в Америке вспыхнула гражданская война, стал еще меньше. В середине 1862 года связь с газетой полностью оборвалась. Вновь началась такая же суетная жизнь, как и в первые годы эмиграции.

Тяжелое положение усугублялось еще и тем, что 1862 год был годом открытия в Лондоне крупной всемирной выставки. С континента прибывало множество посетителей, в том числе и те, кто стремился побывать в доме на Мейтленд-парк-род. Были среди них и знакомые из буржуазии, и от них необходимо было самым тщательным образом скрыть семейные трудности. Но особенно неожиданным был для Женни приезд Фердинанда Лассалья. Он поселился у них на несколько недель, ожидая всяческих похвал за свои заслуги, предъявляя высочайшие требования к хозяевам и ведя себя так, словно не замечал той нужды, которая царила в доме Маркса.

Материнское сердце Женни особенно страдало от того, что на девочек обрушилось новое несчастье как раз в лучшую пору юности. В то время как их школьные подруги развлекались на выставке, Женни и Лауре приходилось прятаться от посторонних глаз. Часто они не могли ходить в школу, ибо нечего было надеть или обуть. Все это, как и переживания родителей, теперь уже не остававшиеся незамеченными детьми, отражалось на них. Женни, самая старшая, втайне от отца и матери готовилась стать актрисой. В эти годы болезни все чаще поражали семью. У девочек поочередно стали развиваться в результате дистрофии малокровие, кашель и слабость. Маркса все чаще мучила болезнь печени, и порой его жизнь висела на волоске. Сказывались волнения, переутомление и постоянное нервное напряжение. Вскоре к этому прибавилась еще одна тяжелая болезнь — карбункулы. Она вынуждала Маркса месяцами лежать в постели, терпеть ужасные боли и неоднократно подвергаться операциям. Маркс назвал это заболевание болезнью пролетариев. Болезни мужа причиняли Женни много волнений и горя. Она ухаживала за больным Карлом с той же самоотвержен-

ной любовью, с какой он ухаживал за ней, когда она болела оспой.

Еще сильнее, видимо, угнетало Женни сознание того, что в условиях ужасающей нищеты и связанных с этим забот стала падать работоспособность Маркса. Она очень хорошо понимала, что такая обширная и глубокая научно-исследовательская работа, какую вел Маркс, требовала спокойствия и избавления от этих гнетущих забот и что ему стоило нечеловеческих усилий сосредоточиться в этих условиях на своей работе. В одном из писем немецкой подруге Берте Маркгейм, знакомой врача из Ганновера д-ра Кугельмана, страстного почитателя Маркса и сторонника его учения, она писала о «чрезвычайных усилиях», которые требовало от ее мужа «завершение теоретического труда в условиях всякой борьбы, забот и лишений».

Но финансовое положение семьи снова стало настолько тяжелым, что и Энгельс, казалось, уже не в состоянии был чем-либо помочь. Маркс попытался получить место в конторе одной железной дороги, но его не приняли из-за неразборчивого почерка. Это было печально для семьи, но счастьем для его дела.

Энгельсу все же удалось помочь другу. Но нищета была устранена лишь на время. Новые беды семьи стали еще тяжелее, когда Женни из-за своего ослабленного здоровья не могла уже с ними справляться. Взрывы отчаяния и состояние депрессии еще больше омрачали и без того трудную жизнь семьи. Только глубочайшая любовь мужа и подрастающих дочерей могла служить поддержкой матери.

В эти годы Карла Маркса особенно тревожило состояние его жены, которая — и он прекрасно знал это — счастье и здоровье принесла в жертву революции, его делу. Насколько он страдал от этого, видно из письма, написанного им 13 августа 1866 года своему будущему зятю Полю Лафаргу, который, будучи исключенным по политическим мотивам из Парижского университета, без средств к существованию, плохо зная язык и не имея возможности продолжить в Анг-

лии свои занятия медициной, неумолимо настаивал, не думая о будущем, на безотлагательной женитьбе на Лауре. «Вы знаете,— писал ему Карл Маркс,— что я принес все свое состояние в жертву революционной борьбе. Я не сожалею об этом. Наоборот. Если бы мне нужно было снова начать свой жизненный путь, я сделал бы то же самое. Только я не женился бы. Поскольку это в моих силах, я хочу уберечь мою дочь от рифов, о которые разбилась жизнь ее матери»³⁹.

В начале 1863 года вследствие всех этих превратностей дело дошло до той трагической истории, которая тяжелым бременем лежала на Карле Марксе, Женни и Фридрихе Энгельсе, поскольку она внесла напряжение, хотя и временное, в личные отношения супружеской пары и ее преданного друга. 6 января 1863 года скоропостижно скончалась от сердечного приступа жена Энгельса, горячо им любимая Мери Бёрнс. Энгельс тяжело переживал эту утрату.

Сообщение о ее смерти настигло Карла и Женни Маркс как раз в момент тяжелейшего кризиса. Им грозила полная катастрофа, и у них не было ни единого пфеннига. Судебный исполнитель был уже в доме. Женни, только что вернувшаяся из уже упомянутой неудачной поездки в Париж, пребывала в паническом состоянии.

Так получилось, что Маркс в ответном письме Энгельсу после нескольких слов соболезнования стал рассказывать об отчаянном положении в собственном доме. Женни не выразила ни слова сочувствия другу, так часто и любезно помогавшему ей. Это особенно ранило Энгельса. В своем ответе, который он написал не сразу, а спустя несколько дней, Энгельс не скрывал своей обиды. Маркс честно признал свою вину. 24 января он пишет:

«С моей стороны было большой ошибкой написать тебе то письмо, и я сейчас же пожалел об этом, как только отослал его. Но произошло это отнюдь не вследствие бессердечности. Моя жена и дети могут подтвердить, что, получив твое письмо (оно пришло рано утром), я был потрясен так,

как будто умер один их самых близких мне людей. Но когда я вечером взялся за письмо к тебе, то произошло это под влиянием совершенно отчаянных обстоятельств. Дома у меня находился брокер *, присланный домовладельцем, получен был опротестованный вексель от мясника, в доме не было угля и провизии, и Женничка лежала больная в постели»⁴⁰.

26 января Энгельс отвечал: «...я рад, что одновременно с Мери не потерял также и своего самого старого и лучшего друга»⁴¹.

Кризис наступил и в семейных делах Женни.

«Могу тебе теперь также откровенно сказать,— писал Маркс другу,— что, несмотря на весь тот гнет, под которым я жил все последние недели, ничто меня и в отдаленной степени так сильно не угнетало, как боязнь, что в нашей дружбе образовалась трещина. Я много раз говорил своей жене, что для меня вся эта мерзость — ничто по сравнению с тем, что мне пришлось еще из-за всех этих житейских дразг и ее крайнего возбуждения надоедать тебе своими личными нуждами вместо того, чтобы утешать тебя в такой момент. В результате домашний мир был сильно нарушен, и бедной женщине пришлось поплатиться за эту историю, в которой она была совершенно неповинна... Женщины — даже те из них, которые одарены большим умом,— забавные создания. Утром моя жена так плакала над Мери и над твоей утратой, что совершенно забыла свои собственные горести, которые как раз в этот день дошли до своего апогея, а вечером она была уверена, что, кроме нас, нет ни одного человека на свете, который мог бы так же страдать, если у него в доме нет брокера и нет детей»⁴².

Женни была, видимо, внутренне абсолютно подавлена, когда согласилась с предложением мужа, которое до сих пор

* Брокер — чиновник в Англии, облеченный правом оценивать или продавать домашнее имущество, описанное за долги.— *Ред.*

она решительно отвергала ради него и детей. В вышеупомянутом письме от 24 января Маркс писал Энгельсу:

«Три недели, прожитые нами с тех пор, заставили, наконец, мою жену согласиться на то предложение, которое ей давно уже делал и которое, несмотря на все свои неприятные стороны, не только является единственным выходом из создавшегося положения, но и гораздо лучше той жизни, которую мы вели за последние три года, в особенности самый последний, и которое к тому же даст возможность снова восстановить наше чувство самоуважения.

Я напишу всем кредиторам (за исключением домовладельца), что... добьюсь признания себя несостоятельным должником... Две моих старших девочки получают через семью Каннингем место в качестве гувернанток. Ленхен поступит на место в другой дом, а я с женой и Туссинькой перееду в один из тех меблированных домов в Сити, где когда-то обитал со своей семьей Красный Вольф» ⁴³.

Упомянутый здесь дом являлся одной из рабочих «казарм» с отдельными комнатухами и общими кухнями, построенных аристократом-филантропом лордом Шейфтсбери в лондонском Сити. Переезд туда означал бы конец научной работе Карла Маркса, и его авторитет как ученого был бы подорван в буржуазном мире.

Действительно, если бы Маркс, оказавшись неспособным позаботиться о своих юных дочерях, воспитанных в духе свободных людей, отдал их прислужницами в дома классовых врагов, едва ли бы это могло укрепить в нем чувство собственного достоинства. Как нам известно из многочисленных сообщений, в тогдашней Англии гувернантка часто была презираемым, угнетенным существом, обреченным на безрадостное существование. Энгельс спас семью, приняв, как он писал, «рискованный шаг» ⁴⁴. Он взял в долг крупную сумму денег. Так было предотвращено самое худшее из худшего.

В конце 1863 года умерла мать Маркса. За два года до своей смерти она помирилась с сыном. И он, несмотря на

все прежние размолвки, с болью воспринял смерть матери. Наследство, оставленное ею, помогло вывести семью из острой нужды.

Вскоре после этого Карл и Женни Маркс понесли еще одну тяжелую утрату. Неожиданно тяжело заболел и умер старший, верный друг Вильгельм Вольф — Лупус.

Вильгельм Вольф, которому, как и Энгельсу, не удалось найти работу в Лондоне, уехал в начале 50-х годов в Манчестер и жил тем, что давал уроки. Его деятельность была связана с Шиллеровским обществом немецкой колонии, но особенно с рабочими этого крупного промышленного города, у которых он пользовался большой популярностью.

До самой смерти Вильгельм Вольф твердо стоял на стороне Маркса и Энгельса, оставаясь их близким другом. Маркс, приезжая в Манчестер, всегда навещал Лупуса, и Женни всякий раз передавала через него сердечный привет старому, верному другу. Вольф особенно был привязан к детям Маркса. Они также очень любили его. Их письма Вильгельм Вольф тщательно хранил.

Маркс, получив от Энгельса сообщение о тяжелой болезни Лупуса, тут же поспешил в Манчестер. Оттуда он писал своей жене 9 мая 1864 года:

«Дорогая Женни!

Бедный Лупус умер сегодня в 5 часов 10 минут пополудни. Я только что вернулся от умершего.

По приезде из Лондона я в тот же вечер отправился поведаться с ним, но он был без сознания. На следующее утро он узнал меня. При этом были Энгельс и двое врачей *. Когда мы уходили, он (слабым голосом) окликнул нас: «Вы ведь еще придете?» Это был момент прояснения сознания. Вскоре после этого он снова впал в прострацию... Завтра напишу больше.

С ним от нас ушел один из наших немногих друзей и со-

* Борхардт и Гумперт.— *Ред.*

ратников. Он был человеком в лучшем смысле этого слова»⁴⁵.

Похороны Вильгельма Вольфа состоялись 13 мая. В этот день Маркс писал Женни:

«Любимая!

Сегодня состоялось погребение нашего славного товарища. Мы намеренно не рассылали никаких приглашений, иначе полгорода было бы поднято на ноги... Я, естественно, произнес небольшую надгробную речь. Эта миссия настолько взволновала меня, что временами голос отказывался мне служить»⁴⁶.

Вильгельм Вольф умер, едва ему исполнилось 55 лет. Всю свою жизнь он посвятил борьбе за мир и социализм. Энгельс и семья Маркса испытывали чувство глубочайшей скорби и всегда хранили добрую память и с любовью вспоминали о нем. Маркс посвятил ему первый том «Капитала».

Ко всеобщему удивлению, после смерти Вольфа выяснилось, что тот, ведя спартанский образ жизни, накопил на старость свыше 1000 фунтов стерлингов. Своими основными наследниками он определил Карла, Женни Маркс и их детей. Это наследство позволило Марксу продолжить научную работу.

В том же году Энгельс, став после смерти отца компаньоном фирмы «Эрмен и Энгельс», получил возможность оказывать своим друзьям действенную материальную помощь.

Любовь, дружба и солидарность



МАВР, МЭМЭ И ИХ ДЕТИ

Совсем не просто было сохранить семейное счастье в маленькой скромной квартирке в районе Сохо. Не раз приходилось испытывать голод, терпеть нужду и лишения. И все же, если исключить дни самых жестоких бедствований и болезней, в этом бедном жилище и позднее в доме на улице Графтон-террас, где нужда была такой же частой гостьей, семья Маркса была счастлива.

Женни Маркс исполнилось 37 лет, когда семья сняла квартиру на Дин-стрит, 43 года — когда она переехала на Хаверсток-хилл. С годами чувства Маркса к Женни не утратили юношеской пылкости; вместе с тем они приобрели зрелость, которая отличает любовь мужчины к той, что поделила с ним радость и горе, победы и поражения. Письмо, которое Маркс отправил жене, подарившей ему шестерых детей, 21 июня 1856 года из Манчестера в Трир, входит в число наиболее прекрасных свидетельств глубокой человеческой любви.

«Моя любимая!

Снова пишу тебе, потому что нахожусь в одиночестве и потому, что мне тяжело мысленно постоянно беседовать с тобой, в то время как ты ничего не знаешь об этом, не

слышишь и не можешь мне ответить. Как ни плох твой портрет, он прекрасно служит мне, и теперь я понимаю, почему даже «мрачные мадонны», самые уродливые изображения богоматери, могли находить себе ревностных почитателей, и даже более многочисленных почитателей, чем хорошие изображения. Во всяком случае ни одно из этих мрачных изображений мадонн так много не целовали, ни на одно не смотрели с таким благоговейным умилением, ни одному так не поклонялись, как этой твоей фотографии, которая хотя и не мрачная, но хмурая и вовсе не отображает твоего милого, очаровательного, «dolce» *, словно созданного для поцелуев лица. Но я совершенствую то, что плохо запечатлели солнечные лучи, и нахожу, что глаза мои, как ни испорчены они светом ночной лампы и табачным дымом, все же способны рисовать образы не только во сне, но и наяву. Ты вся передо мной как живая, я ношу тебя на руках, покрываю тебя поцелуями с головы до ног, падаю перед тобой на колени и вздыхаю: «Я вас люблю, madame!» **. И действительно, я люблю тебя сильнее, чем любил когда-то венецианский мавр ***.

...Так и моя любовь. Стоит только пространству разделить нас, и я тут же убеждаюсь, что время послужило моей любви лишь для того, для чего солнце и дождь служат растению — для роста. Моя любовь к тебе, стоит тебе оказаться вдали от меня, предстает такой, какова она на самом деле — в виде великана; в ней сосредоточиваются вся моя духовная энергия и вся сила моих чувств...

Ты улыбнешься, моя милая, и спросишь, почему это я вдруг впал в риторику? Но если бы я мог прижать твое нежное, чистое сердце к своему, я молчал бы и не проронил бы ни слова. Лишенный возможности целовать тебя устами, я вынужден прибегать к словам, чтобы с их помощью передать тебе свои поцелуи...

* «Сладостного» — *Ред.*

** Гейне Г. Стихотворение из цикла «Опять на родине». — *Ред.*

*** Шекспир В. Отелло. — *Ред.*

Бесспорно, на свете много женщин, и некоторые из них прекрасны. Но где мне найти еще лицо, каждая черта, даже каждая морщинка которого пробуждали бы во мне самые сильные и прекрасные воспоминания моей жизни? Даже мои бесконечные страдания, мою невозместимую утрату * читаю я на твоем милом лице, и я преодолеваю это страдание, когда осыпаю поцелуями твое дорогое лицо...

Прощай, моя любимая, тысячи и тысячи раз целую тебя и детей.

Твой *Карл*»¹.

На протяжении всей совместной жизни Карл и Женни Маркс испытывали друг к другу глубокую, искреннюю привязанность. Однако их брак, как мы видели, не был совершенно безоблачным. В отношениях этих двух темпераментных людей, постоянно находившихся в гуще революционных событий, время от времени возникала некоторая напряженность. Особенно это относится к трудным годам английской эмиграции. В письмах Энгельсу Маркс еще в начале 50-х годов говорит о ночных рыданиях Женни и о том, что он со своей стороны не всегда проявлял необходимую терпеливость.

Но семейные неурядицы, сколь резкий характер они ни принимали бы, не могли внести разлад в их отношения, основу которых составляло полное совпадение взглядов. Смысл жизни и Карл и Женни видели в борьбе за счастливое будущее человечества. Между ними никогда не возникало разногласий, если речь шла о том, чтобы пойти на жертвы в интересах рабочего класса, борьбы за социалистические идеалы.

Их отношения, опиравшиеся на безграничную любовь, взаимное уважение и общность революционных устремлений, создавали в семье ту атмосферу, в которой дети становились духовно развитыми, мужественными и пере-

* Имеется в виду смерть сына Маркса Эдгара.— *Ред.*

довыми людьми, уверенными в своих силах. Три дочери — Женни, Лаура, и Элеонора росли, радуя родителей. Карл и Женни Маркс воспитывали их борцами с самого раннего возраста. Они учили их отдавать все силы и способности достижению выбранной цели, быть готовыми преодолевать трудности и идти на жертвы во имя справедливого дела. И учили не на словах, а на примере всей своей жизни. Также на примере родителей дети учились понимать, что такое дружба, товарищество, готовность прийти на помощь нуждающимся.

В семье Маркса редко чувствовалось уныние. Родителей отличал оптимизм подлинных революционеров. Даже в трудные времена в доме Маркса любили петь, играть, смеяться, танцевать. Друзей и товарищей по борьбе всегда ждал радушный прием. Они охотно соглашались принять участие в народных праздниках. Как рассказывает Вильгельм Либкнехт, он впервые познакомился с семьей Маркса на летнем празднике Просветительного общества немецких рабочих в Лондоне, причем Карл Маркс и его домашние были в числе наиболее оживленных участников праздника. Это было в 1850 году, то есть в один из самых тяжелых периодов в жизни семьи. Жизнерадостность и зачастую безудержное веселье четы Маркс хорошо запечатлелись в памяти современников и особенно их дочерей.

«Я иногда думаю,— писала Элеонора Маркс-Эвелинг,— что почти так же крепко, как преданность делу рабочих, их связывало и величайшее чувство юмора. Никому шутка и острота не доставляли такого удовольствия, как им.

Очень часто, особенно когда обстоятельства требовали соблюдения приличий и сдержанности, я видела, как они смеялись до того, что слезы текли по их щекам, и даже тем, которые пытались было морщить нос по поводу такого легкомыслия, оставалось лишь смеяться вместе с ними. И как часто я видела, что они боялись смотреть друг другу в лицо, так как знали, что один-единственный взгляд вызовет неудержимый взрыв хохота. Видеть этих двух людей,

когда они, словно школьники, устремляют свои взоры на что угодно, только не друг на друга, задыхаясь от подавляемого смеха, который в конце концов все же, несмотря на все усилия, прорывался с неудержимой силой,— это такое воспоминание, какого я не променяла бы...»²

Маркс и Женни были прекрасными педагогами. Они вникали в интересы детей, а те видели в родителях своих друзей, советчиков и поверенных во всех делах. Между родителями и детьми существовали непринужденные товарищеские отношения. Все в доме имели прозвища.

«Мавр»,— рассказывает Элеонора Маркс-Эвелинг,— было обычное, почти официальное имя, которым звали Маркса не только мы, но и все самые близкие друзья. Но он был также для нас «Чали» (первоначально, вероятно, искаженное Чарли!) и «Old Nick» *.

Моя мать была всегда наша «Мэмэ».

Наш дорогой старый друг Елена Демут — неизменный друг моих родителей — после того, как ей давали множество разных прозвищ, стала нашей «Ним».

Энгельс после 1870 г. стал нашим «Генералом».

Лина Шёлер, наш ближайший друг, была нашим «Old mole» **.

Моя сестра Женни — «Кви-Кви — китайский император» и «Ди».

Моя сестра Лаура (жена Лафарга) — «Готтентот» и «Какаду».

Я называлась «Тусси» — это имя так и осталось за мной — и «Кво-Кво — китайский принц», а долгое время также и «Карлик Альберих» (из «Песни о Нибелунгах»)»³.

Маркс безмерно любил детей и был отличным товарищем по играм. «Мое самое раннее воспоминание о нем,— пишет Элеонора,— относится к тому времени, когда мне было около трех лет, и «Мавр» (старое домашнее проз-

* «Леший». — *Ред.*

** «Старый крот». — *Ред.*

вище так и срывается у меня с языка) носил меня на плечах по нашему садику на Графтен-террас и вплетал в мои каштановые локоны цветущий выюнок.

Мавр, по общему признанию, был великолепной лошастью. В давние времена — я этого не могу помнить, но мне рассказывали — мои сестры и маленький брат... «впрягали» Мавра в стулья, сами садились на них верхом и заставляли его возить. И в самом деле, как я слышала от него самого, некоторые главы «Восемнадцатого брюмера Луи Наполеона» Маркс писал в квартире на Дин-стрит, в Сохо, впряженный в три стула, оседланных тремя маленькими детьми, которые «правили» им и «погоняли» его.

Я же сама, может быть, потому, что не имела сестер моего возраста, предпочитала Мавра в качестве верховой лошади. Сидя на его плечах, запустив руки в его густую гриву, тогда еще черную, лишь с редкой проседью, я совершала великолепные верховые прогулки по нашему маленькому садику и по не застроенным тогда еще лугам, которые окружали наш дом на Графтен-террас...

Но хотя Мавр был отличной лошастью, он обладал и еще более высокой квалификацией. Он был единственным в своем роде и непревзойденным рассказчиком сказок...

Моим сестрам (я тогда была еще слишком мала) он рассказывал сказки во время прогулок, и эти сказки делились не на главы, а на мили. «Расскажи нам еще одну милую», — просили обе девочки.

Что же касается меня, то из всех бесчисленных чудесных историй, которые рассказывал мне Мавр, самой чудесной, самой восхитительной была сказка «Ганс Рёкле». Она длилась месяц за месяцем; это была целая серия сказок. Жаль, что некому было записать эти сказки, столь насыщенные поэзией, остроумием, юмором!

Ганс Рёкле — волшебник типа героев Гофмана. У него была игрушечная лавка, и он всегда был в стесненных обстоятельствах. Его лавка была полна самых чудесных вещей: деревянные куклы, изображавшие мужчин и женщин,

великаны и карлики, короли и королевы, работники и хозяева, животные и птицы — в таком же количестве, как и в ноевом ковчеге, столы и стулья, экипажи, сундучки всех видов и размеров. Но, хотя Ганс и был волшебником, он никогда не был в состоянии уплатить свои долги ни дьяволу, ни мяснику и потому был вынужден, совершенно против своего желания, постоянно продавать свои игрушки дьяволу. Однако после многих удивительных приключений все эти вещи в конце концов всегда возвращались в лавку Ганса Рёкле.

Одни из этих приключений были так же страшны, так же ужасны, как и некоторые сказки Гофмана, другие же были забавны, но все они рассказывались с неистощимым остроумием, живостью и юмором»⁴.

Когда девочки стали постарше, родители познакомили их с классическими произведениями мировой литературы. «Мавр,— продолжает Элеонора,— имел также обыкновение читать своим детям вслух. Как и моим сестрам до меня, он прочел мне всего Гомера, всю «Песнь о Нибелунгах», «Гудрун», «Дон Кихота», «Тысячу и одну ночь» и т. д. Шекспир был нашей домашней Библией, всегда у нас в руках или на устах; шести лет я уже знала наизусть целые сцены из Шекспира.

Когда мне исполнилось шесть лет, Мавр впервые подарил мне ко дню моего рождения роман — бессмертного «Питера Симпла» *. Потом последовали полные собрания сочинений Марриэта и Купера. И мой отец читал одновременно со мной все эти истории и совершенно серьезно обсуждал их содержание со своей дочуркой. И когда эта маленькая девочка, воодушевленная морскими историями Марриэта, объявила, что она тоже хочет сделаться «капитаном корабля» (не вполне понимая, что это значит), и посоветовалась с отцом, нельзя ли ей «одеться мальчиком» и «сбежать, чтобы наняться на военное судно», тот

* *Марриет Ф. Питер Симпл.— Ред.*

уверял ее, что это, конечно, вполне возможно, не нужно только никому говорить об этом ни слова, пока планы не созреют вполне.

Однако прежде чем смогли созреть эти планы, пришло увлечение Вальтером Скоттом, и маленькая девочка, к своему ужасу, узнала, что сама находится в отдаленном родстве с ненавистным кланом Кэмпбелл»⁵.

И Карл, и Женни считали, что девочки должны получать такое же основательное научное и общее образование, как и мальчики. Дети, родившиеся на континенте, быстро выучили английский язык — на этом настояли родители, и — наряду с уроками у немецкого филолога Вильгельма Пипера, вскоре стали посещать английскую школу, в которой они хорошо освоились.

Семье пришлось преодолеть немалые трудности и пойти на значительные финансовые расходы, чтобы три дочери смогли продолжать учебу после окончания начальной школы. Это было время, когда женщины еще только начинали борьбу за равное с мужчинами образование, за право заниматься умственным трудом. Даже в Англии, где в ходе индустриализации появились превосходные учебные заведения для мальчиков, женское образование находилось на еще весьма низком уровне.

Тем не менее существовали частные школы для девочек, руководимые энергичными женщинами — часто в борьбе с властями и общественным мнением, — которые давали хорошее по тем временам образование. Дочери Маркса были определены в одну из таких школ в Хэмпстеде. Там они также изучали иностранные языки и получили эстетическое воспитание.

Так как разговоры о политике были главной темой в доме Маркса, дочери тоже живо интересовались всеми политическими проблемами. Родители рано познакомили их с жизнью и борьбой рабочего класса. С детским восторгом девочки рассказывали о борьбе эксплуатируемых за свободу. В период войны между американскими северными и юж-

ными штатами 1861—1865 годов проблема рабства часто становилась предметом обсуждений в семье Маркса. Даже маленькую Элеонору захватил энтузиазм взрослых, вызванный борьбой Авраама Линкольна за освобождение негров.

«Я помню также,— рассказывает она,— с каким бесконечным терпением и кротостью Мавр отвечал на все мои вопросы, когда рассказы об американской войне и Синие книги вытеснили на некоторое время Марриэта и Скотта. Зато я целые дни проводила над английскими правительственными сообщениями, над картами Америки... В то время — я это хорошо помню — у меня было непоколебимое убеждение, что Авраам Линкольн (президент Соединенных Штатов Америки) крайне нуждается в моих советах в военных делах, и поэтому я писала ему длинные письма, которые Мавр должен был, конечно, читать и относить на почту. Много-много лет спустя он показывал мне эти детские письма, которые он сохранил, ибо уж очень они забавляли его»⁶.

Спустя несколько лет Элеонора со столь же горячим участием следила за освободительной борьбой ирландского народа, о которой она слышала прежде всего от второй жены Фридриха Энгельса Лиззи Бёрнс, сестры Мери Бёрнс. Вообще Маркс умел заинтересовать детей политическими и мировоззренческими вопросами, излагая их в доступной для детского понимания форме.

«Я великолепно помню,— пишет Элеонора,— как однажды, когда мне было лет пять или шесть, у меня возникли религиозные сомнения (мы слушали в католической церкви прекрасную музыку), и я, конечно, поделилась ими с Мавром. Он объяснил мне все с таким спокойствием, так четко и убедительно, что с того часа и по сей день у меня больше не возникало ни малейших сомнений.

А как врезался мне в память его рассказ о плотнике, убитом богачами: я не думаю, чтобы кто-либо до него или после него так рассказывал об этом.

И я вспоминаю, как он много-много раз говорил: «Несмотря на все, мы многое можем простить христианству, ибо оно учит нас любить детей»⁷.

Огромная роль в воспитании детей принадлежала Женни. Для них она была не только горячо любящей матерью, но и духовной наставницей. Девочки платили ей за это глубокой привязанностью, видели в ней свой идеал — и в юном возрасте, и тогда, когда были зрелыми замужними женщинами.

Чувством большого материнского счастья неизменно наполнены письма Женни, в которых она рассказывает о детях.

«...А теперь перехожу к самому прекрасному в нашем существовании,— пишет она в упомянутом уже письме к Луизе Вейдемейер,— к светлой стороне нашей жизни,— к нашим милым детям... Рискуя прослыть в Ваших глазах самодовольной, слабой матерью, я должна все же похвалить достоинствами милых девочек. У них обеих чрезвычайно доброе сердце, хорошие наклонности, поистине очаровательная скромность и девическая застенчивость. Женни 1 мая исполнится семнадцать лет. Она чрезвычайно миловидная девушка...

Лауре в сентябре прошлого года исполнилось пятнадцать лет. Она, пожалуй, более красивая и у нее более правильные черты лица, чем у ее старшей сестры... Обе сестры отличаются поистине цветущим видом и обе так мало кокетливы, что я часто про себя дивлюсь этому, тем более, что не могу сказать того же об их матери во времена ее молодости, когда она еще носила легкие, воздушные платья.

В школе они получали всегда первые награды. Они свободно владеют английским языком и довольно хорошо знают французский. По-итальянски понимают Данте, немного читают также по-испански. Только с немецким дело никак не идет на лад; хотя я стараюсь всеми силами время от времени разговаривать с ними по-немецки, они

всегда неохотно идут на это, и здесь не помогает даже мой авторитет и их уважение ко мне...

Девочки доставляют нам много радости своим милым, скромным характером, а их младшая сестренка — кумир и баловень всего дома.

Ребенок родился как раз тогда, когда умер наш бедный, милый Эдгар. Вся любовь к брату, вся нежность к нему была теперь перенесена на маленькую сестренку, которую старшие девочки нянчили с почти материнской заботливостью. Да и трудно себе представить более очаровательного, красивого, как картинка, наивного, забавного ребенка. Девочка особенно отличается своей удивительно милой болтовней и своими рассказами. Этому она научилась у братьев Гримм, ставших ее неизменными спутниками. Мы все до одурения читаем сказки, и горе нам, если мы пропускаем хоть один слог в «Белоснежке», у «Румпельштильцхена» или у «Короля-Дроздовика». Благодаря этим сказкам девочка наряду с английским, который она все время слышит, научилась немецкому и говорит по-немецки необычайно правильно и точно»⁸.

Такой же нежной любовью проникнуты и другие письма Женни этого периода. Из письма, которое она написала мужу в конце 1863 или в начале 1864 года, когда он находился у своих родственников в Голландии, можно заключить, сколь глубока была ее привязанность к семье.

«Мой родной Карл!

Я боюсь, что ты замерз и тебя занесло снегом в стране праздности (выражение Фрейлиграта); здесь по крайней мере собачий холод и нужны целые горы угля, чтобы добиться приятного тепла даже в наших малюсеньких комнатах. Если бы я не знала, что ты в хороших условиях, то я бы чувствовала себя совсем, совсем покинутой, именно в эти рождественские дни, когда «home and family» * являются девизом дня. Так, для меня утешением является

* Дом и семья.— *Ред.*

по крайней мере то, что за тобой, учитывая твои страдания, бережно ухаживают, и это мне очень помогло многое пережить. Несколько дней тому назад я выполнила свой долг и передала доктору Аллену твои и наши compliments of the season * и нашла его, как всегда, приветливым и любезным. Он был очень удивлен, услышав, что на месте старого карбункула появился новый, и думает, что он ни в коем случае не может быть серьезным при том уходе и питании, которое у тебя были, и прежде всего при том количестве... iron **, которые ты проглотил. Я все еще надеялась получить от тебя новые известия, но так как я, как мне кажется, опять осталась ни с чем, то я беру на себя эту инициативу couleur de rose ***, чтобы положить конец почти восьмидневному перерыву в нашей переписке. Если бы я только знала, что ты совсем поправился!.. У нас снова были Лорми и устроили пирушку с танцами и пением, длившуюся до двух часов ночи. Для меня это «Toujours perdrix» ****, немного ennuyant *****, но дети благодаря их обществу faute de mieux ***** немного повеселились на праздниках; при этом у них была практика по французскому языку и они не проводили вечера в одиночестве...

Малышка едва может дождаться твоего возвращения и каждый день твердит, что сегодня приедет мой dada. Она thoroughly ***** наслаждается своими holydays *****, а так как у нее нет елки, то сестрички сделали ей больше двадцати кукол во всевозможных костюмах. Среди этих причудливых фигур имеется воин, наподобие Рюи Блаза...

* Рождественские и новогодние поздравления.— *Ред.*

** Железо.— *Ред.*

*** Приятную, буквально: розового цвета.— *Ред.*

**** Буквально: каждый день куропатка.— *Ред.*

***** Тягостно.— *Ред.*

***** За неимением лучшего.— *Ред.*

***** Вовсю.— *Ред.*

***** Праздниками.— *Ред.*

Из 70 фунтов я сразу же вернула им 3 фунта стерлингов, полученные от славного Лупуса *, и, таким образом, они доставили себе некоторые маленькие fun ** и всегда имели немного money at hand ***. Один раз они свели всех нас в театр, чтобы посмотреть известную американскую артистку, мисс Бетман, в роли Джуди Леа. Видеть эту трагедию в таком исполнении было величайшим наслаждением. Мы все, очень довольные, сели в cab **** и поехали домой... Дети все еще не отдохнули от вчерашнего вечера и поэтому сегодня писать не будут. Они посылают тебе и твоим близким самый сердечный привет, к которому я присоединяю также и свои. Now good bye old boy. Дай поскорее знать о себе.

Твоя Женни»⁹.

Особенное удовлетворение Женни доставляло то, что дочери Женни и Элеонора, так же как и мать, проявили недюжинные способности в литературе и художественном чтении. У старшей, Женни, уже в детском возрасте обнаружился большой талант чтеца-декламатора, причем у нее настолько была развита фантазия, что это подчас пугало мать. «Никто из детей в ее возрасте так не говорит — это раннее развитие отнюдь не признак здоровья»¹⁰, — сказала она как-то Вильгельму Либкнехту, но Либкнехт вместе с Марксом успокоили ее. Позднее она не могла нарадоваться на талант дочери. 28 января 1863 года она писала Берте Маркгейм: «Так как ребенок обладает прекрасным голосом, а voice low and sweet (глубокий, сладкий голос), и с детства с фанатизмом штудировала Шекспира, у нее развилась огромная внутренняя склонность к драмати-

* Очевидно, имеется в виду подарок Вильгельма Вольфа детям, который сперва пришлось взять для домашних расходов, но который Женни потом вернула детям после того, как семья получила небольшое наследство.— *Ред.*

** Развлечения.— *Ред.*

*** Собственно: money at hand — деньги в кармане.— *Ред.*

**** Карету.— *Ред.*

ческому представлению, и, действительно, она уже давно играла бы на сцене, если бы мнение семьи и т. д. и т. п. не удерживали ее от этого шага. Многие из тех, кто слышали ее, утверждают, что из нее может получиться новая Рашель или Ристори и несправедливо мешать ей следовать ее склонности. Мы также не препятствовали бы ей, если бы она была более крепкого физического сложения».

Элеонора, самая младшая из сестер, еще девочкой вступила в Шекспировское общество и перевела на английский язык брошюру боннского профессора Делиуса об эпическом элементе в творчестве Шекспира. «...Профессор Делиус,— писала преисполненная гордости Женни в январе 1877 года старому другу семьи Фридриху Адольфу Зорге в Америку,— написал ей чрезвычайно лестное письмо, поздравляя себя и Общество с подобным «коллегой». Этот успех,— добавляет она,— до некоторой степени откроет ей дорогу в литературные круги и прессу, так что ей, возможно, удастся найти здесь платную работу, что избавит ее от обременительного и слишком утомительного для ее здоровья труда — давать уроки»¹¹.

Элеонора получила известность как переводчик произведений Ибсена на английский язык. Ее заслуги в деле популяризации в Англии творчества великого норвежца несомненны.

И все же главный интерес дочери Маркса проявляли, как и родители, к рабочему движению. Все трое стали видными борцами социалистического движения и внесли заметный вклад в пропаганду учения Маркса.

Две дочери вышли замуж еще при жизни родителей: Лаура — за французского социалиста Поля Лафарга, Женни — за французского журналиста и социалиста Шарля Лонге. И Лафарг, и Лонге были активными членами Международного Товарищества Рабочих. Шарль Лонге, который в связи с революционной деятельностью в годы, предшествовавшие свержению Наполеона III, вынужден был уехать в Бельгию, где он жил на положении полити-

ческого эмигранта, с 1866 по 1868 и с 1871 по 1872 год являлся секретарем бельгийской секции Генерального Совета. Как и Лафарг, он был один из руководителей Парижской коммуны. Женни и Лаура мужественно разделили все тяготы, выпавшие на долю их мужей после поражения коммунаров.

Судьба старшей дочери была особенно сурова. За десять лет супружеской жизни она родила шестерых детей, и ей приходилось много работать, чтобы семья могла сводить концы с концами. Поэтому у нее оставалось слишком мало времени для занятий политикой, хотя ее родители надеялись, что она проявит себя прежде всего на этом поприще. Женни, как марксистка, хорошо подготовленная теоретически, оказывала сильное влияние на мужа. Однако ей не удалось полностью привлечь его, сторонника прудонизма, на сторону революционного марксизма. После амнистии 1880 года он получил место редактора левой французской газеты «Жюстис» («Справедливость») и, к глубокому возмущению Женни, вел борьбу против создания марксистской рабочей партии. Постоянная нужда подорвала здоровье Женни. Она скончалась вскоре после смерти матери в возрасте 39 лет, когда младшему ребенку только исполнилось четыре месяца. После смерти жены Лонге перестал играть какую-либо роль во французском революционном движении. Он умер в 1903 году. Их сын Эдгар стал марксистом, членом Французской коммунистической партии. Он принял участие в движении Сопротивления против немецких фашистов. Скончался в 1950 году. Членом коммунистической партии является и правнук Карла и Женни Маркс Фредерик. Он оказал, в частности, большую помощь в деле изучения наследия Маркса.

Лаура Маркс оказалась более счастливой в семейной жизни. Поль Лафарг был выдающимся марксистом и крупным руководителем французского рабочего движения. Вместе с Жюлем Гедом он основал в 1879—1880 годах Французскую рабочую партию, программу которой разрабо-

тал совместно с Марксом и Энгельсом. Неутомимый борец, страстный оратор и глубокий мыслитель, Лафарг отстаивал революционный марксизм и тогда, когда с началом эпохи империализма начался рост влияния реформизма, хотя при этом иногда и оказывался на центристских позициях. Владимир Ильич Ленин, который вместе с Надеждой Константиновной Крупской посетил чету Лафаргов в 1909 году, высоко оценивал этого последовательного социалиста, столь любимого французскими рабочими. Лаура Лафарг, связанная с мужем узами нежной любви и подлинного товарищества, всемерно поддерживала его, как мы это знаем по воспоминаниям Клары Цеткин, в партийной работе. Публицист и переводчик, она приобрела известность прежде всего как прекрасный пропагандист идей отца. Она перевела на французский язык «Манифест Коммунистической партии» и работу Энгельса «Людвиг Фейербах», редактировала переводы других произведений Маркса и Энгельса, сотрудничала с социалистическими газетами многих стран. К сожалению, Лафарг и Лаура, когда Полю исполнилось 70 лет и силы его стали слабеть, добровольно ушли из жизни, что было огромной потерей для французской социалистической партии и международного рабочего движения.

Младшая дочь Женни Маркс Элеонора, которую чаще называли Тусси, принадлежала к тому молодому, высоко-сознательному поколению женщин, что и Клара Цеткин. Пожалуй, из трех дочерей Маркса она имела наибольшую известность. В 1885 году, спустя два года после смерти отца, она вступила в гражданский брак с английским врачом д-ром Эдуардом Эвелингом. Эвелинг, приверженец Дарвина, встал впоследствии на позиции марксизма и вместе с женой долгие годы вел работу в английском рабочем движении, проявив себя талантливым организатором и превосходным оратором.

Как и ее сестры, теоретически хорошо подготовленная марксистка, к тому же прекрасный публицист, Элеонора

после смерти отца помогала Фридриху Энгельсу привести в порядок и издать наследие Маркса. Позднее она выпустила сборник статей Энгельса под названием «Революция и контрреволюция в Германии», опубликованных в «Нью-Йорк дейли трибюн», затем сборник под названием «Восточный вопрос», куда вошли статьи Маркса и Энгельса из той же газеты. Кроме того, Элеонора, как и Лаура, сотрудничала в различных газетах международного социалистического движения. Особенно велики ее заслуги перед английским рабочим движением. Хорошо зная жизнь рабочих семей, она ездила по Англии, пропагандировала марксистские идеи, воодушевляла рабочих на борьбу. Элеонора внесла активный вклад в борьбу британских трудящихся за повседневные требования, участвовала в организации некоторых крупных забастовок. Так, во время забастовки английских докеров 1889 года она была секретарем забастовочного комитета, неделями просиживала в душной атмосфере тесного забастовочного бюро, контролировала учетные карточки бастующих рабочих или же выступала на митингах, призывая рабочих не сдаваться.

Особенное внимание Элеонора уделяла женщинам-работницам, прежде всего из лондонского Ист-Энда. Последние с любовью относились к смелой, по-боевому настроенной и в то же время доброй женщине и называли ее «наша мама». Решающий вклад Элеонора внесла в создание профсоюза рабочих газовых заводов и неквалифицированных рабочих. Это был поистине мужественный поступок. В традиционные, так называемые старые профсоюзы, находившиеся тогда под сильным реформистским влиянием, не принимали ни чернорабочих, ни женщин. Представители обеих категорий трудящихся стали массами вступать в новый профсоюз, который влил свежую струю в английское рабочее движение. В течение только одного года в этот профсоюз вступило 70 тысяч членов из Англии и Северной Ирландии. Элеонора входила в Центральное правление профсоюза.

Элеонора и ее муж много работали и в международном рабочем движении. Еще девочкой Тусси была подлинной интернационалисткой: она горячо поддерживала освободительную борьбу в Ирландии. Позднее она принимала деятельное участие в оказании помощи коммунарам, публично выступала в защиту немецкой социал-демократии во времена исключительного закона против социалистов. Вместе с Эвелингом, вдохновляемая Энгельсом и под его руководством Элеонора активно участвовала в создании II Интернационала и присутствовала на его первых конгрессах. В 1890 году она в качестве гостя участвовала в работе съезда Французской рабочей партии, состоявшегося в Лилле. Оттуда вместе с Жюлем Гедом Элеонора поехала в Германию, где представляла свой профсоюз на съезде немецкой социал-демократии в Галле. Немецкие товарищи, прежде всего Август Бебель и Вильгельм Либкнехт, друг ее детства, сердечно приветствовали дочь Карла Маркса. Хотя она редко выступала на конгрессах Интернационала, но всегда неизменно отстаивала марксистскую линию.

Элеонора совершила даже агитационную поездку через океан в США, что по тем временам было рискованным мероприятием. В 1886 году вместе с мужем и Вильгельмом Либкнехтом в течение четырех месяцев выступала с докладами во многих городах Соединенных Штатов. Два года спустя она вновь побывала в Северной Америке, сопровождая Фридриха Энгельса.

Затем в жизни этой благородной женщины наступили мрачные времена: проиграна забастовка, отошел от марксизма ее друг Эдуард Бернштейн. Это ожесточило ее. Но особенно тяжело она пережила разрыв с Эдуардом Эвелингом. Он опустился морально, много пил, у него появилась другая женщина, на которой он женился. И к тому же Эвелинг был тяжело болен. 31 марта 1898 года в возрасте 42 лет во время приступа депрессии Элеонора покончила с собой. Эдуард пережил ее всего на два года.

В судьбах дочерей Маркса были печальные страницы,

тем не менее мы можем сказать, что все три оказались достойными своих родителей, они не жалели сил в великой борьбе человечества ради лучшего будущего, путь в которое открыл их отец.

РАССКАЗ О НИМИ

«Смотри же, не забудь Ленхен!» — сказала дочь Маркса Лаура Вильгельму Либкнехту, когда тот сообщил ей о своем намерении опубликовать воспоминания о Марксе и его семье. «Нет, я не забыл Ленхен и никогда ее не забуду»¹², — пишет Вильгельм Либкнехт в своих воспоминаниях. Эта глава о любви и дружбе была бы неполной, если в ней еще раз не упомянуть Елену Демут, которая и в Лондоне была для Женни и Карла Маркса верным товарищем.

Когда семья Маркса переехала в Англию, Елене было 27 лет. Она все еще была весьма привлекательной молодой женщиной, которую дети Маркса нежно называли «Ним» или «Ними». «В поклонниках у нее недостатка не было, и она не раз имела возможность сделать хорошую партию»¹³, — вспоминает Вильгельм Либкнехт, который именно тогда познакомился с Демут, и мы охотно верим ему. Можно не сомневаться, что иной немецкий ремесленник или коммерсант, обосновавшийся в Англии, да и немало знакомых Ленхен у нее на родине были бы счастливы назвать эту работающую, честную, познавшую жизнь женщину своей супругой. «И хотя она не связала себя никаким обетом, — продолжает Вильгельм Либкнехт, — для ее преданного сердца было ясно само собой, что она должна остаться с «Мавром», с «г-жой Маркс» и детьми.

И она осталась, а годы юности промчались. Она осталась, перенося с ними нужду и лишения, горе и радость. Покой наступил только тогда, когда смерть скосила и жену и мужа, с судьбой которых она связала свою собственную»¹⁴.

Чувства, которые связывали Елену Демут с домом Маркса, не были верностью служанки своим господам, о которой столь трогательно говорится в старых легендах. Не было это и только привязанностью, которая возникает за годы совместно прожитой молодости. В гораздо большей степени речь шла о любви и верности человека с большим сердцем и сильным характером, который нашел себя в новом мире братства и подлинной человечности, каким являлся дом Маркса. Самым черным днем в жизни Демут стал, по-видимому, тот, когда семья Маркса приняла решение расстаться с ней и переехать в густонаселенные кварталы Сити.

Этой мужественной и глубоко порядочной женщине не было суждено испытать счастья супружеской жизни. Тем не менее она познала счастье материнства, хотя оно и не было безоблачным. 23 июня 1851 года Елена Демут родила мальчика, которого называли Генри Фредерик. Имя отца в метриках не указано. Рождение Фреда Демута совпало с трудным периодом для семьи Маркса, следовавшим за поражением революции 1848—1849 годов, и добавило к без того многочисленным заботам семьи новые. Пришлось отдать ребенка, как в свое время и Франциску Маркс, из нездоровой квартиры в одну семью в лондонском рабочем районе Хакней. Там мальчик и вырос. Он получил профессию рабочего-металлиста и сыграл в рабочем движении своего округа немалую роль. Активная политическая деятельность и любовь к Елене Демут сдружили Фреда с Элеонорой Маркс-Эвелинг, которая причисляла его к своим наиболее искренним друзьям. Особенно в последние, полные печали годы ее совместной жизни с Эдуардом Фред Демут был для нее товарищеской опорой. В это время она не раз делилась с ним своими горестями и тревогами.

Елена была очень привязана к сыну. Уже будучи взрослым мужчиной, он часто навещал ее. И все же ее любовь к Фреду, воспитанию которого она в силу обстоятельств

не могла уделять достаточного внимания, была не в состоянии полностью заменить ей семейного счастья. Поэтому весь избыток материнских чувств она перенесла на детей Маркса.

В доме Марксов она была уважаемым, всеми любимым товарищем. На ее плечах лежала большая ответственность, которую она несла охотно и радостно. «С первых же дней возникновения семьи Маркса,— пишет Вильгельм Либкнехт,— Ленхен, по выражению одной из дочерей, сделалась душой дома — и в высшем, благороднейшем смысле этого слова мастерицей на все руки. Чего только она не делала! И все делала с радостью. Хочу напомнить лишь о бесконечных хождениях к тому таинственному, всеми ненавидимому и, однако же, всеми обхаживаемому и всем благодетельствующему родственнику: «дядюшке» с тремя шарами. При этом она всегда была бодра, всегда готова всем помочь, всегда улыбалась. Впрочем, нет! Она умела и сердиться, а к врагам Мавра она питала страстную ненависть.

Когда г-жа Маркс заболела или плохо себя чувствовала, Ленхен заменяла мать, да и вообще она была для детей второй матерью. И она обладала *волей* — сильной, твердой *волей*. Все делалось так, как она считала нужным.

* * *

Ленхен, как уже сказано, была в доме Маркса своего рода диктатором; выражаясь точнее, Ленхен была диктатором, а г-жа Маркс — повелительницей. И Маркс подчинялся этой диктатуре, как ягненок.

Говорят, что в глазах своего слуги никто не бывает великим человеком. Для Ленхен Маркс уж, конечно, не был великим. Она пожертвовала бы собой ради него сотни раз, отдала бы свою жизнь за него, его жену и каждого из детей, если бы это было нужно и возможно,— и она действительно *отдала* им свою жизнь,— но импонировать *ей*

Маркс не мог. Она знала его со всеми его причудами и слабостями и заставляла его делать по-своему. Когда он бывал сильно раздражен и метал громы и молнии, так что другие предпочитали быть подальше от него, Ленхен прямо входила в логовище льва и, если он рычал, так основательно отчитывала его, что лев становился смиреннее ягненка»¹⁵.

Поль Лафарг, познакомившийся с Еленой Демут несколько позже, пишет о ней почти то же самое: «Она умела все: стряпала, смотрела за хозяйством, одевала детей, кроила платья и шила их вместе с г-жой Маркс. В доме, находившемся на ее попечении, она была одновременно и экономкой и мажордомом. Дети любили ее, как мать, и в их глазах она пользовалась родительским авторитетом, потому, конечно, что относилась к ним с чисто материнской привязанностью. Г-жа Маркс видела в ней свою близкую подругу, и сам Маркс был к ней расположен очень дружески; он любил играть с ней в шахматы, причем она нередко его обыгрывала. Привязанность Елены к семье Маркса была слепая: что бы кто-либо из членов семьи ни сделал, все в ее глазах было прекрасно и не могло быть иным. Всякий, кто критиковал Маркса, казалось, осуждал ее самое»¹⁶.

Елена Демут пользовалась уважением не только членов семьи Маркса, но и всех их товарищей и друзей. Многие из них имели все основания быть благодарными ей, так как она всегда была готова помочь, как только могла. «Ко всем, кто пользовался дружеским расположением семьи, она относилась по-матерински покровительственно»¹⁷, — вспоминает Поль Лафарг.

Вильгельм Либкнехт вспоминает, что Ленхен 40 лет была ему другом, а во время его эмигрантской жизни в Лондоне иной раз и «провидением». «Как часто, — рассказывает он, — она ссужала меня несколькими пенни, когда у меня в карманах свистел ветер, а в доме Маркса было не слишком уж пусто, потому что, когда там наступал пост, тогда у

Ленхен ничем нельзя было поживиться. И как часто, когда моих портновских способностей уже не хватало, она искусно реставрировала на несколько недель какую-нибудь необходимую часть туалета, заменить которую в обозримый отрезок времени мне было нечем по финансовым причинам»¹⁸.

Елена Демут не получила хорошего образования, но прекрасно разбиралась в ведении домашнего хозяйства, а ее главной целью было как можно лучше заботиться о здоровье семьи Маркса и ее друзей. Если она в своих «признаниях» шутливо называет кофейник своим главным героем, то в этом есть доля истины. Тем не менее классовый инстинкт Елены Демут, которая с детских лет знала, что значит угнетение и эксплуатация, помог ей найти путь к рабочему движению. По воспоминаниям Эдуарда Эвелинга, она играла свою роль не только в вопросах повседневной жизни, но и в политических вопросах¹⁹. Благодаря своему здравому рассудку, своей кристальной честности, своему знанию людей и вещей, говорит он, она была помощником даже таких людей, как Маркс и Энгельс²⁰. Это подтверждает и сам Энгельс.

Елена на протяжении всей жизни поддерживала связь со своей родиной и со своей семьей. Она неоднократно приезжала из Англии на родину, в последний раз уже в преклонном возрасте. В конце 50-х годов она даже привезла в дом Маркса свою сестру, или, как показывают новейшие исследования, сводную сестру Марианну Кройц. Марианна Кройц умерла в конце 1862 года от инфаркта за несколько часов до возвращения Женни из поездки в Париж. Женни тяжело восприняла ее смерть.

В 1864 году в материальном положении семьи Маркса намечилось некоторое улучшение, что отразилось также и на Елене Демут. Это касалось не только хозяйственных дел; Женни Маркс позаботилась о том, чтобы Елена смогла принять участие в тех развлечениях, которые семья теперь могла позволить себе чаще, — посещение театра, про-

гулки к морю и т. д. Однако для Елены Демут еще раз настали тяжелые времена, когда ей пришлось ухаживать за больной Женни, а потом и за смертельно больным Марксом.

Елена Демут пережила Женни и Карла Маркса. Последние годы она провела в доме Фридриха Энгельса. Его вторая жена скончалась в 1878 году, и он был счастлив, что может доверить ей свое хозяйство; тем самым Энгельс получил возможность полностью посвятить себя политике и теоретическим исследованиям, и прежде всего завершению работы по подготовке к изданию двух последних томов «Капитала».

Елене Демут выпала спокойная старость. Она жила в атмосфере дружеского внимания со стороны оставшихся в живых членов семьи Маркса, Фридриха Энгельса и его племянницы Пумпс. Имя Демут часто упоминается в переписке между Энгельсом и Лафаргом. Почти нет письма, в котором Лаура Лафарг не просила бы Энгельса передать Елене сердечные приветы. В свою очередь Энгельс не упускал случая рассказать своим друзьям о радостях и тревогах Демут, о ее самочувствии. Лаура Лафарг нередко называла Елену в шутку «старым отцом Ним». Эти слова подтверждаются и рассказом Вильгельма Либкнехта о высоком авторитете и энергии Елены.

Даже в старости Елена Демут с огромным наслаждением занималась кулинарией; приготовление пищи было для нее своего рода священнодействием. До последнего времени у нее не было большей радости, чем доставлять удовольствие Энгельсу и его многочисленным гостям вкуснейшими блюдами. По воскресным дням, когда в доме Энгельса было особенно многолюдно, она в качестве хозяйки дома, довольная, сидела за столом и угощала собравшихся.

Елена Демут умерла 4 ноября 1890 года после тяжелой непродолжительной болезни. Ей было 67 лет. На ее могиле Фридрих Энгельс сказал: «...та работа, которую я оказался

в состоянии выполнить после смерти Маркса, проделана была главным образом благодаря тому теплу и помощи, которую она внесла в мой дом, оказав мне честь своим пребыванием в нем после смерти Маркса»²¹.

Ленхен была похоронена в семейной могиле Марксов — как того хотела Женни Маркс.

ИСТОЧНИК СИЛЫ И УБЕЖИЩЕ ДЛЯ ТОВАРИЩЕЙ

Дом Маркса в Лондоне, так же как в Брюсселе и Кёльне, был революционным центром. В столь тяжелые для сторонников учения Маркса 50-е годы он стал основным местом встреч, второй родиной прежде всего для эмигрировавших из Германии членов Союза коммунистов. Здесь собирались бывшие редакторы «Новой Рейнской газеты» Вильгельм Вольф и Фердинанд Вольф, прозванный Красным Вольфом, Эрнст Дронке и Георг Веерт — старые члены лондонского Центрального комитета, портной Эккариус и художник Пфендер, а также некоторые другие члены лондонского Просветительного общества немецких рабочих, занимавшие четкие теоретические позиции. Среди них был гамбургский рабочий Фридрих Лесснер, осужденный на кёльнском процессе коммунистов и в середине 50-х годов приехавший в Лондон. Приезжали также товарищи, вставшие на сторону Маркса во время революции, в том числе учитель Петер Имандт из Крефельда, надолго сохранивший тесные отношения с Марксом и игравший известную роль еще в I Интернационале, а также Конрад Шрамм. Последний, наряду с Вильгельмом Вольфом, в период революции сорок восьмого года принадлежал к наиболее любимым соратникам Маркса. Он воплощал в себе типичные черты той части немецкой молодежи, которая, приняв участие в буржуазной революции, была готова пожертвовать своей жизнью и счастьем во имя единства отечества, за лучшее будущее.

Конрад Шрамм происходил из семьи почтенных крефельдских коммерсантов. Его отец отличился в освободительных войнах. А сын, воспитанный в духе подлинного патриотизма, проработав некоторое время коммерсантом в Роттердаме, проходил солдатскую службу в Дойтце, где проникся ненавистью к прусскому милитаризму. Шрамм дезертировал из армии и с помощью семьи уехал в Америку. Когда началась революция 1848—1849 годов, он вернулся в Германию. В годы революции Шрамм участвовал добровольцем в войне с Данией за освобождение Шлезвиг-Гольштейна, издавал демократическую газету в Киле. К этому периоду относятся его знакомство с Марксом в Гамбурге, деятельность в качестве эмиссара Союза коммунистов в Центральной и Восточной Германии, арест в Ганновере на пути в Баден, куда он направлялся, чтобы примкнуть к восставшим, и, наконец, дерзкий побег из крепости Везель.

Это был необычайно вдохновленный человек, с критическим складом ума, полный юмора и рейнского добродушия, но притом вспыльчивый и даже отчаянный. По-рыцарски благородный, с добрым сердцем, он был верным другом семьи Маркса, часто помогал Женни. Она и Маркс очень любили и ценили Шрамма. Именно ему Маркс поручил организационную работу по изданию своего журнала «Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение». Шрамм добросовестно и с большой предприимчивостью выполнял ее. Однажды он здорово напугал Женни. Шрамм, отнюдь не к радости Маркса, дрался на дуэли с одним клеветником. Во время тревожного ожидания Марксы получили известие, что пуля попала ему в голову. От ужаса Женни едва не лишилась чувств. Но спустя некоторое время в комнату вошел улыбаясь тот, которого уже считали мертвым,— пуля лишь слегка задела его.

В круг наиболее близких друзей семьи Маркса входил в те годы Вильгельм Либкнехт, живший в Лондоне с 1850 по

1862 год. Вместе с Августом Бебелем он стал впоследствии одним из основателей Социал-демократической партии Германии, энергичным вождем рабочего класса страны, непримиримо боровшимся против германского милитаризма, за миролюбивую демократическую Германию. Участвовал в революции 1848—1849 годов. Был храбрым до дерзости. Честный, стоящий за правду, он в Англии стал учеником и сторонником Маркса. В Лондоне Вильгельм Либкнехт женился на Эрнестине, дочери начальника тюрьмы во Фрейбурге, где Либкнехт находился в заключении. Против воли семьи она последовала за своим другом в Англию. Женни, очень ценившая его и всю жизнь считавшая своим верным другом, подружилась с ней.

К числу самых близких друзей семьи Маркса в начале 50-х годов принадлежал и Фердинанд Фрейлиграт, верный товарищ, всегда готовый прийти на помощь. Хотя он жил очень далеко от Маркса — Фрейлиграты снимали дом в Хакней, на севере Лондона,— между ними завязалась сердечная дружба. Их дети играли вместе и дарили друг другу подарки. Хорошие отношения, как и в Кёльне, установились между Женни и женой Фердинанда. Сам Фрейлиграт относился к Женни с дружеским вниманием. Он, насколько это было в его силах, старался доставлять ей маленькие радости. Когда летом 1852 года в Лондоне проходили гастроли дрезденской театральной труппы, где у Фрейлиграта были знакомые, он несколько раз приглашал Женни в театр. Вместе с Фрейлигратами она смотрела «Коварство и любовь» Шиллера и другие спектакли. Для нее, особенно в то время, это было редким и очень желанным событием.

Вслед за Вильгельмом Вольфом покинули Лондон и другие упоминавшиеся здесь товарищи. Веерт вернулся к торговой деятельности и объездил полмира по поручению своей фирмы. Он умер на Кубе 30 июня 1856 года, когда ему было всего 34 года. Конрад Шрамм уехал в Америку, чтобы заняться там политической деятельностью. В 1857

году он вернулся, будучи очень больным, заставив тяжело переживать Карла и Женни Маркс. Они поместили его в немецкий госпиталь; оттуда он переехал на остров Джерси, где вскоре скончался.

Центральной фигурой среди революционеров, собиравшихся в доме Маркса в Лондоне, как и в Брюсселе и Кёльне, был, конечно, сам Маркс. Он направлял политическое и идеологическое развитие своих друзей, вовлекал их в борьбу за дело революции и прежде всего побуждал использовать время революционного спада для повышения своего теоретического уровня.

«К тому времени,— вспоминает Вильгельм Либкнехт,— был построен великолепный читальный зал Британского музея с его неисчерпаемыми книжными сокровищами, и туда-то, где сам он проводил целые дни, Маркс тянул и нас.

Учиться! Учиться! Таков был категорический императив, с которым он достаточно часто обращался к нам, который, однако, заключался уже в его личном примере и даже в одном лишь зрелище этой постоянной могучей работы великого ума.

В то время как остальные эмигранты изо дня в день сочиняли планы мирового переворота и опьяняли себя, как гашишем, фразой: «Завтра начнется!» — мы, «серная банда», «бандиты», «подонки человечества», сидели в Британском музее, стараясь набраться знаний и подготовить оружие и амуницию для будущих боев»²².

С тех пор все коммунисты неизменно следуют мудрому совету Маркса. Революционеры всегда умели использовать для учения даже тюрьмы и концлагеря.

Девизом друзей и близких Маркса были слова: «Один за всех, все за одного». Карл и Женни Маркс показывали пример того, как надо помогать товарищам. Трогательно читать о том, как Маркс прерывал свою работу, чтобы отвезти больного товарища в госпиталь, поддержать друга, у которого умерла жена, дать кому-нибудь профессиональ-

ный совет. Или о том, как чета Марксов заложила последнюю «выходную» юбку Женни, чтобы помочь смертельно больному Шрамму.

Особенно заботливо относилась к товарищам Женни. Для всех друзей и «воспитанников» семьи Маркса она была матерью, другом, а если это было необходимо, то и строгой воспитательницей. Она смеялась вместе с ними, помогала советом, когда им было трудно, утешала их, когда они отчаивались. Дом Маркса, пусть скромный и тесный, был открыт для них всегда. Они могли приходить туда в любое время. Не раз сердце Женни обливалось кровью при виде той нищеты, в которой жили товарищи по борьбе, особенно в первые годы эмиграции.

Письма Женни к друзьям по эмиграции излучают материнскую заботу и чуткость. До нас дошло полное нежности письмо к умирающему Конраду Шрамму. В нем она сообщает все новости эмиграции и политической жизни, которые могли заинтересовать его. Письма Женни к Эрнестине Либкнехт свидетельствуют, как чутко она относилась к своим друзьям. Она делится с этой простой, измученной ударами судьбы женщиной своими заботами, подбадривает ее, рассказывает о товарищах-эмигрантах, их женах и детях, их горестях и радостях, известных ей до мелочей.

Вильгельм Либкнехт, один из тех людей, которые с глубоким уважением относились к Женни, высказал то, что чувствовали многие из друзей самого Маркса: «Г-жа Маркс была первой женщиной, благодаря которой я понял силу облагораживающего женского воздействия. Моя мать умерла так рано, что я сохранил о ней лишь неясное, смутное воспоминание. Позднее я также — если не считать очень короткого промежутка времени, опять же в очень раннем детстве — был лишен женского общества, которое могло бы несколько смягчить и обтесать мой характер. До встречи с г-жой Маркс я не понимал всей справедливости слов Гёте:

Коль знать ты хочешь, как себя вести,
У благородной женщины спроси! *

Она была для меня то Ифигенией, смягчающей и просвещающей варваров, то Элеонорой, приносящей покой тому, кто в разладе с самим собой, кто усомнился в себе, — матерью, другом, поверенной, советчицей. Она была и *остается* для меня идеалом женщины. И, повторяю это и здесь, если я не погиб в Лондоне, духовно и физически, то этим я в большей мере обязан *ей*, которая, когда я думал, что утону в бушующем океане эмигрантской нужды, явилась мне подобно тому, как Левкотейя явилась взору потерпевшего крушение Одиссея и снова вселила в него мужество продолжать плавание»²³.

«Г-жа Маркс, — рассказывает Вильгельм Либкнехт, — пожалуй, имела еще большую власть над нами, чем сам Маркс. Ее «достоинство и величавость» ** — которые позволяли сохранять непринужденность, но не допускали никаких неподобающих выходок, ничего непристойного — оказывали волшебное действие на таких необузданных и отчасти даже несколько одичавших парней, какими были мы. Я еще помню, какой ужас она однажды внушила Красному Вольфу (не путать с «Казематным Вольфом» — Лупусом!). Как-то вечером Вольф, который усвоил парижские замашки и был очень близорук, заметил на улице изящную женскую фигурку и поспешил ей вслед. Хотя он несколько раз прошелся вокруг дамы под вуалью, она не обращала на него ни малейшего внимания. Наконец, осмелев, он так близко заглянул ей в лицо, что, несмотря на близорукость, смог различить черты. «И — черт подери! — это была г-жа Маркс!» — взволнованно рассказывал он мне на другое утро. «Ну, и что она тебе сказала?» — «Да, ничего, вот

* Гёте И.-В. Торквато Тассо. Действие 4, сцена 2. — *Ред.*

** Шиллер Ф. Дева с чужбины. — *Ред.*

это-то и чертовски скверно!» — «А как ты поступил? Ты извинился?» — «Черт подери, я убежал!» — «Но тебе все-таки надо извиниться! Это ведь не так уж опасно!»

Но Красного Вольфа с его «черт подери», человека, который слыл неисправимым циником, в течение полугода не удавалось затащить к Марксу домой, хотя я уже на следующее утро смог ему сообщить, что, когда стал зондировать почву, г-жа Маркс весело рассмеялась при воспоминании о невыразимо изумленном и испуганном лице Красного Вольфа, так оскандалившегося в роли Дон Жуана»²⁴.

Женни Маркс не делала ни малейших различий между своими гостями — будь то рабочие или интеллигенты. Рабочий Фридрих Лесснер чувствовал себя у нее так же хорошо, как и филолог Вильгельм Либкнехт и поэт Фердинанд Фрейлиграт. Фридрих Лесснер пишет: «Дом Маркса был открыт для каждого заслуживающего доверие товарища. Те чудесные часы, которые я, как и многие другие, провел в кругу его семьи, для меня незабываемы. Здесь прежде всего блистала прелестная г-жа Маркс, высокая, очень красивая женщина, благородной внешности и притом такая необыкновенно приветливая, любезная, остроумная, настолько лишенная всякого высокомерия и чопорности, что в ее обществе любой чувствовал себя так же уютно, словно у собственной матери или сестры. Всем своим существом она вызывала в памяти слова шотландского народного поэта Роберта Бёрнса: «Woman, lovely woman, heaven destined you to temper man!» («Женщина, милая женщина, тебе небесами предопределено смирять нрав мужчины»). Она была воодушевлена делом рабочего движения, и каждый, даже самый незначительный, успех в борьбе против буржуазии приносил ей величайшее удовлетворение и радость»²⁵.

Женни, со своей стороны, очень высоко ценила умного рабочего Фридриха Лесснера, стоявшего на четких теоретических позициях. До конца своей жизни он был на сторо-

не марксизма. В письме Иоганну Филиппу Беккеру, отправленном в августе 1876 года, она называет его славным, надежным человеком, «который в политическом отношении всегда держался особенно стойко и честно. Он один из старой гвардии, «которая умирает, но не сдается!»²⁶. Она очень ценила мнение Лесснера по политическим вопросам.

К близким друзьям относились как к полноправным членам семьи; в их числе был и Вильгельм Либкнехт. Он — автор известного описания воскресных прогулок семьи Марксов в Хэмпстед-хис. Эти прогулки, предпринимавшиеся в те счастливые недели, когда в доме имелись деньги или когда, по крайней мере, булочник и мясник соглашались отпускать продукты в кредит, были светлыми праздниками в тяжелые 50-е годы. Они позволяли вырваться из затхлой тесноты города на северо-запад Лондона с его лугами, рощами и садами, с приветливым холмистым ландшафтом, где родителей ждал отдых, а детей — возможность порезвиться на свежем воздухе.

«Наши прогулки в Хэмпстед-хис! Проживи я еще тысячу лет,— я их не забуду... Провести воскресенье в Хэмпстед-хис было для нас самым большим удовольствием. Всю неделю дети только об этом и говорили, да и мы, взрослые, старики и молодежь, радовались этой прогулке. Уже само путешествие туда было праздником. Девочки были хорошие ходоки, проворные и неутомимые, как котята... и обычно мы уже около одиннадцати часов утра отправлялись в путь. Иной раз, правда, мы выходили позже: в Лондоне не любят рано вставать, а привести все в порядок, собрать детей и как следует уложить корзину — на это всегда уходило некоторое время.

Ах, эта корзина! Она стоит или, вернее, висит перед моим «духовным взором» настолько живо, она представляется мне такой заманчивой и аппетитной, будто я лишь вчера в последний раз видел ее у Ленхен на руке.

Дело в том, что эта корзина была нашим складом провизии, а когда у человека здоровый и крепкий желудок и при этом очень часто в кармане нет нужной мелочи (о *крупных* купюрах в то время вообще речи не было), тогда продовольственный вопрос играет весьма значительную роль... Главным блюдом... был освященный традицией огромный кусок жареной телятины... Там же лежали чай и сахар, а иногда и фрукты...

Самый поход совершался по большей части в следующем порядке. В авангарде шел я с двумя девочками, то рассказывая им всякие истории, то занимаясь гимнастикой на ходу, то собирая полевые цветы, которые в те времена были еще не так редки, как теперь. За нами шел кое-кто из друзей. Затем следовали главные силы: Маркс с женой и каким-нибудь воскресным гостем, требовавшим известного внимания. Шествие замыкала Ленхен с самым голодным из гостей, который помогал ей нести корзину...

Придя в Хэмпстед-хис, мы прежде всего выбирали себе место стоянки, причем по возможности учитывались условия чайного и пивного снабжения.

...Подкрепившись напитками и едой,— все участники прогулки подыскивали себе местечко поудобнее, чтобы полежать или посидеть, и, если не предпочитали соснуть, вынимали из карманов купленные по дороге воскресные газеты; тут начиналось чтение и обсуждение политических вопросов, между тем как дети, быстро находившие себе товарищей, играли в прятки в кустах.

Но и эта идиллия нуждалась в некотором разнообразии: устраивались бег вперегонки, борьба, метание камней и всякие другие спортивные игры. В одно из воскресений мы открыли поблизости каштановое дерево со спелыми каштанами. «Посмотрим, кто больше всех собьет!» — крикнул кто-то. С криками «ура» все принялись за работу. Мавр пришел в неистовство, но сбивание каштанов определенно не было его сильной стороной. Однако он был неутомим,

как и все мы. И только тогда, когда под иступленные крики триумфа был сбит последний каштан, бомбардировка прекратилась. Маркс больше недели не мог двинуть правой рукой. Со мной дело обстояло не лучше.

Но самым большим «treat» (удовольствием) было общее катание на осликах. Сколько тут было смеха и ликования! Какие забавные сценки! Как веселился Маркс! Он забавлял и себя и нас — нас вдвойне: во-первых, своей более чем примитивной верховой ездой, а во-вторых, тем фанатизмом, с каким он добивался виртуозности в этом искусстве...

По дороге домой из Хэмпстед-хис бывало всегда очень весело... Против меланхолии, для которой, впрочем, у нас по большей части бывало достаточно оснований, мы были застрахованы нашим горьким юмором. Для нас не существовало эмигрантской нужды — тому, кто принимался жаловаться, тотчас настойчиво напоминали об общественных обязанностях.

...Обыкновенно мы затягивали какую-нибудь песню. Политические песни пели редко, а чаще всего пели народные, преимущественно сентиментальные песни, и — это сущая правда — «патриотические» песни об «отечестве», как, например: «О, Страсбург, Страсбург, дивный город!» — эту песню особенно любили. Или же дети пели нам негрятянские песни и плясали при этом, если только их ноги успевали к тому времени немножко отдохнуть. О политике в походе запрещалось говорить, так же как и об эмигрантской нужде. Зато много беседовали о литературе и искусстве, и тут Марксу представлялся случай проявить свою исключительную память. Он декламировал длинные отрывки из «Божественной комедии», которую знал наизусть почти целиком. Читал он также сцены из Шекспира, причем его жена, также превосходный знаток Шекспира, часто сменяла его»²⁷.

ЛУЧШИЙ ДРУГ СЕМЬИ

Глубокая и творческая дружба Маркса и Энгельса распространялась, разумеется, и на домочадцев Маркса. Энгельс считался полноправным членом семьи. Его приезды в Лондон всегда были для Марксов источником радости. Поль Лафарг пишет: «Когда Энгельс объявлял о своем приезде из Манчестера, это было торжеством в семье Маркса. В ожидании шли нескончаемые разговоры о его предстоящем посещении, а в самый день приезда Маркс от нетерпения не мог работать. За стаканом вина, в табачном дыму друзья просиживали вместе всю ночь, чтобы вдоволь наговориться обо всем, что произошло со дня их последнего свидания»²⁸.

Дочери Маркса называли Энгельса своим вторым отцом. Он возился и играл с ними, когда они были детьми, и остался их доверенным лицом в радости и горе, когда они выросли. Нас и сегодня восхищают письма, которые он время от времени посылал им. В благодарность за пару фотографий Энгельс пишет 11 мая 1858 года следующее письмо:

«Дорогие Женни и Лаура!

Не могу отослать этих нескольких строк вашей маме, не поблагодарив вас за оба милых портрета, которые вы дали Мавру для меня. Пока они стоят еще на камине перед зеркалом, но через несколько дней получат почетное место на стене...

По портретам я с удовольствием вижу, что вы сильно выросли обе и что, хотя вы теперь уже взрослые барышни, у вас все те же лица, полные прямоты и искренности, и верьте мне, что я тоже для вас остаюсь всегда тем же старым Энгельсом»²⁹.

Последний абзац письма написан на итальянском языке, который они в то время прилежно учили.

Девочки выражали свою благодарность маленькими, с большой любовью сделанными подарками. Женни сделала

для него копию рафаэлевской мадонны. Лаура не хотела говорить свое «да» Полю Лафаргу прежде, чем узнает мнение Энгельса. Энгельс, разумеется, ответил им сердечным поздравлением.

Самая младшая дочь Маркса, Тусси, была безмерно привязана к Энгельсу и его жене. Она еще ребенком часто, иногда неделями, гостила у них в Манчестере.

Энгельс сохранял дружеские отношения с дочерьми Маркса и после их замужества. Он переписывался с Лаурой и Полем Лафаргом до самой смерти. Эта переписка была им большой поддержкой в их деятельности во французском рабочем движении. Тесная дружба и совместная борьба связывали Энгельса с Тусси, которая в своей политической работе постоянно могла рассчитывать на его деятельную помощь и которая, со своей стороны, не раз выполняла важные поручения Энгельса, связанные с его международной деятельностью. Как уже упоминалось, Тусси сопровождала Энгельса в поездке в Соединенные Штаты и Канаду в 1888 году.

В общении между Женни Маркс и Фридрихом Энгельсом, который был на шесть лет моложе ее, так же как и между Марксом и Энгельсом, между Энгельсом и дочерьми Маркса, никогда не употреблялось доверительное «ты». До самого конца жизни они обращались друг к другу «дорогой господин Энгельс», «дорогая госпожа Маркс», что отвечало духу времени и воспитанию Женни. При этом обоих связывала сердечная дружба и духовная близость, атмосфера которой была нарушена один-единственный раз — в связи со смертью Мери Бёрнс, да и то на какие-то несколько дней. И если эти отношения не были омрачены финансовой зависимостью семьи Маркса от Энгельса, которую Женни чувствовала гораздо острее, чем сам Маркс, то это лишний раз говорит о благородстве характера как самого Энгельса, так и Женни.

Энгельс был для Женни не только близким соратником ее мужа, не только помощником семьи, но и близким чело-

веком, которому она во всем доверяла и с которым делилась самым сокровенным. Хотя дошедшие до нас письма Женни к Энгельсу почти все написаны по поручению Маркса и в связи с его делами, она всегда добавляла к ним что-то свое, писала о семейных делах, об общих друзьях, о политических событиях, о вопросах рабочего движения, рассказывала ему, после революции 1848 года, обо всем, что происходит среди эмигрантов различных политических направлений, последнее — с присущей ей милой иронией. Энгельс отвечал ей как доброму, надежному товарищу и другу и относился к ней с большой чуткостью, глубоко уважая ее за самоотверженное отношение к общему делу. Он обращался к ней и тогда, когда начинал проявлять нетерпение в связи с тем, что Маркс, по его мнению, из-за своей чрезмерной основательности и добросовестности слишком затягивал завершение своей работы. Энгельс знал, что всегда найдет союзника в ее лице.

«То, что до сих пор еще ничего не сделано по поводу издателя *, — с большой досадой писал он ей, когда Маркс работал над своим трудом «Господин Фогт», — тоже нелепость; потом потянутся переговоры, обычная немецкая волокита с печатанием — и таким путем медленно, но верно мы перелезем в 1861 год; и никто другой в этом не виноват, кроме самого г-на Мавра с его основательностью... А тем временем запляшет вся Европа, и у публики совершенно пропадет интерес...

Приложите все старания к тому, чтобы были предприняты шаги относительно издателя *немедленно* и чтобы брошюра была, наконец, закончена. Иначе мы разрушим все свои возможности и, в конце концов, *вовсе* не получим издателя»³⁰.

Особенно заботливо Энгельс поддерживал Женни во

* Речь идет о поисках издателя для памфлета Маркса «Господин Фогт». — *Ред.*

время болезни Маркса. Он всегда делил с ней ее горе, помогал делом и, в случае надобности, заботился о необходимых мерах для лечения друга. Он даже брал на себя некоторые дела Маркса. Несмотря на свою чрезвычайную загруженность, Энгельс не один раз писал вместо него очередные еженедельные статьи для «Нью-Йорк дейли трибюн», чтобы семья Маркса не лишалась этого финансового источника.

Энгельс был согласен с Женни и в том, что необходимо положить предел прямо-таки саморазрушительному неистовству Маркса в работе. Довольно часто, когда у самой Женни из этого ничего не получалось, она изливала ему свое сердце.

«Дорогой г-н Энгельс!..— писала она в январе 1870 года.— Теперь, однако, я должна представить форменный перечень его грехов. Со времени его возвращения из Германии и особенно после ганноверской кампании он был нездоров, непрерывно кашлял и, вместо того чтобы позаботиться о своем здоровье, стал с пылом и жаром изучать русский язык, редко выходил из дома, нерегулярно питался и показал карбункул под мышкой лишь после того, как тот уже созрел и отвердел. Как часто в течение последних лет втайне мечтала я, дорогой г-н Энгельс, о Вашем переселении сюда!! Многое сложилось бы иначе... Прошу Вас, дорогой г-н Энгельс, не делайте ему сейчас в своих письмах *никаких замечаний* на этот счет. Он в настоящий момент легко приходит в раздражение и будет очень сердиться на меня. Но для меня было таким облегчением высказать Вам то, что у меня наболело, ибо я совершенно бессильна изменить что-либо в его образе жизни. Может быть, можно попросить Гумперта поговорить с ним наконец серьезно, когда он снова будет в Манчестере. Гумперт — единственный врач, к которому он питает доверие»³¹.

Переживая вместе с Женни за здоровье Маркса, Энгельс также разделял и его заботы, когда болела Женни. Он

посылал ей лекарства, а также неоднократно делал возможным отдых Женни на море.

Точно так же и Карл, и Женни Маркс неизменно волновались, когда что-нибудь случалось с их другом. Один раз, когда Энгельс болел, Женни, по просьбе мужа, посоветовала ему принимать железосодержащие препараты и сообщила, что Маркс специально в этой связи изучает соответствующую медицинскую литературу в Британском музее.

Когда в 1869 году Фридрих Энгельс наконец на выгодных условиях вышел из фирмы «Эрмен и Энгельс» и смог переехать в Лондон, это стало исполнением давнего желания не только Маркса и Энгельса, но и их семей.

Женни неделями бродила по Лондону, чтобы найти подходящий дом для Фридриха Энгельса и Лиззи Бёрнс. После долгих хлопот, связанных с поисками, она нашла дом, показавшийся ей подходящим и к тому же расположенный вблизи от ее квартиры, и немедленно написала Энгельсу:

«Только что вернулась домой после поисков и спешу сообщить вам о результатах. Я нашла дом, который вызывает наше всеобщее восхищение своим изумительно красивым и удобным расположением. Женни и Тусси были со мной, и обе находят его особенно очаровательным...

Конечно, очень важно, чтобы Вы и Ваша супруга сами его посмотрели и притом возможно скорее, так как на такой хорошо расположенный дом, наверное, скоро найдутся охотники... Было бы лучше всего, если бы Ваша супруга тотчас же приехала с Вами и сама осмотрела бы все. Вы знаете, что все мы искренне рады видеть ее у нас...

Мне очень хочется отнести эти строки на почту сегодня же вечером, чтобы Вы в течение завтрашнего дня могли все обдумать.

Поэтому наскоро прощаюсь

Ваша *Женни Маркс*³².

Когда дом для семьи Энгельса был снят, Женни лично следила за ремонтом, постоянно приходила туда, подбирала обои, самым трогательным образом старалась сделать квартиру своих друзей как можно более уютной и красивой. Женни и ее дочери целиком посвятили себя хлопотам, связанным с их переездом.

Долгожданное воссоединение произошло в сентябре 1870 года.

Учение Маркса начинает завоёвывать мир



ДЕНЬ РАДОСТИ

1864 год обозначил перелом к лучшему в жизни семьи Маркса. Правда, материальное положение по-прежнему оставалось нелегким, не раз приходилось брать в кредит продукты у булочника и в мясной лавке, так как у Маркса все еще не имелось источника постоянных доходов. Тем не менее полученное наследство позволило выплатить обременительные долги, которые более всего пугали Женни. К тому же на пасху 1864 года семья переехала в приветливый солнечный дом в более здоровой части города на Моденавиллас, Мейтленд-парк, Хаверсток-хилл. Маркс нашел здесь лучшие условия для своей работы, мог отдыхать в расположенном напротив дома Мейтленд-парке. Окрепло здоровье детей. В политической жизни также наметились изменения, которые придали Женни новые силы.

Конец 50-х годов стал периодом нового подъема пролетарского и демократического движений. Усиливалась борьба народов за национальную независимость. Наступала новая эра — эра битв между прогрессом и реакцией, между

угнетенными и угнетателями за свободу, демократию и мир. По мере расширения капиталистического производства развивался рабочий класс, ширились его ряды, возрастало его значение. Намного весомей, чем в революциях периода 1848—1849 годов, становилась его роль.

В Италии разгорелась открытая борьба против австрийских угнетателей и государственной раздробленности. Вскоре после этого в Германии вновь активизировалось движение за государственное единение. В 1861 году в Америке началась война буржуазно-демократических сил северных штатов под предводительством Авраама Линкольна против южных рабовладельческих штатов. Спустя два года, в 1863 году, польский народ поднялся против царской России. Демократическая Франция во главе с рабочим классом стала оказывать все большее сопротивление режиму насилия Наполеона III. Профсоюзы, главная сила английского рабочего движения, стали вновь выдвигать политические и экономические требования. Возрождался дух самопожертвования и солидарности, свойственный когда-то движению чартистов. Когда в 1861 году английское правительство вознамерилось предоставить помощь южным американским штатам, английские трудящиеся мощными выступлениями воспрепятствовали этому. А ведь десятки тысяч из них остались без куска хлеба из-за прекращения импорта хлопка. Спустя два года английские и французские рабочие вместе организовали кампанию солидарности с борющимся народом Польши.

Именно Карлу Марксу принадлежит наибольшая заслуга в пробуждении и укреплении духа солидарности рабочих — солидарности с борющимися поляками и выступающими за идеалы свободы американцами. Бурный подъем прогрессивных движений благотворно сказался и на Женни Маркс — она стала легче переносить недуги и, несмотря на всю тяжесть своего состояния, смогла оказывать Карлу всемерную поддержку, помогая ему укреплять контакты с французскими, английскими и, конечно, немецкими рабочими.

Рабочее движение вновь набирало силу, крепло организационно. Совместные выступления рабочих разных стран пробудили стремление к солидарности, преодолевающей границы. Женни Маркс следила за этим начинающимся процессом с не меньшим вниманием и радостью, чем Маркс и Энгельс. В «Манифесте Коммунистической партии» прозвучал призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В те насыщенные революционными событиями годы (1848—1849) у Женни не было более горячего желания, чем помочь рабочим понять, что их главная сила — в интернациональном единении. Глубоко осознав великое значение призыва «Манифеста», Женни навсегда сохранила верность этой высокой цели. Поэтому она не могла не испытывать радости и удовлетворения, когда в начале 1864 года при активном участии Маркса началась подготовка к созданию первой международной организации рабочих, которой суждено было сыграть столь важную роль в борьбе рабочего класса.

Осенью 1864 года пробил решительный час. 28 сентября в лондонском Сент-Мартинс-холле состоялся конгресс, на котором было основано Международное Товарищество Рабочих — I Интернационал, ставший для многих поколений рабочих образцом и эталоном международной солидарности в совместной борьбе против эксплуататоров. В конгрессе приняли участие 2 тысячи рабочих — англичан, французов, итальянцев, поляков, немцев и швейцарцев. Карл Маркс занимал место в президиуме.

Женни Маркс воспринимала это как награду за все страдания, выпавшие на их долю в последние годы. Впервые за много лет ее мужа вновь окружали почет и признание общественности. Еще важнее было то, что теперь для него открывались, как никогда ранее, широкие возможности участвовать в практической политической жизни, нести свое учение рабочим, эффективно поддерживать их движение, указывая им путь и цель.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ КРЕПНЕТ

Основание I Интернационала выдвинуло новые масштабные задачи, решение которых ложилось на плечи Карла Маркса. Пришлось столкнуться с требованиями иного рода и Женни, которая оказалась вновь вовлеченной в гущу политических событий. Если в Союз коммунистов входило несколько сот видных революционеров, то Международное Товарищество Рабочих объединило целые группы и организации рабочих различных стран. Это был огромный прогресс на пути развития международного рабочего движения. Душой новой организации, как отмечал В. И. Ленин, был Карл Маркс ¹.

«Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма... борясь с теориями всех этих сект и школок, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах» ², — писал В. И. Ленин.

Это была нелегкая работа. Ведь в I Интернационале наряду со сторонниками Маркса были представлены и другие направления рабочего движения — социалисты мелкобуржуазного толка, анархисты, социалисты-утописты и деятели английских профсоюзов, отвергавшие революцию и настроенные вести борьбу лишь за политические реформы и экономические требования.

В Германии часть прогрессивных рабочих, входивших во Всеобщий германский рабочий союз, находилась под влиянием Лассалья и его немарксистского, оппортунистического учения о мирном вращении капитализма в социализм. Другая часть входила в Союз германских рабочих обществ, в котором поначалу руководящую роль играли буржуазные либералы и мелкобуржуазные демократы.

Карл Маркс разработал программу Интернационала, знаменитый Учредительный манифест и его Устав. Оба документа были составлены таким образом, чтобы их могли

подписать рабочие самых различных политических взглядов, однако в обоих документах главенствовала ключевая мысль «Манифеста Коммунистической партии», что освободиться рабочие могут только собственными силами и что для того, чтобы создать социалистическое общество, они должны завоевать политическую власть. В Учредительном манифесте был повторен призыв «Манифеста Коммунистической партии»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Неустанными пропагандистами новой организации стали Карл Маркс, Фридрих Энгельс и небольшая группа их верных сподвижников из Союза коммунистов: Иоганн Георг Эккариус, Фридрих Лесснер, Карл Пфендер и Георг Лохнер — твердая опора Маркса в Генеральном Совете, Вильгельм Либкнехт, возвратившийся в Германию, и другие. Распространяя Учредительный манифест, они несли в рабочий класс учение Маркса. Примкнул к ним и воинственный шваб Иоганн Филипп Беккер, тот самый, который во время восстания в Баден-Пфальце 1849 года возглавлял отряд народного ополчения. Он, имевший в Швейцарии маленькую фирму, стал вскоре руководителем женевского комитета немецких секций I Интернационала и с 1866 по 1871 год издавал там для немецкой секции газету «Форботе», одно из лучших печатных изданий того времени.

В сентябре 1866 года после сложной и настойчивой политической подготовительной работы, которую вели Маркс, Энгельс и их сподвижники, состоялся первый конгресс I Интернационала. Он собрался в Женеве. Несмотря на то что Маркс и Энгельс в нем участия не принимали, их сторонники добились одобрения ряда важных марксистских положений. Пришлось выдержать острый поединок с французскими делегатами — по большей части мелкобуржуазными ремесленниками, сторонниками утописта Прудона, которые видели решение социального вопроса в замене крупного капитала ассоциациями мелких производителей. Иными словами, они хотели повернуть вспять колесо истории, питая иллюзию, что социализм может быть построен без низвержения

капиталистического строя. Они отвергали как завоевание рабочими политической власти, так и борьбу профсоюзов за улучшение условий их жизни. Однако в решениях конгресса нашла отражение марксистская идея о том, что политическая борьба должна сочетаться с борьбой экономической.

Несмотря на сопротивление прудонистов, также было принято решение по вопросу равноправия женщины, что наполняло Женни Маркс особым чувством удовлетворения. Хотя она не была рьяной поборницей женской эмансипации, но решительно придерживалась мнения, что женщины должны обладать неограниченным правом участия в общественной и политической жизни. Свидетельством этого является вся деятельность Женни Маркс. В то время как прудонисты требовали запрета женского труда и велеречиво доказывали, что удел женщины — исключительно кухня и дети, марксисты отстаивали право женщины на общественный труд и экономическую независимость и призывали Интернационал вести борьбу за принятие особых законов об охране матери и ребенка. Историческое значение этого решения признают в настоящее время даже те, кто далек от марксизма. В социалистических странах оно претворено в жизнь и наряду с другими мерами, обеспечивающими полное равноправие женщины, стало первоосновой расцвета сил и талантов женщины во всех странах социалистического содружества, свидетелями которого мы являемся сегодня.

Указав женщинам путь к их освобождению посредством борьбы за социализм, Интернационал стал последовательным поборником равноправия женщин, показал пример вовлечения женщин в борьбу рабочего класса. В Англии ширилось движение за участие работниц в деятельности профсоюзов. Англичанка Харриет Ло, одна из активных организаторов профсоюзного движения, женщина необычайной отваги и самоотверженности, в течение некоторого времени была даже членом Генерального Совета I Интернационала.

Несколько лет спустя после конгресса революционное социал-демократическое движение в Германии во главе

с Августом Бебелем и Вильгельмом Либкнехтом стало энергично выступать за вовлечение женщин в классовую борьбу. Женщины Германии внесли неоценимый вклад в пропаганду и организацию Международного профессионального товарищества работников мануфактур, фабрик и ручного труда, созданного в 1869 году. Позднее — во времена исключительного закона против социалистов — они бесстрашно участвовали в подпольной борьбе Социал-демократической партии Германии.

Под влиянием I Интернационала Август Бебель написал известную работу «Женщина и социализм», пробуждавшую во многих поколениях женщин сознание собственной силы и указавшую им путь к жизни без угнетения. На опыт I Интернационала опиралась и Клара Цеткин, представившая на Учредительном конгрессе II Интернационала в 1889 году в Париже свой первый основополагающий доклад по женскому вопросу и требовавшая права женщины на труд и участие в общественной жизни. Ей принадлежит немалая заслуга в том, что решения Женевского конгресса I Интернационала были одобрены конгрессом в Париже.

Как и женщины других наций, француженки не позволили прудонистам изолировать себя от борьбы. Напротив, именно им было суждено продемонстрировать бесстрашие и боевой дух женщин. Уже в 1869 году бастовавшие лионские ткачихи обратились за помощью в I Интернационал и вступили в него. Благодаря поддержке Интернационала они выиграли стачку. Особенно следует отметить героинь Парижской коммуны, которые показали всему миру, на что способны женщины, сколь мужественными они могут быть в борьбе. Женни стала свидетелем не только первых политических выступлений женщин, но и, вероятно, прочитала эпохальный труд Августа Бебеля, впервые увидевший свет в 1879 году.

После Женевского конгресса влияние I Интернационала неуклонно возрастало. Руководимый Карлом Марксом Интернационал помогал рабочим в Швейцарии, Англии, Бель-

гии и других странах во время крупных стачек и забастовок, организуя кампании международной солидарности.

I Интернационал поддерживал рабочих словом и делом, особенно в их политической борьбе. Однако солидарность его распространялась не только на рабочих — она охватывала все освободительные движения. I Интернационал был на стороне борющейся Америки Авраама Линкольна, и, когда тот в 1864 году во второй раз был избран президентом, он направил ему приветственное послание, на которое был получен ответ. Интернационал был на стороне ирландцев, боровшихся против эксплуатации английскими помещиками и капиталистами, он помогал рабочим Германии в их борьбе за национальное единство, французам — в борьбе против господства Наполеона III.

Когда после прусско-австрийской войны 1866 года в Германии стал набирать силу прусский милитаризм, что создавало опасность войны в Европе, Интернационал обратил свое особое внимание на вопрос сохранения мира. Этой проблемой занимался второй конгресс Интернационала, состоявшийся осенью 1867 года в Лозанне. В это время буржуазные поборники мира создали международную Лигу мира и свободы. Она пригласила членов Международного Товарищества Рабочих принять участие в ее конгрессе, проходившем тоже в Швейцарии. Однако Маркс и Энгельс, высоко ценившие гуманизм и демократизм некоторых из представителей лиги, таких, как Виктор Гюго, отклонили это приглашение. Они считали необходимым предупредить рабочих об опасности пацифистских иллюзий, получивших распространение в лиге. Они говорили рабочим, что мир может быть сохранен непосредственно активными действиями и полностью обеспечен только в социалистическом обществе, что рабочий класс должен противопоставить милитаризму и военным устремлениям эксплуататорских классов пролетарский интернационализм. История дала множество подтверждений этой концепции Маркса. Верность ее доказывает и современность, когда содружество социалис-

тических стран во главе с Советским Союзом совместно с силами мира во всем мире уже неоднократно предотвращало развязывание новой мировой войны.

Лозаннский конгресс продемонстрировал, что идеи Маркса в I Интернационале пускали все более глубокие корни, начав вытеснять мелкобуржуазные взгляды и иллюзии. Сам буржуазный мир стал все больше и больше обращать внимание на Международное Товарищество Рабочих. «Вы не поверите,— писала Женни Маркс после конгресса Иоганну Филиппу Беккеру,— какое большое волнение Лозаннский конгресс вызвал здесь во всей прессе. После того как «Таймс» задала тон, ежедневно передавая сообщения о нем, другие газеты уже не считали ниже своего достоинства посвящать конгрессу рабочих не только небольшие заметки, но даже целые длинные передовые статьи. О нем писали не только ежедневные, но и все еженедельные газеты. Естественно, что многие из них говорили о нем свысока и иронично... Когда же он сравнивался со своим сводным братом — Конгрессом мира, это неизменно оказывалось явно в пользу старшего из братьев...»

Гордость Женни была вполне обоснованной. Интернационал стал мощной силой, заставившей уже несколько лет спустя содрогнуться европейские правительства.

ДОМ НА МОДЕНА-ВИЛЛАС

В марте 1864 года Женни и Карл, как уже говорилось, переехали на улицу Модена-виллас, неподалеку от Мейтленд-парк-род, продолжения известного Ридженд-парка. Новый дом был не только красивее, но и просторнее своего предшественника. На нижнем этаже, как почти во всех английских домах, находилась кухня. Здесь хозяйничала Ленхен Демут. Ей помогали сама Женни и ее дочери. Прекрасной кулинаркой оказалась Лаура, любившая осо-

бенно готовить паштеты и другие лакомства. За это она получила прозвище «фея кухни».

По праздничным дням на кухне царило особенно радостное оживление. Под рождество готовили знаменитый английский сливовый пудинг. Занималась этим вся семья. «Приходилось извлекать зерна из изюма,— писала Женни доктору Кугельману (работа эта очень неприятная, липкая),— мелко нарезать миндаль, апельсиновую и лимонную цедру и, добавляя масло, яйца и муку, превращать все это в некое удивительное месиво». Сливового пудинга хватало не только семье Марксов. Дарили его и друзьям, в числе которых была и семья Кугельманов.

На втором этаже находилась гостиная, где принимали гостей и посетителей и иногда проводили совещания. Здесь же был и вошедший в историю кабинет Маркса. Он в деталях описан Полем Лафаргом: «...широкое окно, через которое в комнату попадала масса света, выходило в парк. У стен, по обе стороны камина и напротив окна, стояли книжные шкафы, которые были полны книгами и до самого потолка загружены свертками газет и рукописей. Против камина и с одной стороны окна стояли два стола, заваленные бумагами, книгами и газетами; посреди комнаты, где было много света, стояли очень простой и небольшой рабочий стол (три фута в длину, два фута в ширину) и деревянное кресло. Между креслом и книжным шкафом напротив окна стоял кожаный диван, на который Маркс время от времени ложился, удобно вытянувшись, чтобы отдохнуть. Книги лежали и на камине; тут же были сигары, спички, коробки с табаком, пресс-папье, фотографии его дочерей, его жены, Вильгельма Вольфа и Фридриха Энгельса. Маркс был заядлым курильщиком. «Капитал» не вернет мне даже того, что стоили мне сигары, которые я выкурил, работая над ним»,— как-то сказал он мне»³.

В вестибюле дома старшая дочь Женни, отличавшаяся любовью к садоводству, устроила маленькую оранжерею, которая стала гордостью и радостью всей семьи. Здесь Жен-

ни разводила красивые и редкостные растения. Голландская родня Маркса помогала ей, присылая семена из страны тюльпанов. Младшая дочь Элеонора любила животных. И потому в доме всегда были собаки, кошки и птицы. В одном из писем к Тусси, датированном апрелем 1869 года, Маркс упоминает двух собак, которых звали Виски и Джокко, трех кошек — Замбо, Блэки и Томми и двух птичек — Калипсо и Дикки.

Новый дом также доставлял Женни и ее близким немало хлопот, тем более что деятельность Маркса в Интернационале была связана с немалыми затратами. Постоянным источником ее тревог было все ухудшающееся здоровье мужа. Нередко он неделями был прикован к постели с тяжелым фурункулезом, при этом его мучали не только острые боли, о которых Женни неоднократно упоминала в своих письмах, но и сознание, что всякий раз работа над «Капиталом», близкая к завершению, прерывалась. Тем не менее жизнь семьи Маркса на Модена-виллас протекала гораздо гармоничнее, чем в предшествовавшие годы. Дочери становились взрослыми, в доме появилось много молодежи. Его не покидали веселье, игры, пение и танцы. Свой вклад вносил и Энгельс, присылавший разные лакомства.

Кроме подруг дочерей и друзей по политической деятельности семью посещали родственники. В их числе были и деверь Маркса Юта из Капштадта, и его голландская родня, с которой семью постепенно стали связывать серьезные отношения.

Летом 1865 года у Женни Маркс побывал гость, о котором стоит рассказать особо, так как из документов, найденных в Магдебургском архиве, стали известны новые подробности.

СЕСТРА И БРАТ

В своих воспоминаниях Женни писала: «16 мая неожиданно пришла телеграмма от Энгельса из Манчестера, в которой говорилось: Эдгар фон Вестфален здесь. На другой

день вечером я прижала к сердцу горячо любимого брата, товарища детских игр, спутника юности. Я не видела его 16 долгих лет. Смертельно больной, он вернулся с американской войны на свою старую родину. В течение трех лет ему пришлось сражаться в рядах армии южан и вместе с ней пережить ужасающие страдания, лишения и всяческие бедствия»⁴.

Что же предшествовало этой столь неожиданной и столь волнующей для Женни встрече? В 1851 году Эдгар в третий раз отправился в Америку. Там в Техасе он обзавелся фермой. Затем началась гражданская война, и он остался без средств к существованию. С одной стороны, нужда, а с другой — прямое принуждение привели его в армию южан-рабовладельцев. Велики были его физические и особенно моральные страдания. Сводный брат Фердинанд не прекращал попыток разыскать его. Когда это удалось, он отправил в Америку деньги, пообещав взять все заботы о брате на себя. Эдгару удалось вырваться и отправиться на паруснике в Англию, откуда он собирался переправиться в Германию. И вот совершенно случайно в Манчестере он узнает, что Женни и Карл Маркс, связь с которыми он потерял так давно, живут в Лондоне.

Велика была радость, охватившая Женни при встрече, но еще более сильным оказалось чувство страха. Эдгар вернулся не только тяжело больным, но и полностью сломленным судьбой человеком. «Велика была благодарность и радость в моем сердце,— пишет Женни 27 мая 1865 года Фердинанду фон Вестфалену,— но она утонула в море боли, я бы даже сказала, ужаса, когда я обняла брата, с которым не виделась столь долго. Я бы наверное не узнала его,— таким старым, угасшим, больным и жалким предстал он мне».

Женни и Карл Маркс принялись лечить Эдгара, ухаживать за ним, предложив ему, как пишет 8 августа того же года Женни своему сводному брату, «стол, приют и все, чем обладали сами». Они были рады видеть, как к Эдгару возвращаются силы.

«После шести недель хорошего заботливого ухода он прекрасно поправился,— пишет Женни в своих воспоминаниях,— и снова был в силах каждое утро совершать, несмотря на страшную жару, дальние прогулки во все лондонские парки, которые напоминали ему его прерии, его техасские пустыни»³.

Однако дальние прогулки вовсе не означали, что к Эдгару возвратилось здоровье и способность вернуться к активной жизни, а уж тем более работать. Лишенный всякой энергии, он жил в доме Маркса, не зная, как ему быть дальше. Когда прошло три месяца, Женни серьезно обеспокоилась. Семья Маркс была лишена возможности оставить его на длительное время у себя, и не только по финансовым соображениям, о которых упоминает Женни в письме к брату Фердинанду и Эрнестине Либкнехт.

Она снова написала Фердинанду фон Вестфалену, прося его выполнить свое обещание и пригласить Эдгара в Берлин. Просить пришлось дважды. Лишь в октябре Эдгар уехал. Грустным было для Женни прощание с братом, но было и чувство облегчения.

1 ноября 1865 года Эдгар прибыл в Берлин. Фердинанд фон Вестфален установил ему небольшую пенсию. Позднее с его же помощью Эдгар нашел приют у одного священника в Древице. Затем он получил пост мелкого чиновника в Берлине. Скончался он в возрасте 71 года в церковном приюте в Кройцберге близ Берлина. Отношения его с семьей Маркс ослабли, а затем прекратились вовсе. Но вины Женни в том не было.

ЦЕНТР МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

В доме на Модена-виллас семья Маркса проживала до 1875 года, а затем они сняли дом на той же улице, но поменьше. В течение этих одиннадцати лет здесь билось серд-

це международного рабочего движения, здесь был его мозговой центр, отсюда исходили мощные импульсы.

В скромном кабинете Маркса писались все воззвания и документы I Интернационала, здесь был закончен первый том «Капитала» и в основных чертах созданы второй и третий. Здесь Маркс советовался и работал с Фридрихом Энгельсом. Здесь ему помогали жена и дочери Женни и Лаура, которых с середины 60-х годов он стал вводить в тонкости секретарской работы. В доме Маркса готовились заседания Генерального Совета I Интернационала. После официальных заседаний именно здесь Маркс продолжал обсуждения с наиболее близкими соратниками. Часто сюда приезжали представители и даже делегации от рабочих организаций из различных стран, чтобы получить совет и помощь Маркса. К старым, испытанным друзьям из Союза коммунистов прибавились новые: помимо швейцарцев во главе с Иоганном Филиппом Беккером — французы, бельгийцы и товарищи из Германии, позднее — голландцы, итальянцы, испанцы и русские.

Среди французов были студент-медик Поль Лафарг, инструментальщик Эжен Дюпон, один из участников Июньского восстания в Париже в 1848 году, молодой обувщик Огюст Серрайе и известный французский ученый Гюстав Флуранс, автор значительных работ по этнографии. Он преподавал в Коллеж де Франс, был страстным поборником свободы. В 1870 году ему пришлось бежать из страны, так как его обвиняли в участии в заговоре против Наполеона III. Эжен Дюпон, Огюст Серрайе, Гюстав Флуранс покрыли себя неувядаемой славой во времена Парижской коммуны.

Маркс уделял много внимания товарищам по Интернационалу, особенно молодым. В них он видел основателей и руководителей будущих национальных боевых марксистских партий, для которых Интернационал прокладывал дорогу.

Женни Маркс встречала их с той же сердечностью, как и

давних друзей. Она следила за работой Генерального Совета, о заседаниях которого — по свидетельству Эдуарда Бернштейна — Карл Маркс рассказывал ей обычно уже в тот же вечер. Женни была в курсе всех проблем Интернационала и, как всегда, спорила с Марксом, когда речь заходила о принципах марксизма и о тактике рабочего движения. В интересах дела она вела и обширную корреспонденцию.

Как и в прежние годы, Женни часто передавала пожелания, предложения и советы Маркса его соратникам. Но многие импульсы исходили и непосредственно от нее. Опытная революционерка, она обладала безошибочным чутьем на все поверхностное, ненаучное, оппортунистическое и противоречащее интересам рабочего класса. Ее авторитет среди новых сподвижников был столь же велик, как и у старых друзей.

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Из числа новых соратников Карла Маркса Женни более других симпатизировала Иоганну Филиппу Беккеру. С ним она познакомилась в 1865 году, когда он приехал на конференцию I Интернационала в Лондон. С тех пор у них завязалась интенсивная дружеская переписка. Она восхищалась его отвагой, боевым духом и энергией, с которыми он отстаивал марксистское учение; нравился ей его энергичный народный язык. Однажды она назвала его немецким Гарибальди. В одном из писем Женни сравнила его язык с языком Лютера. О том, насколько сердечной была их дружба, свидетельствует письмо, которое Женни написала Беккеру после того, как они снова встретились в 1872 году на конгрессе I Интернационала в Гааге: «Надеюсь встретить Вас на следующем конгрессе на земле Швейцарии в прежнем блеске духа и прекрасной физической форме и оставляю за Вами первый вальс и хоппер *».

* Швейцарский народный танец. — *Прим. пер.*

Этой встрече не суждено было состояться, потому что конгресс в Гааге оказался для I Интернационала последним. Однако своего старого друга Женни удалось повидать еще раз — в 1875 году, когда она приехала в гости в Женеву.

Женни очень высоко ценила Гюстава Флуранса. Ее привлекали в нем блестящий ум и рыцарский дух, побуждавший его, где бы он ни находился, решительно выступать на стороне угнетенных и обездоленных. Вместе со старшей дочерью Женни легко удалось увлечь Флуранса борьбой ирландцев — он даже перевел на французский язык некоторые из стихов героя ирландского движения освобождения О'Донован-Росса.

Из младшего поколения учеников Карла Маркса с особой симпатией Женни относилась к венгерскому революционеру Лео Франкелю. Он работал во Франции ювелиром. Впервые в доме Марксов появился в конце 60-х годов. Стал одним из видных представителей I Интернационала в Париже, позднее — членом Парижской коммуны и одним из ее выдающихся руководителей. Классовый французский суд приговорил его к смертной казни. Франкель эмигрировал в Лондон, где начал работать в обществе немецких рабочих. В середине 70-х годов он решил вернуться на родину или уехать в Германию, чтобы продолжить свою работу там. Женни очень об этом сожалела. Ею было написано необычайной сердечности письмо, в котором она давала ему множество советов и рекомендовала его своим друзьям в Германии: «А теперь, дорогой друг, несколько слов перед расставанием, надеюсь недолгим... Тому, кто достиг апогея, а вернее, перигея своей жизни, расставание с одним из самых верных и лучших друзей всегда очень больно. Как часто, дорогой мой Франкель, буду я думать о Вас. Как часто буду по воскресеньям смотреть в окно: не идет ли наконец Франкель. В последние мрачные годы я так часто черпала утешение и мужество в Ваших полных уверенности словах, сказанных на родном нам языке.

Пусть самые лучшие и теплые пожелания сопровождают

Вас по пути на Вашу старую и новую родину. Если же Ваши мысли время от времени будут отправляться за море, не забудьте и Вы вспомнить о Вашей старой подруге, любящей Вас сердечно...»

Лео Франкель полностью оправдал то доверие, с которым относились к нему Женни Маркс, Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Он стал выдающимся руководителем революционного движения рабочих в Венгрии.

С материнской заботой Женни относилась к Полю Лафаргу, также одному из представителей младшего поколения друзей Карла Маркса. Молодой креол за участие в международном конгрессе студенческой молодежи в Льеже был исключен из Парижского университета. Учебу продолжил в Лондоне, где стал близким соратником Маркса. В августе 1866 года он обручился с Лаурой Маркс.

«Вот уже несколько недель как Лаура помолвлена,— писала Женни Маркс своей подруге Эрнестине Либкнехт,— и насколько можно судить, помолвлена счастливо... Примерно два месяца назад брат Орсини вместе с двумя французами вступил в Международную ассоциацию. Они были сторонниками Прудона и в качестве таковых появились в нашем доме. Младшим среди них был двадцатичетырехлетний медик Поль Лафарг. Он все чаще приходил в наш дом, и я с наивностью полагала, что он приходит, чтобы почерпнуть у Карла, взгляды которого он вскоре принял, знания по политике, философии и т. д. Велико же было мое удивление, когда он вдруг попросил руки Лауры... В день рождения Лауры, 26 сентября, когда ей исполнился 21 год, она получила в подарок столь известное «engaged ring» *.

В этом письме Женни Маркс высоко отзывается о славном характере своего будущего зятя, его доброте, широте, благородстве и преданности Лауре. Зная по собственному опыту, сколь трудным может быть длинный период между обручением и бракосочетанием, она была за то, чтобы

* Обручальное кольцо.— *Прим. пер.*

свадьба состоялась как можно быстрее. Этот день наступил 2 апреля 1868 года, после того как Лафарг получил патент врача. Еще полгода он стажировался в лондонском госпитале Св. Варфоломея, а затем молодая чета перебралась в Париж. Там она вскоре установила контакты с французским рабочим движением и внесла большой вклад в распространение марксистской теории и идей I Интернационала. 1 января 1869 года в семье Лафаргов родился первый ребенок, мальчик, получивший шутовское прозвище Шнапс. В действительности же его звали Шарль Этьен. Спустя год родилась девочка.

Женни Маркс была этим несколько обеспокоена. Сообщая Фридриху Энгельсу эту новость, она писала: «Я надеюсь, что этот быстрый темп прекратится. Иначе скоро придется петь: 1, 2, 3, 4, 5, 6...

10 маленьких негритят!»⁶.

Девочка, однако, была очень слабой и умерла, когда ей было два месяца. Во время франко-прусской войны родился третий ребенок. Но и ему был отпущен очень короткий век — всего семь месяцев. Вскоре скончался от дизентерии и первенец Шарль Этьен. В это время Поль и Лаура Лафарг после поражения Парижской коммуны были вынуждены эмигрировать в Испанию. В отчаянии от того, что он не смог спасти своих троих детей, Поль Лафарг прекратил занятия медициной. Больше детей у Лафаргов не было.

НА СТОРОНЕ ИРЛАНДСКИХ БОРЦОВ ЗА СВОБОДУ

Женни Маркс участвовала в очень многих акциях Интернационала, принимая их близко к сердцу. В 60-е годы она уделяла особое внимание борющемуся за свою свободу народу Ирландии. Как, впрочем, и вся ее семья. Ирландский вопрос в Англии тех лет играл весьма существенную роль. В 1867 году ирландцы под руководством революционной организации фениев поднялись против грабежа и угне-

тения их народа господствующими классами Англии. Английское правительство с крайней жестокостью подавило восстание. Было арестовано множество сторонников фениев. Их бросали в тюрьмы, пытали, многих казнили, остальных отправили в ссылку. Всех, в ком были живы гуманные чувства, охватило возмущение. «Все мы без исключения — убежденные фении»⁷, — писала старшая дочь Маркса в конце 1869 года Кугельману. Правда, это было не совсем верно, поскольку Маркс и его сподвижники отвергали методы индивидуального террора, к которым после поражения ирландцев прибегали члены фенийской организации. Однако вся семья действительно была на стороне истекающего кровью ирландского народа.

Под руководством Карла Маркса I Интернационал стал инициатором мощного движения солидарности английских рабочих с борющимися ирландцами, которым пришлось вынести неисчислимые страдания. В октябре 1869 года в Гайд-парке состоялся огромный митинг, участники которого требовали амнистии арестованным борцам за свободу. Рядом с красными знаменами реяли зеленые флаги Ирландии. Среди 100 тысяч участников митинга были Женни и Карл Маркс, а также их две дочери, еще жившие с родителями.

Движение протеста достигло огромного размаха повсюду, в том числе и в самой Ирландии. Особую радость испытала семья Маркса, когда жители ирландского города Типперери демонстративно избрали ирландского поэта и борца за свободу О'Донован-Росса, приговоренного к пожизненному заключению, своим представителем в парламенте, чем сильно шокировали чопорную Англию.

«В тот же день, когда пришло известие об избрании Донована, мы все плясали от радости»⁸, — рассказывает дочь Маркса Женни в уже упоминавшемся письме доктору Кугельману. В ту пору ей было 25 лет, и под влиянием борьбы Ирландии за свободу она делала первые самостоятельные шаги в политике. Под псевдонимом Дж. Уильямс она опубликовала во французской газете «Марсельеза» глубокие и

написанные блестящим языком статьи. В них освещался ирландский вопрос и сообщались ужасающие факты о пытках, которым подвергались брошенные в застенки ирландцы. Статьи получили международное признание и вызвали в Англии даже запросы в парламенте. Официальная английская пресса ответила кампанией беспощадной травли. Статьи Женни способствовали подъему мощного движения против политики английского правительства в отношении Ирландии. В конце концов правительство вынуждено было выпустить большинство арестованных фениев и дать разрешение на их выезд в Америку. Женни была постоянным корреспондентом «Марсельезы» по ирландскому вопросу.

О Германия, моя далёкая любовь



ЗА СЧАСТЬЕ РОДИНЫ

Генрихом Гейне были когда-то написаны строки: «О Германия, моя далекая любовь». Тоска по родине жила и в сердце Женни в течение долгих лет эмиграции. Часто в ее письмах слышится боль разлуки с родиной, тоска по отечеству, а нередко и сожаления по поводу того, что в силу обстоятельств ее дочери выросли не немками, а англичанками. Естественно, что за всеми событиями, и в частности политическими, происходившими в Германии, она следила с особым вниманием. Она штудировала немецкую прессу и всегда подробно расспрашивала гостей, приезжавших из Германии. От ее внимания не ускользнули процессы, происходившие в результате стремительного развития капитализма в среде немецкого рабочего класса. Возрастала, как и везде, его численность, но особенно увеличивалась доля промышленных рабочих. Усиливалась напряженность между пролетариатом и буржуазией. В 50-е годы имел место ряд экономических выступлений, носивших в период мирового экономического кризиса 1857—1858 годов ожесточенный характер,— рабочие начали решительную борьбу против

последствий кризиса. Все это привело к подъему рабочего движения. Во многих местах возникали рабочие общества и другие организации трудящихся. Рабочие и ремесленники участвовали во вновь возродившемся движении по созданию гимнастических и военно-спортивных обществ. Всюду, где немецкий народ мог выразить свое стремление к свободе и единству, рабочие находились в первых рядах. Создание революционной партии рабочих стало задачей, настоятельно требовавшей своего решения. Тем более что теперь гораздо острее, чем в 1848 году, на фоне прогресса в экономическом развитии перед нацией встала проблема объединения Германии, а вместе с ней и проблема выбора пути, на котором это единство могло быть достигнуто.

Немецкая буржуазия стремилась к единству под эгидой прусского милитаризма, единству, которое неизбежно должно было привести к подавлению свободы и к политике войн и завоеваний. Свободолюбивая Германия, напротив, боролась за единство на демократической основе, которое могла принести борьба революционного народного движения против господства князей, юнкеров и их приспешников.

Но кто же должен был возглавить это движение? Мелкая буржуазия и интеллигенция, находясь между пролетариатом, которого они уже начали побаиваться, и буржуазией, годились на это в еще меньшей степени, чем во время революции 1848—1849 годов. Поэтому только рабочий класс мог выступить в роли предводителя всех сил народа. Но для того чтобы осуществить эту миссию общенационального значения, ему нужна была собственная революционная партия.

Карл Маркс часто обсуждал с Фридрихом Энгельсом вопрос, что необходимо сделать, чтобы подготовить почву для создания революционной марксистской рабочей партии Германии, и столь же часто беседовал об этом со своей женой. Женни обладала кругозором и революционным опытом, позволявшими ей во всей глубине постичь значение этого вопроса. Она энергично поддерживала усилия Маркса

и Энгельса, не упуская для этого ни одного представившегося случая и используя все встречи и беседы с друзьями из Германии. В частности, в 1856 году Маркс и Энгельс вели дискуссию с представителями коммунистических групп Рейнской провинции о политике, которую коммунистам следовало бы избрать в момент наступления нового революционного подъема. В тот период Женни не только участвовала в беседах, которые велись с рейнскими друзьями в Лондоне, но и выполняла поручения Маркса, вступив в контакт с коммунистическими группами в Кёльне. Вероятно, она даже посетила кёльнских товарищей во время своей поездки в Трир. Знание ситуации и способность к реальному мышлению позволяли Женни глубоко понять, что создание революционной партии рабочих в Германии требовало не только большого труда и терпения, но и значительно больше энергии и смелой инициативы, чем можно было ожидать от мелких коммунистических групп, вновь возникших после кёльнского процесса. Помимо того что радиус действия их был весьма ограничен, им явно недоставало сильных лидеров.

Женни дала свое согласие на то, чтобы Карл Маркс, на случай, если возвращение в Германию станет необходимым, в 1862 году вновь подал прошение о получении прусского гражданства. Она полностью разделяла и его большую решимость создать новую центральную газету в Германии. После неудачи этого плана Женни стала с еще большим нетерпением следить за событиями на родине, вызывавшими у нее иногда весьма нелестные оценки.

«Когда живешь за границей, почти позор быть немцем и почти честь быть пруссаком!! Можно ли представить себе что-нибудь более достойнее презрения, чем тот спектакль, который разыгрывает Пруссия? — писала она еще в июле 1863 года Берте Маркгейм. — Неизвестно, кто более убог — король, министр, камарилья или покорный народ и прежде всего жалкая, трусливая и пресмыкающаяся, безголосая пресса!» Когда Женни в порыве гнева наряду с королем,

камарильей и буржуазной прессой (рабочей прессы тогда не существовало) упоминает и народ, то она имеет в виду буржуазную и мелкобуржуазную массу. Слишком крепки были узы, связывавшие ее с рабочим классом, чтобы она могла не заметить новый подъем немецкого рабочего движения.

ЖЕННИ МАРКС О ФЕРДИНАНДЕ ЛАССАЛЕ

Когда Женни писала письмо Берте Маркгейм, прошло уже два месяца с того времени, как 23 мая 1863 года в Германии под предводительством Лассалья был основан Всеобщий германский рабочий союз. Как писал В. И. Ленин, Лассаль превратил рабочий класс «из хвоста либеральной буржуазии в самостоятельную политическую партию»¹. Но Лассаль нес в рабочий класс и свою псевдотеорию, согласно которой рабочий класс якобы мог прийти к социализму с помощью прусско-милитаристского государства без буржуазно-демократической и социалистической революций, а его оружием или, точнее говоря, спасением от всех напастей должно было служить всеобщее избирательное право. Лассаль отвергал даже профсоюзы и борьбу рабочих за повышение заработной платы, равно как и боевые союзы рабочего класса с крестьянством и средним сословием, которые он называл не иначе как реакционной массой. Лассаль стал отцом реформизма и оппортунизма в германском рабочем движении. Его политика привела к сотрудничеству с Бисмарком, «прямо по кривой — в лагерь бисмаркианцев», как шутила Женни Маркс в беседе с Энгельсом.

В письме Женни к Берте Маркгейм Всеобщий германский рабочий союз вообще не упоминается. Это свидетельствует о том, что она ни на секунду не сомневалась, что организация, основанная Лассалем, не является революционной рабочей партией Германии, и с самого начала относилась к ней с крайним недоверием.

В то же время Женни Маркс отдавала должное талантам Лассалья. После кёльнского процесса над коммунистами, когда предпринималась попытка нелегальным путем ввезти в Германию работу Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», она сотрудничала с ним. Переписывалась с ним она и позднее. Но Женни не обнаружила у Лассалья тех качеств, которые, по справедливости, ожидала найти в вожде революционных рабочих: научной марксистской ясности сознания, понимания исторической роли рабочего класса, самоотверженности и безусловной преданности революции. Ещё в 1856 году в беседе с французским полковником Турутом Женни критиковала образ жизни, который вел Лассаль, как недостойный революционера. Он получил наследство и проматывал его с графиней Гацфельд, известной политической авантюристкой. Резкую антипатию вызывали у Женни Маркс театральность манер и болезненная расточительность Лассалья.

В науке и искусстве Женни Маркс считала Лассалья дилетантом. После того как он побывал в гостях у Маркса в июле 1862 года, она писала в своих воспоминаниях: «Он с трудом нес бремя славы, которую стяжал себе как ученый, мыслитель, писатель и политический деятель... Сильная борьба раздирала его душу. Он не затронул еще многих отраслей науки! Оставалась еще неприкосновенной египтология. «Должен ли я теперь удивить мир как египтолог или же проявить свою многогранность как человек действия, как политик, как борец, как солдат?» Великая дилемма! Он не мог разобраться в собственных мыслях и чувствах, и эта внутренняя борьба часто находила поистине громогласное выражение. Он как вихрь носился по нашим комнатам, громко разглагольствуя, жестикулируя и часто повышая голос до такой степени, что наши соседи, испуганные этим невероятным криком, справлялись, что у нас случилось. Это была внутренняя борьба великого человека, которая выражалась в пронзительных диссонансах»².

Особенно острое неприятие у Женни, которая была сама

скромность и всегда ставила интересы движения выше своего собственного «я», вызывал культ личности, которым окружил себя Лассаль. С язвительной иронией она называла его новым мессией, «которому создавался едва ли имеющий себе равный в истории культ»³. И менее всего Женни могла простить те теоретические заблуждения, которые Лассаль нес в рабочий класс Германии.

В воспоминаниях Женни Маркс о политической деятельности Лассалья мы находим такие слова: «Он вернулся в Берлин и вместо того, чтобы проявить себя как египтолог, или солдат, или политический деятель, или писатель, или мыслитель, он избрал еще непроторенный путь — путь мессии рабочих. Шульце-Делич уже ряд лет возглавлял движение рабочих за создание ссудо-сберегательных касс; Лассаль выступил против него, и тогда началась «новая эра эмансипации рабочих — движение, какого Европа еще не видывала, — великое, единственно возможное освобождение угнетенных классов путем прямого избирательного права и всеобщего равноправия». Лассаль объезжал Германию в качестве мессии и апостола, одна за другой следовали брошюры, и возникло рабочее движение, которое правительство молчаливо терпело и таким образом косвенно поощряло, ибо оно было ему очень на руку в политической борьбе с развивающейся и довольно-таки мешающей ему партией прогрессистов.

Что касается «лассалевского учения», то оно состояло из бессовестного плагиата доктрин, разрабатывавшихся Карлом в течение 20 лет, и нескольких собственных добавлений прямо реакционного характера, из чего получилась весьма своеобразная смесь правды и вымысла»⁴.

Критика Женни Маркс в адрес Лассалья не свободна от эмоциональности. Исторические заслуги Лассалья обойдены молчанием. Однако она весьма точно подмечает главные пороки Лассалья, а ее огорчения по-человечески вполне понятны. В те годы, столь важные для выбора пути, по которому предстояло пойти Германии, Лассаль с его уче-

нием вносил смятение в ряды рабочего класса и мешал созданию рабочей партии на марксистской основе. Но еще острее, чем самого Лассалья, Женни критиковала тех, кто после его смерти оказался во главе созданной им организации. В письме к Энгельсу 30 марта 1865 года она называет их просто «социал-негодяи», и не без основания: они пошли на открытую сделку с Бисмарком и сеяли братоубийственную рознь в рядах организованных рабочих.

СОЗДАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МАРКСИСТСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ В ГЕРМАНИИ

Женни Маркс, столь решительно отвергавшая политику Лассалья, с большим вниманием следила за дальнейшей борьбой вокруг создания революционной рабочей партии в Германии. Карл Маркс в Генеральном Совете I Интернационала был секретарем-корреспондентом для Германии, и в этой работе Женни помогала ему с особой энергией. Сохранилась сделанная ею копия одной части четвертого ежегодного отчета Генерального Совета Интернационала, который был представлен Брюссельскому конгрессу 1868 года. В ней речь идет об успехах Интернационала в Германии. Сохранилось также письмо Женни Маркс немецкому социалисту Зигфриду Мейеру в Берлин, в котором излагаются соображения Карла Маркса о новом издании «Манифеста Коммунистической партии». Оно должно было выйти в Германии.

Не менее живое участие, чем Маркс и Энгельс, Женни принимала в деятельности Вильгельма Либкнехта и Иоганна Филиппа Беккера, которые внесли решающий вклад в дело распространения идей Интернационала в Германии.

Вильгельм Либкнехт со своей супругой и совсем еще маленькой дочерью в 1862 году по амнистии вернулся в Германию. Женни сознавала, что этот шаг Либкнехта был важен и необходим. Тем не менее расставание со старыми

друзьями, с которыми ее связывали многие годы совместной борьбы и лишений и которые верностью платили за верность, было нелегким. С ними у нее сохранились тесные отношения не только по соображениям политическим — то была настоящая дружба. «Сейчас вокруг меня тишина и покой; все мои домочадцы отправились на вечернюю прогулку. Поэтому я решила уделить этот часик покоя и отдыха теперь, спустя год после последнего письма, доверительному общению с Вами. Хочу прежде всего поблагодарить от всего сердца за славное, теплое и участливое письмо,— пишет она в 1865 году Эрнестине Либкнехт.— Часто приходится заставлять себя взяться за перо. А ведь это так нелепо — в конечном счете нет большей радости, чем выговориться, особенно со старыми друзьями, перед которыми нет ощущения скованности и которые на собственном тяжком опыте способны все понять и глубоко, сердечно сопереживать. Но как мало таких друзей и какие долгие-долгие годы должны пройти, прежде чем сложится настоящая дружба...»

В ту пору семья Либкнехтов жила в Берлине в крайней стесненности и бедности. Бисмарк, ставший в 1862 году премьер-министром Пруссии, предпринимал попытки подкупить Либкнехта и некоторых других деятелей демократических убеждений. Поскольку это ему не удавалось, он принялся методично лишать его тех скромных средств к существованию, которые тот добывал тяжким журналистским трудом. По указанию Бисмарка полиция тоже, как могла, стремилась отравлять Либкнехту существование. По временам семья спасалась от голодной смерти тем немногим, что могли прислать Маркс и Энгельс. И тем не менее, неустранимый боец и пламенный пропагандист, Либкнехт вел активную работу в рядах весьма многочисленной лассалевской организации в Берлине, страстно агитируя против реформистских и пропрусских идей руководства союза. Опираясь на помощь и поддержку Маркса и Энгельса, он убеждал рабочих, что полагаться им следует

только на собственные силы и что против прусского милитаризма, за единую демократическую республику в Германии им следует бороться вместе с зарубежными братьями по классу. Вильгельм Либкнехт завоевал доверие сознательных берлинских рабочих и на Лондонской конференции I Интернационала, состоявшейся в сентябре 1865 года, с гордостью сообщал, что во всех значительных отделениях Берлинского рабочего союза Учредительный манифест был встречен с восторгом. В июле 1865 года Бисмарк, подстрекаемый предводителями лассалевской организации, дал указание о высылке Либкнехта из Берлина и Пруссии. Особая подлость этого решения заключалась в том, что жена Либкнехта, у которой незадолго до того родилась вторая дочь, была тяжело больна. Сказались лишения эмиграции и берлинского периода. Когда же в конце 1866 года Либкнехт все же приехал в Берлин и выступил там перед типографскими рабочими, он был арестован.

Велика была тревога Женни Маркс за своих друзей. Чтобы ободрить Эрнестину Либкнехт, она спешно написала ей:

«...Милая моя подруга! Не допускайте того, чтобы все это вас слишком угнетало. Мне самой в прежние годы политических преследований довелось столько выстрадать, что я тоже прекрасно знаю, чего все это стоит. Но честно говоря, в наших буднях бывают намного более жуткие столкновения и страдания, чем те, что выпадают нам в жизни политической. В принципе Пруссия мало что может поставить вашему мужу в вину, да и мало что может сделать ему. Так что скоро он будет на свободе. А с другой стороны, это и поможет ему, укрепит его положение в партии. Кроме того, я по собственному опыту знаю, что в особо кризисных ситуациях друзья и товарищи по партии часто приходят на помощь и скорее готовы что-нибудь сделать для жены и детей, чем тогда, когда муж активно работает на свободе. Поэтому — мужайтесь и помните, что всякое страдание, конец которого уже не за горами, человек может вынести,

особенно такой, который выстрадал столько, сколько Вы, и показал себя таким смелым, стойким и самоотверженным». Однако это полное человеческого участия письмо не смогло помочь Эрнестине Либкнехт — в ту пору она была уже смертельно больна и вскоре скончалась.

А вот предсказания Женни Маркс сбылись. Преследования Либкнехта ударили по Бисмарку как бумеранг. Из Берлина Либкнехт отправился в Лейпциг, где объединил свои усилия с Августом Бебелем, уже тогда находившимся на пути к марксизму. С того времени они вместе боролись во главе немецких рабочих за дело I Интернационала, связанные неразрывной дружбой.

Энергичным борцом за дело I Интернационала проявил себя и Иоганн Филипп Беккер, создавший в Германии ряд секций. Он работал на юге и западе Германии. Нередко Женни передавала ему задания от Карла Маркса и информацию о международном рабочем движении, оказывала помощь, организуя перевозку экземпляров «Коммунистического манифеста» через Францию и Швейцарию. Женни Маркс особо ценила и поддерживала журналистскую работу И. Ф. Беккера, издававшего журнал «Форботе». «Ваш журнал «Vorbote», — писала она сразу после его выхода в свет, — необыкновенно понравился Карлу и мне. Что за мужественный язык и мужественная суровость!»⁵

В своем журнале Иоганн Филипп Беккер опубликовал несколько писем Женни Маркс. В их числе был и уже упоминавшийся отчет о воскресных лекциях Томаса Гексли для английских рабочих.

ЭЙЗЕНАХЦЫ

Усилия, которые предпринимали Карл Маркс и его соратники в распространении идей I Интернационала в Германии, не остались бесплодными. Это наглядно проявилось весной 1866 года, когда Бисмарк приступил к последним приготовлениям для войны с Австрией, чтобы вытеснить ее

из Германского союза и тем самым окончательно укрепить доминирующее положение Пруссии в Германии. Эти устремления натолкнулись на мощную волну народного движения, главной силой в котором был рабочий класс. Руководили им Август Бебель и Вильгельм Либкнехт. Наиболее сильным это движение было в Саксонии, хотя влияние его выходило далеко за ее границы. Предотвратить братоубийственную войну не удалось. Она началась в июне 1866 года и уже через несколько недель окончилась победой Пруссии.

Под эгидой Пруссии на федеративной основе был создан Северогерманский союз, в который кроме ряда мелких государств вошла Саксония, Бавария, Вюртемберг, Баден и Гессен-Дармштадт установили с ним тесные экономические отношения на договорной основе. Ганновер, Кургессен, Нассау и Шлезвиг-Гольштейн, равно как и вольный город Франкфурт-на-Майне, были аннексированы Пруссией.

Из выступлений 1866 года рабочее движение вышло окрепшим и политически созревшим. В начале 1867 года состоялись выборы в северогерманский рейхстаг. Рабочие Саксонии избрали своим представителем в парламент Августа Бебеля. В том же 1867 году состоялись вторые выборы, на которых в парламент был избран и Вильгельм Либкнехт. Бебель и Либкнехт отстаивали в этом парламенте не только экономические и социальные интересы рабочих. Они использовали трибуну северогерманского рейхстага для непримиримой борьбы против основного врага немецкого народа — прусского милитаризма. Революционно настроенные рабочие Германии все решительнее отходили от либеральной буржуазии, осознавая собственную политическую силу.

В августе 1869 года немецкое рабочее движение сделало крупный и решительный шаг вперед. Под руководством Августа Бебеля в Эйзенахе была основана Социал-демократическая рабочая партия, которую называли просто Эйзенахской партией. Зародившись в борьбе против оппорту-

низма Лассалья и под непосредственным влиянием Маркса и Энгельса, Социал-демократическая рабочая партия была партией марксистской, боровшейся за истинные интересы рабочего класса и тем самым — за будущее всей нации. В отличие от Лассалья и его сторонников, она стояла на почве классовой борьбы и последовательно выступала против прусско-германского милитаризма, за мирную, демократическую Германию. Партия была верна I Интернационалу, пролетарскому интернационализму. Создание Социал-демократической рабочей партии стало значительной победой марксизма в рабочем движении Германии.

Женни Маркс внимательнейшим образом следила за ходом заседаний в Эйзенахе. Хотя, как явствует из письма, направленного ею Иоганну Филиппу Беккеру, поначалу она не полностью оценила историческое значение основания Эйзенахской партии. От нее ускользнули те изменения, которые произошли в партии Лассалья. Вероятно, поэтому она опасалась, что вступление многих лассальянцев в эту партию могло ослабить влияние Маркса на нее. Но вскоре картина прояснилась. Новая партия продемонстрировала твердую и неуклонную верность Интернационалу, и уже скоро Маркс и Энгельс стали называть ее *своей* партией.

ПЕРВЫЙ ТОМ «КАПИТАЛА»

В разгар этих событий 14 сентября 1867 года в Гамбурге вышел в свет первый том «Капитала». Завершения этого труда Женни ожидала с трепетом. «Если книготорговец в Гамбурге * действительно сможет печатать так быстро, как он говорит,— писала она 24 декабря 1866 года Фридриху Энгельсу,— то книга во всяком случае появится к пасхе. Какая радость видеть перед собой рукопись столь огромного размера и в начисто переписанном виде! У меня гора с плеч свалилась...»⁶

* Мейснер.— *Ред.*

В апреле 1867 года Маркс отправился в Германию, в Ганновер, чтобы лично следить за изданием тома. Сердечно принятый в доме доктора Кугельмана, он провел в Ганновере несколько недель, которые причислял к «прекраснейшим и самым отрадным оазисам в жизненной пустыне»⁷. Слова эти были сказаны, видимо, не только под впечатлением сердечного приема, но и того глубокого удовлетворения, которое принесло ему издание его произведения, потребовавшего столько труда, столько усилий духа и столько жертв.

«Я надеюсь и твердо убежден,— писал он из Ганновера Фридриху Энгельсу,— что через год мои денежные дела настолько поправятся, что смогу коренным образом улучшить свое экономическое положение и стать, наконец, снова на собственные ноги. Без тебя я никогда не мог бы довести до конца это сочинение, и — уверяю тебя — мою совесть постоянно, точно кошмар, давила мысль, что ты тратишь свои исключительные способности на занятия коммерцией и даешь им ржаветь главным образом из-за меня, да в придачу еще должен переживать вместе со мной все мои мелкие невзгоды»⁸.

Что писал или говорил Карл Маркс в это время своей жене, нам неизвестно, но мы можем быть уверены, что ей он был в не меньшей степени благодарен, чем своему другу. Женни также не могла забыть тех огромных жертв, которых стоил этот труд. «Поверьте мне, дорогой г-н Кугельман,— писала она 24 декабря 1867 года,— вряд ли какая-нибудь книга писалась в более тяжелых условиях, и я вполне могла бы написать тайную историю ее создания, в которой открылось бы много, бесконечно много скрытых забот, тревог и мучений»⁹. Горя нетерпением, как всегда, когда речь шла о работе мужа, она добавляет: «Если бы рабочие имели представление о жертвах, которые пришлось принести для завершения этого труда, написанного лишь для них и в защиту их интересов, они, вероятно, сами проявили бы несколько больше интереса»¹⁰. Однако уже вскоре ей

суждено было увидеть первые результаты воздействия на рабочее движение этого эпохального труда. После основания Эйзенахской партии в Германии начался процесс глубинного освоения идей «Капитала». Август Бебель, Вильгельм Бракке, Иосиф Дицген, Вильгельм Либкнехт и постоянно ширящийся круг рабочих руководителей изучали это произведение, знакомили с ним и революционных рабочих. В «Капитале» они нашли научное обоснование программы рабочего движения, сделав его основой всех своих действий.

В пропагандирование этого труда внесла свой вклад и Женни.

В письме к Иоганну Филиппу Беккеру, вероятно предназначенному для публикации, она отмечает: «Если Вы уже обзавелись книгой Карла Маркса, то советую Вам поступить как я: не продираясь сквозь диалектические ухищрения первых разделов — в случае, если Вы не проделали этого уже! — начать с чтения глав о первоначальном накоплении капитала и современной теории колонизации. Я уверена, что эта часть вызовет у Вас, как и у меня, чувство глубокого удовлетворения. Конечно, Маркс не предлагает панацеи от всех бед, которой так громогласно требует буржуазный мир, называющий себя теперь социалистическим, — ни таблеток, ни мазей, ни отваров для излечения зияющих кровоточащих ран нашего общества. Исходя из понимания возникновения современного общества как исторического процесса, он пришел к практическим результатам, увидел возможности их применения, сделал самые смелые выводы и, что было далеко не просто, с помощью статистических фактов и диалектических маневров заставил удивленного филистера с помощью статистических фактов и диалектических маневров воспарить до головокружительной высоты следующих строк: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция... * Многие не помня-

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 761.

шие родства капиталы, функционирующие в Соединенных Штатах, представляют собой лишь вчера капитализированную в Англии кровь детей... * Если деньги... рождаются на свет с кровавым пятном на одной щеке, то новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят» **. Или весь отрывок: «Бьет час капиталистической частной собственности» *** и т. д. до конца. Я должна искренне признаться, что меня потряс этот лишенный вычурности пафос и история предстала мне ясной, как солнечный свет».

Беккер опубликовал этот и другие отрывки из письма в своем журнале. Так оно стало достоянием многих немецких рабочих.

Еще в одном письме Женни Беккеру говорится о том, что она вместе с Карлом Марксом принялась за перевод «Капитала» на французский язык. В 1872 году, когда появился первый перевод первого тома «Капитала» — перевод на русский язык, вышли в свет и первые отдельные выпуски французского издания.

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 766.

** См. там же, с. 770.

*** См. там же, с. 773.

И снова буря



«ЭТА УЖАСНАЯ ВОЙНА»

Для I Интернационала наступило время тяжелых испытаний, ставшее для Женни и ее семьи днями суровой борьбы. В середине июля 1870 года Франция объявила войну Пруссии. Три года Бисмарк готовил эту войну как завершающий аккорд своей политики объединения и вот спровоцировал ее. Она нужна была ему не только для сдерживания бонапартистской Франции, которая, стремясь к расширению своего влияния, пыталась не допустить объединения Германии, но и для окончательного закрепления главенствующего положения Пруссии в Германии.

Рабочий класс делал все для предотвращения войны. Незадолго до ее начала, 12 июля, парижская секция Интернационала опубликовала манифест «К рабочим всех наций», который гласил:

«Политическое честолюбие, под предлогом европейского равновесия и защиты национальной чести, снова угрожает всеобщему миру. Французские, немецкие, испанские рабочие! Соединим наши голоса в один общий крик возмущения против войны!.. Война из-за вопроса о преобладании или война в интересах какой-нибудь династии в глазах рабочих может быть лишь преступным безумием. Мы, — те, кто хочет

мира, работы и свободы, — мы протестуем против воинственных кличей тех, кто может откупиться от «налога крови» и для кого общественные несчастья служат источником новых спекуляций!.. Братья в Германии! Вражда между нами имела бы единственным последствием полное торжество деспотизма по обеим сторонам Рейна... Рабочие всех стран! Каковы бы ни были в данный момент результаты наших общих усилий, мы, члены Международного Товарищества Рабочих, для которых не существует никаких государственных границ, мы шлем вам, как залог неразрывной солидарности, добрые пожелания и привет от рабочих Франции»¹.

Это обращение французские рабочие поддержали мощными антивоенными демонстрациями, за участие в которых не один из них поплатился жизнью.

Немецкие рабочие ответили французским в том же духе. 17 июля, за два дня до начала войны, земельная конференция Социал-демократической рабочей партии в Хемнице приняла резолюцию, в которой говорилось: «С радостью пожимаем мы братскую руку, протянутую нам французскими рабочими... Памятуя лозунг Международного Товарищества Рабочих: *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*, мы никогда не забудем, что рабочие *«всех стран»* — наши друзья, а деспоты *«всех стран»* — наши враги»².

Во многих германских городах рабочие на своих собраниях делали такие же заявления.

Война поначалу была для Германии национально-освободительной. Победа Наполеона III, противника единства Германии, отбросила бы страну на десятилетия назад. Поэтому Август Бебель и Вильгельм Либкнехт воздержались при голосовании по вопросу военных кредитов, но в то же время решительно отмежевались от Бисмарка и прусского милитаризма.

Генеральный Совет I Интернационала 23 июля опубликовал первое воззвание о франко-прусской войне, написанное Карлом Марксом. В нем он клеймил позором направленные против единства Германии устремления французского

императора, однако не менее резко осуждал и политику Бисмарка, без колебаний затеявшего интригу с Наполеоном III и даже обещавшего ему в 1866 году территориальные уступки в обмен на нейтралитет в прусско-австрийской войне.

«Со стороны Германии война эта является оборонительной. Но кто поставил Германию перед необходимостью обороняться? Кто дал возможность Луи Бонапарту вести войну против Германии? *Пруссия!* Не кто иной как Бисмарк конспирировал с этим самым Луи Бонапартом в надежде подавить внутри Пруссии демократическую оппозицию и осуществить аннексию Германии династией Гогенцоллернов.

...Если немецкий рабочий класс допустит, чтобы данная война потеряла свой чисто оборонительный характер и выродилась в войну против французского народа,— тогда и победа и поражение будут одинаково губительны»³.

Женни Маркс ненавидела войну, принесшую ужасные страдания народам двух стран, одна из которых была ее отечеством, а другая тоже была ей дорога. Война никогда не разразилась бы, если бы в обоих государствах господствовала демократия. «Эта ужасная война...» — писала Женни доктору Кугельману. Как никогда внимательно следила она за военными и политическими событиями. Это видно из нескольких писем, написанных ею Фридриху Энгельсу в первые недели войны. Женни Маркс оценивала обстановку с позиций подлинного патриотизма и пролетарского интернационализма. Ее письма проникнуты глубоким отвращением к бонапартистской системе со всей присущей ей подлостью, с которой Женни особенно близко соприкоснулась в ходе дела Фогта. С возмущением говорит она о самоуверенности и бесстыдстве, с которыми Наполеон III и его клика вмешивались в дела Германии, о бахвальстве в предвкушении победы, в которой они не сомневались, и преступном легкомыслии, с которым они толкали в пропасть собственную страну. Лаура присылала матери из Парижа

французские газеты, и та пересылала их Энгельсу. Поэтому Женни прекрасно знала, какой кровавый террор и преследования обрушил Наполеон III на французских рабочих и демократов, какая жуткая коррупция и нравственная деградация разъедали армию и государственный аппарат.

Женни Маркс считала, что Наполеон III и императрица Евгения не только враги Германии и бич Европы, но и враги самой французской нации, и глубоко сожалела, что демократическим силам во Франции не удалось свергнуть деспота до начала войны. С тем же живым интересом, с каким она следила за французской прессой, читала она статьи о войне, публиковавшиеся Энгельсом в лондонской «Пэл-Мэл газетте» и привлекавшие к себе всеобщее внимание.

«Лафарг только что прислал несколько французских газет, одну из которых, «Le Soir», прилагаю,— пишет она 10 августа Энгельсу.— Может быть, кое-что в ней пригодится для Ваших военных статей *. Вы не поверите, какой шум последние производят здесь! Но они и написаны с такой удивительной ясностью и наглядностью, что я не могу не назвать Вас младшим Мольтке.

Об отвратительной ругани на страницах «Figaro» и т. д. Вы не можете составить никакого представления. Они хотели бы съесть вандалов без остатка за то, что те имели бесстыдство сконцентрировать свои силы и осмелились вступить на священную землю отечества. Они все заслуживают прусских колотушек... И здесь, в доме, где тоже были немного шовинистически настроены, все возмущены этими господами с их цивилиза-а-цией и их идеями, которые они любезно хотели распространить в Германии, не являющейся священной землей»⁴.

Спустя несколько дней, 18 августа, Женни Маркс пишет ему: «Как ужасны все известия из Парижа. Если бы великая нация вовремя совершила революцию, она не имела бы

* Энгельс Ф. Заметки о войне.— *Ред.*

теперь режима Евгении * и Паликао **. Разве не позорно, что она спокойно дает держать в тюрьме Рошфора, единственного способного политика среди молодой Франции. Воистину, она заслуживает прусских розог еще в большей степени, чем это можно было предполагать»⁵.

Но ни на мгновение Женни не питала каких-либо иллюзий в отношении характера прусско-германской военной клики и немецкой буржуазии, которая в самом начале войны, увидев бессилие Наполеона III, подняла крик, требуя ограбления Франции и аннексии Эльзаса и части Лотарингии, чтобы заполучить в свои руки лотарингскую руду. Так же как Маркс и Энгельс, она предвидела поражение Франции и очень беспокоилась о дочери Лауре, жившей в Париже.

«Из почтового штемпеля на газетах, которые прислала Лаура,— пишет Женни в уже упоминавшемся письме Фридриху Энгельсу от 10 августа,— я узнала, к своему ужасу, что они живут еще в Леваллуа-Перре, следовательно близко от укреплений. Мы уже давно советовали им покинуть Париж и переехать с маленьким Шнапсиком *** в Бордо. Но они и слушать не хотят. Надо надеяться, что им не придется ничего испытать»⁶.

Женни с облегчением вздохнула, когда Лафарги решились покинуть город.

18 августа, получив письмо от Лафарга, она пишет Энгельсу: «Это первая весточка от них после долгого перерыва, и мы знаем наконец, что они не намерены оставаться в Париже во время осады. По крайней мере *одно* утешение»⁷.

Поражение Наполеона III не заставило себя долго ждать. Уже через шесть недель после начала войны он со всей своей армией капитулировал у крепости Седан. 4 сентября 1870 года во Франции была провозглашена республика. 9 сентября Маркс во втором воззвании Генерального

* Жены Наполеона III.— *Ред.*

** Бонапартистский генерал, в августе — сентябре 1870 года — премьер-министр Франции.— *Прим. пер.*

*** Шарлем Этьеном Лафаргом.— *Ред.*

Совета обратился к международному рабочему движению и в первую очередь к немецким товарищам. Он призвал их выступить за почетный мир, против выдвинутых германскими националистами требований об аннексии Эльзаса и части Лотарингии.

Немецкий рабочий класс проявил верность своему революционному долгу. Позиция, занятая Социал-демократической рабочей партией под руководством Августа Бебеля и Вильгельма Либкнехта, сделала ее на этот период главной силой в борьбе за подлинные национальные интересы. Так была вписана одна из наиболее славных страниц в историю партии. В северогерманском рейхстаге Август Бебель и Вильгельм Либкнехт выступили против кредитов на продолжение войны, назвав ее захватнической и противоречащей интересам нации. Они потребовали заключения почетного мира с французским народом, протестовали против аннексии Эльзаса и части Лотарингии. Когда Бебель выступил с обоснованием требований партии, в парламенте разразилась буря; несколько десятков депутатов, сжав кулаки, стали надвигаться на социалистов. Но члены партии все, как один, поддержали своих лидеров. Правление партии в Брауншвейге опубликовало воззвание, призывавшее рабочий класс Германии к борьбе за окончание войны, за справедливый мир.

Стало очевидно, что прусская военная камарилья, как и предсказывал Маркс и опасалась Женни, полна решимости идти по пути агрессии во внешней политике и по пути подавления демократии в стране. Милитаристы организовали против партии кампанию травли. Правление партии было арестовано и в кандалах отправлено в крепость Бойен в Восточной Пруссии. Бебеля и Либкнехта, депутатов рейхстага, так просто арестовать было нельзя, но, куда бы они ни отправлялись, за ними по пятам шли шпики и провокаторы; во время их выступлений затевались драки; пресса навесила им оскорбительный ярлык вражеских агентов и изменников родины. В конце концов их привлекли к суду

за государственную измену. Но Бебель и Либкнехт не сдавались. Они продолжали предостерегать немецкий народ от тяжелых для нации последствий объединения под эгидой Пруссии и грабительского мира с Францией.

Боевые действия продолжались. Прусские армии продвигались в глубь Франции, и Женни, прежде так возмущавшаяся наполеоновской безалаберностью, теперь, ужасаясь, узнавала о тяжких страданиях, которые несли французскому народу военные действия. Французские рабочие и крестьяне организовали оборону страны. Формировались новые армии, создавались партизанские отряды. Прусские милитаристы проявляли чрезвычайную жестокость. Пруссаки расстреливали партизан и борцов сопротивления, если они попадали к ним в плен, опустошали деревни — все это несмотря на заявление короля Пруссии, сделанное в начале войны, что он воюет не против французского народа, а против Наполеона III.

Прусские войска неудержимо продвигались к Парижу. С середины сентября город был осажден. Женни испытывала к этому городу сердечную привязанность и с глубоким сочувствием думала о парижских рабочих, их женах и детях. Ее душевные страдания усугублялись еще и тем, что правда о бесчинствах прусских захватчиков обрастала целым комом ложных сообщений, а ее дочери Женни и Элеонора были охвачены антигерманскими чувствами. После войны она писала Иоганну Филиппу Беккеру: «А еще хочу поблагодарить Вас задним числом за Ваши статьи в блаженной памяти «Vorbote» во время этой несчастной войны. В то время в нашем доме укоренился в противовес бисмаркизму такой французский шовинизм, что если ты не желала верить во всю эту дурацкую мешанину из лжи и обмана, что для меня было решительно невозможно, тебя тут же зачисляли в «пруссаки». В таких ситуациях Ваши объективные наблюдения всегда были для меня подлинным бальзамом».

В течение четырех месяцев трудящиеся Парижа отважно защищали свой город. На их долю выпали тяжкие испы-

тания, особенно в последние недели осады, когда Париж страдал от ужасного голода.

Французская буржуазия, боявшаяся своих же рабочих больше Бисмарка, предала свой народ. 28 января 1871 года она заключила перемирие и сдала парижские укрепления врагу.

За десять дней до этого, 18 января, Бисмарк в Версале провозгласил прусского короля кайзером Германии. В результате была преодолена феодальная раздробленность Германии. Но это не сулило нации счастья.

Коронация нового кайзера должна была состояться в Берлине на площади Жандармский рынок, что, как сказал в своем выступлении в северогерманском рейхстаге Вильгельм Либкнехт, было весьма символично. В доме Маркса думали также, так как это было не то объединение Германии, за которое боролись Карл и Женни Маркс и ради которого они так многим пожертвовали.

Страх Бисмарка перед парижскими рабочими был настолько велик, что он не решился занять город. Если Бисмарку не хватало мужества, то это сделало французское правительство Тьера, правительство национальной измены — оно попыталось разоружить рабочих Парижа.

Но тут произошло небывалое, грандиозное событие, за которым все человечество следило затаив дыхание. Восстали парижские рабочие. Восстали на глазах прусской оккупационной армии и реакционного французского правительства, ведшего свою предательскую игру в соседнем с Парижем Версале. Они прогнали буржуазию, захватили государственную власть и 18 марта установили диктатуру пролетариата — Парижскую коммуну. Это была первая в мире пролетарская революция.

НА СТОРОНЕ КОММУНАРОВ

Когда известие о героическом свершении парижских рабочих достигло Лондона, в доме Маркса началась бурная деятельность. Маркс и Энгельс в свое время предостерегали

парижских рабочих от преждевременного выступления, но после начала восстания они делали все, чтобы помочь коммунарам, используя для этого всю мощь Интернационала. Они выступали с речами, вели переговоры, призывали рабочих всего мира выполнить свой долг международной солидарности перед Парижской коммуной. Маркс лично написал, как он потом говорил, несколько сот писем во все уголки мира, чтобы добиться активной помощи коммунарам. Помимо этого он выступал со статьями в английской прессе, рассказывая правду о борьбе парижских рабочих. Это было необходимо, поскольку едва стало известно об установлении Коммуны, как свора реакционеров со всего мира набросилась на парижских пролетариев с самой злобной клеветой.

Революционные рабочие последовали призыву Маркса и Интернационала. В Швейцарии, Бельгии и других странах проводились митинги солидарности. Немецкий рабочий класс был особенно активен. 2 апреля 3 тысячи рабочих Ганновера приняли резолюцию, в которой говорилось:

«Французские рабочие! Вновь вам выпала судьба выступить в роли авангарда в борьбе за освобождение народов. На вас в этот момент смотрит весь пролетариат. Его симпатии на вашей стороне, он надеется на вас!»

Вслед за этим состоялись митинги в Хемнице и других городах. Редактировавшаяся Вильгельмом Либкнехтом социал-демократическая газета «Фольксштаат» отмечала значение Коммуны для международной борьбы за освобождение и разоблачала происки Бисмарка против Коммуны.

Борцы разных национальностей — русские, поляки, итальянцы, венгры, американцы и сыны других народов — спешили в Париж, чтобы сражаться за Коммуну. Проникнутая духом пролетарского интернационализма, Коммуна приняла протянутую ей братскую руку помощи. Представители международного рабочего движения занимали руководящие посты и выполняли ответственные функции.

Двое сынов польского народа участвовали в руководстве обороной. Один из них, Ярослав Домбровский, отдал жизнь в бою с версальцами. Делегатом (руководителем) труда, промышленности и обмена в правительстве Коммуны был друг юности Женни Маркс венгр Лео Франкель.

Среди соратников коммунаров была известная русская революционерка Елизавета Дмитриева, друг семьи Маркса, которую Лиссагаре в память о знаменитой героине французской буржуазной революции Теруан де Мерикур назвал Теруан Парижской коммуны.

Женни в это время уже было 57 лет, состояние здоровья оставляло желать лучшего. Но беспримерные события в Париже, ставшие делом рабочего класса всего мира, заставили ее мобилизовать все свои силы ради этого дела. Она с огромным воодушевлением приветствовала великую классовую битву, первую, в ходе которой пролетариат завоевал власть.

Через одного коммерсанта, постоянно ездившего из Лондона в Париж, а также и другими способами Маркс поддерживал постоянный контакт с коммунарами, помогая им не только организацией международной солидарности, но и советами по различным политическим вопросам. Таким образом, в семье Маркса были подробно осведомлены о ходе боевых действий и о развитии политических событий в Париже. В эти дни в доме едва ли говорили о чем-нибудь другом. Подобно мужу и дочерям, Женни не ведала покоя, всем своим существом живя делом коммунаров. Многих героев-борцов она знала непосредственно, некоторые бывали у них в гостях, а с иными ее связывала личная дружба. Помимо Франкеля там были Флуранс, Серрайе, посланный в Париж Генеральным Советом незадолго до революции, а также Лонге. Поль Лафарг и его жена Лаура работали на Коммуну, находясь в Бордо.

Но в мыслях своих Женни была не только с друзьями, но и с теми многочисленными борцами, которые вдруг становились известными как вожди революции, в первую

очередь выходцами из народа — как мужчинами, так и женщинами,— которые с верой в счастливое будущее человечества, преисполненные сознанием права эксплуатации на освобождение, с огромным мужеством сражались в тяжелейших условиях.

Совет Парижской коммуны состоял почти исключительно из рабочих или же из их признанных представителей, но лишь немногие из них были марксистами. Большинство являлись сторонниками Прудона или приверженца заговорщической тактики Бланки. Но все они сознавали свои классовые интересы, были преданы революции и сражались за победу. Поэтому они делали и кое-что из того, чему их научил Интернационал, к чему их призывал Маркс, поскольку сами обстоятельства вынуждали их к этому.

За 72 дня Коммуны французские рабочие добились таких успехов, которые и по сей день имеют непреходящее значение для борьбы рабочего класса.

За непродолжительное время своего существования и несмотря на то, что ей главные усилия приходилось направлять на оборону, Коммуна издала большое количество декретов, направленных на благо рабочих, их жен и детей. Были приняты законы о восьмичасовом рабочем дне, о передаче фабрик бежавших капиталистов рабочим, кооперативным товариществам и другие. Введено обязательное всеобщее обучение и повышено жалование учителям, созданы профессиональные училища. Коммуна даже разрабатывала планы организации детских садов и яслей для детей работающих женщин. Но самым главным было то, что коммунары заменили старую буржуазную государственную машину новым, подлинно демократическим правительством, предоставившим трудящимся возможность участвовать в управлении государством, в решении вопросов, имеющих важное значение для жизни и блага народа. Они создали прообраз системы Советов, нашедшей свое полное развитие и завершение в создании Советского правительства во главе с Владимиром Ильичем Лениным.

Заложенные Коммуной принципы народного правительства действуют и в наши дни в соответствующей сегодняшним условиям форме во всех социалистических странах.

Коммуна предоставила сотням рабочих ответственные посты. Впервые важные посты заняли женщины. Они замечательно работали и мужественно сражались. Без них Коммуна не смогла бы добиться таких выдающихся достижений. Вечно будет жить память о Луизе Мишель, высокообразованной, тонко чувствующей и отзывчивой учительнице, борце за права женщин и замечательной революционерке. Ее пылающее сердце стало символом Коммуны.

Ученый, поэт, гениальный оратор, человек преисполненный морального и духовного величия, отдавший борьбе все без остатка,— такой рисует эту великую француженку ее соотечественник Анри Барбюс. Она выросла в полуразвалившемся замке в департаменте Верхняя Марна. Ее отец был сыном владельца замка, а мать — простой крестьянкой. Воспитанная дедом, свободомыслящим и образованным человеком, в 33 года, за три года до начала франко-прусской войны, она примкнула к революционному рабочему классу.

Мишель ненавидела продажный наполеоновский режим и любила отечество. Поэтому после падения империи она вместе с друзьями-революционерами страстно призывала к защите Франции, возглавила постоянно увеличивавшийся отряд парижанок и требовала дать им возможность сражаться за родину. В то время она была членом комитета безопасности Монмартра, беспощадно боровшегося в дни осады со спекулянтами продовольствием и мешочниками, помогавшего голодающим и отчаявшимся.

В своих воспоминаниях Мишель писала: «Комитеты безопасности Монмартра не оставляли без крова и хлеба... 18-й район был подлинной грозой ростовщиков и им подобных. Когда проносился слух «Монмартр идет!», реакционеры, как загнанные звери, бросали свои тайники, где они

гноили продукты, в то время как Париж подыхал от голода, и забивались в свои норы».

После провозглашения Коммуны Луиза Мишель все свои силы отдала ее укреплению и в первую очередь ее защите. Рядом с ней и ее подругами встали более 10 тысяч женщин. Они объединялись в женские комитеты, создали «Объединение женщин по обороне Парижа и уходу за ранеными», самоотверженно боролись за построение и защиту своего государства. Они участвовали в подготовке и осуществлении постановлений Коммуны, в особенности тех, которые затрагивали интересы женщин и девушек. Они трудились и вели агитационную работу на принадлежавших теперь народу фабриках и в мастерских, присматривали за детьми, участвовали в замене старой буржуазной государственной машины народными органами управления, помогали в организации обороны.

Одной из ближайших подруг и соратниц Луизы Мишель была писательница Андре Лео, человек благородных идеалов и больших способностей. Помимо многочисленных статей, разъяснявших мероприятия Коммуны, она написала призыв к французским крестьянам: «Брат, тебя обманывают. У нас одинаковые интересы. Того, что требую я, хочешь и ты. Освобождение, которого я требую, есть и твое освобождение. Париж не хочет ничего иного, как отдать землю крестьянам, а орудия труда — рабочим».

Подругами Луизы Мишель были также Адель Эскиро, тоже писательница, издатель журнала «Союз поэтов»; Адель Шиньен, участница революции 1848 года; мадам Мейрис, руководящий деятель «Общества помощи жертвам войны»; Элизабет Ретифф, ухаживавшая за ранеными; Натали Ле Мел, парижская работница, стоявшая на классовых позициях пролетариата, профсоюзный деятель. Она, как это видно из ее призывов и листовок, была знакома с учением Маркса; и, наконец, уже упоминавшаяся русская революционерка Елизавета Дмитриева.

Самой главной заботой женщин была защита Коммуны

от врагов. Луиза Мишель вновь и вновь все настойчивее призывала к бдительности. Ей, вся жизнь которой была проникнута любовью к людям, нелегко давалась беспощадность в преследовании предателей, но она продолжала выступать с пламенными призывами к сопротивлению. Во время войны она научилась обращаться с ружьем и, воодушевляя других, увлекая их своим примером, всегда в первом ряду участвовала в схватках с правительственными войсками. Когда версальцы вошли в город, она помогала сооружать баррикады и была среди тех, кто сражался до последнего. Воодушевленные ее примером, как и примером других героинь, тысячи женщин помогали защищать Коммуну, вдохновляли своих мужей на борьбу.

«Парижанки,— пишет в своей «Истории Коммуны 1871 года» Проспер Оливье Лиссагаре,— не удерживали мужей. Напротив, они посылали их в бой, приносили им белье и суп, подобно тому, как делали это раньше, приходя к ним в мастерскую. Многие вообще не хотели уходить, а сами брались за оружие. На Шатильонской возвышенности они до последнего стояли под огнем. Маркитантки, одетые не в обычные, напоминающие маскарадный костюм пестрые одеяния, а в платье простых работниц, погибали десятками. 3 апреля маркитантка 66-го района гражданка Лашез весь день оставалась на поле боя одна, без помощи врача, помогая раненым.

Они покидали позиции лишь для того, чтобы призвать к оружию. Все, кто готов был на самопожертвование, объединились вокруг созданного ими Центрального комитета; на мэрии 10-го района они вывешивали пламенные прокламации: «Победить или умереть — так стоит вопрос. Вы, говорящие: «Зачем мне триумф нашего дела, если ради этого мне придется потерять своих близких», знайте, что есть лишь одно средство спасти тех, кого вы любите,— идти в бой вам самим». Их комитеты становились все многочисленнее; они предлагали Коммуне свою помощь, требовали оружия, боевых задач, стыдили трусливых».

В доме Маркса борьба парижанок вызывала глубочайшее восхищение и уважение. Она побудила Маркса после поражения Коммуны выступить на Лондонской конференции Интернационала с предложением о создании особой женской секции. Если уж борьба парижанок привела в восхищение Маркса, то как она тронула Женни Маркс, всегда чувствовавшую себя теснейшим образом связанной со всеми женщинами, мужественно боровшимися за свободу и справедливость.

Что же пробудило в женщинах Парижа такие силы, существование которых ранее никто не мог и предполагать? Парижанки были женами и матерями, на глазах и при участии которых впервые за тысячи лет возникало общество, где власть принадлежала трудящимся, где их дети были счастливы, свободны и окружены заботой. То, что испытывал простой люд Парижа после провозглашения Коммуны, выразил коммунары Жюль Валлес в своей газете «Кри дю пепль»:

«Что за день!.. Что бы ни произошло потом, нам не о чем жалеть. Даже если мы потерпим поражение и завтра нам придется умереть, наше поколение вознаграждено за двадцать лет поражений и смертельного страха.

Горнисты, трубите к выступлению! Барабаны, бейте в поход! Обними меня, товарищ! В твоих волосах седина, как и у меня! И ты, малыш, играющий за баррикадой, подойди — я поцелую тебя.

День 18 марта раскрыл перед тобой прекрасное будущее, мой мальчик. Ты мог бы, подобно нам, расти во мраке, шлепать по грязи, барахтаться в крови, задыхаться от стыда, переносить несказанные муки бесчестья.

С этим покончено!

Ради тебя мы проливаем кровь и слезы; ты унаследуешь наше дело. Сын отчаявшихся, ты будешь свободным человеком».

Валлес включил этот призыв в автобиографический роман «Жак Винтра», что свидетельствует об искренности и глубине его чувств к Коммуне.

КОММУНА ПОБЕЖДЕНА, НО ДВЕРИ В БУДУЩЕЕ РАСПАХНУТЫ

Парижской коммуне не хватало руководства со стороны марксистской партии. Поэтому много времени было потрачено на дискуссии, тогда как надо было действовать; были допущены и роковые ошибки. Одна из величайших ошибок — то, что Коммуна вопреки совету Маркса не взяла в свои руки французский банк, находившийся со всем своим состоянием на территории ее власти. Еще более тяжелые последствия имело то, что она не только не проявила должной бдительности по отношению к бесчисленным агентам и провокаторам, постоянно засылавшимся реакционным правительством Тьера, но и допустила, чтобы они, совершив свое грязное дело, беспрепятственно возвращались в Версаль.

Изгнанное французское правительство, которое все время существования Коммуны находилось в Версале, обрушило на коммунаров все средства террора, прибегло к коварству и клевете. Оно засылало провокаторов, убивало заложников и пленных, безжалостно обстреливало дома парижских рабочих. В число его жертв еще до падения Коммуны попал Гюстав Флуранс. Однако без помощи Бисмарка победить рабочих версальцы не могли бы. В обмен на ужесточение условий мира он предоставил в их распоряжение 60 тысяч французских военнопленных, на которых не оказала влияния революционная пропаганда. Кроме того, он уступил им занятые прусскими войсками позиции вокруг города.

Начиная с апреля войска версальского правительства

теснее сжимали кольцо вокруг осажденного города. В доме Маркса все были ужасно взбудоражены.

«Я не могу передать,— писала Женни Маркс Вильгельму Либкнехту,— в каком состоянии возбуждения, страха и отчаяния мы здесь находимся. Ничего подобного мы не испытывали со времени июньских боев. Я очень боюсь, что коммунистическое движение, первый лунный проблеск в темноте, обречено, а с ним и все наши самые лучшие, самые верные друзья. Особенно глубоко потрясла всех гибель Флуранса. Нас с ним связывала личная дружба. Вы, наверное, помните, что в это же время в прошлом году в «Марсельезе» появились статьи о зверском обращении с фениями, вызвавшие огромный резонанс во Франции и Англии. Благодаря этим нашим статьям мы завязали контакт с Рошфором и Флурансом, последний из которых немедленно выступил в качестве пламенного борца за О'Донован-Росса. Флуранс, злодейски убитый бонапартистскими палачами, творящими сейчас варварские зверства по приказу ублюдка Тьера, был человеком в высшей степени благородной души. Смелый до отчаяния, по-рыцарски великодушный, гуманный, близко к сердцу принимающий чужие невзгоды, мягкосердечие которого граничило со слабостью (ничто человеческое не было ему чуждо). Богатый духовно, представитель современной науки, молодой, состоятельный, с тонкими приятными манерами, человек сердечный, с импульсивной натурой, он отдавал всего себя угнетенным, обездоленным, причем не только борцам в своей собственной стране, нет, его большое сердце сочувствовало каждой нации и расе, каждому племени. Этим объясняются полные приключений переезды из одной страны в другую, туда, где нужно было бороться и сражаться. Даже его враги вынуждены были признавать, что он «смел, как шпага, образован, как энциклопедия». Буржуазия видела в нем воплощение красного призрака, почему и преследовала его с бешеной яростью. Этим объясняется фанатичное ликование в Версале и победоносная улыбка Пикарда, когда

первой из жертв несли длинное стройное тело Флуранса».

Вильгельм Либкнехт опубликовал письмо в «Фолькс-штаат» за 15 апреля как отрывок из письма «женщины с благородным сердцем, находящейся в духовном центре событий».

Свое отношение к Парижской коммуне Женни Маркс раскрывала и в письмах к доктору Кугельману. В переписке с ним она особенно гневно высказывала возмущение позицией Бисмарка.

«...Вы представить себе не можете, как мой муж, девочки и все мы страдали из-за событий во Франции,— писала она 12 мая 1871 года.— Сначала эта ужасная война, а теперь еще более ужасная вторая осада Парижа. Смерть Флуранса, храбрейшего из храбрых, глубоко потрясая нас всех, и вот теперь отчаянная борьба Коммуны, в которой участвуют все наши самые старые, самые лучшие друзья. Слабость военного руководства, вполне естественное недоверие ко всему «военному», навязчивое вмешательство журналистов, героев фразы вроде Феликса Пиата, и неизбежно возникающие при этом раздоры. Нерешительность и противоречивость действий — все эти недостатки, неизбежные для такого смелого и молодого движения, наверняка были бы преодолены ядром способных, готовых на самопожертвование, уверенных в себе рабочих, но не теперь, когда Бисмарк за все платит немецкими деньгами, когда он отдает наводящим порядок французским канальям, любой из которых является воплощением гнусных преступлений буржуазии, не только всех пленных, но и все укрепления. Нам предстоит пережить второе июньское сражение...»

Оба письма свидетельствуют о страстной поддержке дела Коммуны и о сильном сердце борца. В то же время они показывают, насколько хорошо Женни понимала значение парижских событий, какие надежды с ними связывала.

Немецкие рабочие не меньше Женни были возмущены помощью Бисмарка французской буржуазии. Чем неистовее

становилась травля коммунаров, тем решительнее они вставали на сторону своих французских братьев. Еще 25 мая, за три дня до падения Коммуны под ударами французской и прусской реакции, Август Бебель бросил в лицо германскому рейхстагу пророческие слова:

«...Будьте твердо уверены, что взоры всего европейского пролетариата и всех тех, кто сохранил в сердце стремление к свободе и независимости, обращены к Парижу... и, хотя Париж в настоящее время подавлен, я напоминаю всем, что бои в Париже являются лишь малой битвой передового отряда, что главное в Европе еще впереди и что не пройдет и нескольких десятков лет, как боевой клич парижского пролетариата «Мир хижинам, война дворцам, смерть нужде и праздности!» станет боевым призывом всего европейского пролетариата».

Коммунары сражались до последнего вздоха. Когда войска реакции уже были в городе, коммунары продолжали сопротивляться еще восемь дней. Мужчины, женщины, старики и дети защищали каждую улицу, каждый дом. Небольшая группа героев в течение целого дня держались на кладбище Пер-Лашез, несмотря на огромное превосходство противника. Вечером те, кто остался жив, были расстреляны у стен кладбища. С тех пор эту стену называют «Стеной коммунаров», а парижские рабочие ежегодно устраивают торжественные шествия к этому памятному месту.

Месть буржуазии после падения Коммуны была ужасной. 30 тысяч мужчин, женщин и детей погибли в боях или были расстреляны. Они умирали как герои, с возгласом «Да здравствует Коммуна!».

Лиссагаре пишет: «Жертвы умирали просто, без громких слов... Женщины и дети следовали за своими мужьями и отцами, крича солдатам: «Расстреляйте и нас!» И их действительно расстреливали.

Можно было видеть, как женщины, ранее не участвовавшие в боях, но теперь доведенные до крайности этой

бойней, бросались на улицу, давали пощечину офицерам и прислонялись после этого к стене в ожидании смерти».

После первых массовых расстрелов к своей страшной работе приступили кровавые суды. Почти 40 тысяч человек оказались в тюрьме, многие из них были приговорены к смерти, остальные осуждены на длительные сроки заключения или ссылку, и среди них — женщины.

4 сентября состоялся процесс над больничными сиделками. Одна из них, по фамилии Ретифф, сказала: «Я помогла бы и версальцу так же, как национальному гвардейцу». «Почему,— задали вопрос другой,— вы остались, когда батальон отступил?» — «Там у нас были раненые и умирающие»,— просто ответила она. Сами свидетели обвинения заявляли, что не видели, чтобы кто-то из обвиняемых поджигал дома, но судьба их была предreshена. В перерыве между двумя допросами Буаденемец кричал в кафе: «Смерть всему этому сброду!» Об этом сообщает и Лиссагаре.

Луизе Мишель удалось скрыться. Но, узнав, что в качестве заложницы арестовали ее старую мать, которую она горячо любила, и угрожали ей расстрелом, она сама отдала себя в руки властей. После многих мучений Мишель предстала перед кровавым судом буржуазии. Когда после короткой обвинительной речи капитан Дейли потребовал смертной казни, она сказала: «Поскольку складывается впечатление, что единственное, на что может претендовать любое свобододолюбивое сердце, это кусочек свинца, я требую свою долю. Если вы оставите меня жить, я не перестану взывать о мести... Убейте меня, если вы не трусы».

Они не решились убить Луизу Мишель. Она была приговорена к высылке и отправлена вместе со многими другими коммунарами в штрафную колонию на тихоокеанский остров Новая Каледония. Там она стала подлинным ангелом-хранителем для своих товарищей по заключению. Не думая о собственных страданиях, Мишель старалась смягчить им муки плена, защищала своих подруг от грубости охранников. Позднее, получив бóльшую свободу

передвижения, создала воскресную школу для местного населения — канаков. Она выучила их язык, собирала сказки и песни, изучала животный и растительный мир острова, искала лекарства от тропических болезней. Когда в 1880 году ей разрешили вернуться во Францию, ее провожали в гавань сотни друзей-канак.

После поражения Коммуны Женни Маркс еще раз излила душу своему старому другу Имандту:

«Вы не представляете себе, дорогой г-н Имандт,— писала она ему в середине июня,— что мы пережили за эти недели, какую боль и гнев. Понадобилось больше 20 лет, чтобы вырастить таких мужественных, дельных, героических людей, и вот теперь почти все они там. В отношении некоторых еще есть надежда, но лучшие убиты: Варлен, Жаклар, Риго, Тридон и т. д. и т. д. Низкие крикуны вроде Феликса Пиа, по всей вероятности, уцелеют. Другие еще скрываются, но боюсь, что ищейки их выследят. ...Но настоящие герои — это прежде всего рабочие и работницы, которые в течение недели сражались без руководителей в Вилетте, Бельвиле и Сент-Антуане *!»⁸

Коммунары и коммунарки не чувствовали себя побежденными и знали, что они не напрасно страдали и умирали.

«А завтра? — спросят меня. Будущее отныне принадлежит новому человечеству, оно найдет свое место в новом мире,— писала в своих воспоминаниях Луиза Мишель.— Разве мы уже в состоянии понять, каким будет это будущее? Пусть новое человечество пройдет через нас, как проходят по мосту...

Нужно продолжать штурм. Осажденная со всех сторон Коммуна была обречена на гибель; ей ничего не оставалось, как быть мужественной, и она была ею. Она широко распахнула двери будущему; будущее войдет через эту дверь».

* Рабочие кварталы в Париже.— *Ред.*

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

После падения Коммуны преследованиям подверглись также ее друзья и помощники за пределами Франции. Ненависть международной реакции была направлена прежде всего против Международного Товарищества Рабочих и Карла Маркса.

Буржуазная пресса повсеместно изобиловала наводящими ужас историями о I Интернационале и его руководителях. На Интернационал даже пытались возложить ответственность за большой пожар в Чикаго.

Женни стала свидетельницей еще одной кампании травли против своего мужа. Но эта кампания не могла повредить ни ему, ни ей, так же как и кампания клеветы после 1848 года, ибо теперь на стороне Маркса выступали лучшие представители рабочего класса и демократически настроенные люди.

Травле подвергались и члены семьи Маркса. «Монро, например, порвали со мной всякую связь,— писала дочь Маркса Женни д-ру Кугельману,— так как сделали ужасное открытие, что я — дочь главаря поджигателей, защищавшего противозаконное движение коммунаров»⁹.

О самом Марксе ходили слухи, что он арестован. «Только что получила Вашу записку,— писала Женни Маркс в уже упоминавшемся письме Имандту,— и спешу немедленно сообщить, что с Мавром все в порядке»^{*}.

Все это полицейская ложь, которую теперь распространяет Штибер совместно с французскими мерзавцами. Вы получите сегодня экземпляры воззвания Интернационала^{**}. Может быть, Вам удастся что-нибудь из него

^{*} Речь идет о распространявшихся буржуазной печатью слухах об аресте Маркса.— *Ред.*

^{**} *Маркс К.* Гражданская война во Франции.— *Ред.*

напечатать в газетах. Девочки * уже 6 недель живут у Лауры. Сначала они были в Бордо, но там стало слишком жарко для Лафарга. Они улизнули оттуда и находятся сейчас у самой испанской границы, надо надеяться — в безопасности»¹⁰.

Однако дочери Женни вовсе не были в безопасности, как она надеялась. Напротив, над ними нависла угроза попасть в жернова французских классовых судов.

Спустя несколько недель после того, как Женни написала письмо Имандту, ночью в двери дома на улице Бонерэ-де-Люшон, где жил Лафарг со своей семьей, постучал чиновник французской полиции. Он, будучи втайне республиканцем, пришел предупредить Лафарга о получении приказа на его арест. Лафарг, в распоряжении которого был всего час времени, скрылся, перейдя испанскую границу. Это, вероятно, спасло ему жизнь. Французская полиция обвиняла Лафарга в том, что он был связным между революционерами в Бордо и коммунарами, деятелем Интернационала и зятем Маркса. Этого было бы вполне достаточно, чтобы поставить его к стенке.

Лафарг поначалу остановился в маленьком испанском городке Босост, неподалеку от французской границы. Несколько недель спустя за ним последовали три дочери Маркса с маленьким Шарлем Этьеном. Уже через несколько дней после их прибытия в Босост там появился французский прокурор с помощниками, чтобы отправить Лафарга назад во Францию. Поскольку ему в последний момент удалось скрыться из гостиницы и с помощью крестьян уйти в горы, сыщики отыгались на Лауре и ребенке. Она подверглась варварскому обращению, и лишь благодаря энергичному протесту владельца гостиницы ее в конце концов отпустили. Лафарги добрались до портового города Сан-Себастьян, где с головой ушли в подпольную работу. Но и оттуда пришлось уехать. В конце концов им удалось найти приста-

* Женни и Элеонора Маркс.— *Ред.*

нище в Мадриде. Там перед Лафаргом открылось широкое поле деятельности по пропаганде идей Интернационала. Он создал здесь секцию, стоящую на позициях марксизма.

Женни и Элеонора из Бососта вернулись во Францию. На границе они были арестованы французской полицией и в сопровождении большого полицейского эскорта отправлены в Люшон. Когда их везли мимо какой-нибудь деревни, крестьяне собирались посмотреть на них, думая, что они воровки или контрабандистки.

Несколько дней подряд сестер подвергали мучительным допросам, задавали коварные вопросы. Их расспрашивали о Коммуне и о деятелях Интернационала, угрожали трибуналом. Английские паспорта у них отобрали и даже подвергли телесному досмотру. У Женни в кармане было письмо Флуранса, которое ей незаметно удалось спрятать среди старых протоколов. Если бы его нашли, девушек, по всей вероятности, депортировали бы, и родители ничего не знали бы об их месте пребывания. Четырнадцать дней сестры находились в лапах французской полиции, прежде чем смогли вернуться домой. Женни написала о пережитом ею статью, которая была опубликована в Америке.

Во Франции Интернационал объявили противозаконной организацией; в Германии принадлежность к нему каралась тюремным заключением; против Бебеля и Либкнехта, как уже сообщалось, Бисмарк начал процесс, обвиняя их в государственной измене. И в Италии, Испании, Бельгии, Дании, Австрии и Венгрии члены Интернационала подвергались полицейскому преследованию. К этому походу присоединился даже римский папа Пий IX, призвавший католиков к борьбе с Интернационалом.

«С ИНТЕРНАЦИОНАЛОМ ВОСПРЯНЕТ РОД ЛЮДСКОЙ»

Между тем Карл Маркс дал реакции ответ, какого она заслуживала.

Уже через два дня после падения Коммуны великий вождь рабочего класса представил Генеральному Совету Интернационала произведение, в котором показано историческое значение Коммуны. Известное сегодня как «Гражданская война во Франции», оно стало важным учебником для всех борцов за социализм. В нем Маркс воздвиг Коммуне вечный памятник и сформулировал ее уроки, имеющие большое значение для рабочего класса. В. И. Ленин, работая над книгой «Государство и революция», в которой указывал рабочему классу путь к установлению диктатуры пролетариата, опирался на «Гражданскую войну во Франции», творчески развив содержащиеся в этой работе уроки. Произведение, появившееся сначала в виде воззвания Генерального Совета Интернационала, заканчивается словами:

«Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества. Его мученики навеки запечатлены в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже теперь пригвоздила к тому позорному столбу, от которого их не в силах будут освободить все молитвы их попов»¹¹.

Воззвание распространилось по всему миру. В Германии оно разошлось в тысячах экземпляров и воодушевляло рабочий класс на продолжение борьбы.

Одновременно Интернационал призвал к солидарности с преследуемыми коммунарами. Нужно было помочь беженцам, позаботиться о вдовах и сиротах, тем, кто еще скрывался во Франции, помочь покинуть ее, необходимо было оказать помощь депортированным.

Несмотря на все преследования, французский рабочий класс развернул движение поистине героической солидар-

ности. В Германии, Бельгии и других странах рабочие протянули руку помощи. В Англии была создана организация помощи беженцам. Английские рабочие организовали сбор денег. Пожертвования поступали и из Америки.

В один только Лондон прибыли несколько сот гонимых. Как и в 1848 году, нужно было доставать питание и одежду, находить работу и жилье для всех. Женни Маркс была неутомима в стремлении помочь коммунарам. Беженцы прибывали больными, изголодавшимися и обессиленными, без всяких средств к существованию. Почти каждый потерял близких, друзей, товарищей или же знал, что они находятся в адских условиях французских застенков. Поначалу беженцы жили в Англии в ужасающей нищете. Денег, собранных Интернационалом, только-только хватало, чтобы не дать умереть им голодной смертью.

Женни Маркс не только участвовала в организации солидарности, но и, само собой разумеется, открыла для коммунаров двери своего дома. На целые недели дом стал похож на лагерь беженцев. Все комнаты были заняты бойцами Коммуны, которых нужно было накормить, поддержать, а также приободрить, что так хорошо умела Женни. И потом, когда беженцам удавалось найти другое пристанище, для многих Женни Маркс оставалась опорой.

Некоторых из них она пригласила к себе на встречу Нового года, хорошо понимая, как именно в этот вечер необходимы доброта и утешение. Кроме старых друзей и товарищей — Лео Франкеля, Огюста Серайе, Шарля Лонге пришли и новые — Эдуар Вайян, впоследствии один из вождей французской социал-демократии, Проспер Лиссагаре, польский революционер Валерий Врублевский и другие.

Женни очень беспокоилась о судьбе беженцев-коммунаров. В мае 1873 года она сообщала своей дочери Элеоноре о тяжелом положении одной из семей беженцев: «Поскольку

у Ле Мусси в течение нескольких недель не было работы, эти бедные люди попали в страшную нужду, продали почти все, чтобы покупать еду; несколько недель они не могли заплатить за квартиру, а твоя ирландка вела себя действительно плохо, грубо и подло, так что они не могли дольше у нее оставаться». Очень переживала она о Валерии Врублевском, одном из руководителей польского восстания 1863 года и, по мнению Лиссагаре, самом способном генерале Парижской коммуны. В 1877 году он, все еще страдая от ран, жил в Лондоне, по свидетельству Женни, в жесточайшей нужде.

Некоторые письма коммунаров к Женни проникнуты глубоким почтением к верному товарищу и помощнику, так самоотверженно заботившемуся о них. Эжен Дюпон, боец Коммуны, в 1875 году переехавший в Америку, писал ей, что немного можно было насчитать дней, когда бы он не вспоминал о ней.

Между молодым коммунаром Шарлем Лонге и семьей Маркса завязались отношения близкой дружбы. Вскоре состоялась его помолвка с дочерью Женни. «...Вы слышали о помолвке Женни,— писала ее мать в мае 1872 года Вильгельму Либкнехту.— Лонге очень одаренный, очень хороший, славный, порядочный человек, а единство взглядов и убеждений молодой четы кажется мне залогом ее будущего счастья»¹². В то же время будущее дочери вызывало у нее тревогу, поскольку она опасалась, что и Женни, подобно Лауре, жившей в Испании в условиях крайней нужды, ожидает нелегкая жизнь, похожая на ту, которая выпала на ее долю. «...Я не могу не бояться, что на долю Женни, как жены политического деятеля, выпадут все неразрывно связанные с этим заботы и мучения,— пишет она дальше.— Все это между нами. Я знаю, что на Ваше молчание можно положиться. Мне бесконечно приятно поверить свои заботы старому верному другу»¹³.

Парижская коммуна и организованная Марксом и Международным Товариществом Рабочих боевая солидарность

с преследуемыми коммунарами оказали глубокое воздействие на развитие рабочего движения.

Среди эмигрантов, нашедших убежище в Лондоне, был и рабочий Эжен Потье, первый крупный французский рабочий поэт, работавший в Комитете беженцев. Под впечатлением грандиозных событий Коммуны он написал бессмертную песню рабочего класса:

Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

И революционный рабочий класс действительно услышал этот призыв Коммуны. Хотя ее утопили в крови, она продолжала жить, став для рабочих символом их силы и будущего. Для эксплуататоров же и милитаристов, которые впервые почувствовали, что их господство невечно, она стала грозным предупреждением истории. Одновременно опыт войны и в еще большей степени уроки Коммуны окончательно проложили учению Маркса дорогу в рабочем движении.

В Германии партия под руководством Августа Бебеля и Вильгельма Либкнехта проявила себя дисциплинированной революционной силой, стоящей на позициях марксизма. Во Франции мелкобуржуазные идеи прудонизма в дни Коммуны показали свою несостоятельность. Когда спустя десятилетие французский рабочий класс начал оправляться после поражения, во Франции также возникла рабочая партия с марксистской программой. Марксистские группы разворачивали свою деятельность в Швейцарии, Италии, Бельгии, Испании и США. В Женеве существовала группа русских марксистов, одним из руководителей которой был Николай Утин. Учение Маркса завоевывало мир.

ЗА РУКОВОДЯЩУЮ РОЛЬ ПАРТИИ

Из важнейших уроков Парижской коммуны вытекал вывод, что рабочий класс без руководства со стороны сильной, целеустремленной революционной партии не может ни победить, ни построить социализм. Довести этот вывод до сознания революционного рабочего движения — такова была главная цель основателей научного социализма после дней Коммуны. По этому вопросу возникла бурная дискуссия внутри Международного Товарищества Рабочих. Против Маркса выступили прежде всего анархисты, группировавшиеся вокруг Михаила Бакунина. Среди них были и революционеры, готовые к самопожертвованию, но Бакунин и его сторонники выступали против политической борьбы рабочего класса, противились созданию революционных рабочих партий. Они отрицали авторитет любого рода, отвергали государство как таковое и выступали против требования диктатуры пролетариата и создания государства рабочих.

Вожди анархистов попытались отстранить Маркса и Энгельса от руководства Интернационалом, не останавливаясь перед клеветой и измышлениями. Этот вопрос должен был обсуждаться на конгрессе. В сентябре 1871 года в Лондоне состоялась подготовительная конференция этого конгресса.

В дни конференции Женни находилась в Рамсгейте, где надеялась отдохнуть у моря, в чем она остро нуждалась. Но все ее мысли были прикованы к дискуссиям на конференции, и она пребывала в огромном напряжении в ожидании известий от мужа. Вскоре после окончания конференции Женни получила от Маркса подробное письмо, содержавшее и другие новости, которые должны были доставить Женни большую радость.

«Дорогая Женни! — писал ей Маркс. — Сегодня наконец конференция заканчивается. Это была тяжелая работа. Утренние и вечерние заседания, в промежутках заседания

комиссий, заслушивание очевидцев, подготовка докладов и т. д. Но зато и сделано больше, чем на всех предыдущих конгрессах, вместе взятых, ибо за отсутствием публики незачем было упражняться в театральном красноречии. Германия не была представлена, от Швейцарии присутствовали только Перре и Утин.

На прошлой неделе революционная партия в Риме устроила в честь Риччотти Гарибальди банкет; мне прислали о нем отчет, помещенный в римской газете «Capitale». Один оратор (синьор Лучани) провозгласил встреченный с большим энтузиазмом тост за рабочий класс и «a Carlo Marx che (qui) s'è ne (en) é fatto (a fait) l'instancabile instrumento (l'instrument infatigable) *».

Горько это для Мадзини!

Когда в Нью-Йорк пришло известие о моей смерти, то «Космополитическое общество» созвало собрание, резолюции которого, опубликованные в «World», я тебе посылаю.

Тусси получила письмо также и от встревоженных петербургских друзей.

С Робеном и Бастеликой, друзьями Бакунина и его соучастниками по интригам, дело было трудное. Разоблачения относительно деятельности Робена в Женеве и Париже действительно поразительные. Статья Женнички отправлена сегодня в Америку.

Твой *Карл* ¹⁴.

Маркс действительно имел основания быть довольным итогами Лондонской конференции. Она не только однозначно выступила за необходимость политической борьбы рабочего класса, но и со всей решительностью подчеркнула необходимость создания революционной партии рабочего класса.

* «За Карла Маркса, который стал его неутомимым орудием». В скобках Маркс дает перевод итальянских слов на французский язык.— *Ред.*

После Лондонской конференции весь Интернационал был охвачен жаркими дискуссиями об уроках Парижской коммуны. Маркс и Энгельс работали прямо-таки с нечеловеческим напряжением, готовясь к предстоящему конгрессу, который должен был внести окончательную ясность. В этой работе принимала участие и Женни.

«Вы не представляете себе,— писала она 26 мая 1872 года Вильгельму Либкнехту,— что мы вынесли здесь в Лондоне со времени падения Коммуны. Вся эта невыразимая нужда, безысходная боль! И к тому же еще — невероятная работа в Интернационале»¹⁵.

Она была возмущена нападками на мужа со стороны его противников в собственных рядах. Помимо анархистов вскоре стали открыто выступать против Маркса и английские тред-юнионисты, до этого в течение долгих лет посещавшие семью Маркса в качестве друзей дома, неоднократно справлявшие вместе с ними различные праздники. Например, бывший член Генерального Совета Джордж Оджер.

«Пока Мавр вел всю работу...— с горечью писала она Либкнехту,— нигде не выступал на первый план, не посещал ни одного конгресса, пока на его долю доставались все труды и никакой чести — сволочь молчала. Но стоило друзьям предать его имя гласности и выдвинуть его на первый план, как вся свора полицейских и «демократов» завывала одно и то же: «Деспотизм, жажда власти, честолоубие!»¹⁶

Больше всего ее возмущало поведение старого соратника Эккарюса, перешедшего на сторону английских реформистов, пытавшегося заглушить голос своей совести особенно грубыми выпадами против человека, который долгие годы был его другом и учителем.

«Энгельс взялся сообщить Вам о деле Эккарюса,— пишет она в том же письме Вильгельму Либкнехту,— и познакомить Вас со всеми пошлостями и гнусностями, о которых я не могу думать без возмущения и, пожалуй, не

смогла бы рассказать о них достаточно спокойно и хладнокровно»¹⁷.

К большой радости Женни, немецкая социал-демократия в этой борьбе решительно встала на сторону Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Ее вожди распространяли решения Лондонской конференции, был переиздан «Манифест Коммунистической партии», вышло второе издание первого тома «Капитала».

Процесс по обвинению в государственной измене над Августом Бебелем, Вильгельмом Либкнехтом и редактором газеты «Фольксштаат» Адольфом Гепнером, состоявшийся в марте 1872 года в Лейпциге, стал для дела марксизма в Германии подлинным триумфом, несмотря на то что Бебель и Либкнехт были приговорены к двум годам заключения в крепости каждый. Они добились того, чтобы в зале суда были зачитаны Учредительный манифест и другие документы Интернационала, а также «Манифест Коммунистической партии» и предисловие к первому тому «Капитала». В своих речах оба блестяще отстаивали принципы Интернационала. Присутствовавшие в зале рабочие неоднократно разражались восторженными аплодисментами. Перед судом Вильгельм Либкнехт еще раз повторил обвинение в адрес германского милитаризма, с которым он выступал в рейхстаге и на собраниях партии, с полным основанием назвав его главным врагом немецкой нации.

Выступление Бебеля и Либкнехта на суде показало всем тем в Германии, кто выступал за демократию и мир, что возникла партия, обладающая программой борьбы за лучшее и мирное будущее для нации, полная решимости отстаивать интересы народа перед правящими классами.

Как и Карл Маркс и Фридрих Энгельс, Женни Маркс с крайним напряжением ожидала известий о лейпцигском процессе. Она поздравила руководителей немецкой партии с блестящим выступлением на суде, в результате которого широкие народные массы познакомились с марксистским учением.

«...Я с радостью пользуюсь случаем,— писала она Вильгельму Либкнехту,— чтобы... сказать, с каким участием и тревогой я думала о Вас и Вашей милой жене * в это тяжелое время. Мне так часто хотелось выразить и свое восхищение Вашим мужеством, тактом и способностями, которые Вы проявили в этих трудных условиях»¹⁸.

Она беспокоилась и о его второй жене Наталии, которую с малыми детьми после осуждения мужа ждала жесточайшая нужда.

«Говоря откровенно,— пишет она дальше,— я больше тревожилась о Вашей жене, чем о Вас. Нам, женщинам, выпадает во всех этих битвах более тяжелая, хотя и менее значительная роль... Я говорю на основании более чем 30-летнего опыта и могу сказать, что не так-то легко теряла мужество»¹⁹.

Она знала, что Наталия Либкнехт, дочь состоятельных буржуа, особенно нуждалась в ее поддержке, и Женни старалась помочь ей и тем самым Либкнехту.

ГААГСКАЯ ПОБЕДА

В сентябре 1872 года в Гааге состоялся основательно подготовленный Марксом и Энгельсом конгресс Интернационала. Из всех конгрессов он был наиболее блестящим. Маркс и Энгельс лично участвовали в его работе. Кроме них в Гаагу приехали известные сторонники научного социализма: Иоганн Филипп Беккер, Николай Утин, Шарль Лонге, Фридрих Адольф Зорге из Соединенных Штатов, Эдуард Вайян, Лео Франкель, Огюст Серраиэ и Валерий Врублевский. Бебель и Либкнехт не смогли принять в нем участие, поскольку отбывали заключение в крепости. Тем не менее из Германии приехала большая делегация. Женни Маркс сопровождала мужа. К ее радости, из Испании приехали

* Наталии Либкнехт.— *Ред.*

Поль и Лаура Лафарг. Но свидание с дочерью причинило ей боль, ибо Лаура выглядела ужасно и была очень подавлена, так как незадолго до этого потеряла последнего ребенка.

Конгресс привлек к себе внимание во всем мире. Рабочие всех стран напряженно следили за ним. Международная реакция тоже встревожилась. Гаага кишела шпиками и полицейскими агентами, прибывшими отовсюду.

На конгрессе произошла бурная дискуссия марксистов со сторонниками Бакунина, к которым примкнули реформистски настроенные представители руководства английских тред-юнионов. Основополагающие принципы марксизма, согласно которым завоевание политической власти рабочим классом является необходимой предпосылкой социалистических преобразований, а политическая власть может быть завоевана рабочими только под руководством сильной революционной партии, одержали победу и были зафиксированы в Уставе Интернационала. Большой вклад в победу марксизма внесла немецкая делегация.

Однако по настоянию Маркса и Энгельса и с учетом общеполитической ситуации в Европе конгресс принял решение о переносе штаб-квартиры Генерального Совета в Соединенные Штаты. Секретарем Генерального Совета стал Фридрих Адольф Зорге.

В июле 1876 года Международное Товарищество Рабочих, I Интернационал, было распущено. Оно заложило фундамент для создания национальных политических партий пролетариата. Теперь необходимо было укреплять эти партии в отдельных странах.

Дни в Гааге были важным событием в жизни Женни Маркс. Само собой разумеется, что она принимала участие в жарких дискуссиях, проходивших в перерывах между заседаниями конгресса. Д-ру Кугельману, с которым она обменивалась столь сердечными письмами и вот наконец познакомилась лично, ее политическая активность, впрочем, не очень пришлась по душе. «Госпожа Маркс,—

вспоминала со слов Кугельмана его дочь Франциска,— по-девичьи стройная женщина, страстно следила там за партийной жизнью, прямо-таки растворялась в ней.

Подтвердились предположения моих родителей, что она относится к числу тех, кто втягивал Маркса в эту возню».

Кугельман считал, что Маркс должен ограничиться исключительно теоретической деятельностью, держась в стороне от классовой борьбы. Что думал об этом сам Маркс, общеизвестно и подтверждается всей его жизнью. Разногласия с Кугельманом по этому вопросу в конце концов привели к их разрыву.

После завершения конгресса в Амстердаме состоялся митинг, на котором Маркс впервые после долгого перерыва выступил с речью. Он сказал:

«В XVIII веке... короли и сильные мира сего имели обыкновение собираться в Гааге для обсуждения интересов своих династий.

Именно там, вопреки всем запугиваниям, мы решили созвать конгресс рабочих. В среде самого реакционного населения мы хотели подтвердить жизнеспособность, распространение и надежды на будущее нашего великого Товарищества...

Гаагский конгресс... провозгласил необходимость для рабочего класса вести в области политической такую же борьбу со старым, разрушающимся обществом, как и в области социальной; и мы можем поздравить себя с тем, что эта резолюция Лондонской конференции теперь включена в наш Устав *»²⁰.

Заканчивая свою речь, он еще раз подчеркнул огромную силу международной солидарности эксплуатируемых:

«Граждане, вспомним об основном принципе Интернационала: о солидарности. Мы добьемся великой цели, к ко-

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 143.— *Ред.*

торой стремимся, если мы прочно укрепим среди всех рабочих во всех странах этот животворный принцип...

Что касается меня, то я буду продолжать свое дело и неустанно работать над созданием этой, столь плодотворной для будущего, солидарности всех рабочих... и остаток моей жизни, как и моя прежняя деятельность, будет посвящен торжеству социальных идей, которые, как мы в этом глубоко убеждены, рано или поздно приведут к господству пролетариата во всем мире» ²¹.

Годы затишья



СЕМЬЯ И ДРУЗЬЯ

Годы, последовавшие за Гаагским конгрессом, протекали для Женни Маркс более счастливо и спокойно, чем минувшие десятилетия ее жизни. Казалось, что ей было суждено провести тихую старость в кругу семьи.

Осенью 1870 года в Лондон приехал Энгельс с женой Лиззи Бёрнс. Они поселились совсем неподалеку от Маркса, в доме, с такой любовью и таким старанием приготовленном Женни к их приезду.

Энгельс, наконец-то освободившийся от цепей «ненавистой коммерции», буквально воспрянул духом. «...Я гостила у Энгельса,— рассказывает Элеонора Маркс-Эвелинг,— когда подходила к концу эта его каторжная работа, и тут-то я узнала, что означали для него все эти годы. Я никогда не забуду его ликующего возгласа: «В последний раз!», когда он утром натягивал свои сапоги, чтобы в последний раз отправиться в контору. Несколько часов спустя мы, стоя в ожидании у ворот, увидели Энгельса, идущего по небольшому полю, которое находилось перед его домом. Он размахивал в воздухе своей тростью, пел и весь сиял от радости. Затем мы по-праздничному уселись за стол, пили шампанское и были счастливы. Я тогда была слишком молода,

чтобы все это понять. Но теперь я не могу вспомнить об этом без слез»¹.

Карл Маркс и Женни также испытывали чувство облегчения при мысли о том, что их друг сбросил тяжкое бремя коммерческого дела. Как в старые времена, друзья целиком отдались совместной работе.

«Тогда, в 1870 г., Энгельс переехал в Лондон и тотчас же взял на себя свою долю большой работы, которую вел Интернационал, — продолжает Элеонора. — Он был членом Генерального Совета и в то же время секретарем-корреспондентом для Бельгии, а позже и для Испании и Италии. Кроме того, литературная деятельность Энгельса была в это время исключительно велика и разнообразна. Бесчисленное количество статей, листовок и т. д. было написано им в период между 1870 и 1880 гг.

Но важнейшим во всех отношениях трудом Энгельса был «Переворот в науке, произведенный г-ном Евгением Дюрингом», вышедший в 1878 г. Разъяснять значение и влияние этого произведения теперь так же излишне, как, скажем, говорить о значении и влиянии «Капитала».

В течение последующих десяти лет Энгельс ежедневно приходил к моему отцу. Часто они отправлялись вместе на прогулки. Но так же часто они оставались дома, в кабинете моего отца, шагая взад и вперед — каждый по своей стороне комнаты, причем каждый из них высверлил каблуками ямки в полу, делая крутой поворот в углах комнаты. Здесь они обсуждали множество таких вопросов, которые и не сняты большинству людей. А нередко они подолгу молча шагали друг подле друга взад и вперед. Случалось и так, что каждый из них говорил о том, что в данный момент его главным образом занимало, — пока они не останавливались и с громким смехом не признавались друг другу, что в течение последнего получаса мысли каждого из них были поглощены проблемами, которые не имели между собой ничего общего.

Если бы время и место мне позволили, как много можно было бы написать о тех временах! Об Интернационале, о

Коммуне, о тех месяцах, когда наши квартиры походили на убежища, где каждый эмигрант находил приветливую встречу и помощь!»²

Женни Маркс, как и ее муж, радовалась теперь, что их старый испытанный друг снова был рядом с ними и что теперь, как и в прежние годы, они могли вместе проводить время. Друзья ежедневно встречались семьями, и это общение наполняло радостью их сердца. В лице Лиззи Женни обрела верную подругу.

«...Приехала сюда твоя жена, которая выглядит во всяком случае значительно лучше, чем шесть недель тому назад,— сообщает Фридрих Энгельс Карлу Марксу в августе 1876 года из Рамсгэйта, морского курорта в Англии.— Она много бегает, имеет хороший аппетит и, кажется, также совсем хорошо спит. Она и Лицци бродят по пескам, после того, как я подкрепил их на станции стаканом портвейна, и радуются, что им не надо писать писем»³.

Лиззи Бёрнс, как и ее покойная сестра Мери, была работницей. После ее смерти Энгельс писал одному из своих друзей, что ярко выраженное, инстинктивное классовое самосознание Лиззи значили для него больше, чем чопорная элегантность благовоспитанных и чувственных дам из буржуазного общества. Натура столь же приветливая и отзывчивая, сколь остроумная и темпераментная, Лиззи Бёрнс была истинной дочерью ирландского народа, человеком широких политических взглядов, страстной патриоткой и борцом за свободу. Будучи членом тайного национального движения своего народа, она принимала в его деятельности активное участие. Немалому числу ирландских патриотов она предоставляла убежище в своем доме, помогала и тем ирландцам, которые из-за политических преследований вынуждены были тайно покинуть страну. Карл Маркс очень ценил ее и неоднократно предлагал ей стать членом Интернационала.

Ранняя смерть Лиззи — она скончалась в 1878 году — искренно опечалила Женни, и она глубоко сопереживала

горю своего старого друга. «Как мне жаль Вас,— писала она Фридриху Энгельсу в августе 1878 года из Вест-Малверна,— как будет недоставать Вам Вашей «lass» везде и всюду. Я сама никогда не забуду ее и навсегда сохраню о ней добрую память. Как добра, как участлива была она по отношению ко мне во все времена забот и страданий. С какой истинной деликатностью реагировала на все обстоятельства, как по-особому интеллигентно судила о людях — все это навсегда останется в моей памяти. Сердце обливается кровью, когда вспоминаю те невыносимые муки, на которые обрекла ее самая ужасная из всех болезней. И однако же, измученная болями, как дружелюбно улыбалась она каждому, кто приближался к ее ложу страданий. Как часто, как подолгу случалось мне быть с нею на seaside (море), и никогда не возникало между нами ни малейших трений. We got on so well together (мы так хорошо ладили друг с другом): Как радостно сбегала она по лестнице, стоило ей услышать мой голос, сколько счастливых минут провела я, находясь рядом с нею.

Что в наибольшей степени отличало ее наряду со свойственным ей здоровым, практическим складом ума, образованностью, common sense (здравым рассудком), врожденным чувством порядка и порядочности, так это полнейшее отсутствие в характере каких-либо следов снобизма.

И как же редко можно встретить подобное у людей в данном положении. В этом ей действительно не было равных... И потом, как она была привязана к Вам, как старалась создать уют в Вашем доме».

Радость, хотя вряд ли можно сказать, что была она ничем не омраченной, принесли Женни Маркс 70-е годы, когда все три дочери вновь собрались в Лондоне. Чета Лафаргов переехала сюда после Гаагского конгресса и поселилась недалеко от родителей. Поль и Лаура открыли в Лондоне гравировально-фотолитографическое ателье. Более чем скромные средства к существованию приходилось зарабатывать тяжким трудом.

«К сожалению, их дело, печатание по способу Жилло, идет пока неважно,— писала Женни Маркс в начале 1877 года Фридриху Адольфу Зорге.— Конкуренция крупного капитала оказывается везде и во всем помехой. Лафарг затратил на борьбу с этим очень много сил. Лаура также проявила удивительную энергию, мужество и большое усердие во всех начинаниях внутри и вне дома. Лафаргу следовало бы напомнить пословицу: «всяк сверчок знай свой шесток». Очень жаль, что он изменил старому папаше Эскулапу *» ⁴.

Старшая дочь Женни вышла замуж в октябре 1872 года. Молодожены отправились сначала в Оксфорд, где Шарль надеялся получить место преподавателя французского языка. Однако там им обосноваться не удалось, и уже через полтора месяца они возвратились в Лондон. Но и здесь молодым было не легче. О коммунарах никто и слышать не хотел, по крайней мере в тех кругах, которые могли бы дать им работу. После долгих поисков Женни устроилась частным преподавателем и имела несколько уроков в неделю. 2 сентября у нее родился первый ребенок, который, однако, прожил лишь одиннадцать месяцев. Смерть ребенка глубоко потрясла Женни, и родители безуспешно пытались облегчить ее горе. В довершение всех несчастий Шарль Лонге оказался далеко не таким приятным человеком, каким он был в женихах. Как представляется, Женни Маркс ставила зятю в упрек прежде всего недостаточно энергичные поиски работы. В Англии родители с детства готовят своих сыновей к самостоятельному труду, писала она в середине 1874 года матери Шарля, потребовавшей ранее от Карла Маркса и Женни взять молодую семью на свое иждивение — неприемлемое требование, с негодованием отвергнутое Женни. Лишь в декабре 1874 года жизнь в семействе Лонге несколько наладилась. Шарль получил место преподавателя французского языка в Королевском колледже и давал уроки, как с удовлетворением отмечала Женни, добросовестно.

* Намек на то, что Лафарг был по специальности врач.— *Ред.*

Женни Лонге преподавала немецкий в школе Клементы Дана, прирабатывая частными уроками. В мае 1876 года у нее родился второй ребенок. Он быстро рос на радость родителям, бабушке и бабушке. «Женни 10 мая опять родила сына,— писала Женни Маркс некоторое время спустя семье Зорге,— который сначала выглядел слабеньким, маленьким и беспомощным. Теперь он со своим единственным зубиком выкормлен в толстого, крепкого, замечательного мальчугана, который является радостью всей семьи. Когда он четверкой, то есть в семейной детской коляске, возвращается домой, то все с восторгом бросаются ему навстречу; во главе со старой бабушкой, и каждый спешит завладеть им первый»⁵.

Этим мальчиком был Жан Лонге, которого все называли Джонни. Пока семья Лонге жила в Англии, его часто и нередко надолго забирали к себе бабушка и дедушка. Был он любимцем не только бабушки Женни, но и дедушки Карла, который возился с малышом так же, как в молодые годы со своими собственными детьми. Нередко компанию деду и внуку составлял Энгельс.

До 1881 года вслед за маленьким Джонни появились на свет еще три мальчика: Гарри, Эдгар и Марсель, а в 1882 году — девочка, названная в честь бабушки и мамы Женни.

Хотя дети Лонге и доставляли своим родителям, так же как дедушке и бабушке, много радости, быстрое прибавление семейства слишком тяжелой ношей ложилось на плечи молодой хозяйки, тем более что Шарль перепоручил ей все заботы по дому, воспитанию детей и уходу за ними. Здоровье Женни, к огорчению родителей, быстро ухудшалось. Ее мучила астма, и вообще жизнь не баловала ее, хотя родители, стремясь облегчить ее положение, нередко брали заботы о детях на себя.

Младшая дочь Женни Маркс, Элеонора, в 70-е годы жила по преимуществу еще в родительском доме. Но и у нее были свои конфликты и проблемы, доставлявшие матери

немало беспокойства. Непосредственно после поражения Парижской коммуны восемнадцатилетняя Элеонора обручилась с коммунаром Проспером Лиссагаре, который был на 17 лет старше ее. Такой брак не мог не вызвать неодобрения со стороны родителей. Лиссагаре, бежавший в Англию, жил в ужаснейших условиях. Более того, этот человек, пусть даже бесстрашный революционер и выдающийся публицист, не был марксистом. Скорее индивидуалист, он ни в то время, ни позднее так и не смог включиться в борьбу рабочего класса. Судя по всему, в семье Маркса в этой связи произошла размолвка, тягостная для всех, но прежде всего, разумеется, для Элеоноры. Женни Маркс, которой в свое время самой пришлось упорно бороться за свою любовь, глубоко сопереживала дочери. Надо быть смелой и мужественной, надо преодолеть этот ужасный кризис, писала она Элеоноре в апреле 1873 года в Брайтон, где та, будучи в разладе с собой и со всем миром, но непоколебимой в своей любви, работала учительницей. «Никто не сможет понять твоё положение, твою борьбу, твою обиду лучше, чем я», — добавляла она. Испытывая большую тревогу за состояние здоровья дочери, Женни пыталась убедить ее в необходимости совместного путешествия с Еленой Демут, которая как раз собиралась в Сент-Вендель. К сожалению, поездка не состоялась. Что же касается здоровья Элеоноры, то оно оставалось для Женни Маркс до самой смерти источником постоянных волнений. Родители в конце концов примирились с замужеством дочери. По просьбе отца Элеонора даже перевела на английский язык книгу Лиссагаре о Парижской коммуне. После того как в 1880 году Лиссагаре в связи с амнистией коммунарам возвратился во Францию, Элеонора расторгла с ним брак. В отношениях между дочерью и матерью осталась, однако, трещина, что — как позднее признавалась Элеонора — очень тяготило их. Но даже при всей любви друг к другу они так и не смогли преодолеть ее. Сегодня трудно объяснить, почему так случилось; не исключено, что наряду с напряженностью в отношениях, вызванной браком

Элеоноры с Лиссагаре, существовали и какие-то иные причины.

В остальном же в доме Маркса после роспуска Интернационала стало спокойнее. Лидеры английских тред-юнионов окончательно перешли на позиции реформизма и, порвав с революционным рабочим движением, принялись заигрывать с либералами. Женни Маркс, так же как ее муж и Фридрих Энгельс, с негодованием отвернулась от них.

«Об английских рабочих *à la* Моттерсхед, Эккариус, Хейлз, Юнг и т. д. позвольте мне умолчать»⁶, — писала она Зорге.

Толпы коммунаров, наводнявшие после падения Парижской коммуны дом Маркса, постепенно рассеялись. Большинству коммунаров удалось получить работу, так как правящие круги в Англии, поначалу решительно не желавшие брать на работу хотя бы одного из них, довольно скоро одумались: ведь практически все коммунары были прекрасными специалистами, ремесленниками и учеными, а это сулило предпринимателям немалую выгоду.

Другие коммунары после амнистии возвратились на родину.

Но, как и в прежние времена, навещали Маркса и Энгельса деятели рабочего движения из различных стран, приходили ученые, журналисты и множество других людей, и всех ждал радушный прием. Бывали здесь и русские; одному из них, юристу, социологу и этнографу Максиму Ковалевскому, мы обязаны прелестным описанием некоторых сторон жизни семьи в 70-е годы. Подобно друзьям Маркса и Женни по былым временам, Ковалевский также подметил необыкновенную искренность и сердечность в отношениях между супругами, так же как и деятельное участие Женни в борьбе и научных трудах мужа.

«Маркс, — пишет он, — в большей степени, чем кто-либо из людей, с какими мне приходилось встречаться в моей жизни, не исключая даже Тургенева, имел право говорить

о себе как об однолюбѣ»⁷. И продолжает: «Маркс, никогда не располагавший значительным достатком, нередко испытывал нужду, но Женни с философским и в то же время веселым равнодушием относилась к этим превратностям судьбы, озабоченная только одним, чтобы ее «дорогой Карл» не уделял слишком много времени на приобретение средств к жизни. Редко кто принимал так радушно в своей скромной обстановке, как жена Маркса, и редко кто умел более сохранить в своей простоте приемы поведения и внешний облик того, что французы называют «une grande dame» *»⁸.

Он рассказывает, как настаивала Женни Маркс в эти годы на скорейшем завершении работы над вторым томом «Капитала».

«Маркс... привык к чтению официальных отчетов, подобных английским «Blue books», и поэтому не прочь был получать из России казенные издания, касавшиеся железнодорожного хозяйства, хода кредитных операций и т. д... а его жена, очень озабоченная скорейшим окончанием всего сочинения, шутя грозила мне, что перестанет давать мне баранью котлетку (chor), если я своими присылками буду мешать ее мужу поставить давно ожидаемую точку»⁹.

Ковалевский описывает атмосферу радости и непринужденности, царившую в доме уже начинавших стареть друзей. К примеру, в доме Маркса с давних времен было заведено звать к обеду гостей, особенно по воскресеньям. Устраивались совместные с друзьями выходы в театр, прогулки в Риджентс-парк, праздники в более широком кругу, на которых веселились от души и совершенно в духе старых традиций Рейнской провинции.

«Маркс и с седой бородой,— продолжает Ковалевский,— любил начинать Новый год танцем со своей женой или с приятельницей Энгельса. Я сам однажды присут-

* «Знатной дамой». — *Ред.*

ствовал при том, как он весьма ловко прошелся со своими дамами под музыку в торжественном марше»¹⁰.

Но особой популярностью пользовались воскресные вечера у Фридриха Энгельса. В его доме радовались каждому гостю, разумеется при условии, что это были соратники по политической борьбе и личные друзья. Пили доброе бордо, пели песни. Случалось, что и сам Энгельс запевал старую студенческую песню; хорошо знал он и английские народные песни, как например «Vicar of Bray» *.

Ковалевский питал к Женни Маркс чувство глубочайшего уважения. После ее смерти он направил Марксу письмо с выражением искреннего сочувствия его горю.

«Дорогой учитель!

В Барселоне, куда меня привлекли арагонские архивы, я узнал из «Temps» печальную весть о смерти г-жи Маркс. Покойная всегда была очень добра ко мне, и я привык уважать ее и в то же время нежно любить.— Радужный прием, который Вы мне всегда оказывали, дает мне право присоединиться к выражениям горячего сочувствия и, увы, бесполезных сожалений, которые Вы, я уверен, получаете отовсюду по поводу ее смерти»¹¹.

Хотя Женни Маркс, как мы видим, и в эти годы не могла пожаловаться на отсутствие забот — к заботам о дочерях добавились волнения в связи с ухудшением здоровья мужа, который уже несколько раз ездил на лечение в Карлсбад и на остров Джерси и нуждался в отдыхе,— она все же могла наслаждаться сравнительно мирным и размеренным течением жизни, воспринимая происходящее с внутренним спокойствием человека гармоничной души и одновременно большой силы, который мог сказать о себе, что в борьбе за счастье человечества он выполнил свой долг, никогда не жаловался на усталость и всегда стоял по эту сторону баррикады.

* Об одном викарии XVI века, четыре раза менявшем свою религию.—
Прим. пер.

КОРРЕСПОНДЕНТКА «ФРАНКФУРТЕР ЦАЙТУНГ»

Для Женни Маркс спокойная жизнь отнюдь не означала бездеятельности. Напротив, она находила время и возможность, чтобы проявить свои дарования в области, которая неизменно пользовалась ее особой любовью, — в области культуры. Она писала для отдела фельетонов во «Франкфуртер цайтунг унд хандельсблат» — газеты в то время прогрессивной и настроенной благожелательно по отношению к рабочим.

В своих статьях Женни Маркс обращалась преимущественно к творчеству известного, весьма почитаемого в семье Маркса английского актера Генри Ирвинга. Она выступила в защиту этого актера от яростных нападок со стороны реакционной английской прессы, развязавшей против него клеветническую кампанию. Первую из серии этих статей Элеонора переслала 25 октября 1875 года социалисту Карлу Гиршу, другу семьи Маркса, работавшему корреспондентом «Франкфуртер цайтунг» в Париже. В своем письме Элеонора пишет: «Посылаю Вам вместе с этим письмом небольшую критическую статью, написанную моей матерью об английском актере г-не Ирвинге. Мама хотела бы, если Вы это сможете, поместить эту статью во «Frankfurter Zeitung» *.

Если бы у папы было время, он бы сам написал статью о г-не Ирвинге, который нас очень интересует (хотя мы и не знаем его лично). Прежде всего потому, что это человек редкого таланта, а также потому, что вся английская пресса, вследствие наиподлейших интриг, ополчилась на него и развернула против г-на Ирвинга настоящую кампанию. Опубликовав мамину статью во «Frankfurter Zeitung», Вы доставили бы нам огромное удовольствие»¹².

Указанная статья, за которой последовал ряд других

* Ср. письмо Маркса Женни Лонге от 7 декабря 1881 г. (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 198). — *Ред.*

материалов, была опубликована 21 ноября 1875 года. В письме Элеоноры Карлу Гиршу от 30 декабря того же года, в котором выражалась признательность Женни Маркс, говорится: «Мама просила меня передать Вам ее благодарность за хлопоты, которые Вы взяли на себя в связи с публикацией этой малозначительной критической статьи. Мама и не ожидала увидеть ее напечатанной без каких-либо изменений».

Вышеприведенные слова свидетельствуют о необычайной скромности Женни в том, что касалось ее собственного труда. А ведь ее полемические заметки как по широте охвата материала и глубине его анализа, так и по свойственному им наступательному духу выходили далеко за рамки материалов, обычно публикуемых «Франкфуртер цайтунг» в разделе фельетона, хотя для него писали многие известные представители интеллектуальной сферы. Статьи отражают и глубокое понимание их автором творчества и значения Шекспира. Одновременно это и подтверждение большой любви Женни к рабочему классу, ее твердой веры в его культурную миссию. Кроме того, статьи приправлены характерными для Женни Маркс едкими замечаниями по адресу обывателей. Они, наконец, проливают яркий свет на отношение к культуре, безраздельно царившей в доме Маркса.

«Джон Булль,— говорится в первой статье,— бьет себя в гулкую грудь в приливе гордости за свою славную конституцию, за своего Мильтона, которого он не знает, за свой pork-pie (пирог со свиной), известный ему очень хорошо, и last not least * — за своего Вильяма Шекспира. Все — пустая фраза (разве что к своему pork-pie он относится серьезно). Все — национальная спесь и ханжество! Если речь заходит о том, чтобы поставить памятник «Swan of Avon» («лебедю Эйвона»), этому величайшему из всех поэтов, то рассчитывать надо только на нижние

* Хотя в последнюю очередь, но не менее важно.— *Прим. пер.*

слои населения, которые по грошам соберут сумму, необходимую для осуществления задуманного. Вокруг дубка, посаженного одиннадцать лет назад на Примроз-хилл в трехсотлетнюю годовщину со дня рождения Шекспира, сгруппировались только актеры, которые своего Шекспира любят, и рабочие, которые его основательно изучили по книжкам в дешевых бумажных переплетах и носят любовь к своему «Виллу» глубоко в сердце».

Далее Женни Маркс сообщает о многочисленных бесплодных попытках возродить Шекспира на сцене английских театров. По ее словам, директор театра «Олд-Друри-Лейн» в конечном итоге был вынужден заявить, что «Шекспир-де несостоятелен».

«Итак, Шекспир канул в небытие,— продолжает она,— и лишь изредка Гамлет или Макбет появится вдруг на подмостках в рабочих кварталах, чтобы вновь быстро исчезнуть. И вот год назад молодой актер Генри Ирвинг, известный ранее только в провинции и прославившийся в Лондоне исключительно исполнением мелодраматических ролей, отважился вновь вывести Гамлета на сцену. Он отважился бросить вызов старым устоявшимся традициям и создать вместо прежнего и такого привычного свой образ Гамлета, который воспроизводил бы точно и оригинально творение Шекспира. И заворчали, и забрюзжали вечно недовольные критики: по мнению одного, принцу не доставало царственности, другому не понравилась его походка, третий находил его излишне манерным, а четвертый — мелодраматичным. А театр между тем был полон. И тогда ветер вдруг переменился. Газетчики перестали заниматься критиканством; они начали хвалить, они начали превозносить, и не просто, а до небес. И случилось невероятное. В течение двухсот вечеров к нему устремлялась благоговейно внимающая, восторженная толпа людей. Стало модным смотреть Ирвинга в роли Гамлета. Было *bon ton* восхищаться Шекспиром».

Женни с любовью рисует портрет Ирвинга:

«Честь и хвала молодому художнику за то, что он не соблазнился аплодисментами; за то, что с величайшей добросовестностью и неослабевающим усердием продолжал работу над своей ролью, проявляя неизменную готовность и желание с благодарностью принять как добрый совет, так и серьезную критику, обернув их себе на пользу. Вот так, изо дня в день шлифуя шероховатости и неровности, от которых еще не был свободен его Гамлет, он сумел в конечном итоге создать емкий, многогранный, законченный, как бы отлитый из единого куска образ, в котором уже трудно было найти какие-либо недостатки. На 200-м представлении мы прощались с идеальным принцем Гамлетом».

После Гамлета Ирвинг обратился к образу Макбета. «Вот уже месяц,— продолжает Женни,— как он впервые представил нам своего Макбета. И что же? Опять ворчание, рычание и брюзжание прессы, как это было и в случае с Гамлетом, только на сей раз в более жестких и резких тонах. Единственно «Times» обошлась с молодым ищущим актером справедливо, воздав должное его заслугам и поощрив его искания. Крупные газеты излились бесконечными противоречивыми критическими заметками и статьями, в которых растворился сам предмет критики и из которых ни одна не попыталась проникнуть в глубинную сущность Шекспира, увлекшись второстепенным и чисто внешним. «The small fry», малая пресса, унизилась до мелочных, личностных выпадов и замечаний, в которых слишком отчетливо звучат интриги, зависть и беспомощная злоба. А театр все равно каждый вечер заполняется зрителями, и билеты нужно заказывать за несколько недель вперед. Мертвая тишина царит в публике, лишь изредка нарушаемая одиночными всплесками аплодисментов; никакого стихийного энтузиазма, который мог бы воодушевить молодого актера,— зал безмолвствует, зал непреклонен, зал околдован. Откуда эта непреклонность в публике?»

Отвечая на поставленный вопрос, Женни дает блестя-

щую характеристику опасности бульварной прессы всех времен, которая не только оглуляет читателей в вопросах культуры, но прежде всего служит целям маскировки политики эксплуататорских классов и отвлекает людей от действительно важных вопросов.

«Так что же произошло? Может быть, средним классам в Англии снова не терпится избавиться от шекспировских оков, которые наложил на них хороший тон; или, может быть, избранное общество спешит уйти от подлинных произведений искусства к мелодраматическим зрелищам с пылающими кораблями, рушащимися скалами, настоящими фиакрами, лошадьми, верблюдами и козами? Или, может быть, утонченные дамы втайне вожделеют современных «Judenkirschen» Сарду, к тому же плохо переведенных, щекотливых фраз и двусмысленных ситуаций? Или же это критика так запугала публику, сделав ее столь робкой? Для английского обывателя мужество иметь собственное мнение — редкость. Он, правда, сожмет кулаки... но в кармане. Ему лень думать, да и зачем, когда каждое утро он завтракает неизменной яичницей с ветчиной в обществе своего *reppu-a-liner* (платного газетного писаки), который думает за него. А ведь это так удобно — садиться в омнибус, имея в кармане готовые обкатанные фразы, ехать в сити или в клуб, а то сидеть вечером в театральной ложе. Ведь еще утром «Daily News» нашептала ему, что Ирвинг неправильно трактует образ Макбета, что Макбет — прямодушный, мужественный, смелый полководец, в то время как Ирвинг изображает его жестоким убийцей и моральным трусом и лишь в конце жизненного пути Макбета вновь выводит его смелым, физически сильным и мужественным. «Какое противоречие в трактовке!» — восклицает «Daily News», и мой прилежный читатель газет верит своей «Daily News». А рядом с ним сидит «Standard» — обыватель или даже некто, свято верящий в «Saturday Review», — и у всех в карманах совершенно готовые мнения. В этом смысле большое преимущество рабочей публики состоит

в том, что рабочий не желает идти на поводу у прессы, а предпочитает идти в театр, где он верит собственным глазам и ушам, хлопает и шикает в свое удовольствие...

Мы надеемся, что вой, поднятый прессой, и кажущаяся холодность публики не заставят Ирвинга свернуть с избранного пути, отказаться от работы над Шекспиром и вернуться к мелодраме, для которой он — как принято было считать — создан.

Его Макбет еще не может считаться законченным произведением. В первом акте вся манера его игры отличается неровностью, неустойчивостью и не может удовлетворить; нередко испытываемая им большая робость ведет к интонационным искажениям; более того, временами оставляет желать лучшего и его дикция. Во 2-м и 3-м актах игра актера поднимается уже на значительно более высокий уровень. Так, мастерски дается сцена, в которой Макбету является сестра; глубоко впечатляет сцена пира. На протяжении всего последнего акта игра Ирвинга непревзойденна. Воистину потрясают его изломанная фигура, искаженное горем постаревшее лицо, тупая боль, застывающая в его выразительных чертах при известии о смерти леди Макбет, срывающий с места порыв бешеной ярости, с которой он, презирая смерть, бросается в бой; отчаянный поединок с Макдафом и, наконец, его смерть.

Мы твердо убеждены в том, что Ирвинг с присущей ему добросовестностью и готовностью к восприятию и использованию критических замечаний сумеет справиться с недостатками, слабыми сторонами и шероховатостями созданного им образа Макбета и что постепенно выкристаллизуется совершенное произведение искусства, достойное занять место рядом с его Гамлетом. В этих серьезных добросовестных поисках молодому актеру служат хорошим подспорьем его духовные и физические дарования, красивый, мягкий, мелодичный, пусть даже и не столь сильный голос, благородное выразительное лицо и великолепно динамичная, выразительная мимика».

Полемикой на страницах «Франкфуртер цайтунг», газеты, пользовавшейся международным признанием, Женни Маркс помогла утверждению одной из крупнейших фигур английского сценического искусства, и вряд ли можно сомневаться в том, что ее конструктивная критика достижений Ирвинга пошла ему только на пользу.

Впоследствии Генри Ирвинг, получив под свое начало театр «Лицеум», в котором были осуществлены обе рассмотренные Женни Маркс постановки, создал труппу с мировым именем, неизменно уделявшую большое внимание произведениям Шекспира. Под его руководством театр оказал значительное влияние на развитие английского театрального искусства.

Женни Маркс посвятила Генри Ирвингу еще две статьи. Его восхождение к славе началось при ее жизни.

В ряде статей, написанных Женни Маркс для отдела фельетона «Франкфуртер цайтунг», дается чрезвычайно интересное описание театрально-зрелищной сферы в Лондоне того времени, причем они неизменно содержат в себе колкие остроумные замечания в адрес обывателя.

Особый интерес представляет статья, написанная в декабре 1876 года и рассматривающая вопросы, связанные с созданием Шекспировского общества, в деятельности которого вся семья Маркса принимала самое деятельное участие.

«Три года назад,— говорится в статье,— здесь было создано Шекспировское общество «в честь великого мастера и с целью поощрения и облегчения серьезного и глубокого изучения его произведений во всех классах населения». По всей Англии, в Шотландии и Ирландии, в колониях и в Северной Америке возникли филиалы во главе с членами-корреспондентами. Присоединились к обществу и многие шекспировские объединения Германии, и даже энтузиасты изучения произведений Шекспира из Франции (что уже редкость) вступили в него».

Далее следует чрезвычайно интересное описание дея-

тельности общества, в котором, как уже сообщалось, сотрудничала и дочь Женни Элеонора.

«Добрые дела Шекспировского общества, — с удовлетворением заключает Женни, — видны уже во многом, изучение великого поэта, в течение лет никем не поощряемое, вновь начинает вызывать интерес в широких слоях».

ДРУЖБА С РУССКИМИ РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ

Уравновешенность, спокойствие, обретенные Женни Маркс, отнюдь не мешали ей следить в эти годы столь же пристально, как и раньше, за ходом политических событий, и в первую очередь за развитием освободительной борьбы народов. Как и прежде, она проявляла живой интерес к новым крупным политическим проблемам. При этом особое внимание Женни, уже отметившей свое шестидесятилетие, привлекало нарождающееся революционное движение в России — как могло быть иначе! — и крепнущее революционное рабочее движение в Германии, во главе которого стоял Август Бебель.

После отмены крепостного права в социально-экономической жизни царской России происходили огромные перемены, приковывавшие к себе внимание прогрессивных людей всей Европы. Царская империя вступила на путь капиталистического развития. В городах росли крупные промышленные предприятия с численностью более 500 рабочих. В деревне, где также утверждались капиталистические производственные отношения, шел процесс разложения деревенской общины — этой традиционной формы организации крестьянства. Рядом с помещиками, которым крестьяне за свое освобождение от крепостной зависимости должны были платить громадный выкуп, нарождался слой зажиточных крестьян, кулаков, и они — вкупе с помещиками — грабили деревенскую бедноту, как называл ее В. И. Ленин. Отмена крепостного права вовсе не озна-

чала ликвидации ужасающей нищеты, в которой прозябали народы, жившие под гнетом царского самодержавия. Как и прежде, царь и помещики правили народом при помощи кнута, опираясь на огромную армию жандармов, приставов, полицейских ищек и тюремных надзирателей, жестоко подавлявших любую попытку сопротивления, любое проявление свободомыслия. В деревнях большинство крестьян голодало, терпело отчаянную нужду, подвергалось истязаниям. Свирепствовали болезни и эпидемии. Не лучше было и положение рабочих. Многие из них жили в фабричных казармах, и все работали в ужасных условиях, сложившихся на стадии раннего промышленного капитализма, в том числе в Англии и других странах. Жестокое обращение и нещадная эксплуатация, от которых в первую очередь страдали женщины и дети, считались нормой.

Уже в 40-е и 50-е годы выступили против царского самодержавия революционные демократы, среди них В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский. Страстные поборники прогрессивного развития своей страны, они вели героическую и самоотверженную борьбу против тьмы невежества, окутавшей народ, против царского произвола.

Царское правительство, жестоко расправлявшееся с восставшими крестьянами, с не меньшей жестокостью преследовало и революционных демократов. Гремя кандалами, тянулись в сибирскую ссылку политические — страшная картина, как изобразил ее Лев Толстой в романе «Воскресение». Других революционеров ждали казематы Петропавловской крепости и Шлиссельбурга или же виселица.

Но, несмотря на репрессии, революционное движение после отмены крепостного права набирало силу. Не прекращались крестьянские волнения, а в 60-е и особенно в 70-е годы все более активно поднимается на борьбу рабочий класс. На фабриках проводятся — поначалу стихийно — забастовки против нечеловеческих условий труда.

Маркс с величайшим вниманием следил за развитием

демократического движения в России. Он восхищался героической борьбой русских революционеров, поддерживал с некоторыми из них тесные контакты, как, например, с будущей участницей Парижской коммуны Дмитриевой, с которой Женни Маркс и ее дочери также состояли в дружеских отношениях.

Другом семьи Маркса был и Герман Александрович Лопатин, друг и последователь Чернышевского. Будучи членом Генерального Совета Интернационала, он неоднократно останавливался в Лондоне. Сам Чернышевский, великий революционный писатель и публицист, был чрезвычайно почитаем в семье Карла Маркса. После его ареста в 1862 году и затем высылки в Сибирь Маркс энергично выступил в поддержку требования о его освобождении.

Женни Маркс разделяла восхищение своего мужа русскими революционерами. И не удивительно: героизм этих людей, их самоотверженность, страстное стремление к истине, великодушие и готовность к самопожертвованию, подлинная человечность и глубокая вера в народные массы, отношение к женщине, основанное на чувстве глубочайшего уважения к ней, не могли не привлекать, более того — увлекать такого человека, как Женни Маркс.

Нам неизвестно отношение Женни к Г. А. Лопатину. Зато в одном из писем Иоганну Филиппу Беккеру мы находим свидетельство восхищения Н. И. Утиным, одним из руководителей русской секции I Интернационала в Женеве. «Очень сожалею, — пишет Женни И. Ф. Беккеру, — что не имела возможности познакомиться с Утиным лично во время Лондонской конференции, так как я на ней не присутствовала. Восхищаюсь его энергией, его величайшим усердием и его cleverness (умом). При случае передайте ему, какое наслаждение доставило мне чтение его последней l'Egalité. Он сообщает, что, возможно, приедет в Англию: огромное приобретение для нас, колоссальная потеря для Швейцарии».

В 1875 году Женни путешествовала по Швейцарии,

любовалась красотами Женевского озера и Альпами. Но это не помешало установить контакты с проживающими там русскими эмигрантами. Их простая, целиком отданная революции жизнь понравилась ей, несмотря на отдельные моменты, в отношении которых у нее были иные взгляды. Об одной русской революционерке, в семье которой она жила в Женеве, Женни Маркс сообщала дочери Элеоноре: «О радушии тетушки Ольги и ее сестры (замужем за бывшим анархистом-бакунистом) не вдруг составишь себе представление. И какая уютная простота в доме. Нужно видеть эту женщину в привычной обстановке, окруженную дорогими детьми и делающую сразу тысячу дел, чтобы проникнуться к ней любовью и забыть ее ошибки. Теперь я понимаю, отчего старина Беккер — и не только он — так восторгается ею».

Маркс и Энгельс не жалели усилий, чтобы приобщить к научному социализму и русских революционеров-немарксистов, ибо экономические отношения в царской России того времени затрудняли русским революционерам восприятие сути этого учения. И все же идеи Интернационала и вести о героической борьбе коммунаров доходили до русских рабочих, оказывая на них сильное воздействие. Перевод трудов Маркса и Энгельса на русский язык также способствовал проникновению марксизма в Россию. Уже в 1872 году там был издан в переводе, как уже упоминалось, Н. Ф. Даниельсона и Г. А. Лопатина первый том «Капитала». В 1882 году в Женеве вышло второе издание «Манифеста Коммунистической партии» в переводе на русский язык, осуществленном Г. В. Плехановым. Первое издание в переводе М. А. Бакунина вышло там же в 1869 году.

Подобно мужу и Фридриху Энгельсу, Женни Маркс также стремилась на практике доказать свои дружеские чувства к русским революционерам. Так, в статье, написанной весьма темпераментно для «Франкфуртер цайтунг», она выступила в защиту русской революционной литера-

туры от враждебных нападков со стороны некоего англичанина.

Статья вызвала широчайший резонанс.

В письме Энгельсу от 18 сентября 1878 года Маркс пишет: «...Ковалевский снова встретил в Швейцарии Ролстона; тот сразу спросил его, не знает ли он того русского социалиста, который изобразил его (Ролстона) в отделе фельетона «Frankfurter Zeitung» обманщиком, трусом и т. д.? (Статья была написана моей женой.) Ковалевский почувал, откуда дует ветер, но ответил, не погрешая против истины, что он такого русского не знает... (Эта помещенная в отделе фельетона статья была вызвана подлой выходкой Ролстона в отношении «Русской революционной литературы»)»¹³.

Статья Женни, на которую ссылается Маркс, была опубликована в отделе фельетона «Франкфуртер цайтунг» от 25 мая 1877 года. В ней, в частности, говорится: «И вот этот г-н Ролстон, пробыв некоторое непродолжительное время в России и научившись с грехом пополам изъясняться по-русски, позволяет себе разглагольствовать об этой стране и предекать ее будущее на собраниях и в журналах. В последнем номере «Девятнадцатого века» он поместил статью, посвященную современной революционной литературе в России и последним революционным выступлениям. Ролстон заявляет, что-де мог бы еще понять самопожертвование во имя религиозных убеждений и лояльности, но никак не ради каких-то незрелых идей».

Женни поднимает свой голос в защиту революционных народников, подвергавшихся жестоким преследованиям со стороны царской полиции, и особенно героических молодых девушек, отдавших русской революции свое счастье и свою жизнь.

«Стоит ли удивляться, что в его статье вы не найдете ничего, кроме насмешек, издевок и презрения по отношению к несчастным жертвам последнего малого револю-

ционного бунта, которые смогли отдать жизнь ради идеи свободы, пусть даже и неправильно понятой. Горе, ах какое горе бедным девушкам, примкнувшим к этому движению и уже поплатившимся за это своим здоровьем в ходе предварительного следствия. Сейчас они, закованные в кандалы, отбывают 15-летнюю сибирскую каторгу, где их медленно убивают».

Затем Женни переходит к Чернышевскому. Она пишет о нем с огромным восхищением. В то же время это свидетельствует о ее великолепном знании русской литературы.

«Как могло случиться, что в своей статье г-н Ролстон ни словом не упомянул о величайшем из современных революционных писателей — *Н. Чернышевском*? Может быть, ему неизвестно главное произведение Чернышевского, его труд «Очерки из политической экономии», написанный в форме критического исследования, подобно «Principles of Political Economy» Д[жона] Ст[юарта] Милля? Или Ролстон не знает, что сочинения Чернышевского — главным образом критические работы в области истории, эстетики, философии, литературы, политики — составляют на сегодня 20 объемистых томов (за исключением одного романа, озаглавленного «Что делать?»)? Или он не слышал о «Современнике», журнале Чернышевского, со страниц которого он призывал русское правительство освободить крестьян от крепостной зависимости (правда, иным образом, нежели это было сделано в действительности) и столь безжалостно и едко высмеивал тогдашний лжелиберализм петербургской прессы, что у ведущих ее представителей буквально гора с плеч свалилась, когда правительство сослало его в Сибирь — ибо впервые простой критик, ученый стал в России общественной силой? Так почему же наш литератор, неспособный пожертвовать собой ради какой бы то ни было идеи, обходит молчанием этого человека и, однако ж, столь словоохотливо рассуждает о нигилизме и фиктивных браках?»

ВМЕСТЕ С ПАРТИЕЙ АВГУСТА БЕБЕЛЯ

Несмотря на глубокую симпатию к русским революционерам, главное место в сердце Женни все же по-прежнему занимали проблемы, связанные с ее родиной. Бурное развитие капитализма, последовавшее за объединением Германии «сверху», и вызванный этим подъем немецкого рабочего движения не могли не занимать мысли и чувства такого серьезного политика, живо интересующегося всем происходящим в мире.

Окончательно осталась в прошлом затхлая атмосфера мелочной опеки, характерная для жизни в той Германии, в которой прошли юные годы Женни. В Берлине, в Саксонии, но прежде всего на Рейне и в Руре возникают крупные промышленные центры. Особенно в Рурской области, промышленном сердце Германии, поднимались к небу все новые фабричные трубы и копры шахт, давали металл гигантские металлургические заводы, начинался процесс превращения пушечной фабрики Круппа в военно-промышленный центр милитаристской Германии. И в родных краях Женни, в Сааре, расположенном недалеко от Трира, развивалась горнодобывающая промышленность. Текстильная промышленность на Рейне и в Саксонии также находилась на подъеме. Развивались торговля и транспорт; все более густая сеть железных дорог покрывала территорию страны, все оживленнее становилось судоходство на ее реках. Росла внешняя торговля.

После 1871 года стремительно набирали силу крупные банки, такие, как Немецкий банк, Дрезденский банк, Учетное акционерное общество и Дармштадтский банк. Возрастала их роль в экономической жизни страны, начинался процесс постепенного слияния промышленного и банковского капитала. Германия превращалась в крупную капиталистическую державу.

Женни прекрасно понимала, на какой путь вступила милитаристская Германская империя, осуществив аннексию

Эльзаса и Лотарингии, ограбив французский народ и приняв участие в подавлении Коммуны, и каким путем она неизбежно пойдет дальше, если устремлениям германского милитаризма не будет положен конец. Но Женни была принципиальной марксисткой и сознательным борцом, чтобы склонить голову перед обстоятельствами. Она соглашалась со своим мужем, который указывал, что национальное объединение Германии — пусть даже и осуществленное милитаристскими кругами — создавало для немецкого рабочего класса новые, более благоприятные условия для сплочения своих рядов в преддверии грядущих сражений и для активизации борьбы против германского милитаризма. Как и ее муж, она надеялась, что немецкий народ в союзе со всеми другими демократическими силами одержит верх над германскими милитаристами прежде, чем им удастся втянуть свою страну и Европу в ужасную захватническую войну. И хотя ее надежды не сбылись, в то время они были вполне оправданны, и Женни Маркс имела все основания гордиться партией, с которой она оставалась тесно связанной до своего смертного часа. После поражения Парижской коммуны партия Августа Бебеля стала ведущей в международном рабочем движении. Она оказалась достойной этой высокой ответственности точно так же, как во время войны и Парижской коммуны.

Пытаясь сокрушить партию Бебеля с помощью лейпцигского процесса по делу о государственной измене, Бисмарк потерпел полный провал, столкнувшись с непоколебимой твердостью эйзенахцев. Несмотря на то что Бебель и Либкнехт — как уже упоминалось — были приговорены к двум годам лишения свободы, лейпцигский процесс содействовал дальнейшему укреплению партии. Революционные рабочие все теснее спланивались вокруг нее. Вскоре Бебель вновь предстал перед судом, на сей раз по обвинению в оскорблении его величества; он был лишен депутатского мандата. На последовавших за этим дополнительных выборах партия вновь выставила его кандидатуру. Бебель получил 10 740 го-

лосов, почти на 4 тысячи больше, чем на предыдущих выборах. Его сопернику удалось собрать лишь 4240 голо-сов.

С развитием промышленного производства росли численность, сила и самосознание немецкого рабочего класса. Но его социальное положение ухудшалось. В условиях обострения классовой борьбы лассальянские догмы теряли свою привлекательность для немецких рабочих. В то же время резко возрос авторитет эйзенахцев, в частности благодаря их смелым и последовательным выступлениям против прусского милитаризма. В рядах Социал-демократической рабочей партии, так же как среди членов и сторонников лассальянского Всеобщего германского рабочего союза, росло понимание того, что успешно отстаивать интересы рабочего класса в борьбе против германского милитаризма, равно как и произвола предпринимателей, можно лишь под руководством единой партии рабочего класса.

Настало время преодолеть раскол в немецком рабочем движении. В мае 1875 года единство рабочих было восстановлено. Эйзенахцы объединились с лассальянцами в Социалистическую рабочую партию Германии. Таким образом, под руководством Августа Бебеля была создана объединенная немецкая рабочая партия, способная возглавить борьбу всех демократических сил против германского милитаризма. Однако программа, принятая на объединительном съезде в Готе, решительно отвергалась как Марксом и Энгельсом, так и их наиболее последовательными сторонниками. В своей основополагающей работе, вошедшей в историю под названием «Критика Готской программы» и являющейся одним из важнейших теоретических документов рабочего движения, Маркс подверг программу резкой критике. Выход своему негодованию по поводу программы он дает, в частности, в одном из писем своей жене, которую он — в случае ее отсутствия — неизменно информировал о всех важных вопросах.

«Циркуляр остряне Либкнехта — Гассельмана я отпра-

вил (теперь он уже в руках Бракке), — писал Маркс жене, — это маленькая брошюра»¹⁴.

И все же практика показала, что политика партии при всей компромиссности Готской программы была в то время революционной. Маркс и Энгельс всемерно поддерживали ее. Не оставалась бездеятельной и Женни. Так, направляясь в Швейцарию, она провела некоторое время в Германии, и если в Кёльне она навестила свою подругу Амалию Даниельс, то в Майнце она разыскала своего друга по политической работе и соратника по борьбе Пауля Штумпфа, одного из тех, чья подпись стояла под призывом к объединению. Поэтому мы имеем все основания предположить, что и эта поездка носила политический характер.

Вильгельм Блос, один из руководящих деятелей партии, рассказывает в своих мемуарах: «Это было летом 1875 года, когда я получил от него (Штумпфа. — Л. Д.) записку: «Непременно приходите сегодня к восьми вечера в гостиницу «Ландсберг»; приехал интересный и приятный человек». Точно в указанное время я пришел в гостиницу и нашел там Штумпфа в обществе дамы с незаурядной — как принято говорить — внешностью, 55—60 лет. Четко очерченные, одухотворенные, привлекательные черты лица, гордая осанка и приветливый характер — такой увидел я Женни Маркс... Она передала мне привет от своего мужа и дочери Элеоноры. Беседа за ужином, которым нас потчевал Штумпф, была столь увлекательной, что затянулась до трех часов утра...»¹⁵

Если Вильгельм Блос ни словом не обмолвился о политической дискуссии, во время которой Женни Маркс высказывала свое мнение о Готской программе и о борьбе партии, то это отнюдь не доказательство того, что такой дискуссии не было вообще. Как известно, Вильгельм Блос перешел впоследствии в лагерь ревизионистов и после Ноябрьской революции, будучи премьер-министром Вюртемберга, тяжело провинился перед немецким рабочим классом.

После объединения партия стремительно росла вширь.

На выборах в рейхстаг в 1877 году она собрала около полумиллиона голосов и направила в рейхстаг 12 депутатов, заняв таким образом четвертое место среди партий в Германии. К этому времени она насчитывала более 400 местных организаций и издавала свыше 42 газет. Партия превратилась во влиятельную политическую силу страны. Охваченная чувством радости, Женни Маркс писала Зорге, что победа социалистов в Германии занимает ее мужа не меньше других вопросов, и «дело не в том, что они пошлют в парламент так много «людей», а в количестве голосов, которое социалисты получили повсюду, даже в берлинских кварталах тайных советников, и которое действительно необыкновенно велико. Это обстоятельство, кажется, совершенно вывело из равновесия и карьеристов, и грюндеров, и кровопийц»¹⁶. Несомненно, эти слова отражали и ее собственное мнение.

После выборов провокационная кампания против партии и преследование социалистов вспыхнули с новой силой. Бисмарк рассматривал революционное рабочее движение со времен Парижской коммуны как главного врага и ни на миг не отказывался от планов его уничтожения. Оба покушения на кайзера (в мае и июне 1878 года), к которым партия не имела ни малейшего отношения, Бисмарк использовал в качестве предлога для разжигания разнузданной антисоциалистической кампании. Ему удалось добиться роспуска рейхстага. Новые выборы были назначены на 30 июля. Предвыборную кампанию, которая не имела себе равных по накалу борьбы, партии пришлось вести в условиях жесточайшего террора. Реакции удалось посеять панические настроения. «Изменники родины», «разрушители всего», «цареубийцы» — эти оскорбления непрестанно сыпались на членов партии. На улицах, в кафе и ресторанчиках разыгрывались дикие сцены. Предприниматели тысячами увольняли рабочих — членов социал-демократической партии; ремесленники и коммерсанты, состоявшие в партии, подвергались гонениям и бойкоту; владельцы ресторанов и кафе

закрывали двери своих заведений перед «красными», на которых они многие годы наживали капиталы; домовладельцы расторгали с квартиросъемщиками-социалистами договоры о найме жилой площади. На членов партии градом сыпались доносы. Их обвиняли в оскорблении его императорского величества, и, хотя большинство из обвинений не имело под собой никаких оснований, множество социал-демократов подвергалось различным наказаниям. Нередки были случаи, когда собрания партии запрещались или же они проводились под строжайшим надзором полиции. Но, несмотря на все преследования, партия потеряла на выборах лишь 56 289 голосов. 437 158 человек отдали свои голоса партии Августа Бебеля, и девять депутатов от социал-демократической партии вошли в новый состав рейхстага.

И все-таки Бисмарку удалось протолкнуть через парламент тот чрезвычайный закон против немецкой социал-демократии, который вошел в историю как исключительный закон против социалистов. Вступивший в силу 21 октября 1878 года, этот закон предоставлял местным властям право распускать организации социал-демократической партии, профессиональные союзы, рабочие спортивные клубы, кружки и другие организации рабочих, а также запрещать издание и распространение социал-демократической прессы и социал-демократической литературы, с таким трудом созданной на рабочие гроши; запрещать любые собрания, в случае если последние имели социалистический характер. Официально продолжала существовать только социал-демократическая фракция рейхстага.

День 21 октября 1878 года знаменовал собой начало того периода в истории немецкой социал-демократии, который В. И. Ленин назвал героическим. Он продолжался 12 лет, и эти 12 лет были годами героической борьбы, непоколебимой веры в победу и беспримерного мужества деятелей социал-демократической партии, прежде всего Августа Бебеля, которые, опираясь на неизменную поддержку и руководство советами Карла Маркса и Фридриха Энгельса, уве-

ренно вели прочный корабль революционной партии через все рифы и стремнины.

Это были 12 лет в жизни десятков тысяч рабочих, которые из-за своей принадлежности к социал-демократической партии лишались работы и хлеба; 12 лет в жизни мужчин и женщин, которые наперекор преследованиям полиции вели социал-демократическую пропаганду и подготавливали выборы; 12 лет в жизни товарищей, которым предписано в течение 24 часов покинуть родину, оставляя свои семьи в величайшей нужде; 12 лет в жизни безымянных мужчин и женщин, которые, зачастую больные и голодные, ослабленные чахоткой, нелегально доставляли и распространяли газету «Социал-демократ», издававшуюся в подполье, пряча ее в сумках и свертках, в корзинках для покупок; это, наконец, 12 лет в жизни тысяч и тысяч пролетариев, которые отрывали крохи от своей и без того нищенской зарплаты, чтобы помочь преследуемым социал-демократам, не дать умереть с голоду их семьям, пополнить избирательные фонды партии; это и те 12 лет, в течение которых проводились многочисленные акции солидарности в поддержку преследуемых немецких товарищей.

В доме Маркса эти события вызывали самое горячее участие. Женни, в то время уже тяжело больная, также проявляла к ним величайший интерес. Несгибаемая позиция партии была — по свидетельству Энгельса — последней радостью Женни. Когда Маркс и Энгельс помогали партии, подвергшейся столь суровым испытаниям, в создании необходимых политических предпосылок для ведения борьбы в условиях подполья, прежде всего в создании революционного органа партии — газеты «Социал-демократ», Женни Маркс — и об этом можно говорить с полной уверенностью — принимала в этом деятельное участие. Точно так же мы имеем полное право предположить, что Женни, через всю жизнь пронесшая верность принципам пролетарской солидарности, сама испытывая все тяготы ссылки, глубоко сострадала изгнанникам и помогала им по мере сил сво-

их. Именно в это время наконец-то исполнилась ее давнишняя мечта: она познакомилась с Августом Бебелем, который посетил Лондон в 1880 году. Мы располагаем двумя свидетельствами указанного события, которые, несмотря на свою лаконичность, наглядно показывают нам, как глубоко волновали Женни события в Германии, как близко к сердцу принимала она героическую борьбу партии, как хорошо понимали друг друга безнадежно больная Женни и видный деятель немецкого рабочего движения.

Бebelь приехал в Лондон, имея в виду встретиться с Марксом и Энгельсом, и, разумеется, получил — как и сопровождавший его Эдуард Бернштейн — от семьи Маркса приглашение на обед. Об этой встрече за семейным столом в доме Маркса Э. Бернштейн рассказывает следующее: «Ко времени нашего приезда в Лондон жена Маркса была уже тяжело больна. И однако же в день, когда мы пришли к ним, она покинула постель, чтобы почтить нас своим присутствием за столом. Поднимая бокал за наше с Бебелем здоровье, она сказала немало добрых слов о нашей деятельности, дав при этом высокую оценку заслугам Бебеля. По окончании обеда она, однако, вскоре удалилась к себе в комнату. Ее манеры выдавали в ней женщину высокообразованную; речь ее при всей своей приветливости была совершенно свободна от какой бы то ни было экзальтированности».

Сам Бебель вспоминает: «В то единственное воскресенье, которое мы пробыли в Лондоне, мы все были приглашены на обед к Марксу.

С г-жой Женни Маркс я уже познакомился раньше. Она сразу завоевала мои симпатии. Это была женщина благородной внешности, умевшая самым очаровательным и любезным образом занимать своих гостей. Тогда же я познакомился со старшей дочерью Маркса, тоже Женни, которая была замужем за Лонге и пришла в гости со своими детьми. При этом я был приятно поражен, когда увидел, с какой сердечностью и нежностью Маркс, которого в то время всю-

ду изображали наихудшим врагом рода человеческого, умел играть со своими двумя внуками и как эти последние были привязаны к деду. Кроме старшей дочери Женни на обеде присутствовали также обе младшие — Тусси, впоследствии г-жа Эвелинг, и Лаура, жена Лафарга. Тусси, черноглазая и черноволосая, была копией своего отца; Лаура, блондинка с темными глазами, была больше похожа на мать. Обе они были очень красивые и живые...

Когда накануне нашего отъезда я еще раз посетил семью Маркса, г-жа Маркс была больна и лежала в постели. Я попросил разрешения проститься с ней, и Маркс провел меня в ее комнату, строго наказав не говорить с ней дольше четверти часа. Но мы скоро так увлеклись дружеской беседой, что я совершенно позабыл о ее состоянии и вместо четверти часа просидел у нее больше получаса. Тогда вошел потерявший терпение Маркс и стал меня журить, что я «гублю» его жену. С грустью прощался я с нею, потому что болезнь, которой она страдала, была неизлечима. Больше я ее не видал. Она умерла уже в следующем году»¹⁷.

Уйти непобеждённой



Последние годы жизни Женни Маркс были омрачены мучительной болезнью. Врачи, лечившие Женни, долгое время терялись в догадках относительно характера болезни. Лишь в 1880 году д-р Гумперт из Манчестера, к которому обратились Женни и Карл Маркс, поставил диагноз: опасное заболевание печени.

Уже летом 1876 года Карл Маркс писал Фридриху Энгельсу, что его жена тяжело больна.

В 1877 году симптомы болезни начали множиться. В августе Женни вместе с мужем и дочерью Элеонорой отправились на курорт в Нейенаре. Они еще не потеряли надежды на выздоровление. Маркс писал из Нейенара Фридриху Энгельсу: «Здесь я нашел очень хорошего врача, д-ра Шмитца...

Шмитц повторил мне сегодня, что после трехнедельного пребывания здесь я должен пожить в Шварцвальде, чтобы

подышать горным и лесным воздухом. Nous verrons *. То же самое рекомендует он и для моей жены, которая, впрочем, должна пройти курс лечения и приехала как раз вовремя, до начала ухудшения ее болезни»¹.

Но улучшение было непродолжительным, и в последующие годы состояние здоровья Женни продолжало ухудшаться. В сентябре 1878 года Карл Маркс сообщал своему другу Фридриху Адольфу Зорге, что намеревается отправиться в Малверн в Вустере. «Моя жена...— добавляет он,— очень нездорова...»² В ноябре 1879 года он писал тому же адресату: «Жена моя все еще опасно больна...»³

В 1880 году наступило резкое обострение болезни. В августе Маркс сообщил Зорге о диагнозе Гумперта, нашедшего у Женни тяжелое заболевание печени. Напуганный выводами врача, к которому он испытывал чувство особого доверия, Карл Маркс обратился за помощью к д-ру Фердинанду Флеклесу, врачу в Карлсбаде. Поскольку Женни в тогдашних политических условиях не могла выехать в Карлсбад, да и состояние здоровья вряд ли позволило бы ей сделать это, Ф. Флеклес направил ей перечень вопросов. Женни, правда, так и не ответила на них, но зато выслала врачу составленный ею подробный отчет о своей болезни. Последний подтверждает, что она прекрасно осознавала всю серьезность своего положения. Но с такой же добросовестностью, с какой она описывала симптомы заболевания, она сообщала и о каждой детали, которая могла бы дать врачу повод для благоприятного заключения.

«Вот так я и хватаюсь за любую соломинку. Конечно, очень хотелось бы пожить еще немного, дорогой доктор. Как это все-таки странно: чем больше дело идет к закату, тем меньше хочется расставаться с «земной юдолью».

Можно лишь догадываться, какие муки испытывала эта энергичная, деятельная и жезнерадостная женщина при

* Посмотрим.— *Ред*

мысли о том, что ей придется выйти из борьбы. И еще одно обстоятельство не давало ей покоя: 11 июля 1880 года длительная борьба демократической общественности Франции увенчалась успехом — была объявлена амнистия коммунарам. В этой связи со всей остротой встал вопрос о создании марксистской партии во Франции. Для Поля Лафарга и Шарля Лонге пришло время отправиться на родину. Женни, естественно, радовалась этой политической победе демократической Франции, знаменовавшей собой начало новой фазы борьбы французских рабочих. Однако ее угнетала предстоящая разлука с дочерьми. Кто знал, не будет ли это разлукой навсегда.

«Что в последнее время, пожалуй, отрицательно сказывается на состоянии моего здоровья,— писала она д-ру Флеклесу,— так это большая забота, которая тяготит нас, «стариков». Амнистия во Франции по всем предположениям означает для нас разлуку со всеми нашими детьми и внуками. Что же касается моего собственного переезда в Париж, то последнее вряд ли возможно ввиду моего нынешнего состояния. В прежние времена я быстро собрала бы свои пожитки и отправилась вслед за дорогими внуками. Теперь же старую машину завести уже нелегко».

Женни с поразительным мужеством переносила выпавшие на ее долю страдания. Вплоть до последней, самой мучительной стадии болезни она оставалась женщиной, проявлявшей самый живой интерес к событиям политической и культурной жизни, оставалась милой собеседницей. Из Манчестера, где в 1878 году она впервые обратилась к д-ру Гумперту в связи с неэффективным лечением в Нейенаре, она писала мужу и дочери Элеоноре о душевных беседах за чашкой чаю с адвокатом Самюэлем Муром, старым другом семьи; о представлении в Королевском театре; о посещении иезуитской церкви, где она слушала музыку; о концерте оркестра Hallé, исполнявшего новую для того времени музыку Рихарда Вагнера.

Вплоть до 1881 года она принимала в своем доме гостей, причем не только таких редких, как Бебель и Бернштейн, но и всех других, в том числе и молодых друзей дочери Элеоноры, всегда оставаясь при этом радушной хозяйкой. Даже летом 1879 года она, если позволяло самочувствие, несколько раз на неделе бывала в театре.

Однако в последние месяцы 1881 года она практически уже не вставала с постели. В конце 1881 года заболел и Карл Маркс.

«Осенью 1881 г.,— пишет Элеонора Маркс-Эвелинг Вильгельму Либкнехту,— когда наша дорогая мамочка была уже настолько больна, что лишь изредка вставала со своего ложа страданий, Мавр подхватил тяжелое воспаление легких, принявшее опасный оборот потому, что он всегда запускать свои болезни. Врач (наш добрый друг Донкин) считал его почти безнадежным. Это было ужасное время. В первой большой комнате лежала наша мамочка, в маленькой комнате, рядом, помещался Мавр. Два эти человека, так привыкшие друг к другу, так тесно сросшиеся один с другим, не могли быть вместе в одной комнате.

Наша добрая старая Ленхен (ты знаешь, кем она была для нас) и я превратились в сиделок. Врач говорил, что своими заботами мы спасли Мавра. Как бы там ни было, я знаю только, что ни Елена (Ленхен), ни я ни разу не легли спать в течение трех недель. День и ночь мы были на ногах, а когда уж слишком уставали, то ложились поочередно на часок.

Мавр еще раз одолел болезнь. Никогда не забуду я то утро, когда он почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы пройти в комнату мамочки. Вместе они снова помолодели — это были любящая девушка и влюбленный юноша, вступающие вместе в жизнь, а не надломленный болезнью старик и умирающая старая женщина, навеки прощавшиеся друг с другом»⁴.

Вся семья очень переживала болезнь Женни, и больше

всех, конечно, Карл Маркс. В письме к Фридриху Адольфу Зорге он писал, что горе, которое он испытывает при мысли о страданиях жены, крайне подрывает его работоспособность. Карл Маркс и дочери с самоотверженной любовью ухаживали за больной. Женни и Лаура несколько раз откладывали свой отъезд в Париж, чтобы подольше побыть с матерью. Женни Лонге отправилась во Францию лишь в феврале 1881 года, а Лаура оставалась в Англии до самой смерти матери.

Тоска Женни Маркс по старшей дочери была столь велика, что незадолго до смерти она вместе с мужем и Еленой Демут еще раз съездила во Францию, где жила в доме своей дочери Женни в местечке Аржантёй недалеко от Парижа с конца июля до середины августа. При том состоянии, в котором она находилась, это была рискованная поездка. Но так как все равно никакой надежды на исцеление уже не было, врач разрешил близким Женни исполнить это ее последнее желание.

Путешествие прошло лучше, чем можно было ожидать. Французский врач дал Женни болеутоляющее средство на основе опия, и она почувствовала себя после этого настолько хорошо, что — как сообщал Маркс Энгельсу — вставала иногда в 11 часов утра, чтобы побыть вместе с дочерью Женни и ее детьми. В один погожий день Маркс вывез ее в Париж. Они катались в открытом экипаже по улицам и, пользуясь хорошей погодой, отдыхали на террасах кафе, расположенных на Бульварах.

Их верный друг Энгельс с большим беспокойством и участием следил за этой поездкой, стараясь доставить Женни какую-нибудь радость в последние дни ее жизни. «Чековая книжка здесь со мною, — писал он Марксу из Йоркшира, где он тогда находился на отдыхе, — если тебе что-нибудь нужно, не стесняйся и укажи сумму, какая приблизительно нужна тебе. Твою жену не следует урезать ни в чем; она должна иметь все, чего ей захочется или что, по вашему мнению, доставляет ей удовольствие»⁵.

Кажущееся улучшение в состоянии Женни не могло обмануть Маркса. Он знал, что катастрофа может произойти в любой день, и настаивал на возвращении домой. Женни со своей стороны все откладывала расставание с дочерью и внуками, ибо отдавала себе отчет в том, что видятся они в последний раз.

Сообщение о болезни Элеоноры заставило Маркса срочно выехать в Лондон, его жена отправилась за ним в сопровождении Елены Демут.

Наступили последние месяцы жизни Женни Маркс, наполненные страшными мучениями. Как сообщает Поль Лафарг, Карл Маркс в это время не мог продолжать обычных научных занятий, столь велики были его переживания. Чтобы как-то отвлечься от тяжелого состояния, он начал писать работу, посвященную некоторой математической проблеме.

Как это ни парадоксально, но именно Женни, наперекор всем страданиям, утешала своих близких.

«Она умирала на протяжении долгих месяцев,— писала Элеонора Вильгельму Либкнехту,— и вытерпела все ужасные мучения, которые несет с собою рак. И все же ее обычное хорошее настроение, ее неистощимый юмор, который тебе достаточно знаком, не покидали ее ни на минуту. С детским нетерпением справлялась она о ходе тогдашних выборов в Германии (1881 г.) и как ликовала по поводу наших побед! До самой смерти она была бодра и старалась шутками рассеять наши опасения. Она, так жестоко страдавшая, шутила, *смеялась* — смеялась над нами и над врачом, потому что уж очень серьезными мы были тогда. Почти до последнего момента она была в полном сознании, и, когда больше уже не могла говорить,— ее последние слова были обращены к «Карлу» — она пожимала нам руки и пыталась улыбаться».⁶

2 декабря 1881 года Женни Маркс скончалась.

Женни Лонге писала своему отцу:

«Еще на прошлой неделе я получила от мамы письмо,

написанное красивым, четким, твердым почерком, и каждое слово свидетельствовало о ясности ума и доброте ее сердца, которое не смогла ожесточить даже эта страшная болезнь... Не могу примириться с мыслью о том, что болезнь привела к преждевременной смерти человека, который так умел радоваться жизни...

Смерть Женни тяжким горем обрушилась на Карла Маркса.

«Когда приехал наш дорогой Генерал (Энгельс), — рассказывает Элеонора Маркс-Эвелинг, — он сказал — и это меня тогда почти ожесточило против него:

«Мавр тоже умер».

Это действительно так и было.

С жизнью мамочки ушла и жизнь Мавра. Он упорно боролся со своими недугами — он ведь до конца был борцом, — но он был сломлен»⁷.

Вместе с Карлом Марксом и его близкими о смерти Женни скорбели рабочие. Парижская «Жюстис» и «Социал-демократ» поместили подробные некрологи. Причем для «Социал-демократа» некролог написал Фридрих Энгельс. Карл Маркс получал множество писем с выражением соболезнования. «...Все восхваляют Мемхен, — писал Маркс дочери Женни, — и проникнуты такой искренностью, такой глубокой симпатией, как это редко бывает в подобных случаях, обычно являющихся лишь соблюдением условностей. Я объясняю это тем, что в ней все было естественно и правдиво, просто, без всякой фальши; отсюда и впечатление, которое она производила на людей, — бодрое и жизнерадостное»⁸.

Женни Маркс была похоронена 5 декабря 1881 года на Хайгетском кладбище. Рядом покоятся Карл Маркс, внук Гарри Лонге и Елена Демут.

Прощальное слово над могилой старого друга и соратника произнес Фридрих Энгельс.

Ниже приводим текст некролога, написанного им для газеты «Социал-демократ».

«Женни Маркс, урожденная фон Вестфален»

Еще одну жертву выхватила смерть из рядов старой гвардии пролетарского, революционного социализма.

2 декабря сего года умерла в Лондоне после продолжительной мучительной болезни супруга Карла Маркса.

Она родилась в Зальцведеле. Отец ее, переведенный вскоре после этого в Трир в качестве регирунгсрата, близко сошелся там с семьей Маркс. Дети росли вместе. Две высокоодаренные натуры сблизились. Когда Маркс поступил в университет, было уже решено, что их будущая судьба нераздельна.

В 1843 г., после запрещения первой «*Rheinische Zeitung*», редактором которой некоторое время был Маркс, состоялась их свадьба. С тех пор Женни Маркс не только разделяла участь, труды, борьбу своего мужа, но и сама принимала в них участие с величайшей сознательностью и с пламенной страстью.

Молодая чета отправилась в Париж, в добровольное изгнание, которое, однако, очень скоро превратилось в настоящее. Прусское правительство и там преследовало Маркса. Александр фон Гумбольдт унижился до того, что помог выхлопотать приказ о высылке Маркса. Семье пришлось переехать в Брюссель.

Наступила февральская революция. Во время волнений, разразившихся вслед за ней в Брюсселе, был арестован не только Маркс; бельгийская полиция не постеснялась без всякого повода бросить в тюрьму и его жену.

Революционный подъем 1848 г. уже в следующем году прекратился. Новое изгнание, сначала в Париж, затем, вследствие нового вмешательства французского правительства, — в Лондон. И на этот раз для Женни Маркс это было действительным изгнанием, со всеми его ужасами. Материальную нужду, из-за которой сошли в могилу два ее мальчика и одна девочка, она все же преодолела бы. Но когда правительство в союзе с буржуазной оппозицией, от вуль-

гарно-либеральной до демократической, составили большой заговор против ее мужа; когда они обливали Маркса потоками самой подлой, самой гнусной клеветы; когда вся печать оказалась для него закрытой и все пути самозащиты были для него отрезаны; когда он очутился вдруг безоружным перед лицом своих врагов, которых и он и она могли лишь презирать,— это нанесло ей глубокую рану. А это продолжалось очень долго.

Но не бесконечно. Европейский пролетариат снова добился таких условий существования, при которых он мог действовать до известной степени самостоятельно. Был основан Интернационал. Страна за страной охватывались классовой борьбой пролетариата, и ее муж был самым передовым из передовых борцов. Тогда наступила для нее пора, искупившая ее жестокие страдания. Она дожила до того момента, когда ложь и клевета, возводившиеся на Маркса, развеялись в прах; когда его учение, для подавления которого все реакционные партии, как феодалы так и демократы, приложили такие чудовищные усилия,— проповедовалось теперь во всеуслышание во всех цивилизованных странах и на всех культурных языках. Она дожила до того момента, когда пролетарское движение, с которым она срослась всем своим существом, стало потрясать до основания старый мир, от России до Америки, и, сокрушая всякое сопротивление, все более и более уверенное в победе, прокладывало себе путь вперед. *И одной из последних ее радостей было еще то очевидное доказательство неистощимой жизненной силы, которое дали наши немецкие рабочие на последних выборах в рейхстаг.*

То, что эта женщина, со столь острым критическим умом, с таким политическим тактом, с такой энергией и страстностью характера, с такой преданностью своим товарищам по борьбе, сделала для движения в течение почти сорока лет,— это не стало достоянием общественности, об этом не упоминается в летописях современной печати. Это каждый должен был пережить лично. Но я уверен: жены

изгнанников-коммунаров часто еще будут вспоминать о ней, а наш брат часто будет чувствовать, как недостает нам ее смелого и благоразумного совета — смелого без бахвальства, благоразумного без малейших уступок в вопросах чести.

Лондон, 4 декабря 1881 г.

*Фридрих Энгельс»*⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

КАРЛ И ЖЕННИ МАРКС

- ¹ См.: *Дорнеман Л.* Женни Маркс. М., 1961, с. 6.
² См.: *Меринг Ф.* Карл Маркс. История его жизни. М., 1957, с. 26.
³ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1983, ч. 1, с. 113—114.

ЮНОСТЬ

- ¹ См.: *Виноградская П. С.* Женни Маркс. М., 1978, с. 18—19.
² Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 110.
³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 30, с. 531.
⁴ Там же, т. 40, с. 7.

НЕВЕСТА

- ¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 40, с. 9.
² Там же, с. 383.
³ Там же, с. 617.
⁴ Там же, с. 615—616.
⁵ Там же, с. 632.
⁶ Там же, с. 372—373.
⁷ См.: *Виноградская П. С.* Женни Маркс, с. 37.
⁸ *Lucas B.* Ein Erinnerungsblatt aus London.— *Leipziger Sonntagsblatt*, 1862, 11. September.
⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 40, с. 648—649.
¹⁰ Там же, т. 3, с. 4.
¹¹ Там же, т. 40, с. 656.
¹² Там же, с. 655.
¹³ См.: *Виноградская П. С.* Женни Маркс, с. 51.
¹⁴ См.: *Немецкая поэзия революции 1848 года.* М., 1948, с. 51.
¹⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 374.

МОЛОДАЯ СОРАТНИЦА

- ¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 40, с. 659, 658, 659—660.
- ² Там же, т. 19, с. 302.
- ³ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 270.
- ⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 377.
- ⁵ *Гейне Г.* Собр. соч. М., 1957, т. 2, с. 269.
- ⁶ *Victor W. Marx und Heine.* Berlin, 1952, S. 38.
- ⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 443—444.
- ⁸ Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835—1871 гг. М., 1983, с. 95, 97.
- ⁹ Там же, с. 99—100.
- ¹⁰ Там же, с. 96, 97.
- ¹¹ Там же, с. 95.
- ¹² Там же, с. 98.

ВМЕСТЕ С РАБОЧИМ КЛАССОМ

- ¹ *Marx, Engels. Gesamtausgabe (MEGA).* 1932, Bd. 5, S. 549.
- ² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 20—21.
- ³ Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835—1871 гг., с. 105.
- ⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 27.
- ⁵ Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835—1871 гг., с. 103.
- ⁶ Там же, с. 104—105.
- ⁷ Там же, с. 108.
- ⁸ *Фрейлиграт Ф.* Избранные произведения. М., 1956, с. 153.
- ⁹ *Веерт Г.* Избранные произведения. М., 1953, с. 48.
- ¹⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 57.
- ¹¹ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 86.
- ¹² Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835—1871 гг., с. 95.
- ¹³ *Marx, Engels. Jahrbuch.* Berlin, 1979, Bd. 2, S. 242.
- ¹⁴ Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835—1871 гг., с. 107.
- ¹⁵ Там же, с. 107—108.
- ¹⁶ Там же, с. 104.
- ¹⁷ *Born Stephan.* Erinnerungen eines Achtundvierzigers. Leipzig, 1928, S. 96—97.
- ¹⁸ *Deutsche-Brüsseler Zeitung,* 1847, 30. Dezember.
- ¹⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 423.
- ²⁰ Там же, с. 424.
- ²¹ Там же, с. 435.

В РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

- ¹ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 86—87.
- ² Гервег Г. Избранное. М., 1958, с. 185.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 526—527.
- ⁴ Там же, т. 5, с. 141—142.
- ⁵ Фрейлиграт Ф. Избранные произведения, с. 195—196.
- Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 87.
- См.: Виноградская П. С. Женни Маркс, с. 103.
- ⁸ См. там же, с. 104.

«Я НЕ... ТЕРЯЛА МУЖЕСТВО»

- ¹ См.: Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 90.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 529, 530, 531, 532—533.
- ³ См.: Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835—1871 гг., с. 116.
- ⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 570.
- ⁵ Там же, т. 27, с. 136.
- ⁶ Там же, с. 136—137.
- Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835—1871 гг., с. 117—118.
- ⁸ Там же, с. 118.
- ⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 106—107.
- ¹⁰ Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835—1871 гг., с. 135—136.
- ¹¹ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 91, 93.
- ¹² Там же, с. 94—95.
- ¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 369.
- ¹⁴ Там же, с. 370.
- ¹⁵ Там же, с. 370—371.
- ¹⁶ Там же, с. 371.
- ¹⁷ Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835—1871 гг., с. 139.
- ¹⁸ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 92.
- ¹⁹ Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835—1871 гг., с. 136.
- ²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 247—248.
- ²¹ Там же, с. 85.
- ²² См.: Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 153.
- ²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 246.
- ²⁴ Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835—1871 гг., с. 191.
- ²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 534.

- ²⁶ Там же, т. 27, с. 293.
- ²⁷ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 92.
- ²⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 542—544.
- ²⁹ Там же, с. 546.
- ³⁰ Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835—1871 гг., с. 177—178.
- ³¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, с. 249.
- ³² Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 95—96.
- ³³ См. там же, с. 98.
- ³⁴ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, с. 252.
- ³⁵ Там же, с. 252—253.
- ³⁶ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 99.
- ³⁷ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, с. 251—252.
- ³⁸ Там же, с. 253.
- ³⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 31, с. 436.
- ⁴⁰ Там же, т. 30, с. 257.
- ⁴¹ Там же, с. 259.
- ⁴² Там же, с. 261.
- ⁴³ Там же, с. 257—258.
- ⁴⁴ Там же, с. 260.
- ⁴⁵ Там же, с. 540—543.
- ⁴⁶ Там же, с. 544.

ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА И СОЛИДАРНОСТЬ

- ¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 432—436.
- ² Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 114.
- ³ Там же, с. 109.
- ⁴ Там же, с. 108—110.
- ⁵ Там же, с. 110—111.
- ⁶ Там же, с. 112—113.
- ⁷ Там же, с. 111—112.
- ⁸ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, с. 249—251.
- ⁹ *Дорнеман Л.* Женни Маркс, с. 115—116.
- ¹⁰ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 244.
- ¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 34, с. 392.
- ¹² Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 288.
- ¹³ Там же, с. 288.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же, с. 238—239.
- ¹⁶ Там же, с. 154—155.
- ¹⁷ Там же, с. 155.
- ¹⁸ Там же, с. 288.
- ¹⁹ См. там же, с. 183.

- ²⁰ См. там же.
²¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, с. 191.
²² Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 219—220.
²³ Там же, с. 235—236.
²⁴ Там же, с. 234—235.
²⁵ Там же, с. 328.
²⁶ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 34, с. 389—390.
²⁷ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 239—243.
²⁸ Там же, с. 155—157.
²⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 455—456.
³⁰ Там же, т. 30, с. 457.
³¹ Там же, т. 32, с. 590—591.
³² Там же, с. 597—598.

УЧЕНИЕ МАРКСА НАЧИНАЕТ ЗАВОЕВЫВАТЬ МИР

- ¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 49.
² Там же, с. 49.
³ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 141.
⁴ Там же, с. 104.
⁵ Там же.
⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 591.
⁷ Там же, с. 588.
⁸ Там же, с. 588—589.

О ГЕРМАНИЯ, МОЯ ДАЛЕКАЯ ЛЮБОВЬ

- ¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 170.
² Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 104—105.
³ Там же, с. 106.
⁴ Там же, с. 105.
⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 31, с. 493.
⁶ Там же, с. 498.
⁷ Цит. по: *Дорнеман Л.* Женни Маркс, с. 137.
⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 31, с. 251.
⁹ Там же, с. 500.
¹⁰ Там же.

И СНОВА БУРЯ

- ¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 2.
² Там же, с. 4.

- ³ Там же, с. 3—4.
⁴ Там же, т. 33, с. 547—548.
⁵ Там же, с. 550.
⁶ Там же, с. 548.
⁷ Там же, с. 549—550.
⁸ Там же, с. 553.
⁹ Там же, с. 557.
¹⁰ Там же, с. 552—553.
¹¹ Там же, т. 17, с. 366—367.
¹² Там же, т. 33, с. 571.
¹³ Там же.
¹⁴ Там же, с. 249—250.
¹⁵ Там же, с. 570.
¹⁶ Там же, с. 570—571.
¹⁷ Там же, с. 570.
¹⁸ Там же.
¹⁹ Там же.
²⁰ Там же, т. 18, с. 153.
²¹ Там же, с. 155.

ГОДЫ ЗАТИШЬЯ

- ¹ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 131.
² Там же, с. 131—132.
³ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. XXIV, с. 461.
⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 34, с. 393—394.
⁵ Там же, с. 393.
⁶ Там же, с. 394.
⁷ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1983, ч. 2, с. 35—36.
⁸ Там же, с. 37.
⁹ Там же, с. 30.
¹⁰ Там же, с. 37.
¹¹ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 454.
¹² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 34, с. 387.
¹³ Там же, с. 69.
¹⁴ Там же, с. 115.
¹⁵ *Blos Wilhelm.* Denkwürdigkeiten eines Sozialdemokraten. München, 1914.
¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 34, с. 393.
¹⁷ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 321—322.

УЙТИ НЕПОБЕЖДЕННОЙ

- ¹ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. XXIV, с. 492.
² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 34, с. 264.
³ Там же, с. 335.

- ⁴ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 270—271.
- ⁵ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. XXIV, с. 522.
- ⁶ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 272—273.
- ⁷ Там же, с. 271.
- ⁸ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 35, с. 204.
- ⁹ Там же, т. 19, с. 300—301.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие .	5
Предисловие к пятому немецкому изданию .	8
Предисловие к седьмому немецкому изданию .	9
КАРЛ И ЖЕННИ МАРКС .	10
юность	13
Семья фон Вестфален .	—
В доме тайного советника в Зальцведеде .	17
Детство .	20
Царица балов .	26
Идеи свободы .	29
НЕВЕСТА	32
Тайная помолвка	—
Молодой революционер	36
Время ожиданий .	38
«Политика — это опаснее всего» .	45
МОЛОДАЯ СОРАТНИЦА .	54
Свадьба .	—
В Париже «короля-буржуа» .	58
Гервег и Гейне	61
По новому пути .	64
Первый ребенок .	68
ВМЕСТЕ С РАБОЧИМ КЛАССОМ	74
В Брюсселе	—
Приезд Фридриха Энгельса .	77

Совместная борьба .	83
Новые друзья и соратники .	86
Первая партия рабочего класса .	97
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» .	101
В РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА .	107
Набатный колокол свободы .	—
Под трехцветным флагом	111
Снова на родине	116
«Новая Рейнская газета» .	120
В революционном Кёльне .	124
Против контрреволюции .	127
Знаменитый последний номер .	136
«Мне здесь живется нелегко» .	140
Новое изгнание .	143
«Я НЕ... ТЕРЯЛА МУЖЕСТВО» .	146
Наперекор всему	—
Героическое решение	152
Новое прибежище .	155
Среди английских рабочих .	158
Горькая нужда и лающая свора .	163
«Как велика была моя скорбь!» .	167
«...от секретаря, супруги Маркса» .	172
«...переписывала столько, что пальцы онемели» .	179
Домашний очаг	187
«Госпожа Маркс... у Вас оспа» .	193
Смерть Лупуса	196
ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА И СОЛИДАРНОСТЬ .	204
Мавр, Мэмэ и их дети .	—
Рассказ о Ними .	222
Источник силы и убежище для товарищей .	228
Лучший друг семьи .	238
УЧЕНИЕ МАРКСА НАЧИНАЕТ ЗАВОЕВЫВАТЬ МИР .	244
День радости .	—
Интернационал крепнет	247

Дом на Модена-виллас .	252
Сестра и брат .	254
Центр международного рабочего движения .	256
Новые друзья .	258
На стороне ирландских борцов за свободу .	261
О ГЕРМАНИЯ, МОЯ ДАЛЕКАЯ ЛЮБОВЬ .	264
За счастье родины	—
Женни Маркс о Фердинанде Лассале	267
Создание революционной марксистской рабочей партии в Германии .	270
Эйзенахцы . .	273
Первый том «Капитала»	275
И СНОВА БУРЯ .	279
«Эта ужасная война»	—
На стороне коммунаров	286
Коммуна побеждена, но двери в будущее распахнуты .	294
Преследования	300
«С Интернационалом воспрянет род людской» .	303
За руководящую роль партии	307
Гаагская победа .	311
ГОДЫ ЗАТИШЬЯ	315
Семья и друзья	—
Корреспондентка «Франкфуртер цайтунг» .	325
Дружба с русскими революционерами	332
Вместе с партией Августа Бебеля .	338
УЙТИ НЕПОБЕЖДЕННОЙ	347
ПРИМЕЧАНИЯ .	357

Д68

Дорнеман Л.

Женни Маркс: Пер. с нем.— М.: Политиздат, 1988.— 366 с., ил.

ISBN 5—250—00122—X

Книга немецкой писательницы Л. Дорнеман повествует о жизненном пути жены, друга и помощника Карла Маркса Женни Маркс, которая была его верной соратницей в борьбе за дело рабочего класса. Вместе с мужем она переносила все лишения эмигрантской жизни, преследования, которым подвергалась их семья со стороны реакции. Биография Женни Маркс излагается в тесной связи с рассказом о жизни и революционной деятельности К. Маркса и с описанием важнейших событий в истории международного рабочего движения. Перед читателями проходят картины жизни семьи К. Маркса, его поистине титанического труда в области теории, политики и по организации рабочего класса, встают образы его друзей и сподвижников, прежде всего Ф. Энгельса.

Книга написана в художественно-документальной форме, иллюстрирована и рассчитана на широкие круги читателей.

Д $\frac{0103010000-195}{079(02)-88}$ 63—87

ББК 13.2

Луиза Дорнеман

Женни Маркс

Перевод на русский язык
А. Е. Бугорина, И. П. Шматова

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *Л. С. Орлова*
Младший редактор *Т. В. Гуничева*
Художник *В. М. Аникеев*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Т. А. Новикова*

ИБ № 5678

Сдано в набор 30.09.87. Подписано в печать 08.02.88.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. в переплете 18,20; в обложке 17,85. Уч.-изд. л. 17,37.
Тираж 300 000 (100 001—300 000) экз. Заказ № 3548. Цена в переплете 90 коп.,
в обложке 75 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

